

УДК 94 ББК 63.3(0) Г27

Серия «Классическая мысль»

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Подписано в печать 26.08.03. Формат 70х90 1/16. Усл. печ. л. 15,08. Тираж 5000 экз. Заказ № 57К

Геблер К.

Г27 История человечества: Америка после открытия Колумба / К. Геблер. — СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. — 412, [4] с.: ил. — (Классическая мысль).

ISBN 5-89173-227-0

Книга представляет собой обзор истории Америки с открытия ее Колумбом до начала XX века. Методология автора строится на базе антропогеографии и этнографии, что представляет особый интерес.

Издание предназначено студентам гуманитарных факультетов и всем интересующимся историей Америки.

УДК 94 ББК 63.3(0)

© ООО «Издательство «Полигон», 2003

Открытие и завоевание Америки ХРИСТОФОР КОЛУМБ

Морской путь в Индию

В ТЕХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ, которые существовали в XV веке относительно очертания земной поверхности, не оставалось уже места для новой части света. Правда, в ученых кругах тогда перестали сопротивляться учению о шаровидной форме Земли. Но в народ оно едва только начало проникать, а множество других ошибочных воззрений было одинаково распространено и в ученых, и в неученых сферах. Книга Пьера д'Алли (Petrus de Alliaco: «Imago Muldi») все еще служила катехизисом географических знаний, и с нею не в состоянии было состязаться ни одно из более новых сочинений по этому предмету. Вместе с тем и самый интерес к географии был долгое время очень ограничен. Схематическая ученость с ее

конструктивным методом испытывала такое полное самоудовлетворение, что не считала даже достойным труда изучать лежащее за пределами ее. Но от нее исходил также импульс, который в конце концов привел к тому, что человечеству сделался известным обитаемый им земной шар во всей его совокупности.

Даже Крестовые походы, которые бесспорно дали значительный толчок к расширению знакомства с землею и обитателями ее, в общем все-таки вращались в пределах света, известного уже из преданий древности. Они способствовали, конечно, освежению этих знаний, там и сям вновь укрепили нити, порванные событиями промежуточных веков, но существенного и непосредственного обогащения географических знаний они не принесли.

Впрочем, Крестовые походы косв[^]ощ[^]врцвелн к этой цели путем более тесных соприкоснуо[^] между христианскими и мусульманскими культурны![^] кругами. Учение Магомета уже в то время распростр[^]йилось за пределы света, известного древним. Вызванною религиозными предписаниями оживленные отношения между священным городом Меккой и всеми страйваш, где жили приверженцы Магомета, обогатили прежде всего географические познания арабов; через них эти знания распространились в Старом Свете и дали толчок к первым путешествиям, совершенным предприимчивыми итальянскими купцами вроде Николо де Конти, Марко Поло и др., вплоть до Дальнего Востока, Вест[^] о неисчерпаемых богатствах и красотах Крайнего Востока, в царстве великого хана, в городе Катае и на острове Сипангу, т. е. в Китае и Японии, очевидцами которых были сами путешественники или о которых рассказывали со слов очевидцев, породила прежде всего в среде торгового сословия мощный импульс к расширению своих знаний, предприятий и торговых дел. Импульс этот не ограничивался их кругом. Более тесные отношения с Востоком показали, что христианство проникло дальше, чем думали прежде. Вместо легендарных рассказов о путешествиях апостола Фомы, который будто бы проповедовал Евангелие язычникам на Дальнем Востоке, появились сведения о христианском государстве первосвященника Иоанна, которое по ту сторону великой пустыни, замыкавшей древний культурный мир, жило уединенно, но счастливой и блестящей жизнью. Желание восстановить связь с этими дальними единоверцами и с их помощью открыть новые пути для Евангелия, терпевшего в Старом Свете все новые поражения, сочеталось с жаждой искателей приключений и торговцев найти сказочные сокровища Востока. Из этих элементов возникли первые попытки открытия пути в Индию. Главными носителями этих идей были итальянцы, но политическое раздробление их отечества делало Италию неспособной к крупным предприятиям в этом направлении. Такой центр образовался под влиянием благоприятных случайных обстоятельств в маленькой Португалии. Это королевство, совершенно отрезанное от материка испанскими государствами, самой природой и политической необходимостью вынуждено было обратить свои взоры к морю. Многочисленная колония иностранцев, между которыми особенно много было итальянцев, оживляла еще более дух предприимчивости, присущей португальцам, и служила как бы посредником между ними и остальным обширным миром. В силу счастливого стечения обстоятельств в лице инфанта Генриха, которому потомство дало название Мореплавателя, хотя он едва ли когда-нибудь вступал на корабль, явилась личность, внесшая организацию и единство в стремления христианства обрести новые области и способствовавшая Старому Свету вступить в непосредственную связь со сказочным Востоком. Первоначально путешествия португальских кораблей с целью открытий связаны были только с жертвами и представляли не более чем теоретический интерес. Тем не менее под влиянием все того же импульса, данного Генрихом, и в направлении им указанном, эти корабли проникали все дальше и дальше вдоль африканского побережья. Впереди у них мелькала определенная цель — найти путь к богатствам Индии и в страну первосвященника Иоанна. Правда, конечная цель их была достигнута уже тогда, когда перед изумленными взорами Колумба и его спутников выступила из глубины атлантического океана новая часть света. Тем не менее деяние Колумба сделалось возможным только благодаря их предприятиям.

Юность Колумба

Cristoforo Colombo, или, будем называть его более общепринятым именем, Христофор Колумб (см. портрет на с. 6), родился около 1447 года. Он был сын ткача шерстяных материй и трактирщика Доменика Коломбо и жены его Сусанны Фонтанаросса. Отец Колумба неоднократно переносил свое место жительства из Генуи в Саво-

Христофор Колумб

ну и обратно, так что невозможно с точностью установить, где собственно родился Христофор. При случае он называл своей родиной и тот, и другой город, хотя и не утверждал, что именно там родился. Но целый ряд других мест, присваивающих себе право считать Колумба в числе своих сограждан, не имеют для :>того никакого основания. Христофор был старший из пятерых детей До-меника; три брата и одна сестра родились после него. Генуэзские ткачи шерстяных материй имели собственную цеховую школу, и Христофор Колумб посещал ее, но, конечно, высшего образования там не получил. Всеми знаниями, которые он приобрел с годами, а знал он немало для того времени, он был обязан своей светлой голове и необычайной энергии. Рано пришлось ему сделаться помощником отца в его ремесле, хотя мальчик не имел ни малейшей склонности к нему. Правда, он настоял на том, что совершил несколько поездок на купеческом судне, но по возвращении домой вынужден был опять

приняться за свое ремесло. Во всяком случае до 25 лет он был связан этим ремеслом. Но с 1474 года он исчезает из Генуи. Когда же спустя два года он снова появляется в Лиссабоне, то мы видим его уже настоящим моряком, который старательно стремится скрыть, что когда-либо был кем-нибудь иным. Колумб не был великим умом, который, в полном сознании своего значения, мог бы с чувством спокойствия и удовлетворения окинуть взором свое прошлое. Подобно многим из современных ему соотечественников, он представлял собой искателя приключений, в котором значительная доля самодовольства и хвастовства соединялась с ловкостью и энергией. Из такого сочетания в сотнях случаев выходит шарлатан, и лишь в виде крайне редкого исключения создается дельная личность. Он стыдился своего низкого происхождения и своего скромного ремесла: если верить его собственным словам, то он был благородной крови и смолоду служил моряком. Но так как мы в состоянии доказать, что это неправда, то имеем право усомниться в его морских подвигах. Можно, впрочем, верить ему, что он проплыл по Средиземному морю до Леванта, что он познакомился с гаванями Атлантического океана, начиная от Англии на севере и до берегов Гвинеи, которыми оканчивались плаванья португальцев. По-видимому, он не всегда плавал в качестве мирного торговца. Он совершил также каперское плавание на службе короля Рене. Это случилось приблизительно в 1472 году, когда Рене поддержал восставших барселонцев. К португальскому берегу он прибыл в 1476 году по случаю ожесточенной борьбы, которую пришлось выдержать венецианским путешественником во Фландрию с кораблями страшного французского пирата Куллона. Но его деятельность в качестве моряка не могла долго продолжаться и ничем не выдавалась: в биографии его, прослеженной с достаточной достоверностью, не оказывается времени для этого; знания же его не были настолько основательными, чтобы можно было предположить долгую и серьезную подготовку.

В Португалии Колумб провел много лет в мирной обстановке. Там он женился на Фелипе Монис, в килах которой текла итальянская кровь, кровь знаменитого моряка Пестрелло. Этот брак, быть может, не остался без влияния на ход дальнейшей его жизни. В Португалии у Колумба созрел план западного путешествия в Индию. В этом отношении для него могли оказаться полезными материалы и связи, которые он мог приобрести через посредство родственников жены. Мнение, будто все открытие новой части света на западе досталось ему в виде тайны одного, возвращавшегося домой и находившегося при смерти моряка, в то время как Колумб гостил на Азорских островах, в доме своей тещи, — это мнение представляет столь нелепую сказку, что можно лишь удивиться, что она так долго держалась. План мог созреть у Колумба и помимо того. Мысль о возможности достижения Индии кратчайшим путем, если идти прямо на запад, все более укреплялась в уме португальских мореплавателей, по мере того как африканский материк, ими открываемый, растягивался все далее и далее к югу, что побудило их отклониться от восточного пути. Серьезное и основательное обсуждение практической выполнимости западного пути в Индию впервые выступало на очередь в этих сферах. Не довольствуясь рассказами португальских моряков и ученых, стали собирать также мнения по этому предмету иностранных знаменитостей в области космографии.

Паоло Тоскавелли

Когда духовник португальского короля Ферма Мартине обратился однажды с таким вопросом к знаменитому флорентийскому врачу и космографу Паоло дель Поццо Тосканелли (см. портрет на с. 10), то последний в длинном письме изложил ему выполнимость западного путешествия в Азию. При этом он для

пояснения, вероятно, в первый раз нарисовал карту той части земли, которая не была еще исследована и которую надлежало раскрыть путешествием на запад. Это письмо и приложенная к нему карта впоследствии попали в руки Колумба, по-видимому, незаконным путем. Таким образом, Тосканелли является духовным инициатором открытия Америки. Конечно, он столь же мало подозревал, как и Колумб, к каким результатам приведут его указания, но если принять во внимание, что Колумб почти с рабскою точностью держался во время своего путешествия карты и указаний Тосканелли, то нельзя не согласиться, что последнему принадлежит весьма существенная роль в разрешении проблемы западного пути. И эта роль тем важнее, что он не является, подобно Колумбу, авантюристом, который руководился частью плохо переваренными понятиями, частью фаталистическими воззрениями, решившись Поставить на карту ради безумной идеи потерянную жизнь. Здесь перед нами результат твердо обоснованного и тщательного научного исследования, которое оказалось, правда, не чуждым ошибок, но все-таки исходило из совершенно верных принципов. Весь план Колумба вообще возник лишь после того, как он познакомился с доводами Тосканелли и усвоил себе его взгляды.

Уже из этой истории происхождения плана видно, что в развитии идей Колумба не играли ни какой роли поездки исландцев и гренландцев на Северо-Американский материк. Правда, Колумб утверждал, что ему удалось проникнуть к северу на 100 миль по ту сторону Фулы; но, не говоря уже о том, что Фула представляет для XV века далеко не установленное географическое понятие, все описание его носит печать хвастливого вымысла. На дальнем севере, как известно, арктические острова образуют мост между старым и новым материками, и мы положительно знаем, что, независимо от открытия Колумба, по этому месту происходили сообщения между обитателями обеих частей света и с запада на восток и с востока на запад: эскимосы проникали до Гренландии, а исландские мореходы около 1000 года по Р. Х. были прибиты восточными ветрами к берегам Северной Америки. Лейф Эрикссон, а несколькими годами позже вдова его вместе с Торфинном Карлсеном основали на американской земле временные

Паоло Тосканелли

поселения северогерманских викингов, о которых сохранилось воспоминание в северных сагах. Эти поселения погибли, однако, уже через несколько лет вследствие неблагоприятных условий. Северные скальды не имели даже отдаленного представления о том, что Винландия и страна Гуитрамана, так называли они новооткрытые страны, представляют собой что-либо иное, чем простое продолжение цепи островов, которые тянутся от Исландии и Фарерских островов к Гренландии и дальше. Точно так же весть об этом, если она вообще дошла до ушей Колумба, не могла иметь никакого значения при составлении им плана путешествия к сокровищам Индии.

Несравненно большее значение не только для Колумба, но и для Совета, обсуждавшего по поручению португальского короля возможность западного пути, представляли рассказы моряков. Атлантический океан в различных местах выбрасывал на берега Старого Света

10

произведения, которые доказывали, что воды его омывали еще другую, совершенно отличную часть света. Из того факта, что эти вещи часто оказывались хорошо сохранившимися, заключали, что расстояние, отделяющее через океан восточный берег Азии — ничто другое не могли считать местом происхождения этих приносимых волнами предметов, — не очень велико и что преодолеть его вообще возможно. К такому же выводу приводили описания немногих путешественников, которым удавалось добираться до владений великого хана. Они частью умышленно преувеличивали расстояния, частью неумышленно, вследствие уклонения от прямого направления. В силу того пришли к убеждению, что расстояние от Европы сухим путем до Кинся и Цайтуна должно обнимать значительно более половины окружности земли. Отсюда следовало, что расстояние морем, которое должен был пройти западный путь, было значительно меньше половины. Главное затруднение заключалось в том, что большую часть этого пути, — и в действительности гораздо большую, чем тогда предполагали — приходилось пройти, не встречая суши. Правда, что раньше научились пересекать Средиземное море во всех направлениях, не принимая в соображение близости земли, но бассейн его был хорошо известен. Точно так же корабли, которые поддерживали сообщение стран

Средиземного моря с Францией, Англией и Германией, теряли иногда из вида материк на целые дни. В общем, однако, плавание по океану на всем протяжении от Гвинеи до Англии носило каботажный характер; моряк знал, что земля близко и что в случае грозящей опасности ему всегда легко будет добраться до нее. Можно убедиться, правда, рассматривая старые морские карты, что на Атлантическом океане намечено было множество более или менее обширных островов. Здесь мы встречаем Антилию как остаток материка, об исчезновении которого Платон рассказывает в «Тимее»; здесь же были и острова св. Брандана, острова Семи Городов и многое другое. Но хотя на картах все это выходило хорошо, моряки, пускавшиеся далеко в

11

открытый океан, видели только на дальнем горизонте туманные полосы земли, которая всегда рассеивалась при приближении к ним. Но то обстоятельство, что Колумб этим не смущался, что он пустился в безграничный океан сознательно, не встречая целыми неделями, а, быть может, месяцами, никакого материка, — это принадлежит лично ему во всем этом плане и заслуживает особенного признания и уважения.

Сколько правды в том, что Колумб в течение 14 лет настаивал перед королем Португалии на своем проекте западного пути, точно нельзя установить. Но не подлежит сомнению, что он вообще провел в Португалии не 14, а только 8 лет, и что в течение этого срока он долгое время не находился при дворе, а занимался другими делами. Собственно говоря, мы начинаем несколько ближе знакомиться и с самим Колумбом, и с его проектом лишь с того момента, как он покинул Португалию. Сделал он это не совсем добровольно, но после совершения какого-то преступления, за которое его ожидало серьезное наказание. Он бежал из страны, взяв с собой лишь четырехлетнего сына Диего и бросив жену и остальных детей на произвол судьбы. Какого рода была его вина, об этом не упоминается. Указывали на неудачные имущественные дела, на столкновение с королевскими чиновниками, но, по всей вероятности, неблагоприятный поступок Колумба имел, скорее, близкое отношение к его идее: это было незаконное присвоение письма и карты Тосканелли, т. е. материала, в котором он самым настоятельным образом нуждался для осуществления своего плана. В корреспонденции Тосканелли понятна и правильна лишь та часть, которая адресована к Фернанду Мартинсу; мнимое письмо к Колумбу, приложенное к ней, которое известно лишь в копии, сделанной Колумбом, содержит массу невероятных вещей, и поэтому-то "всегда так трудно было ориентироваться в этом вопросе. Но спрашивается: если Колумб отрекся от своих предков, от своего прошлого, если он изобрел для себя герб и родовитое происхождение, то почему он не мог сочинить так-

12

же приложение к письму, черновик которого, если верить Колумбу, Тосканелли сохранял годами, а затем имел неосторожность сохранить обращение и подпись, чего Колумб не сделал даже в своей фальсификации? Этим объясняется также чрезвычайно просто, почему король Иоанн так охотно разрешил ему вернуться и обещал безнаказанность, когда сделалось вероятным, что Испания намерена попытаться осуществить проект, с которым не посчастливилось морякам Иоанна.

План путешествия

В Испании Колумб также не сразу встретил открытое сочувствие его планам. Два или три года боролся он и в этой стране с неблагоприятными условиями, прежде чем ему удалось приобрести небольшое число доверчивых приверженцев, которых он убедил и которые помогли ему проложить путь к королю. В это время он поддерживал свое существование торговлей книгами и картами и при этом случае приобрел, вероятно, свою начитанность, которой впоследствии щеголял во всех своих сочинениях. Одно время его приковала к городу древних калифов интимная связь с одной кордоанкой, Беатрисой Энрикес; но он был столь же мало верен возлюбленной, сколь и супруге. О сыне, которого она ему подарила, Фернандо Колоне, он заботился в течение всей жизни; этот сын прославился впоследствии своими сочинениями и библиотекой, которая и теперь еще хранится в Севилье. О возлюбленной же подумал он лишь, вероятно, под влиянием угрызений совести перед лицом смерти, когда составлял духовное завещание. Дети не сопровождали Колумба во время его скитаний: маленький Диего был помещен в Уэльве у одного шурина, а Фернандо оставался первое время при матери. И только когда цель была достигнута и испанские правители привлечены были на сторону его открытия, дети Колумба были приняты на королевскую службу в качестве пажей и с тех пор разделяли все удачи и поражения отца.

13

Первыми убежденными приверженцами, которых Колумб расположил в пользу своих планов, были настоятель францисканского монастыря Ла-Рабида близ Уэль-вы, фрай Хуан Перес де Марчена и врач лежавшего поблизости городка Палоса Гарсиа Эрнандес. Оба они в часы досуга охотно занимались вопросами космографии. Когда Колумб после побега из Португалии искал убежища в монастыре, между этими лицами быстро возникла дружба, основанная на общих интересах, и эта дружба в последующие годы оказалась весьма ценной для Колумба. Пробыв недолго в монастыре, он отправился дальше, чтобы собственными силами проложить себе путь. Прошли, однако, годы, прежде чем вняли его планам, заключавшим в то время еще множество фантастических подробностей. Только в 1486 году сторону Колумба принял герцог Медина Сели и, по всей вероятности, он предоставил бы ему в родной гавани Пуэрто де Санта-Мария, близ Кадиса, корабль для плавания, если бы королева Изабелла, заинтересованная, по рассказам герцога, планами Колумба, не пригласила его ко двору. Нелегко было, конечно, Колумбу с его недостаточно обоснованными и научно не разработанными идеями предстать перед авторитетами духовной и светской учености,

которыми Федринад и Изабелла окружили себя при дворе. Почти общее мнение было, что это итальянский хвастун, и аргументы Колумба не были признаны убедительными ни в Кордове, ни в Саламанке, где он также должен был изложить свои планы перед ученым собранием. Ближайшая цель испанских правителей в то время заключалась в окончательном устранении последних остатков господства мавров на Иберийском полуострове, и эта задача требовала со стороны еще малоразвитого государства сосредоточения всех сил. Поэтому Колумбу оставалось удовлетвориться тем, что королева по крайней мере заинтересовалась его планами, обеспечила его на год деньгами, и предоставить дальнейшее движение их более благоприятному будущему.

14

Нетерпение Колумба было, однако, слишком велико, чтобы он мог ждать, и он уже принял решение идти дальше и предложить свои планы другим монархам. Но здесь стечение разных обстоятельств ускорило осуществление его желания, которое превратилось для него в настоящую *idée fixe*. Он снова остановился в монастыре Раби-да, решившись отправиться за сыном Диего, который во время его странствий оставался поблизости у шурина в Уэльве, и вместе с ним переселился во Францию. Однако друзья Колумба были так поражены и заинтересованы его планами, которые к тому же приняли более ясный и определенный характер в течение переговоров, что настоятель монастыря просил его не уезжать, пока он не сделает последней попытки в пользу Колумба. Брат Хуан Перес де Марчена был в прежние годы исповедником у королевы. Основываясь на этом, он решился еще раз горячо рекомендовать ей предприятие Колумба. Он застал королеву в лагере Санта-Фе у стен мавританской столицы Гранады в тот момент, когда ежедневно ждали падения этой последней вражеской твердыни. Этим должна была завершиться наконец великая жизненная задача испанского народа. Поэтому общее настроение должно было приподнять тон, и слова пастыря упали на благодарную почву. Колумб был еще раз приглашен ко двору, и ему было обещано, что с падением Гранады даны будут средства для осуществления его попытки. Он прибыл как нельзя более своевременно и был свидетелем, как снят был полумесяц с башен Альгамбры и над замком мавританских королей водрузился лучезарный крест.

Тем не менее в последнюю минуту еще раз грозила неудача. В голове Колумба планы приняли форму столь твердого убеждения, что этот авантюрист-пролетарий держал себя так, как будто он собирался подарить целое королевство. Он предъявлял требования, которые в случае осуществления его целей сделали бы его богаче самих правителей, от которых он теперь ждал подачки в несколько тысяч червонцев. Он не только пожелал иметь на все времена определенную долю в материальных вы-

15

годах, которые принесут с собой его открытия, но требовал также для себя и своих потомков наследственного звания королевского адмирала над всем океаном и вице-короля всех трех стран, которые будут присоединены к короне благодаря его открытиям. Подобные притязания возмутили в особенности короля Фердинанда. Переговоры были прерваны, и Колумб уже покинул лагерь. Королеве Изабелле удалось, однако, склонить своего супруга к принятию условий удивительного человека. Договор был заключен согласно требованиям Колумба. И город Палос, который случайно должен был поставить для королевской службы несколько кораблей, получил предписание передать эти корабли в распоряжение Колумба.

Открытие Америки

Этим еще далеко не были исчерпаны все затруднения. Колумб, со своей стороны, должен был обязаться участвовать в расходах, для чего у него не было пока никаких средств. Затем, когда стало известно назначение трех кораблей, то оказалось, что в высшей степени трудно для них на вербовать экипаж. И только когда Колумбу удалось расположить в пользу своих планов семью моряков Пинсонов, пользовавшуюся в Палосе большим уважением, и добиться от нее материальной поддержки предприятия путем уступки части своих привилегий, он получил возможность надлежащим образом снарядить корабли для смелого плавания и сформировать экипаж. Наконец 3 августа 1492 года маленькая эскадра, выступила в море. Она состояла из «Сайта-Марии», которой командовал Колумб, «Пинты» под управлением Мартина Алонсо Пинсона и «Ниньи» под управлением Винсенте Яньеса Пинсона. Это не были большие суда: «Санта-Мария» вмещала 120, «Пинта» 100 и «Нинья» только 80 тонн. Тем не менее они оказались настолько практичными для предположенной цели, что когда в первом опьянении успехами были пущены в ход суда больших раз-

16

меров, но с менее блестящими результатами, то снова вернулись к этому миниатюрному типу. Как самую ценную вещь Колумб взял с собой карту Тосканелли, к которой питал абсолютное и слепое доверие фанатика. На Канарских островах были выявлены необходимые починки, которые задержали его еще на три недели. И только 6 сентября он отплыл, наконец, в неизвестный океан. Он держал курс строго на запад. И, убеждение его в правильности этого курса было так непоколебимо твердо, что даже кажущиеся признаки близости земли не могли отклонить его от этого направления, хотя он считал их не противоречащими указаниям на карте Тосканелли. Для того чтобы по возможности скрыть от экипажа всю рискованность предприятия, Колумб вел двойной счет пройденному расстоянию, так сказать, официальный, где он всегда сознательно пока-зывал слишком малые расстояния, и другой, тайный счет, исключительно для себя, который давал ему возможность ориентироваться по карте. Тем не менее ему не удалось поддержать непоколебимое мужество в простых моряках, составлявших его экипаж. Он вступил в область

пассатов, где изо дня в день сильный восточный ветер надувал паруса, а страна, которую он чуть ли не каждый день обещал им, все еще не показывалась. В неопытных спутниках росла тоска по родине. Не раз страх переходил в чувство враждебности к неизвестному, но высокородному и хваставшему своими привилегиями чужеземцу, который не отличался к тому же выдающимися талантами моряка. Да и самому Колумбу, вероятно, было нелегко, когда каждый день лучи восходящего солнца однообразно освещали одну и ту же безбрежную поверхность. Но он не терял ни мужества, ни надежды, ободрял и других. Хотя начальники других кораблей также начинали терять веру в удачный конец предприятия, но все-таки они непоколебимо стояли на стороне своего адмирала и помогали ему подавлять попытки возмущения, в которых не было недостатка среди экипажа «Санта-Марии». Наконец в начале октября

17

стали все чаще и чаще встречаться признаки, указывающие морякам на близость земли. Колумб внушал матросам, стоявшим на вахте, особую бдительность и обещал награду тому, кто первый увидит желанную страну. В сумерки 11 октября Колумбу, а с ним и некоторым другим, показалось, что они видят вдаль свет над водою. Однако не ранее полного наступления ночи с «Пинты», которая шла впереди, раздался выстрел: то был сигнал, что действительно видна земля. Паруса были быстро спущены и курс остановлен. Прошла, впрочем, целая длинная ночь, и возбуждение мореплавателей достигло крайней степени, когда они убедились наконец, что земля, столько раз возвещенная и все-таки постоянно ускользавшая от них, на этот раз не была призраком. На заре 12 октября 1492 года перед взорами Колумба и его спутников выступил из моря остров умеренной величины, покрытый зеленым лесом. И прежде чем матросы успели сесть на спущенные лодки и добраться до берега, они уже были замечены оттуда. Бурные мужчины и женщины, лишь слегка одетые, глядели с очевидным изумлением на приближение чужеземцев. Когда матросы вышли на берег, эти люди оказались добродушным и безвредным народом рыболовов и охотников, очень бедных и стоявших на низкой ступени культурного развития. Эта страна была остров Гуангани (Уэтлинг). Жители же его, которых испанцы называли Indies в том убеждении, что достигли восточного конца Азии, были индейцы ароваки, которых здесь не успели еще вытеснить караибы. Хотя фактические условия далеко не соответствовали блестящим ожиданиям путешественников, но все-таки открытие земли являлось успешным окончанием предприятия Колумба. Из объяснений с туземцами, как бы они ни были недостаточны, выяснилось, что это не единственный остров океана. После торжественного богослужения Колумб объявил открытую землю присоединенной к владениям католических государей Кастилии и Арагонии, а экипаж его, который от упадка духа и враждебности быстро перешел в про-

18

тивоположную крайность, провозгласил Колумба вице-королем и наместником. В последующие дни почти каждый час приносил сюрпризы. После того как корабли миновали еще целый ряд маленьких островов, 28 октября показалась обширная масса суши: это была восточная оконечность Кубы, которую Колумб назвал Isla Fernandina. Несколько дней шли они вдоль берега в направлении к западу, но конца не было видно. Тогда Колумб вернулся в первое место, где бросил якорь, обогнул восточный конец и, плывя в юго-восточном направлении, достиг второго обширного острова, который назвал Эспаньолой (см. рис. «Высадка Колумба на Эспаньоле» на с. 21). Новизна всех впечатлений и тропическая роскошь природы слишком поглотили внимание путешественников, и они забыли, что нигде не встречали никаких признаков близости больших торговых городов восточной Азии, Цайтуна и Кинся, на поиски которых они, собственно, отправились. Когда же они открыли у туземцев немного золота, то Колумбу захотелось не столько продолжать свои открытия, сколько вернуться в Испанию и насладиться плодами своего успеха.

Однако ему не суждено было вернуться, не выпив первых горьких капель из чаши своего счастья. Утром 22 ноября «Пинта» не ответила на сигнальный пароль с адмиральского корабля. Мартин Алонсо Пинсон, заключавший из мистических объяснений туземцев, что поблизости должна находиться страна, богатая золотом, покинул своего адмирала и на собственный риск пустился в приключения. Это был первый пример эгоистического вероломства, за которым последовали бесчисленные другие в течение колониальных открытий. Дело сложилось еще печальнее, когда через несколько дней «Санта-Мария» села на мель, и пришлось оставить ее, так что для обратного пути в распоряжении Колумба оставалось лишь самое малое судно — «Ни-нья». Но, к удивлению, во время приготовлений к обратному путешествию через океан, «Пинта» снова яви-

19

лась к адмиралу, и Колумб не столько по убеждению, сколько из благоразумия посмотрел сквозь пальцы на экскурсию Никсона. Оставив небольшой отряд добровольных поселенцев, они 16 января 1493 года пошли под парусами по направлению к родине.

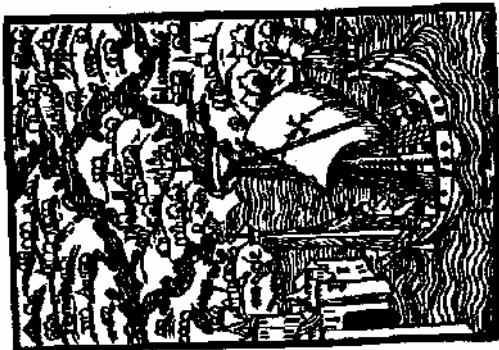
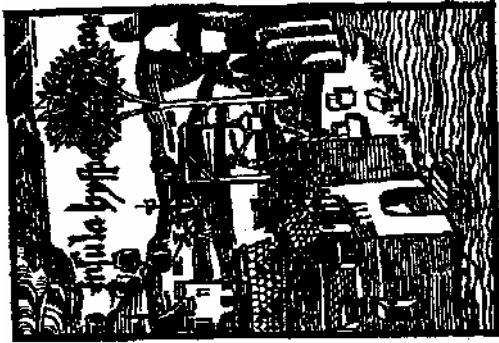
До широты Азорских островов погода чрезвычайно благоприятствовала обратному путешествию. Только с приближением к родным берегам волны грозили поглотить тайну вновь открытой части света. «Пинта» была снесена далеко «а север и наконец вошла в гавань Виго. Когда Колумб миновал опасности бури, он очутился на широте Лиссабона. Он испытывал высокое удовлетворение, когда с развевающимися флагами Кастилии входил в гавань того самого короля, который некогда отнесся с недоверием к его планам, ныне оправдавшимся. Приезд Колумба ко двору, пребывавшему в это время в Барселоне, походил на триумфальное шествие через всю испанскую территорию. Колумб торжественно предстал перед

правителями, с которыми расстался как нищий.

Дальнейшая судьба Колумба

Почти с самого прибытия Колумба начались приют-товления ко второму плаванию через океан, в несравненно больших размерах. Если при первом путешествии представлялось затруднительным на вербовать достаточное число матросов, то теперь существовало затруднение иного свойства — сделать надлежащий выбор между тысячами, которые желали быть отправленными. К этому времени относятся вообще первые мероприятия относительно регулирования переселенческого движения. 25 сентября 1493 года из Севильи отплыл во вновь открытую страну флот, состоявший из 17 больших кораблей и вмещавший более 1500 человек. Как и в первый раз, чудная погода благоприятствовала плаванию. Несколько измененный курс привел их сперва к острову Доминике и затем, мимо целого ряда новых островов, к Эс-паньоле. Но там начались разочарования. Оставшиеся

20

ф

I

si

<§ 5 pi

2s
'ooo

после первого плавания- колонисты не сумели поддержать хороших отношений с туземцами. Своей жестокостью они вызвали враждебность со стороны последних и, оставаясь в то же время беспечными, подверглись избиению все до последнего человека. Чтобы ослабить впечатление этих известий на новых пришельцев, Колумб выбрал другое место для основания постоянного поселения. Первый город на земле Нового Света получил название Изабеллы и быстро расцвел благодаря соединенным усилиям многочисленных колонистов. В 1498 году Бартоломей Колон перенес поселение из старого города, и новая столица была названа Санто-Доминго. Большинство колонистов овладело, однако, сильным разочарование: здесь не было ни сокровищ, ни богатств, и каждого из них ожидал лишь тяжелый труд и обязанности, и

разве только будущие поколения могли надеяться воспользоваться наградой за них. Рассказы тех, кто вернулся в Испанию, были поэтому далеко не благоприятны. Энтузиазм, который охватил все слои населения перед вторым путешествием Колумба, едва ли когда повторился в течение всей истории испанских колониальных предприятий.

Сам адмирал, основав твердую точку опоры на Эспа-ньоле, пустился в путь на новые открытия. При этом был открыт целый ряд дальнейших островов на Антильском море. И так как Колумб шел вдоль берега Кубы в течение многих недель и все-таки не достиг конца, то он был убежден, что достиг Азиатского материка. Запись, которую он оставил по этому поводу, заключает в себе много забавного. Когда он вернулся в Санто-Доминго, он нашел настроение совершенно изменившимся. Уважение к нему среди разочаровавшихся колонистов было сильно поколеблено, и еще более поколебалось под впечатлением вести, что и в эту последнюю поездку он 'не открыл богатых населенных цивилизованных стран, которые ожидали найти в Восточной Азии. Кроме того, следующая партия переселенцев, привезенная с родины братом его Батроломеем, принесла весть, что слава Колумба значи-

22

тельно поколебалась при дворе. И когда присоединились к тому несогласие и возмущение среди колонистов, он счел наилучшим вернуться в Испанию, чтобы оправдать себя.

На этот раз Колумб имел возможность оставить вместо себя своего брата Бартоломея во главе юной колонии. И так как из всех братьев Бартоломей наиболее обладал административным талантом, то адмирал был вправе надеяться, что колонистов не постигнет вторично печальная участь первых поселенцев. При дворе испанских правителей Колумбу удалось без серьезных затруднений разбить возведенные против него обвинения и оправдать свой образ действий. После этого правительство снова предоставило в его распоряжение три корабля, и Колумб не мог устоять против искушения еще раз пуститься на открытие новых стран. При этом третьем плавании через океан он держал курс еще более к югу, чем в два первые раза. И встретив на этот раз лишь немного островов, он пристал, наконец, к берегу южноамериканского материка, приблизительно в том месте, где этот последний поворачивает на запад. Он плыл некоторое время вдоль материка, но на широте острова Маргариты повернул на север, после плавания через Антильские острова, не представлявшие ничего интересного, он благополучно прибыл на Эспаньолу. Космологические воззрения Колумба были так туманны и ненаучны, что встретив на пути огромные массы пресной воды, которую волны Ориноко выносят на далекое расстояние в Карибское море, он при описании своих открытий пускается в самые фантастические рассуждения. Он полагал, что находится вблизи рая, что миссия его как Божьего избранника, несущего спасение, этим вполне подтверждается.

Во время отсутствия брата Бартоломей Колон твердой рукой держал бразды правления. Но ему удалось установить до некоторой степени покой и порядок только путем выселения из колонии наиболее неспокойных элементов. Вокруг них вскоре сгруппировались все, кто так или иначе были недовольны управлением Колона. И вме-

23

сто оставленного им мирного поселения Колумб нашёл два лагеря, враждебно стоявших друг против друга. Средства, к которым он прибег, чтобы положить конец такому состоянию, были самыми неудачными, какие можно было выбрать. Он примирился с недовольными и не только даровал вожакам их безнаказанность, но и обещал вернуть им прежнее положение. Этим он добился, правда, подчинения сомнительных элементов, но в то же время безвозвратно утратил доверие тех, которые желали водворения права и порядка. И между тем как первые, добиваясь уступки за уступкой, отвлекали Колумба от пути справедливости, вторые отказали ему в поддержке и обратились с жалобой на родину.

В этой путанице, созданной им самим, Колумб наконец сам растерялся и присоединился к ходатайству поселенцев, чтобы корона отправила за океан чиновника, снабженного широкими полномочиями, который подвергнул бы контролю способ управления вице-короля и восстановил бы право и порядок в расстроенной колонии. Фердинанд возложил это трудное поручение на Франсиско де Бобадилью, человека, доказавшего на родине свою опытность в делах управления и не раз отличавшегося в войнах с маврами. Тем не менее выбор его оказался неудачным, так как совершение особые условия в колониях требовали иного человека. Главная причина недовольства заключалась в ненависти к чужеземцам, которым во всем отдавалось предпочтение. Вследствие того они приобрели в колонии почти неограниченное господство и не всегда правильно пользовались им. Это чувство точно так же им овладело и лишило его беспристрастия еще прежде, чем он достиг Эспаньолы. В силу судейских полномочий, данных ему испанскими правителями, он вправе был, конечно, с формальной стороны, лишить сана самого Колумба и его братьев. Вице-король не только сам безусловно преклонился перед волей короля, но склонил гораздо менее уступчивого брата Бартоломея к такому же образу действий. Однако Бобадилья этим не удовлетворился и повелел заковать братьев Колон в цепи и в

24

таким виде отправить их в Испанию, а все имущество их в колонии конфисковать в пользу короны. Это навлекло на него подозрение в партийном пристрастии, которое несколько не смягчалось тем, что он подверг сильной каре многочисленных друзей и противников адмирала, и том числе многих испанцев. Было что-то постыдное в разыгравшейся теперь драме: человек, который еще несколько лет назад вернулся с триумфом, чтобы положить к ногам своих государей вновь открытый мир, сходил теперь на берег в цепях.

Он взывал на этот раз к справедливости тех же правителей по отношению к их слуге, которого они уполномочили судить вице-короля. В Севилью был отправлен приказ немедленно освободить Колумба и препроводить ко двору со всеми почестями, приличествующими его рангу. Этот акт был продиктован не благодарностью, но и справедливостью. Не могло также оставаться сомнения в том, что Бобадилья будет отозван. Тем не менее правители не могли решиться на удовлетворение Колумба в полном объеме и на возвращение ему всех прав и владений. Правда, произведенные расследования не раскрыли серьезных упущений со стороны Колумба, но все-таки они с несомненностью показали, что задача, которая выпала на долю вице-короля, была ему далеко не по силам. Колумбу пришлось пока удовольствоваться тем, что все его привилегии были вновь подтверждены как существующие и что расследование жалоб со стороны колонистов было возложено вместо Бобадильи на другое лицо (выбор правителя пал на Николая де Овандо); самому Колумбу было воспрещено самым категорическим образом вступать на землю колонии. Колумб был, однако, не такой человек, чтобы сидеть сложа руки, пока разрешался правовой вопрос, который при его бездеятельности, пожалуй, мог принять даже неблагоприятный оборот. Правители, вопреки дословному смыслу договора, успели даже, без ведома и участия Колумба, дать разрешение другим лицам на путешествия с целью открытий. Чтобы упро-

25

чить свои права вице-короля над всей областью, которая сделалась известной благодаря его открытию, Колумб решил интенсивнее отдаться исследованию страны, где все еще загадка всплывала за загадкой. В этом правители ему не препятствовали. И в четвертый раз даны были в его распоряжение четыре корабля, снаряженные для плавания с целью открытий. Ему была даже разрешена остановка на Эспаньоле, но только на обратном пути. Колумб, однако, не стеснялся принятыми на себя обязательствами. Он направился почти прямым путем на Санто-Доминго и потребовал разрешения войти в гавань. Овандо с полным правом отказал ему, так как этим был бы только нарушен покой, едва восстановленный. Колумб выдержал под островом сильную бурю, которая, к его удовлетворению, поглотила множество готовившихся к обратному отплытию судов, а с ними и врага его Бобадилью, так как Овандо не пожелал обратить внимание на предсказание адмирала. Затем он повернул на юго-запад, достиг берега в Гондурасском заливе и в течение нескольких месяцев плыл вдоль берега на восток, потом на юг и снова на восток до Дариенского залива, где перешеек Центральной Америки примыкает к южному матерiku. Во время этого плавания Колумб впервые услышал о существовании другого моря, на западе, и встретил первых более цивилизованных туземцев — юкатекскую торговую барку, на которой находились 25 человек. Но вместе с тем он испытал сильную нужду и лишения. Эти страдания достигли высшей точки, когда последний из четырех кораблей наскочил на берег Ямайки, в то время еще не заселенной. Пришлось сидеть месяцами без всяких средств, пока удалось на рыбацкой лодке доставить оттуда весть в Санто-Доминго и вызвать помощь. Когда Колумб снова вступил в свою резиденцию вице-короля, он был слишком надломлен 'душевно и физически и не представлял более опасности для спокойствия страны. После короткой остановки он возвратился в Испанию. Там его ожидал новый удар. Королева

26

Изабелла, которой он был обязан осуществлением своего первого плавания и которая всегда являлась для него доброжелательной покровительницей, скончалась. Из-за наследства кастильского трона поднялся спор между королем Фердинандом и его зятем, Филиппом Красивым Бургундским. Этот спор так исключительно поглотил всеобщее внимание, что во всей Испании никто в этот момент не имел времени интересоваться делами колонии и лица, открывшего ее, тем более что до сих пор и колония, и сам Колумб только требовали денег, а желанные и столько раз обещанные богатства все не открывались.

Колумб должен был отложить свои надежды до лучших времен. Ему не суждено было, однако, дожить до них. В тот момент, когда Колумб собирался представиться юному Филиппу, к которому перешла Кастилия, — против воли Фердинанда Филипп принял на себя регентство вместо своей душевнобольной супруги, наследницы кастильского трона, — он заболел в Вальядолиде и умер 21 мая 1506 года, лишь немногими замеченный и оплаканный. Непостоянство, составлявшее черту жизни Колумба, преследовало и посмертные останки его. Сперва он был похоронен в Вальядолиде, в монастыре францисканцев. Затем, по настояниям его побочного сына Фернандо, эти останки были перенесены в маленькую церковь Сайта Мария де лас Кувас в Севилье. Когда в 1537 году наследники Колумба были восстановлены в своих правах вице-королей Санто-Доминго, останки его были перевезены туда. В 1798 году, когда испанцы должны были уступить остров Эспаньолу, кости Колумба были перевезены в Гавану и похоронены в тамошнем соборе до настоящего времени. Когда же в последнюю войну Испания потеряла и этот остаток своих американских колоний, то решено было снова перевезти останки Колумба через океан в Гранаду, город, где осуществились надежды Колумба, и там похоронить их рядом с католическими государями.

27

ПУТЕШЕСТВИЯ С ЦЕЛЬЮ ОТКРЫТИЙ В ПЕРВЫЕ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVI ВЕКА

Колумб был твердо убежден, что открытые им страны принадлежат к азиатской части света. Когда во время своего четвертого путешествия он узнал, что Панамский перешеек омывается и с другой стороны, он объяснил это таким образом, что попал на полуостров Индокитай, противоположный берег которого омывается водами Индийского океана. Однако еще при жизни Колумба открытия других мореплавателей поколебали это убеждение. В то время как Колумб в 1492 году вел свои последние переговоры с испанскими

правителями и почти отчаялся в благоприятном исходе их, брат его Бартоломей, старался заинтересовать в этом проекте короля Англии. Переговоры были близки к удовлетворительному результату, когда он узнал об удачном окончании испанских переговоров. Он прервал их; но Генрих VII, заинтересованный ими, поручил вскоре после того другому итальянцу, Джованни Габотто, отплыть под английским флагом на запад для открытий. В двух быстро следовавших одно за другим плаваниях Габотто открыл часть Северной Америки от Ньюфаундленда почти до Флориды.

После третьего путешествия Колумба различные испанские моряки, принимавшие участие в прежних путешествиях адмирала, также получили разрешение самостоятельно действовать в смысле дальнейшего расширения открытий. Так, можно назвать Гохеду, который путешествовал вместе со знаменитым старейшим картографом Нового Света Хуаном де ла Коса и флорентийцем Америго Веспуччи (картинные, хотя и не совсем верные описания последнего в первый раз популяризировали знакомство с Новым Светом в такой степени, что в конце концов эта часть света была названа его именем). Затем, еще в 1499 году, Пералонсо Ниньо и Христобаль Герра (также в 1499 г.) прошли вдоль северного берега Южной Америки дальше пределов, достигнутых самим

28

Колумбом. Висенте Яньес Пинсон и после него Диего де Лепе спустились далеко к югу до мыса Сан Агустина и первые открыли дельту Амазонки.

Более важное значение приобрело впоследствии другое открытие, сделанное совершенно случайно. 19 марта 1500 года из Лиссабона отплыл Педральварес Кабраль с 13 кораблями, чтобы, обогнув мыс Доброй Надежды, достигнуть Ост-Индии, до которой португальцы добрались, наконец, два года тому назад во время своих путешествий на восток с целью открытий. С целью избежать опасного плавания вдоль западного берега Африки, он повернул в открытом море сильно на запад. Восточные ветры отнесли его еще дальше в этом направлении, и 22 апреля он увидел берег Бразилии. Некоторое время он шел вдоль берега и от имени короля завладел им.

Такой образ действий непосредственно вытекал из договора, заключенного после открытия Колумба между Испанией и Португалией и касавшегося установления демаркационной линии. Правители Португалии, чтобы предупредить всякие споры относительно прав, еще в самом начале своих поездок с целью открытий добились разрешения от Папы Николая V присоединять все страны, которые будут ими открыты в их плаваниях на юг и на восток. Но так как предприятие Колумба имело в виду сокровища той же Индии, которой португальцы еще не достигли во время первого путешествия, то испанские правители поспешили по возвращении Колумба, со своей стороны, добиться санкционирования своих прав Папой. Папа Александр VI поступил таким образом: все земли, которые находились к западу от градуса долготы, проходящего на 100 миль по ту сторону Азорских островов, от полюса до полюса, он отдал испанцам, а всю область к востоку от этого градуса он предоставил португальцам. Впоследствии в этом договоре для участвующих сторон сделано было такое изменение, что пограничная линия была передвинута на 370 испанских миль к западу от островов Зеленого Мыса. Испанцы при тогдашнем состоянии их открытий думали, что португальцам

29

достанется разве несколько островов на океане и рассчитывали, что перемещение пограничной линии в направлении к неизвестному азиатскому востоку отдаст в их распоряжение обширные области. Но открытие Кабрала показало, насколько Южно-Американский материк выступал в восточном направлении в сравнении с широтами, открытыми Колумбом. Таким образом, значительная часть вновь открытой страны досталась португальцам. Правда, последние в первое время были настолько поглощены расширением и обеспечением своих ост-индских владений, что обращали мало внимания на западные колониальные приобретения. Король Мануэль отправил туда две или три экспедиции за счет государства с целью сориентироваться относительно приобретенной территории. Но когда при этом не было найдено ни сокровищ, ни благородных металлов, ни ценных пряностей, то он предоставил дальнейшее исследование этих стран духу частной предприимчивости. В течение нескольких десятилетий дело ограничивалось случайными поездками немногих португальских купцов с целью доставления в Европу колониальных продуктов. Среди них особенно ценилось красивое дерево brasil, от которого страна впоследствии получила свое название. Во время одного из таких путешествий, именно в 1514 году, была открыта река Ла-Плата, но в Португалии так мало интересовались всем этим, что никогда серьезно не формулировали и не защищали свои права на эти открытия.

Последние годы жизни Колумба и ближайшие годы после его смерти были употреблены не столько для новых открытий, сколько для организации и заселения приобретенных территорий. Сам Колумб основал лишь город Санто-Доминго на Эспаньоле. Он был против расселения поселенцев по всему острову главным образом потому, что колонисты ускользали тогда от его контроля, и он опасался, что вследствие того будут нарушены его права. Во время своего последнего путешествия Колумб решил устроить второе поселение на побережье Верагуа. Пришлось, однако, снять его ввиду возмущения

30

туземцев, прежде чем оно успело достаточно окрепнуть. И только Николай де Овандо, который из личных интересов не без умысла отстаивал во всех организаторских вопросах противоположное тому, чего требовал Колумб, внес известный подъем в дело расширения испанских колоний в Новом Свете. Целый ряд

новых городов на Эспаньоле обязан ему своим существованием; по его же распоряжению Хуан Понсе де Леон занял в 1510 году Пуэрто-Рико. По всей вероятности, он сделал бы гораздо более в этом направлении, но неуверенность в условиях колониального управления парализовала его деятельность.

Еще при своей жизни Колумб заявил королю Фердинанду, что лично согласен отказаться от пользования дарованными ему привилегиями, если они будут перенесены в полном объеме на его сына Диего. После смерти отца Диего настоятельно повторил это требование. И так как сначала ему предложили лишь некоторые финансовые выгоды, не обсуждая принципиальной стороны вопроса, то Диего начал тяжбу с правительством. По всей вероятности, дело тянулось бы до бесконечности, если бы Диего Колон не вступил в родственные отношения с домом герцога Альбы и не приобрел влиятельных заступников перед королем Фердинандом. Этим путем он достиг, по крайней мере, того, что в 1509 году вновь принял управление новооткрытыми островами в качестве королевского губернатора и адмирала Индии. В 1511 году первая инстанция в возбужденном им иске присудила в его пользу все титулы, почести и привилегии, обещанные его отцу во всех открытых им странах. Диего Колон этим, однако, не удовлетворился. Сам он и потомки его еще многие годы судились с короной, чтобы отстоять свои права не только на открытия самого Колумба, но и на все то, что благодаря этим открытиям было впоследствии завоевано для испанской короны. Этот процесс, который со всеми его бесчисленными осложнениями грозил тянуться без конца и не делал чести ни той, ни другой стороне, утратил, однако, свое реальное значение вско-

31

ре после смерти Диего Колона, последовавшей в 1524 году. Законный наследник его был полнейший негодяй; чтобы выпутаться из всевозможных нечистых дел, он вступил на путь компромиссов и отказался от большей части предъявленных притязаний.

Когда Диего Колон был восстановлен в своих правах вице-короля, он точно так же стремился фактически расширить колонизированную область. Первым шагом в этом направлении было основание, испанского поселения на острове Куба. Диего Колон возложил это поручение на Диего Веласкеса, который пользовался его доверием в течение многих лет. Но здесь с ним случилось то же, что в отношениях отца его к Мартину Алонсо Пин-сону. Веласкес охотно принял на себя исполнение предприятия, все расходы которого нес вице-король. Когда же он стал твердой ногой на Кубе, то сообщил о своих успехах непосредственно двору. При этом он сумел представить дела свои в таком блестящем свете, что желание его было услышано, в он получил назначение губернатора острова, минуя авторитет вице-короля.

Первое поселение материка также еще имело тесное соотношение с открытиями Колумба. Золото, найденное им в больших количествах на побережье Верагуа, привлекало в эти области внимание самого правительства в такой же мере, как и частных предпринимателей. Уже в 1508 году Алонсо де Гохеда, ветеран времен открытия, и Диего де Никуэса получили разрешение основать две новые колониальные провинции, которые должны были простираться на запад и на восток от залива Ураба, от океана до океана. Но предприятия их в течение многих лет терпели тяжелые неудачи, и оба они, среди превратностей своей судьбы, поплатились жизнью. В 1511 году была наконец основана на Дариенском побережье скромная колония под названием Санта-Мария ла Антигуа.

По всей вероятности, и эта колония погибла бы от недостатка средств к существованию и пассивного сопротивления туземцев, если бы не нашла в лице Васко Нуньеса де Бальбоа особенно походящего правителя,

32

умевшего пользоваться каждым успехом. Бальбоа недоставало титула, который санкционировал бы его руководящее положение. Поэтому он обратился в Испанию для утверждения павшего на него выбора лишенных начальника товарищей. В то же время он стремился отличиться перед правительством каким-нибудь выдающимся делом. Как некогда Колумб, он слышал от индейцев, что поблизости есть еще другой океан. Выяснение этого вопроса казалось особенно настоятельным в тот момент, когда начали сознавать необходимость дальнейшего поступательного движения в западном направлении. Благодаря своему умению обращаться с индейцами, несмотря на то что он безжалостно подавлял всякую попытку сопротивления, Бальбоа свел трудности перехода поперек перешейка почти исключительно к физическим усилиям и лишениям, связанным с движением по малонаселенной и нездоровой тропической лесистой стране. Однако и ему пришлось потерять некоторых своих спутников, прежде чем он, первый из европейцев, увидел с последних горных вершин на западе Тихий океан. Несколькими днями позже он занял побережье океана и все близлежащие острова. По пути он собрал много золота и жемчуга, что еще более увеличило значение его открытия. Ему не суждено было, однако, пожать плоды своих деяний. Еще раньше, чем дошла до Испании весть о его открытии, отплыл Педрариас Давила как губернатор Дариенской провинции; недоверчивость его и зависть приготовили Бальбоа бесславный конец. Страна, открытая Бальбоа, обнимавшая Панамский перешеек вместе с прилегающими соседними территориями, сделалась старшей провинцией испанского колониального государства на материке Америки. Благодаря своим сокровищам она получила название Castillia del oro, золотая Кастилия.

Открытие Бальбоа впервые дало действительную почву сомнению ^- открыл ли Колумб восточный край Азиатского материка. Даже убедившись, что Южная Америка отдалена от известных стран Азии и независима от них, все еще долго колебались признать то же самое в

23ак.57|

33

отношении северной половины Американского материка. Вообще ознакомление с Южной Америкой делало все более быстрые успехи, чем в Северной. Большую роль играл в этом отношении средневековый предрассудок, будто ценность произведений почвы возрастает по мере приближения к экватору. Соревнование между испанцами и португальцами, которое, впрочем, скоро прекратилось, также было причиной того, что путешествия с целью открытий большей частью совершались в этом направлении. Ему мы обязаны плаваниями Америго Веспуччи (1502 г.) и Гонсало Коельо (1503 г.) с португальской и Хуана Диаса де Солиса (1515 г.) с испанской стороны. Они исследовали побережье Южной Америки далеко по ту сторону устья Ла-Платы и подготовили пути к составившему эпоху плаванию Фернандо де Магеллана: последний в поисках юго-западного пути к Пряным (Молукским) островам Восточной Азии, с которыми в это время португальцы лучше ознакомились, обогнув южный конец Америки. Достигнув при этом азиатских островов, Магеллан наглядно доказал ошибку Колумба и, таким образом, первый вполне осуществил его проект. Когда же экипаж Магеллана после смерти своего начальника возвратился домой через мыс Доброй Надежды, то впервые была разрешена практическим путем проблема шаровидной формы земли. Это плавание было, несомненно, для науки бесконечно богаче результатами, чем открытие Колумба, которое, конечно, послужило лишь необходимым вступлением к нему.

До этого времени колонии Вест-Индии мало оправдывали надежды, которые возлагались на них при открытии. Правда, в них найдены были некоторые полезные тропические произведения. Ввоз этих произведений в Испанию и снабжение ими колонистов, которые успели уже расселиться на обширных пространствах земли, но в отношении средств к пропитанию все еще зависели почти исключительно от метрополии, повлек за собой довольно оживленные торговые сношения между Испанией и ее колониями. Но так как сама Испания не стояла на

34

высоте возникших перед ней колониальных задач, то в этом принимали значительное участие торговцы всех наций, и, главным образом, немцы. Для государства, однако, колонии были пока мало прибыльны. Снаряжение целого ряда экспедиций, создание необходимого административного аппарата внутри и вне новых владений требовали значительных расходов. Старались увеличить доходы при помощи пошлины и налогов, между которыми первое место занимала пятая часть со всякого открытого благородного металла, но все это давало лишь скромную прибыль. На Эспаньоле и Кубе, а также в некоторых местах материка найдены были золотоносные пески и началось промывание их. Золота было в них, однако, немного, и потому эта работа не доставляла большой выгоды. Кроме того, колонии сильно вредили себе тем, что обременяли туземцев непосильной работой, вследствие чего число их уменьшалось с поразительной быстротой. На островах, занятых раньше других, население почти вымерло в первую треть XVI века; колонисты, которые стремились лишь во что бы то ни стало быстро обогатиться в золотопромывальнях, чтобы затем вести праздную жизнь на родине или в самих колониях, являлись непроизводительным и даже опасным элементом населения.

Если положение вещей с течением времени приняло такой характер, что можно было, хотя и с сильным преувеличением, назвать испанские колонии «колониями рудников», то ответственным за это никак нельзя делать одно правительство. Последнее еще во время второго путешествия Колумба издало общее предписание, чтобы всякий корабль, перевозивший переселенцев в новую часть света, запасался в соответственном количестве не только хлебом для посева и семенами, но и кустарниками, деревьями и полезными растениями родины. Этим распоряжением было положено начало опытам акклиматизации в различных колониальных областях. В числе первых подарков, преподнесенных испанцами Новому Свету, были европейские домашние животные. В Аме-

35

рике их было очень немного, и к тому же они принадлежали к животным малопродуктивным; но большая часть европейских домашних животных превосходно акклиматизировалась в Новом Свете. Лошадь стала не только предметом первой необходимости для туземцев в различных областях Америки, но даже размножалась путем свободного скрещивания. Рогатый скот также прекрасно размножался на американской почве. Живой скот служил одной из главных статей обмена в торговле между колониями, а кожи — одной из главных статей для загрузки индейского флота. Столь же хорошо акклиматизировались овцы. Но особенно быстро распространилась между туземцами европейская домашняя птица; по истечении первой половины века даже в таких местностях, где не бывала нога европейца, пионеров западной цивилизации встречал крик петуха. В колониях также очень рано производились опыты с менее простыми культурами. Правда, посадка виноградной лозы встречала некоторые ограничения, так как вино на родине производилось в размахах, далеко превышавших собственную потребность, и поэтому составляло одну из наиболее подходящих статей торговли для фрахта колониальных кораблей. Но, с другой стороны, возделывание сахарного тростника на Эспаньоле и Кубе впервые сделало поселенцев независимыми от непостоянных результатов промывания золота. С 1517 года, когда стали заменять индейцев, неспособных к напряженной работе в поле и рудниках, неграми, которые доставлялись с западного берега Африки, возделывание тростника по временам принимало значительные размеры. Первые опыты культуры шелковичного червя на американской почве относятся уже к 1526 году, хотя ни тогда, ни позже она не давала особенно блестящих результатов. Одним словом, хоть уже с первых времен правительство обращало особенное внимание на широкую эксплуатацию благородных металлов и не могло с равным интересом следить за начатыми уже в

то время опытами культур, то все-таки несправедливо было бы утверждать, будто с самого начала

36

и позднее руководящей точкой зрения испанской колониальной политики была погоня за золотыми сокровищами. Нельзя, впрочем, отрицать, что она играла известную роль уже в планах открытий самого Колумба.

ЗАВОЕВАНИЕ МЕКСИКИ

Если интерес правительства все более и более сосредоточивался на отыскании благородных металлов, то причину этого следует искать главным образом в ходе развития, который приняли открытия в третьем и четвертом десятилетиях XVI века. Колумб в свое время не придавал особого значения встрече с юкатекской торговой баркой, и так как торговцы не имели на борту благородных металлов, то он заключил, что их не может быть в большом количестве ни на родине этих людей, ни в стране, куда они направлялись. Вследствие того сравнительно высокая культура, с которой здесь впервые встретились открыватели, не обратила на себя внимание. И только когда стали тщательнее изучать поверхностно исследованные побережья Мексиканского залива, снова натолкнулись на полузабытую торговую нацию, а когда направились по следам ее, взорам изумленных европейцев представилась первая из американских сказочных стран.

Вполне вероятно, что Диего Веласкес, достигнув столь крупных личных успехов в своей первой попытке колонизации не Кубе, возымел охоту и энергию к дальнейшим предприятиям. Уже через несколько лет (1517 г) он снарядил небольшой флот под командой Франсиско Фернандеса де Кордоба, поручив ему плавание вдоль берегов материка, между прочим, с целью меновой торговли с туземцами. Корабли достигли острова Юкатана, недалеко от юго-восточной оконечности его, шли затем вдоль берега в северном и западном направлениях и вернулись только тогда, когда в дельте Усумасинты они столкнулись с враждебностью обитателей побережья. Они с удивлением рассказывали о массивных храмах, в которых, наряду с дру-

37

гими каменными изображениями богов, молились и кресту, о городах, в которых тысячи людей жили и занимались своими делами; о том, что это были не полунагие дикари, подобно большинству встречавшихся до тех пор туземцев, а люди, одетые почти, как европейцы, часто даже в богатые и драгоценные одежды. Эти вести звучали так заманчиво, что на следующий год Веласкес решил отправить в те же страны вторую, более значительную экспедицию. Во главе ее он поставил своего племянника Хуана де Грихальву. Новый флот увидел землю на острове Косу-мель. Но когда испанцы там, как и на западе, увидели берег, тянувшийся в южном направлении, в них окрепло убеждение, что Юкатан представляет собой остров, и они старались обойти его кругом, по следам прошлогодней экспедиции. Но когда, плывя далее к северу вдоль неисследованного еще побережья Мексики, они увидели, что позади берега поднимается гористая страна, то решили, что достигли материка. С этой вестью один из кораблей возвратился на Кубу. Сам Грихальва с прочими кораблями ходил вдоль всего берега мексиканского царства до Пануко на севере, производил меновую торговлю, собирал сведения, но не решался высадиться. Поэтому по возвращении ему пришлось выслушать самые серьезные упреки со стороны Диего Веласкеса. Правда, образ действий его дословно соответствовал полученной им инструкции. Но так как слухи об открытиях Коодобы и Грихальвы начали распространяться в колониях, и мог отыскаться другой, кто решился бы предупредить и оспаривать многообещающее открытие, то Диего Веласкес исполнился самых тягостных опасений. Уже с прибытием первого корабля начались приготовления к снаряжению новой экспедиции; по возвращении Грихальвы работа закипела с двойной энергией.

Веласкес нашел предводителя и для этой новой экспедиции. Выбор его пал на Фернандо Кортеса, который в качестве алькальда главного города Сантьяго был одним из самых уважаемых лиц на острове. В течение 15 лет, проведенных им в колониях, он приобрел большой опыт

38

и обнаружил особенную деловую умелость. Из всех личностей, которые играли роль в распространении испанского владычества на почве Америки, Фернандо Кортес является одной из самых симпатичных. Он происходил из почтенной семьи в Медельине, получил хорошее образование и изучал в течение двух лет право. Уже в 1504 году он из увлечения отправился во вновь открытую страну, сопровождал Веласкеса при первой колонизации Кубы и долгое время состоял его личным секретарем. Открывшаяся возможность принять более деятельное участие в исследовании новой, много обещавшей полосы земли вполне соответствовала его темпераменту и желаниям. Поэтому он не только охотно дал согласие, но даже выразил желание покрыть часть расходов предприятия из своего личного имущества. Однако самое увлечение, с которым Кортес отнесся к делу, вызвало недоверие со стороны подозрительного Веласкеса. Еще при приготовлениях не были окончены, а он уже раскаивался в выборе Кортеса и был настолько нетактичен, что дал последнему заметить это. У Кортеса не было, однако, ни малейшего желания уступить. Не выжидая снаряжения своих 11 кораблей, он отплыл в гавань Тринидад, расположенную в более западной части острова. Здесь он получил приказание Веласкеса не отправляться дальше, пока тот не переговорит с ним лично; но это обстоятельство лишь побудило Кортеса ускорить свой отъезд. Местом для свидания с флотилией он назначил мыс Сант-Антонио на западной оконечности Кубы. Так как при подобных условиях правильное снаряжение кораблей грозило ему серьезными опасностями, то он решился на отчаянное

средство: задержать насильственно два корабля, которые должны были везти провиант в Сантьяго, он завершил свое снаряжение при помощи их груза. За уплатой он предложил обратиться к Веласкесу, на службе у которого он еще считался, по крайней мере, номинально. В середине февраля 1519 года Кортес мог, наконец, выйти в море. На борту его 11 кораблей находилось немногим более 400 европейцев, около 200 индейцев,

39

16 лошадей и 14 орудий. Это был небольшой отряд в сравнении с тем, что было достигнуто при помощи его; но все-таки для условий того времени — один из сильнейших экипажей, какие посылались для основания новой колонии. Плавание шло сперва известными путями—в Косумелу, потом вокруг Юкатана, в Табаско. Прежние экспедиции страдали от враждебности туземцев главным образом в этом последнем пункте; поэтому Кортес решился наказать их. Правда, приходилось брать берег с бою; но при помощи мушкетов, орудий и особенно лошадей сопротивление тосканцев было сломлено. Когда они почувствовали силу испанского меча, они изменили свое прежнее поведение, стали приносить дары и покорились.

Такому хорошему началу благоприятствовали еще два случайных счастливых обстоятельства. На побережье Юкатана удалось освободить из индейского плена испанца, который один только оставался в живых из всех товарищей, приставших к берегу за несколько лет пред тем. Знакомство его с местными наречиями и условиями оказалось чрезвычайно полезными для Кортеса, особенно в начале предприятия. Такую же помощь Кортес встретил в Табаско. В числе 20 рабынь, которых ему, между прочим, представили туземцы в виде искупления, находилась женщина ацтекского происхождения, которая при крещении получила имя доньи Марины и з качестве переводчицы оказала весьма ценные услуги Кортесу. Она стала его возлюбленной, и благодаря ей он получил впервые более точные сведения о царствах ацтеков и политических условиях, господствовавших в них в то время. Эти сведения дали ему возможность составить смелые планы покорения ацтеков, которые он осуществил с непостижимым счастьем. Из Табаско Кортес поплыл вдоль берега до маленького острова Сан-Хуан-де-Улуа и неподалеку от него основал первое испанское поселение на мексиканской земле; он назвал его Вильярика-де-ла-Ве-ракрус. На берегу он был дружелюбно принят ацтекскими начальниками. События в Табаско сделались извест-

40

ным и в столице Монтесумы, и мнения относительно того, как должно встретить чужеземцев, в совете короля сильно разделились. К ужасу, вызванному поражением табасканцев, присоединились в данном случае суеверные представления, согласно которым Кетцалькоатль обещал своему народу со временем вернуться к нему через восточный океан. Испанцы, которые имели при себе молнию, сверкающую из облаков, и коня, бегущего со скоростью ветра, вполне подтверждали, что они — дети бога облаков и ветра. Поэтому наместник побережья нехотел приказ принять чужеземцев дружелюбно и по возможности удовлетворять их желания, но тотчас же сообщать об этом двору и ждать дальнейших приказаний. Если туземцы были поражены кораблями, огнестрельным оружием и лошадьми испанцев, то последних, в свою очередь, изумило искусство ацтекского писца, который для иллюстрации отчета, отправленного ко двору, довольно верно срисовал испанцев. Кортес присоединил к посольству наместника свое собственное. При этом он пояснил, что послан великим королем на дальнем востоке, чтобы поднести властителю Мексики подарки и передать поручение, которое он может, однако, изложить только устно. Ответ Монтесумы не заставил себя долго ждать. Он сопровождался богатыми подарками из золота и серебра, но гласил, что Кортеса просят этим удовлетвориться и отказаться от посещения самой столицы. Это было, однако, не в духе испанцев, и даже богатые подарки не могли склонить их к возвращению без всякого результата. Поэтому Кортес повторил желание предстать перед Монтесумой, но в то же время стал готовиться к посещению Мексики даже против воли правителя. И так как поведение ацтекского наместника побережья, несомненно, начало становиться все более и более враждебным, то Кортес на всякий случай стал искать союзников. Тотонаки, занимавшие далее к северу соседние страны побережья и лишь недавно насильственно подчинившиеся игу ацтеков, с самого начала отнеслись дружелюбно к испанцам и не-

41

однократно предлагали им посетить свою столицу Сем-поалу. Кортес отправился туда с частью своего экипажа и вернулся в Веракрус настолько успокоенный, что считал возможным двинуться в глубь страны, имея такое прикрытые линии отступления.

Предварительно следовало, однако, восстановить полное единство среди маленького испанского отряда. Ввиду явных признаков враждебности, которые Диего Веласкес обнаружил под конец в отношении Кортеса, последний не имел ни малейшего желания предоставить ему плоды своих усилий, и в этом ему сочувствовало большинство его спутников. Веласкес испытывал теперь на самом себе то, что он сделал в отношении Диего Колона при заселении Кубы. Кортес отправил драгоценные подарки Монтесумы с подробным отчетом прямо в Испанию и вместе с тем ходатайствовал о назначении его и спутников правителями страны, которую он обещал подчинить испанской короне. Лопцан Аламинос, который руководил всеми плаваниями вдоль побережья, должен был исполнить это поручение на лучшем из кораблей. Для того чтобы предупредить всякое дезертирство, весь остальной флот был объявлен негодным к плаванию, посажен на мель и совершенно уничтожен. Когда это было сделано, приверженцы Кортеса объявили себя независимыми от Веласкеса и вновь избрали Кортеса своим эо-начальником. Сторонники Веласкеса сделали, правда,⁴ попытку воспротивиться, но были подавлены большинством, после того как над

вожаками совершена была для устрашения кровавая расправа; остальные примирились со свершившимся фактом.

Уверившись, таким образом, в своих людях, Кортес двинулся внутрь страны, сопровождаемый многочисленными местными индейцами. Со стороны подданных Монтесумы испанцы не встретили открытого сопротивления. Но так как чем дальше продвигался Кортес, тем настойчивее Монтесума предостерегал его от посещения столицы, а в то же время индейцы-проводники вновь и вновь напоминали испанцам об изменнических приготовления-

42

ях, которые делались в силу тайного предписания ацтекского правителя, то испанцы шли постоянно готовые к бою. Они натолкнулись на открытую вражду лишь с вступлением в область Тласкалы. Храбрые горцы, веками успешно отражавшие всякие нападения со стороны соседей, не пожелали преклониться и перед чужеземными пришельцами. Произошла долгая и ожесточенная борьба, причинившая и испанцам значительные потери; но тласкаланцы убедились, наконец, что против огнестрельного оружия бессильна даже их бесстрашная храбрость. Они предложили испанцам мир и сделались верными и надежными друзьями их, как только узнали от тотона-ков, что испанцы отнюдь не питают дружественных чувств к ацтекскому правителю и намерены тем или иным способом положить конец его тирании.

Отдохнув в стране таскаланцев от напряженных переходов и битв и подкрепив свои военные силы таскаланским вспомогательным корпусом, испанцы двинулись дальше и дошли прежде всего до Чолулы. Здесь их снова встретили послы Монтесумы, которые требовали, чтобы они остановились, и советовали вернуться. В то же время Кортес узнал от своих индейских союзников, что его ожидало нападение при выступлении. Чтобы предупредить это, он захватил враждебных предводителей и отдал город на разграбление своим индейским союзникам. Они занялись этим так усердно, что даже большая храмовая пирамида Кетцалькоатля была превращена в груды развалин. Устрашенный Монтесума отрицал всякое участие в покушении и более не дерзал оказывать сопротивление испанцам.

Они беспрепятственно лерешли через горный кряж Попокатепетля, спустились в долину Мексики и по долине, идущей из Истапалапана, вступили в омываемый морем Тенохтитлан. Тысячи жителей его глядели на них с не меньшим изумлением, чем они сами на высокую культуру, которая встречала их здесь на каждом шагу- Сам Монтесума почти униженно вышел навстречу им во внутреннем городе, сопровождаемый многочисленной свитой,

43

и отдал для постоя их дворец своего отца, который был как нельзя лучше пригоден для защиты благодаря крепким стенам, окружавшим всю группу зданий. Сначала отношения короля к испанцам было, по-видимому, очень дружественное. Правда, Монтесума со спокойным достоинством отклонил попытки обращения, но выразил готовность признать императора Карла V своим сюзереном и заплатить ему обильную дань благородными металлами и драгоценными тканями. Его образ действий не был, однако, искренним: нападение, которое в то же время было сделано мексиканцами на испанцев, остававшихся в Веракрусе, как выяснилось потом, произошло по его приказанию. Воспользовавшись этим вероломством, испанцы заставили короля переселиться из своего дворца в помещение испанцев. Здесь они отнесли к нему более или менее как к пленному. Он должен был с торжественной церемонией присягнуть императору и фактически передать власть испанцам. Подавив еще раз попытку посадить на трон в качестве независимого правителя другого члена королевской фамилии, испанцы вступили на совершенно мирный путь управления страной. Переход совершился бы без всякого кровопролития, если бы не последовали осложнения извне.

Несмотря на то что Аламинос имел приказ плыть прямо в Испанию, не входя в отношения с колониальными гаванями, он не мог лишиться себя удовольствия хотя бы тайно и на короткое время завернуть на Кубу и там распространить весть о необычайном успехе Кортеса.

Чем больше была добыча, тем сильнее должно было быть стремление Веласкеса не упускать ее из своих рук. Поэтому не удовлетвовавшись донесением в Севилью о вероломном образе действий Кортеса, он напряг все сил и снарядил второй экспедиционный корпус с целью вырвать у Кортеса добычу, прежде чем он станет твердой ногой в новой стране. Панфило де Нарвазс, на которого Веласкес возложил задачу унижить Кортеса и принудить его к повиновению, располагал гораздо более -начт ильными боевыми силами, чем Кортес, но у них не Ои .: един-

44

ства. Вице-король Диего Колон, не касаясь пока правового вопроса, воспретил Веласкесу парализовать каким-либо насильственным вмешательством блестящие успехи Кортеса. Повторные протесты его посла, который сопровождал флот Нарваэса в Веракрус, не остались без влияния на экипаж; к тому же Нарваэс своими личными качествами не внушал к себе такого доверия экипажа, как Кортес. На требование передать город Вильярику, наместник Кортеса отвечал тем, что отправил посланных в Мехико к своему полководцу. Во время личных переговоров Кортес быстро понял, что ему нетрудно будет отвратить от Нарваэса его людей. Поэтому, вступив открыто в переговоры с Нарваэсом относительно соглашения между ними на почве разграничения власти, он в то же время сосредоточил все бывшие у него в распоряжении боевые силы и, оставив в столице главный гарнизон под начальством Педро де Альварадо, быстро двинулся на встречу Нарваэсу. Осведомленный наилучшим образом через посредство перебежчиков, он в темную ночь напал на

лагерь Нарваэса, почти не встретив сопротивления. Сам Нарваэс, потеряв в битве глаз, был взят в плен, после чего почти все войско, им приведенное, перешло на сторону Кортеса. Лишь немногие, в том числе и Нарваэс, воспользовались разрешением вернуться на Кубу. Легкая победа более чем удвоила боевые силы Кортеса: у Нарваэса было гораздо больше конницы и стрелков, чем у Кортеса. Эти силы вскоре действительно понадобились ему. В Тенохтитлане тотчас после удаления Кортеса стало заметно грозное брожение. Во время одного большого праздника Альварадо узнал, что намереваются воспользоваться большим стечением народа, чтобы напасть на испанцев и освободить Монтесуму. Он счел более разумным предупредить это нападение и сам напал на толпу и рассеял ее после ужасной кровавой расправы. После этого мексиканцы также перешли к открытым враждебным действиям и окружили испанцев таким тесным кольцом, что Альварадо вынужден был просить Кортеса о возможно скорейшей помощи. Поэтому Кор-

- 45

тес, как только вновь организовал свои отряды, после* шил двинуться к Мехико. По пути испанцы всюду чув-'j ствовали изменившееся, недружелюбное настроение, но-тем не менее путь был свободен, и им удалось соединиться с осажденными без серьезной борьбы. Слишком по-, здно понял Кортес, что этим он не только ничего не выиг-' рал, но поставил свое владычество, завоеванное с таким трудом, в зависимость от исхода одного какого-нибудь! сражения. Как только он вступил в город, за ним закрыв лись все пути, и испанцы, хотя и в большем числе, очутились в таком же отчаянном положении, как перед т отряд Альварадо. Сперва они пытались победить противника в открытом бою. Но вместо тысячи падавших, плохо вооруженных туземцев, появлялись все большие и большие массы их. Тогда Кортес решил прикрыться авторитетом пленного короля, и появление последнего на огаде действительно повело к временному перемирию. Но когда Монтесума заявил, что он не в плену и повелел не препятствовать удалению испанцев, то ярость „ его подданных направилась и против него. Несколькими| брошенными камнями он был ранен так тяжело, что через несколько дней умер. После этого борьба приняла еще более ожесточенный характер. Теперь и Кортесу стало ясно, что он должен пробиться из города, чего бы это ни стоило. Но он был так тесно окружен врагами, что немыслимо было делать приготовления втайне. Почти с первого шага приходилось форсировать обратный путь через плотину, имеющую около двух километров в длину. Кортес выбрал для отступления ночное время в на-; дежде, что опасность будет меньше. Но враги были уже давно подготовлены к этому. Они оказались на месте, , сильно теснили его с обеих сторон и сражались с лодок, 1 пробив в различных местах плотину. Град стрел и камней сыпался на отступавших. Кортес приготовил мосты для того, чтобы перебросить их через прорывы плотины,., и через первый прорыв ему действительно удалось прот браться. Но уже на втором яростный натиск со всех сто-; рон произвел такое необычайное смещение, что моста не!..

46

удалось поставить. Массы тел падали в провал, и бежавшие устремились по ним к матерiku. И только там, у кипариса, который до сих пор оберегается, как памятник «грустной ночи», *noche triste*, удалось до некоторой степени восстановить порядок. Понесенные потери были громадны. Две трети испанцев и еще больший процент туземных союзников пали или были взяты в плен, чтобы истечь кровью на алтарях идолов. Все орудия и большая часть ружей были потеряны и 46 из 67 лошадей убито. Из золотых сокровищ Кортес сохранил лишь пятую королевскую часть, а остальное отдал своему войску; но в ужасной битве почти все это погибло. Положение спасшихся, которые почти все были ранены, оставалось критическим, так как от ближайшей дружественной страны их отделяли еще сотни километров.

Кортес полагал, что враг еще не раз преградит ему путь. Поэтому он обошел озеро с северной стороны и таким образом действительно добрался через Теотиуа-кан до Отумбы, но здесь испанцам еще раз пришлось пробиваться сквозь подавляющую массу неприятеля (по счету Кортеса, численность врагов доходила до 200 000). Победа досталась с величайшим трудом, и, вероятно, только благодаря тому обстоятельству, что испанцам удалось убить неприятельского предводителя в толпе его воинов. После битвы они могли продолжать отступление несколько свободнее, но опасность миновала лишь тогда, когда они вступили на Тласкаланскую территорию. Тласкаланцы остались верны со-¹⁰³У, заключенному с испанцами, несмотря на все заманчивые предложения противников. Прошли месяцы, прежде чем испанцы настолько оправились от ужасных трудностей отступления и пополнили свои ряды с островов, что Кортес мог подумать о новом наступательном движении. В последние недели 1520 года он покинул гостеприимную Тласкалу и прежде всего постарался восстановить славу испанского оружия покорением °°седних народностей. Затем он напал на Тескуко, для °го чтобы оттуда подготовить план завоевания остров-

47

ного города Тенохтитлана. Здесь он прогнал ацтекского наместника и сумел приобрести готовых помочь ему союзников, ловко воспользовавшись политическим положением Анагуака. Тогда Кортес оказался таким же превосходным организатором, как раньше проявил себя неустрашимым полководцем. Для войны против городов на берегу озера он отправлял главным образом союзников под предводительством небольших испанских отрядов. Сам провел из Тескуко канал к озеру Мексике и в недоступном месте построил флотилию из 13 кораблей, которая после открытия канала выступила в озеро. Эта флотилия была в состоянии отражать назойливые нападения вражеских лодок. После этого начались одновременно с суши и с озера систематические нападения на один береговой город за другим. Последними пали города, которые господствовали над доступом к дорогам, проложенным по плотинам. Когда, наконец, флотилия Кортеса

одержала решительную победу над флотом из лодок мексиканцев, и последние исчезли с озера как военная сила, испанцы получили возможность приступить к нападению на саму столицу.

Там Куитлагуак, король, руководивший битвой «грустной ночи», умер после 4-месячного правления. Ему наследовал правитель Гуатемоцин, не уступавший ему в храбрости. Уже после нескольких неудачных нападений испанцы должны были убедиться, что нелегко взять город штурмом. Однако и систематическая осада, на которую решились неохотно, оказалась длительной и трудной. Каждая пядь земли, каждый дом защищался с необычайной храбростью туземцами, которые собрались в огромном числе в Тенохтитлан. И пока все входы в город со стороны воды не перешли в руки испанцев, корабли Кортеса не могли окончательно отрезать подвоз продовольствия осажденным. Несмотря на это, испанцы медленно, но неуклонно продвигались вперед. После почти 10-дневной осады они оттеснили противника в небольшую часть города, разрушая по пути все здания, чтобы иметь возможность пустить в ход свои лучшие средства

48

борьбы, орудия и конницу. Тогда Гуатемоцин начал сомневаться в возможности отстоять истомленный голодом город. Он попытался уйти через озеро, но попал в руки испанцев. После того осажденные наконец перестали сопротивляться, и 13 августа 1521 года геройские защитники покинули развалины Тенохтитлана. Тотчас после этой победы Кортес возобновил деятельность, которую вынужден был прервать вследствие появления Нарваэса на побережье. Податные списки Мон-тесумы дали ему возможность составить весьма точное представление о размерах и организации его царства. На этой основе он создал провинции и регулировал подати. Для него было чрезвычайно важно, что весть о богатой и высокоцивилизованной стране, открытой, наконец, на американской почве и благодаря его энергии присоединенной к испанской короне, дала такой мощный толчок к эмиграции, какого не было со времени второго путешествия Колумба. Уже через несколько лет город Мехико насчитывал тысячи жителей, и Кортес со свойственной ему энергией восстанавливал разрушенные постройки. Рядом с этим на всей территории Монтесумы раскинулась сеть мелких европейских поселений. Уже в первый год такое поселение было организовано на южном озере. В это время возвращение «Виктории», единственного из кораблей, отплывших в 1519 году с Магелланом, который совершил кругосветное плавание вокруг южной оконечности Америки и Африки, привлекло интерес к Мо-лукским островам, будто бы находившимся в пределах испанского владычества. Возникло желание найти более короткий путь к этим островам по сравнению с тем, который был открыт Магелланом. Тогда в короткое время было построено в Сакатуле несколько кораблей, которые вскоре приступили к систематическому исследованию тихоокеанского побережья Мексики.

Некоторое время Кортес питал серьезную надежду отыскать проход через Центральную Америку. Это стремление и желание точнее установить южные границы завоеванной им страны, куда он под влиянием

своих

49

у

Битвы Кортеса в Мексике Ш (с ацтекских рисунков «Лиенсо де Тласкала»)

Пояснение к рис. на с. 50—57 Битвы испанцев в Мексике по ацтекским рисункам «Лиенсо де Тласкала»

Так называемое Лиенсо де Тласкала был кусок полотна. Почти в 6 локтей длины и 2 $\frac{1}{2}$ локтя ширины; на нем водяными красками, в 86 картинах, были изображены события покорения, в которых тласкаланцы принимали участие, как союзники испанцев. Хотя эти изображения возникли в XVI веке, но они были исполнены туземцами с их своеобразным искусством. Оригинал был потерян во время революции после низвержения императора Максимилиана, но существует точная копия Лиенсо в отдельных листах, изданная Мексиканским Колумбовских обществом, в сочинении tHomenaje a Colon, Antiguiedades Mexicanas publ Por la Junta Colombina de Mexico» (Мексика, 1892).

Приводимый здесь лист (№ 52) представляет событие из экспедиции Нуньо де Гусмана в Новую Галисию в 1530 года, а именно, битву с обитателями Мичуакана, В союзе с Нуньо де Гусманом и его испанскими всадниками тласкаланцы сражаются под предводительством начальника, который держит боевой значек Тисатлана; вероятно, это — сам Хи-котенкатль. Личность второго начальника с богатым украшением из перьев не может быть установлена. Нападающих сопровождают страшные военные собаки. Поводом к битве послужила измена индейца, намеком на которую служит повешенный. Правый верхний угол заполнен иероглифами, обозначающими Мичуакан: это — страна рыболовов. Исход битвы, окончившейся поражением, указывается искаленным трупом передового бойца, который лежит распростертым в правом углу картины.

52

успехов с уверенностью рассчитывал проникнуть со стороны поселений в Дариене, побудили его, как только позволило положение дел в центре провинции, снарядить две новые экспедиции. Одна, под управлением Пед-ро де Альварадо, проникла через южноамериканское побережье Тихого океана в область майяских племен, которые жили в гористых местах на севере перешейка, в нынешней Гватемале. Альварадо сумел воспользоваться теми же условиями, которые помогли Кортесу одержать победу, а именно распрями между начальниками отдельных племен. Хотя и здесь порой встречалось упорное сопротивление, и туземцы выказали такую же храбрость, как и защитники Тенохтитлана, но здесь, как и в

других местах, они не в состоянии были долго **держаться против** испанцев. Поход доставил не только **славу, но и богатые** результаты.

Менее счастливым оказалось другое предприятие, которое Кортес одновременно с **первым** направил вдоль Атлантического побережья на юг. Начальник **этой экспедиции** Христобаль де Олид с самого начала был подозрителен Кортесу, который опасался, **что тот поступит с ним так же**, как раньше поступил сам Кортес **по отношению** к Веласкесу. Правда, Олид, **объехав полуостров Юкатан**, еще от имени Кортеса завладел **страной в Пуэр-то** де Кабальосе и основал поселение **под названием Три-унфо** де ла Крус. Но затем **он обнаружил несомненное** желание обеспечить за собой еще **небольшую область между** центральноамериканской **провинцией, организованной** под названием **Castilla del oro, и мексиканской** провинцией Кортеса. Он привлек **к себе из обеих провинций** беспокойные элементы **искателей приключений и при** помощи их устранил **добросовестных** людей или запугал их. Случаю угодно было, **чтобы многие** отряды, **которые** Кортес посылал за Христобалем **де Олид, исчезли без вести** и не достигли цели; поэтому до главнокомандующего доходили лишь слухи о предполагаемом **отпадении де Олида. В** этом он увидел серьезную **опасность. Стремления** Кортеса добиться **санкции его наместничества**

53

со стороны короля все еще не увенчались полным успехом, и если бы Олиду удалось теперь вместе с Веласкесом самостоятельно укрепиться на юге, то Кортес мог поплатиться если не всеми своими владениями, то большей частью их.

Поэтому Кортес со свойственной ему быстротой решения в октябре 1524 года выступил из Мексике и направился вдоль Атлантического побережья до Усуман-синты. Отсюда он пересек в поперечном направлении Юкатан в том месте, где этот полуостров сливается с материком, и, наконец, через озеро Исабаль достиг поселения Олида на берегу. Цель похода Кортеса была достигнута еще до его вступления: Олид был устранен, и колония возвращена к повиновению. Во время своего похода Кортес прошел через обширную неисследованную область, познакомился с городами и странами майя и настолько укрепился на всей этой территории, что всякая опасность постороннего вмешательства была устранена. Правда, серьезная попытка покорения полуострова Юкатан, где жили последние остатки народностей с древней чистой культурой майя, сделана была лишь несколько лет спустя Франсиском де Монтехо и с переменчивым успехом осуществлялась сравнительно медленно. Но после того как полуостров был исследован со всех сторон, с суши и с моря, завоевание его составляло лишь вопрос времени; главные тайны этого острова были раскрыты Кортесом. В течение целого ряда лет, пока новые открытия не отвлекли внимание **в** другую сторону, туда отправлялись время от времени из Севильи *flotas de Yucatan* и привозили домой богатые сокровища.

Когда Кортес углубился в дикие страны, чтобы подавить непокорность своих подданных, возмущение дерзко подняло голову в самой столице его. Кортеса считали пропавшим без вести, и противники его — а их было немало у энергичного и беспощадного конкистадора среди тех, чьих преувеличенных надежд он не оправдал, — приобрели настолько силы, что свергли уста-

54

новленное им регентство и захватили его в свои руки. Правда, это антиправительство рухнуло, когда возвращавшийся полководец стал приближаться к городу. Он был утвержден в это время Карлом V в качестве наместника и военачальника провинции Новой Испании. Тем не менее с тех пор были посеяны зародыши недовольства, которые в конце концов вынудили Кортеса в 1527 году отправиться в Испанию и лично изложить двору положение дел. Невзирая на бесконечные процессы, ему удалось оправдаться перед Индийским Советом, но, как некогда Колумбу, ему не разрешено было вернуться на прежний пост. И когда он вернулся в 1530 году в Мексику, то должен был выносить рядом и над собой нового наместника. Это было слишком тяжело для гордого и честолюбивого завоевателя. В это время он дал новый импульс к открытиям в северо-западном направлении. Он неоднократно посылал корабли вдоль тихоокеанского побережья, открыл Калифорнийский залив и, наконец, в 1506 году лично еще раз проник далеко вглубь Калифорнийского полуострова. Если ему *при лом* так же не удалось открыть искомый северо-западный проход, как и в Центральной Америке, то все-таки экспедиции его способствовали выяснению факта, что север Америки до высших широт не находится в связи с азиатским материком.

Еще до середины столетия испанцы далеко проникли во внутренние страны материка к северо-западу от Мексики. Вслед за покорением северных областей ацтекского царства, Нуньо де Гусман с войском, состоявшим из испанских и индейских воинов (см. рис. «Битвы Кортеса в Мексике» на с. 50—51), проник в 1530 году в будущую Новую Галисию (позднее провинция Дуранго и Синалоа). Его манили в эту страну слухи о городах, богатых золотом. Они как будто подтверждались рассказами некоторых спутников Эрнандо де Сото, который из Флориды проник через южные области Соединенных Штатов до Техаса и Мексики. Слухи говорили о поселениях с многоэтажными домами и такой же богатой и кипучей

55

жизнью, как в Мехико. Самый большой из этих городов они называли Сибола. Сюда-то в 1535 г. предпринял поход Хуан Васкес де Коронадо из Кулиакана в северозападном направлении. Пройдя вместе со своими спутниками, с большими усилиями и лишениями, скудные водой местности между большим Колорадо и Рио Гранде, он дошел до городов индейцев пуэбло, которые, без сомнения, и служили источником сказочных слухов. Однако у простых земледельцев суньисов, валышсов и мокисов ими столь же

мало найдено сокровищ, как и Нуньо де Гусманом. Тогда мнимый золотой город получил новое название. Еще много десятков лет после того призрак сокровищ Кивиры манил испанцев в глубь пустынных прерий Льяно Эстакадо. Но собственно в городах пуэбло испанское влияние достигает своего северного предела, и только в XIX веке снова проникает косвенным путем дальше, когда исследование дальнего запада усилило со всех сторон переселенческое движение в Калифорнию.

ЗАВОЕВАНИЕ ПЕРУ

Успехи Кортеса не только вновь оживили эмиграцию, но и охоту к новым открытиям. Никогда Индейский Совет не был так осаждаем просьбами о разрешении новых колонизационных опытов, как в года, следовавшие за покорением Мексики. Правительство могло теперь спокойно отказаться от дальнейшего официального исследования новой части света: дух предприимчивости среди подданных его был слишком велик, и они наперебой спешили опередить друг друга на поприще открытий. По прошествии какого-нибудь десятка лет на американском материке не осталось почти ни клочка земли, который не был бы занят тем или другим лицом, открывшим его. Не всегда, конечно, разрешение Индейского Совета на то или иное предприятие осуществлялось на деле; с другой стороны, некоторые предприя-

56

тия оказывались настолько неудачными, что концессионеры в скором времени отказывались от своих прав. Случалось даже, что поселения, просуществовавшие уже много лет, как, например, на Сайта-Марта, приходили совершенно в упадок, и потом требовалось снова основывать их. Но если в Северной Америке еще более столетия на границах испанских владений оставались почти нетронутыми обширные пространства земель, на которые Испания могла заявлять лишь чисто формальные притязания, то в южной половине Нового Света едва ли оставалась сколько-нибудь значительная неисследованная область, если не считать низменностей к югу от Амазонки. Некоторые пионеры пробирались в такие места, которые потому лишь с точностью не установлены, что до сих пор туда не проникал вновь ни один белый человек, который мог бы рассказать нам о своих приключениях.

У индейцев Центральной Америки испанцы, вероятно, заимствовали смутные слухи о существовании богатых и сильных государств как на юге, так и на севере. И когда с завоеванием Мексики расширение среднеамериканской провинции к северу остановилось, интерес, естественно, обратился к югу. Плавания вдоль тихоокеанского побережья прежде всего привели к знакомству с племенами, которые стояли на необычайно низком культурном уровне. Поэтому, вероятно, прошло много времени, прежде чем испанцы узнали о государстве инков. Вследствие недоразумения название Перу было распространено потом на это государство. «Виру» было название маленького царства у залива Сан-Мигель на юго-западной оконечности перешейка. Еще Бальбоа мимоходом коснулся его, но в 1522 году оно составило главную цель предприятия Паскуаля де Андагойя. Непосредственный результат и в этом случае не превышал того, к чему привели походы в Дариенскую область. Но на этот раз умели лучше столкнуться с туземцами, из рассказов которых испанские искатели золота яснее поняли, что дальше к югу, на тихоокеанском побережье, находится боль-

57

шое царство, где испанцы найдут изобилие желтого металла. Это могло относиться только к царству инков. Указания индейцев произвели особенно сильное впечатление на одного из спутников Андагойи. То был Фран-сиско Писарро, тип обыкновенного авантюриста. На родине своей в Эстремадуре он пас свиней, но еще в юности, в 1508 году, переплыл вместе с Гохедой океан и испытал все превратности, которые предшествовали основанию Дариенской колонии. После устройства ее он был постоянным участником всех предприятий с целью открытий. Он приобрел, таким образом, опыт во всевозможных трудных положениях и при этом выработал себе спокойную, но в то же время непреклонную настойчивость, которую начальники его и спутники умели высоко ценить. Эти качества он проявил вновь при осуществлении плана розысков золотой страны индейцев. Так как собственных средств его было недостаточно для снаряжения экспедиции, несмотря на его 15-летнюю службу в колониях, то он стал искать содействия среди колонистов. Диего де Альмагро, такой же авантюрист, как и сам Писарро, доставил ему ряд решительных спутников, но обладал столь же мало, как и Писарро, необходимыми финансовыми средствами. Нашлись, однако, и средства. Викарий Панамской церкви фрай Эрнандо де Луке обладал и сам небольшим состоянием, которое готов был вложить в предприятие, но его отношения с губернатором Педрариас Давиле и с другими знатными лицами колоний еще более дали ему возможность облегчить существование предприятия во всех отношениях. В 1524 году Писарро мог предпринять первый поход к югу.

Результаты похода нельзя назвать удачными. Как Писарро, отплывший раньше, так и Альмагро, следовавший за ним через несколько месяцев, исследовали побережье Панамы приблизительно на полпути до северной границы царства инков и в награду за громадный труд получили только очень скромную награду. Писарро, однако, и здесь блестяще доказал свою непоколебимую стойкость. Дважды он посылал свой корабль обратно в Пана-

58

му и по целым неделям оставался с небольшим отрядом на совершенно неизвестном побережье. Когда он наконец решился вернуться сам, то лишь вследствие сознания необходимости личного вмешательства в снаряжение экспедиции, какое, по его мнению, было нужно ввиду неожиданно больших расстояний. Завоевание Перу было сведено теперь на степень финансовой спекуляции, для чего был заключен в полном смысле слова коммерческий договор. Луке и лица, скрывавшиеся за ним, дали деньги, а Писарро и Альмагро

ставили на ставку свою жизнь. Сообразно с этим регулировалось распределение барыша. Через несколько месяцев после своего возвращения Писарро мог снова пуститься в море, на этот раз в сопровождении Альмагро, и возобновить исследование побережья с самого южного пункта, достигнутого перед тем. Теперь дело подвигалось быстрее вследствие лучшего снаряжения и более благоприятного времени года. Тем не менее припасы истощились прежде, чем они достигли гуще населенных местностей. Приходилось еще раз послать в Панаму за провиантом. В этот момент экспедиции грозило полное крушение. После сообщений послов, вернувшихся домой разочарованными, губернатор объявил, что считает продолжение предприятия бесполезной тратой денег и человеческих жизней и отправил приказ Писарро и его спутникам, остававшимся на Isla del Gallo, вернуться домой. Но Писарро был непоколебим; только с 12 товарищами он выжидал на острове 7 месяцев, пока, наконец, компаньоны его не выслали ему корабль и запасы. Тогда он энергически продолжал плавание к югу и достиг, наконец, самого государства инков. В Тумбесе, на Гуаякильском заливе, он вступил в мирные отношения с туземцами и мог наконец убедиться собственными глазами в том, насколько верны были рассказы индейцев. Но именно грандиозность раскрывшейся перед ним картины, которая превосходила все его надежды, побудила его вернуться еще раз. Предстоящая задача не могла быть разрешена средствами его компаньонов; здесь нужно было

59

создать сперва более солидные основы. Когда Писарро вернулся в Панаму и сообщил о результатах, то нетрудно было убедить товарищей в необходимости сначала приобрести в Испании привилегии открытия в подлежащих завоеванию провинциях. Для него в то же время было ясно, что сам он является, наиболее подходящим лицом для того, чтобы отстоять это предприятие перед Индейским Советом. Весной 1528 года он отплыл в Севилью и представился ко двору. Когда два года спустя Писарро возвратился в Панаму, он привез для себя звание аделан-тадо новой провинции, для Альмагро — звание коменданта Тумбеса, а для Луке — право на первое епископство. Альмагро уже тогда почувствовал себя оскорбленным неравным распределением власти между ним и его спутником, но оставил это пока без последствий. По-видимому, в добром согласии они отправились на юг во главе отряда приблизительно из 200 испанцев. Еще на пути в Тумбес этот экспедиционный корпус был неоднократно подкрепляем новыми отрядами. В Тумбесе жители города и на этот раз приняли их мирно, тем более, что Писарро освободил их от враждебного соседства обитателей острова Пуно, которым он, подстрекаемый жителями Тумбеса, нанзс чувствительное поражение. Здесь он узнал вместе с тем о недавно окончившейся войне между братьями Гуаскаром и Атагуальпой на зародышах недовольства, которые посеяла эта война. Эти известия побудили его поторопиться на место действия. Основав как опорный пункт и как посредника для отношений поселение Сан-Мигель, он направился в глубь страны прямо туда, где, по указаниям туземцев, должен был встретить инку Атагуальпу. Было, конечно, безумием идти навстречу приблизительно 40-тысячному войску с 168 испанцами без всяких союзников и притом в совершенно чуждой стране. Но, быть может, Писарро обязан своим успехом именно этой ничтожности своего отряда, так как перуанские инки не считали нужным преграждать ему путь или готовиться к сопротивлению. Наоборот, Атагуальпа, по-видимому,

60

почти жаждал познакомиться с испанцами: гонцы, которых он одного за другим высылал навстречу им, приносили вместе с подарками приглашение предстать перед инкой. Так Писарро со своим отрядом беспрепятственно поднялся с береговой равнины в горы и достиг, наконец, города Кахамарки, вблизи которого расположилось лагерь войско инки. Город был покинут, что оказалось испанцам на руку: они могли на всякий случай незаметно приготовиться к защите и собраться с силами. На другой день после прибытия Писарро отправил в лагерь небольшой отряд, состоявший исключительно из всадников под предводительством Эрнандо де Сото, и просил инку почтить испанцев своим посещением. Он пришел к убеждению, что было бы нелепостью вступать в открытый бой с несоразмерно превосходными силами инки. Всю надежду он полагал, наоборот, на то, чтобы овладеть особой инки и затем — как это сделал с большим успехом Кортес в Мехико, — прикрывшись его авторитетом, покорить страну. Атагуальпа чрезвычайно заинтересовался конницей, представлявшей для него совершенно новое явление. Но на приглашение, которое принес ему Сото будто бы от имени императора Карла, обратил мало внимания, обещая, впрочем, прибыть на следующий день в Кахамарку, чтобы познакомиться там с прочими испанцами и их главнокомандующим.

Для Писарро было ясно, что следующий день решит судьбу его предприятия. Его предложение тотчас же воспользоваться этим первым случаем напасть на перуанцев и захватить в плен Атагуальпу встретило всеобщее одобрение. Тщательно были сделаны все приготовления, чтобы обеспечить исход смелого плана. С возрастающим нетерпением ожидали испанцы большую часть следующего дня, но из лагеря инков никто не приближался. Они уже склонны были думать, что план их обнаружен, несмотря на все принятые меры предосторожности, но поздно за полдень действительно тронулось шествие в направлении к Кахамарке, и в один момент все испанцы были на своих постах. Город казался точно

61

вымершим при вступлении инки, и он мог дойти до базарной площади, не встретив ни одной человеческой души; сам базар был вначале также пуст. Но когда инка в открытых носилках остановился, навстречу ему вышел монах фрай Педро де Вальверде, сопровождаемый двумя туземцами, которых Писарро захватил во время своих первых походов и увез в Испанию, где сделал из них переводчиков. Монах обратился к инке с

известной речью, которая, по приказанию Карла V, каждый раз передавалась переводчиками туземцев, прежде чем прибегнуть к силе. Монах начал с самого сотворения мира, рассказал о наместничестве Папы на земном шаре и объяснил, что, с благословения Папы, испанские правители требуют подчинения от своих индейских подданных. Атагуальпа выслушал речь, не дрогнув ни одной чертой в лице. Так как Вальверде многократно ссылался на Библию, которую он держал раскрытой в руке, то инка пожелал взглянуть на книгу. Он перелистал ее и, не находя в ней ничего особенного, презрительно швырнул ее на землю. Этот поступок вызвал восклицание у монаха, которое для испанцев, послужило сигналом к нападению. Две полевые пушки-кулевки, поставленные таким образом, чтобы обстреливать базар, были пущены в ход. Всадники, стоявшие рядом с своими оседланными конями позади ближайших домов, вскочили в седла и бросились, опрокидывая все перед собой, к центру площади и к носилкам инки. В то же время стрелки и пешие воины препятствовали свите инки, состоявшей из нескольких тысяч человек, прийти на помощь сражавшимся на площади. В суматохе, которая последовала за внезапным нападением, выполнение самого плана вполне удалось. Носильщики были опрокинуты, инка выпал из своих носилок и был взят испанцами невредимым. Несмотря на храбрость своих воинов, инка не мог быть освобожден, так как испанцы настолько удачно рассчитали пространственные условия, что противник не мог воспользоваться своими превосходными силами. После короткой, но кровавой битвы (говорят, что

62

пало около 2000 перуанцев) индейцы должны были отступить и предоставить инку своей судьбе. Благодаря удачному исходу этого смелого маневра завоевание царства инков было совершено одним ударом. Войско его рассеялось, и страна была вполне открыта для испанцев. Всякое желание последних, прикрываемое авторитетом инки, исполнялось. Атагуальпа тотчас убедился, что силой он ничего не сделает. Его окружили, правда, почетом, оставили при нем жен и придворный штат, но зорко наблюдали за ним, для чего он был помещен в одно из самых крепких зданий Кахамар-ки. Последнюю надежду он возлагал на переговоры. Зная, с какой жадностью испанцы искали золота и сокровищ, он обещал им наполнить помещение, в котором он жил, золотом и серебром в рост человека с поднятой рукой, если ему будет разрешено вернуться на трон предков. Испанцы были настолько благоразумны, что не отвергли сразу это предложение. И каково было радостное изумление их, когда действительно по приказанию инки со всех концов начали стекаться сокровища в Кахамарку. Первоначальные сомнения испанцев в возможности выполнения этого обещания все более и более исчезали. Это не мешало им, однако, еще и другими путями стремиться к своей цели, т. е. к покорению страны. Писарро успел пока собрать более точные сведения относительно спора за престол и узнать, что законный инка Гуаскар еще жив. Это было слишком ценное оружие для будущих планов Испании, что бы не заручиться им. Атагуальпа узнал об этом и, чтобы опасный соперник его не попал в руки испанцев, отдал тайный приказ умертвить Гуаскара. Едва ли он подозревал, что этим решает и свою собственную судьбу.

Так как доставка выкупа за освобождение, как по мнению как самого инки, так и испанцев, шла недостаточно быстро, то было решено отправить отряд к святилищу Пачамака. Во главе этого отряда, первого, который проник в глубь царства инков, Писарро поставил своего брата Фернандо. Главная цель похода не была достигнута.

63

Фернандо Писарро нашел сокровища уже разграбленными и ограничился тем, что разрушил глиняное изображение идола и водрузил на место его крест. Но, возвратившись, он рассказывал новые удивительные вещи о высокой культуре и замечательных учреждениях в государстве инков. Еще более рассказывали два других испанца, которые отправились с охранными листами инки, также по поводу выкупа, и достигли Куско. Нигде они не встретили следов сопротивления, и золото, как и прежде, продолжало нагромождаться в покоях инки. Слишком велика была, однако, алчность кучки авантюристов, чтобы они могли спокойно глядеть на эти сокровища и ждать, пока выкупная сумма совершенно пополнится. Они решили уже теперь поделить между собой. Какова должна была быть масса накопившегося золота и серебра, можно заключить из того, что одна лишь королевская пятая часть равнялась почти миллиону червонцев.

Атагуальпа, потребовавший теперь своей свободы, собрался в путь. Силы испанцев почти удвоились благодаря прибытию значительного подкрепления с Альмагро во главе. Тогда Писарро, вопреки совету многих из своих спутников, предал Атагуальпу суду как похитителя трона и братоубийцу и велел казнить его. Вместо него он возвел в сан инки другого члена королевской фамилии, чтобы через его посредство на будущее время обеспечить себе повиновение туземцев. Эта цель была, впрочем, не вполне достигнута. Когда оба короля инков погибли, узда, сдерживавшая туземцев в повиновении, ослабла; они все более и более сторонились испанцев и порою становились в открытые враждебные отношения к ним. Писарро решил тогда оставить Кахамарку. Сам он повел главные силы на юг, чтобы предпринять осаду столицы Куско, и в то же время отправил менее значительный отряд под предводительством Беньалькаса в северном направлении с целью овладеть резиденцией Атагу-альпы, а вместе с ней и царством Кито. Это оказалось весьма важным, так как слава о сокровищах Перу успела уже распространиться и возбудить аппетиты других ис-

64

панцев. Педро де Альварадо, сотоварищ Кортеса по завоеванию Мексики, а в то время наместник Гватемалы, явился спустя несколько недель с толпой авантюристов в Перу, с явным намерением завоевать в

Кито для себя более богатую страну, чем та, которую он нашел на севере. Немногого недоставало, чтобы здесь разыгралась такая же история, как в Мексике между Кортесом и Нарва-эсом; но Альварадо бы менее настойчив. Он вступил в переговоры с Писарро и Альмагро и в конце концов уступил им за денежное вознаграждение все свое снаряжение. Эта сделка была охотно принята его спутниками, так как царство инков было достаточно велико и богато, и они могли рассчитывать на обильную добычу в другом месте. До сих пор испанцам только один раз пришлось прибегнуть к оружию. Во время похода к Куско неприятельское войско преградило путь Писарро. Только после ожесточенных сражений, в которых испанцы также потерпели значительные потери, удалось очистить путь. После того испанцы без сопротивления заняли Куско и основали там испанское поселение. Но Писарро не выбрал это место столицей. Положение города на юго-востоке царства, вдали от берега моря, делало его менее пригодным для целей испанцев. Кроме того, прибытие Альварадо заставило Писарро ускорить возвращение к берегу. Здесь, на реке Римаке, он положил основание Судада-де-Лос-Рейес, позднейшей Лиме, будущей резиденции провинциального правительства.

Постоянные подкрепления боевых сил, которые получал Писарро, дали ему возможность продолжать открития во всех направлениях, и вскоре он очутился за пределами древнего царства инков. Ряд походов открыл Альмагро, который вскоре после занятия Куско двинулся оттуда через нынешнюю Боливию, между обоими Кордильерами далее к югу. При этом он без труда подчинил провинции, расположенные вокруг озера Титикака. Но дальнейшее движение к югу, постоянно в горах, стоило невероятных усилий. Холод и голод заставили его нако-

ЗЗак.571

65

нец решиться перейти через покрытый льдом хребет западных Кордильер, чтобы идти обратно более удобным побережьем. Он достиг берега в области Копиапо и прошел дальше Кокимбо. На обратном пути вдоль моря ему пришлось бороться в пустыне Атакаме с чрезвычайными лишениями. И все-таки этот поход дал в результате лишь исследование значительной части нынешнего Чили и привел к убеждению, что там нельзя рассчитывать на большие сокровища.

Альмагро вернулся вовремя для того, чтобы выручить испанцев в Куско из большой опасности. Инка, поставленный Писарро в Кахамарке, вскоре умер, и на его место был возведен в королевский сан инка Манко. Но так как испанцы нигде не встречали сопротивления со стороны туземцев, то инка показался им ненужной личностью. На него обращали так мало внимания, что ему легко удалось бежать из Куско в северо-восточную горную страну, где он организовал широко разветвившийся заговор против испанцев. Слабый гарнизон города Куско был окружен и очутился в критическом положении; только бешеная храбрость Фернандо Писарро спасла его от окончательной гибели. После этой неудачи Манко отступил; но он превратил нападение в блокаду, которая была настолько действительна, что защитники Куско оказались близкими к голодной смерти. В этот момент возвратившийся Альмагро рассеял неприятеля и дал возможность городу запастись новым продовольствием. Альмагро потому еще торопился освободить Куско, что полагал принести пользу лично себе. В то время как он переносил в Чили напрасные лишения, в Испании, по крайней мере, отнеслись к нему справедливо. Карл V назначил его наместником провинции на юге Перуанского царства, которое простиралось от запад но-восточной линии, находившейся на расстоянии 270 испанских миль к югу от реки Сантьяго (в нынешнем Эквадоре) до неопределенных южных широт. Альмагро был того мнения, что Куско входит уже в эту провинцию, но Фернандо Писарро не соглашался с ним. И так как переговоры не приводили

66

ни к какой цели, то Альмагро ворвался, наконец, в Куско и взял в плен Фернандо Писарро и брата его Гонсало. Франциско Писарро сделал попытку освободить своих братьев, но посланный им отряд был разбит Альмагро. Он вступил в тогда переговоры, но как только ему удалось добиться освобождения братьев, он тотчас признал соглашение недействительным.

После того в перуанской провинции начался ряд междоусобных войн, которые прекратились лишь тогда, когда все личности, состоявшие во главе завоевательного дела, нашли себе кровавый конец. Прежде всего Фернандо Писарро пошел походом на Альмагро, победил его при Лас-Сацил'иасе и велел после короткого суда казнить его. Но когда он после этого отправился в Испанию, чтобы вести при дворе дело своего брата, то его самого предали суду. Он был присужден к пожизненному заключению и только благодаря этому пережил своих братьев. Чтобы восстановить право и порядок. Индейский Совет отправил лиценциата Вака де Кастро, дав ему полномочие в случае необходимости взять в свои руки управление провинцией. Прибыв на место действия, де Кастро застал уже конец следующего акта кровавой драмы. Партия Альмагро, предводимая его сыном, напала на Франциско Писарро, и так как он оборонялся, то был убит. Молодой Альмагро хотя и не требовал, чтобы его назначили наместником всего Перу, но настаивал по меньшей мере на южной провинции, которая была обещана его отцу. Вака де Кастро отказал ему и в этом. Тогда Альмагро восстал против него, причем на его стороне оказалась большая часть конкистадоров. Судьба, однако, не благоприятствовала ему. В битве при Чупасе, недалеко от Гуманго, в 1542 году партия его потерпела решительное поражение. Сам он вскоре после того был изменнически предан в руки противника и смертью заплатил за возмущение.

Теперь из семейств обоих завоевателей оставался свободным еще младший брат Писарро, Гонсало. Он был с

1540 года наместником Кито и в битвах Вака де Кастро

67

против Альмагро оставался верным и преданным первому. Когда в 1544 году Бласко Нуньес Вела был назначен регентом главным образом с целью улучшения судьбы туземцев царства инков, которые во время долгой партийной борьбы стали самым недостойным образом угнетаемы, то он также не устоял против искушения. Для грубых элементов, из которых, большей частью, состояли поселенцы Перу, защита туземцев была равносильна покушению на их права. И так как Бласко Нуньес исполнял свое поручение с большой бестактностью, то даже судьи аудиенции верховного суда в Лиме примкнули к восстанию против наместника. Во главе восстания стал Гонсало Писарро. Более рассудительные из колонистов успокоились, как только вместо Бласко Нуньеса был назначен тактичный и вместе с тем энергичный Педро де ла Гаска. Но Гонсало Писарро, опьяненный чувством своей власти, продолжал сопротивляться, пока положение его не приняло отчаянного оборота. Когда дело дошло до битвы, большинство ложных друзей отстало от него; сам он был взят в плен и вместе с вожаками своей партии казнен. Гаска, прибывший в 1544 году без войск в Панаму, в то время преданную также Писарро, менее чем в шесть дней впервые восстановил в Перу покой и порядок. После этого он попросил назначить ему приемника и возвратился в свою келью, из которой вызвал его приказ Карла V.

Еще Франсиско Писарро обратил внимание на южную провинцию, открытую Альмагро. После казни его соперника он смотрел на нее как на составную часть собственного наместничества и старался устранить всякое постороннее вмешательство. С этой целью он командировал туда офицера Педро де Вальдивиа, безусловно преданного ему, и поручил ему основать испанскую колонию, превратив этим присоединение страны в фактическое. Вальдивиа шел тем же путем, как и Альмагро, но в более благоприятное время года. Ему приходилось менее бороться с естественными препятствиями, но больше с враждебностью туземцев, которые, судя по опыту

68

прежних лет, относились к испанцам не совсем дружелюбно. Вновь основан город Сантьяго в первые годы влачил жалкое существование, несмотря на повторные подкрепления, получаемые из Перу, особенно после того как в долине Кильоты были открыты и стали разрабатываться богатые рудники. Вальдивиа воспользовался подкреплениями прежде всего с той целью, чтобы продолжать исследование страны в направлении к югу. По его поручению генуэзец Пастене проехал в 1544 году вдоль берега, пока не достиг западных выходов Магелланова пролива, составившего южную границу провинции. Когда регентство Перу перешло к Педро де ла Гаске, Вальдивиа, оказавший ему большие услуги во время смуты, не переставал получать поддержку. Это дало ему возможность продолжать движение сухим путем в более южные части провинции. В 1550 году последовало основание города Консепсьона на границе области, обитаемой воинственными арауканскими индейцами. Этот народ защищал свою независимость в течение целых 10 лет с храбростью, достойной изумления, и битвы с ним послужили сюжетом не для одного певца. Но подвиги, совершенные в это время с обеих сторон, едва ли соответствовали награде, доставшейся за победу. Страна, стоившая Испании так много крови, была плодородна и здорова, но в сравнении со многими частями испанских колониальных завоеваний она представляла слишком мало заманчивого. Поэтому колонизация и эксплуатация продвигались чрезвычайно медленно.

После завоевания Перу испанцы еще в двух других местах перешли границу царства инков. Нигде не встречается более удобного доступа с западного побережья Америки к обширным низменностям востока, чем на юге озера Титикаки. Здесь Восточные Кордильеры разделяются на ряд умеренно высоких горных хребтов, которые все окаймляют и пронизывают плоскогорье нынешней Боливии. О том, какую роль играла эта страна в первобытную эпоху как колыбель народов мы упоминали уже в другом разделе. По-видимому, завоевания инков также

69

шли этим путем до истоков рек, которые направляются частью через Мадейру к Амазонке, частью через Пилько-майю к Ла-Плате. В 1535 году Альмагро проходил уже эти области по пути в Чили; систематическое исследование их было предпринято спустя несколько лет, когда Бласко Нуньес в свое кратковременное управление вверил капитану Франсиско де Рохас провинции Чаркас и Тукуман. Первые исследователи, ничего не подозревая, прошли мимо необъятных сокровищ Потоси и затем, сражаясь с туземцами и между собой, пробрались в юго-восточном направлении через провинции Хуху, Кольча-ки и Катамарки далеко в глубь низменности, пока не натолкнулись на Рио Терсеро на следы испанцев, проникших туда с востока. Этим было окончено исследование материка в поперечном направлении.

После того как в 1514 году португальцы открыли устье Ла-Платы и экспедиция их зашла далеко к югу, не основав, однако, никаких поселений, испанцы поспешили фактически завладеть этими полосами земли и обеспечить себя от притязаний со стороны соседнего государства. В 1515 году Диего де Солис первый исследовал Парагвай на некотором протяжении вверх. Но когда он пал в сражении с туземцами, спутники его возвратились в Испанию. После того на реке появились быстро, один за другим Себастьян Кабот и Диего Гарсиа; они вели с туземцами прибыльную меновую торговлю, отчего река получила название Рио-де-Ла-Плата, серебряной реки; но поселений они все-таки не могли основать. По указаниям их Педро де Мендоса предпринял в 1534 году колонизацию этих стран. Флот его, состоявший из 14 кораблей, как говорят, имел на борту не менее 2000 человек и доставил ядро для испанского населения аргентинских

провинций. Сам Мендоса, основав в Буэнос-Айресе первую колонию и потеряв несколько месяцев в бесплодных усилиях создать условия для дальнейшего существования ее, разочарованный, отказался от предприятия. Но люди, которым он доверил дальнейшее ведение дела, сумели сделать колонию жизнеспособной. Первый намест-

70

ник его, Айолас, решительно оставил низменности нижнего течения реки и на 100 немецких миль выше, при слиянии Пилькомайо с Парагваем, основал город Асун-сион, центр постепенно формировавшейся провинции. При попытке продолжать свои открытия на западе он поплатился жизнью. Но достойный наместник его До-минго де Ирала, продолжал дело. Следы его найдены были на Терсеро спутниками Франсиско де Рохаса. Во время дальнейшего движения он проник с Верхнего Парагвая, через область чикитосов, до стран, заселенных из Перу. Хотя по приказанию Гаски он должен был вернуться, но все-таки успел основать Санта-Крус-де-Ла-Сиерра, которая служила промежуточной станцией для отношений между Атлантическим океаном и Перу.

Для исследования южноамериканского материка имел значение еще один эпизод из ранней истории колонии Ла Платы. Это случилось в 1540 году, когда прибыл туда Альвар Нуньес Кабеса де Вака, чтобы принять на себя управление провинцией после Педро де Мендосы. Он находил излишним плыть окольным путем на юг до устья Ла-Платы и затем снова плыть вверх по течению к северу. Поэтому он высадился с большей частью своих 400 спутников против острова св. Екатерины и попытался проложить себе путь в западном направлении к Асун-сиону через лесистые низменности. Этот переход сопряжен был как для него самого, так и для отряда с невыразимыми усилиями и лишениями и вообще мог быть осуществлен лишь благодаря особенно благоприятным условиям. Но кроме открытия страны, он не дал никаких других результатов. Несколько лет спустя де Вака невольно узнал о более удобной дороге через Буэнос-Айрес, именно когда колонисты заставили его сложить с себя должности в пользу Ирала и вернуться в Испанию. Колония Асунсион, более известная под именем Парагвая, еще потому заняла особое место среди всех испанских провинций, что здесь сложилось совершенно своеобразное отношение к туземцам. Испанцы с самого начала встретили дружественный прием со стороны

71

гуаранисов Асунсона. Эти отношения сохранились и впоследствии. В результате были более частые браки испанцев с дочерьми туземцев, чем где-либо. Испанские колонисты повсюду брали себе в сожительницы индейских девушек, особенно в то время, когда приток европейских женщин был ограничен. Во многих случаях, в особенности относительно жен и дочерей кациков, совершались действительные браки между различными расами, и во всех колониях росло смешанное население. В Парагвае такому смешению крови благоприятствовали еще, помимо трудностей сообщения с родиной, превосходные отношения, установившиеся между переселенцами и туземцами. Следы этого, как говорят, можно уловить и в наши дни в своеобразных чертах характера обитателей провинции и впоследствии республики Парагвай.

Если на юге Ла-Плата и Парагвай указали испанцам путь с побережья в Перу, то на севере другая из больших рек, почти против их воли, привела их из Перу к морю. В короткий промежуток мира, наступивший после гибели Франсиско Писарро, младший брат его Гонсало, сделавшийся наместником в Кито вместо Беналькасара, также предпринял поход с целью открытий. При этом он руководствовался слухами о существовании богатого государства в самой глубине материка. Последовал целый ряд походов, полных приключений, внутри страны, которая и до сих пор еще остается не вполне исследованной. Если из Кито перейти в восточном направлении через один из проходов в хребте Кордильер, то мы неизбежно наталкиваемся на тот или другой поток, впадающий в Рио-Напо, а с ним в Амазонку. Впоследствии, когда в области верхнего течения Амазонки миссии различных духовных орденов развернули свое благородное соревнование в деле обращения туземцев и приучения их к оседлости, дорога через Embarcadero de Napo в Кито представлялась весьма оживленной. Но столетием раньше, когда Гонсало Писарро вел первых испанцев по этой тропе, они встречали лишь обыкновенную добычу всех пионеров — усталость, голод и болезни. Чтобы облегчить

72

движение, своего отряда, Гонсало поместил больных и слабых вместе с поклажей на плоты, а сам вместе с более крепкими спутниками следовал берегом реки. По мере того как снабжение припасами становилось труднее, он все чаще высылал суда вперед по реке, чтобы можно было своевременно доставлять припасы навстречу тем, которые шли берегом. Но однажды случилось, что обе партии потеряли друг друга из виду: в поисках населенных мест плоты ушли слишком далеко вперед, а Гонсало со своими спутниками должен был вернуться назад, не имея возможности уведомить их об этом. Начальником над судами Гонсало назначил Франсиско де Орельяну. Последний, видя себя покинутым и считая невозможным доставить суда домой против течения, принял смелое решение: предоставить себя течению, которое должно было принести его куда-нибудь в море. С 50 спутниками на судах, которые они должны были сами построить себе, он поплыл вниз по Напо, отсюда по Амазонке, далее в океан, и плыл еще некоторое время вдоль берега моря на север и на запад. Наконец после семимесячного путешествия по воде он достиг первого европейского поселения на острове Кубагуа. Несмотря на то что не обошлось без столкновений, Орельяна лишился лишь немногих спутников, но едва ли кто из конкистадоров перенес столько лишений и подвергался стольким опасностям, как отряд Оре-льяны.

Такое же путешествие было предпринято еще раз из Перу в XVI столетии. Основываясь на рассказах одного индейца, который прибыл из Бразилии в Перу вверх по Мараньону и Уальяге, встречая по пути населенные и богатые города, маркиз Каньете, в то время вице-король Перу, снарядил в 1559 году экспедицию с целью исследования, и во главе ее поставил Педро де Орсуа. Целью ее было в то же время освобождение от многочисленных беспокойных элементов, участвовавших в различных возмущениях и колебавших порядок в провинции. Но эти недобрые элементы дали предприятию совершенно неожиданный оборот. Когда они проникли в неизвестную

73

область, достаточно далеко, чтобы считать себя безопасными от преследования, они убили Орсуа, продолжали и окончили плавание по реке под начальством избранного ими Лопе де Агире, но затем направились к Венесуэле и тиранизировали эту провинцию в течение нескольких месяцев. Наконец они были побеждены в сражении при Баркисмето, и большая часть их перебита. Амазонка сделалась постоянным путем движения народов лишь с 1641 года, когда португальцами была отправлена большая экспедиция из Пары вверх до Кито. Этим начинается детальное методическое исследование гигантской речной системы, которое закончилось лишь вследствие вымирания индейцев и связанного с ним прекращения миссионерской деятельности.

ПОСЛЕДСТВИЯ ЭПОХИ ОТКРЫТИЙ

Наконец и северо-восток Южной Америки перестал быть совершенно неизвестной областью. Несмотря на то, что Колумб именно здесь впервые вступил на американский материк, и первые попытки колонизации материка начинаются с северного побережья, оно сравнительно долго оставалось в пренебрежении. Причина заключается в том, что в нем не находили особенных богатств, а туземцы отличались большей воинственностью, чем где бы то ни было. Караибские племена этого побережья, которые встретили первых испанцев отравленными стрелами и скрылись затем в дремучих лесах в глубине материка, которые изнуряли противника пассивным сопротивлением, не будучи в силах победить его в открытой борьбе, — эти племена наводили ужас на испанцев, и имя их сделалось нарицательным для обозначения всех вообще воинственных и враждебных племен. Извращенное слово «караиб», «каннибал» сделалось почти на всем земном шаре равнозначным с людоедством. Ряд попыток колонизации в области между устьями Ориноко и Магдалены окончился неудачей, прежде чем испанцы могли стать твердой ногой на

74

этой полосе побережья. В течение этого времени описываемая область играла важную роль в испанской колониальной жизни лишь в том отношении, что вследствие быстрого вымирания населения на Антильских островах она давала повод к охоте за рабами в больших размерах. Главным рынком для добычи служил остров Кубагуа, расположенный у морского берега. И только в двадцатых годах XVI века Родриго де Бастидас удалось основать в Сайта-Марта поселение, которое обещало послужить ядром прочной колонизации. По всей вероятности, это поселение также распалось бы после его насильственной смерти, если бы не встретило поддержки в соседней провинции, которую впервые открывшие ее путешественники назвали Венесуэлой (маленькой Венецией) благодаря свайным постройкам туземцев на Маракайбском озере.

Как в Ост-Индии, так и здесь, в Вест-Индии, в первых же плаваниях принимали участие верхнегерманские торговые дома. Вступление на престол Карла V в Испании открыло им возможность обеспечить себе более существенное и прочное участие в колониальной торговле. Наряду с агентами неогоциантов переправлялись бесчисленные молодые немецкие авантюристы. Некоторые из них участвовали почти во всех фазах открытий и завоеваний. Неудивительно поэтому, что некоторые немцы также добивались и получали привилегии на колонизаторские открытия. Эхингеры находились в тесном отношении с домом Вельзеров, которому служили многие члены их семьи. Когда они получили разрешение Карла V колонизировать внутреннюю часть побережья от мыса Ма-ракапана до оконечности полуострова Гуахино, от одного океана до другого, они, во всяком случае, сильно рассчитывали на помощь Вельзеров; несколько лет спустя они уступили им свои привилегии. Немецкие владельцы провинции исполнили лишь в отношении заселения Венесуэлы работу пионеров, которая дала возможность испанцам впоследствии сделать что-либо из этой провинции. Но для исследования неизвестной внутренней части Южной Америки немецкая колонизация имела громадное значение.

75

Прежде всего она воспрепятствовала окончательному распаду колонии Бастидаса в Санта-Марте и этим создала почву для успешного движения Гонсало Хменеса де Ке-сада вверх по реке Магдалене. Затем она сама послужила исходной точкой для целого ряда экспедиций с целью открытий. Одна из таких экспедиций привела Федерманна, почти одновременно с Кесадой и Беньалькасаром, на плоскогорье Богота. Во главе других экспедиций Георг Гогер-мут и Филипп фон Гуттен двигались вдоль восточной подошвы Анд и, хотя они не дошли, как часто утверждалось, до самой Амазонки, но все-таки первые из европейцев проникли до больших северных притоков ее — Какета и, может быть, также Путумайо.

После завоевания Перу продолжал держаться упорный слух о существовании еще другой страны, богатой золотом. Рассказы туземцев намекали на страны, находившиеся на севере царства инков. На основании их Амброзиус Эхингер (которого испанцы называли Дальфин-гер) производил исследования долины Упаре и вверх, по течению Магдалены; в то время, когда он решил повернуть обратно, он почти достиг границы

царства чибчасов. Последователи его напрасно искали пути в страну золота со стороны восточных льяносов. Георг Гогермут вторично подошел к самой области чибчасов во время своей остановки в Сан-Хуан-де-лос-Льянос, местности, которая находилась в постоянных торговых отношениях с чибчасами. Только Николай Федерман отыскал проход из льяносов через Кордильеры; но когда он вступил в Фоске в область Баката, то нашел уже царство ее павшим и занятым испанскими завоевателями.

На долю Гонсало Хименеса де Кесада выпало счастье сделаться завоевателем провинции, которая под названием Nuevo Reino de Granada (Новое королевство Гранада) сделалась перлом в поясе испанских колониальных владений. Он прибыл в начале 1536 года вместе с губернатором Педро Фернандесом де Луго в Санта-Марту и тотчас же был командирован с несколькимистами спутников и тремя небольшими судами для исследований вверх по те-

76

чению Магдалены и для отыскания могущественного правителя, который, по описанию туземцев, должен был находиться там. На самой реке Кесадо переживал то же самое, что его предшественники, которые после многих утомительных переходов встречали лишь кое-где индейские деревни, нередко, впрочем, богатые добычей. В конце концов весеннее половодье побудило его выбраться из речной долины в горы. После больших усилий ему удалось пробраться через Сьерра-де-Оппон и вблизи будущего Велеса открыть — почти случайно — область чибчасов. Испанцы не встретили большого сопротивления со стороны правителей чибчасских государств и провинций, находившихся в раздоре между собой. В течение трех лет Кесада, при сравнительно ничтожных потерях и опасностях, добыл прямо баснословные сокровища. Не успел он организовать вновь занятую провинцию и уже собирался оставить ее, как на плоскогорье Богота появились один за другим, с промежутком в несколько недель, Николай Федерманн и Себастьян де Беналькасар с юга. О том, как попал туда первый, мы уже говорили. Беналькасар, который, как известно, сперва занял царство Кито для Писарро, впоследствии предпринял, с своей стороны, новую экспедицию на основании тех же слухов, которые руководили обоими другими конкистадорами. При этом он действовал медленно и систематически. Уже в Попайяне он основал новое испанское селение, которое собирался соединить с областью чибчасов, но нашел уже последнюю в других руках и настолько хорошо организованную, что не мог решиться даже на попытку завладеть ею силой. С другой стороны, ни он, ни Федерманн не пожелали вернуться в условия прежней зависимости. Они порешили вместе с Кесадой вернуться в Испанию и ходатайствовать перед короной о вознаграждении их за соответственные заслуги. Ни один из них не добился, однако, цели, к которой все они стремились, — регентство в богатой провинции чибчасов. Федерманн окончил жизнь в тюрьме благодаря его неоднократным изменническим поступкам. Беналькасар должен был удовлетвориться наместничеством

77

в Попайяне, к которому ему обещали присоединить область на западе Верхней Магдалены. Даже Кесада не пожал трудов своих побед: он вынужден был уступить наместничество Санта-Марты и Новой Гранады недостойному сыну умершего в это время Луго. Лишь после долгих лет тяжбы он снова вернулся с титулом маршала на арену своих первых побед, где, после ряда приключений, мирно окончил свою жизнь, достигнув глубокой старости.

Хотя уже с покорением царства чибчасов в руки испанцев досталась страна, в учреждениях которой берет начало сказание о золотом человеке, эль Дорадо, но поездки в Дорадо приняли особенно оживленный характер лишь в последующие десятилетия. Филипп фон Гуттен, Эрнан Перес де Кесада, брат победителя чибчасов, и, наконец, этот последний искали Дорадо в льяносах Какета и Путумайо, но, пожертвовав множеством человеческих жизней, встретили лишь несколько индейских племен, стоявших невысоко в культурном отношении. Впоследствии предполагали царство Дорадо на озере Маноя, которое искали между нижним течением Ориноко и Мара-ньона. По этому поводу зять Кесады первый исследовал систему Ориноко от Новой Гранады (в XVI и XVII вв. все принимали Гуасьере за начало Ориноко) до устьев. В Тринидаде он попал в руки Ралея, который возобновил свою поездку в страну золота от устьев Ориноко вверх к Андам. Отчет об этом плавании более, чем описания его предшественников, способствовал ознакомлению Европы с географическим очертанием этих стран. Но фактически весь путь его шел в области, давно исследованной испанцами. С тех пор надежда отыскать Дорадо все более и более исчезала; для него не оставалось уже места в обширной колониальной области, доставшейся испанцам. Не оставалось также более места для удовлетворения стремлений к открытиям. Теперь предстояла более серьезная и трудная задача организовать бесконечно обширные области, о которых имелись лишь поверхностные сведения. Время завоеваний, Conquista, окончилось, и настала эпоха coloniaje, колониального хозяйства.

Испанские колониальные владения

CASA DE CONTRATACION

СОГЛАСНО толкованию, которое Колумб дал своим привилегиям, все обширное колониальное царство испанцев в Америке должно было образовать одно большое капитанство, в котором он и его потомки пользовались бы почти неограниченной властью, совмещая в одном лице наследственных вице-королей, губернаторов и адмиралов. Короне отводилось только право верховного контроля, ограниченное участие в назначении чиновников и известная доля в доходах. Это был взгляд не одного Колумба: потомки его в процессе с короной также доказывали, что письменно дарованные им привилегии не ограничиваются

островами и землями, которые сделались известными благодаря личным открытиям Колумба, но должны распространяться также на все земли, которые испанская корона приобретет впоследствии в силу открытий, являющихся продолжением дела первого адмирала. Конец этого процесса был очень простой: потомки Колумба в своих притязаниях зашли так далеко и вели себя так недостойно, что сами должны были отказаться даже от своих письменно засвидетельствованных и признанных прав, чтобы избежать руки правосудия. Тем не менее юридическая сторона вопроса была не так проста. Колумб, с своей стороны, во многих отношениях не выполнил договора Санта-Фе. Прежде всего он не достиг цели предприятия, затем он не был в состоянии, да и не старался серьезно выполнить финансовые обязательства, принятые им на себя в силу

79

договора 1492 года. Но охотно предоставляя правительству все бремя снаряжения экспедиций, он нисколько не думал отказываться от прибыли, которая была ему обеспечена, однако, лишь в виде вознаграждения за соответственные расходы.

Вопрос был, однако, очень скоро перенесен из сферы теоретического права на чисто практическую почву. Уже между вторым и третьим путешествиями Колумба выяснилось, что ожидает колонии под его управлением. Первый адмирал мечтал исключительно о том колониальном режиме, которому следовали португальцы на Гвинейском берегу, с той лишь разницей, что в Вест-Индии он сам желал играть роль главного арендатора-монополиста, каким являлся там инфант Генрих до перехода его прав к короне. Но Колумбу не доставало той возвышенной идеи, которая воодушевляла инфанта к открытию новых стран с целью распространения христианства и в течение ряда лет побуждала его к одному пожертвованию за другим. Напротив, им исключительно руководило мелочное стремление ничего не потерять для себя лично из возможных барышей. Поэтому он и противился тому, чтобы колонисты на Санто-Доминго рассеивались внутри страны и там на собственный страх разыскивали благородные металлы и другие ценности: Колумб опасался, что при этом часть добычи ускользнет от его контроля и что это поведет к уменьшению его общей прибыли. По той же причине он ни минуты не колебался, когда в первое время для его судов не нашлось в достаточном количестве других предметов торговли, нагружать их захваченными туземцами и, по примеру португальцев, продавать их на своей родине. Правда, гуманные законы испанского правительства также не в состоянии были остановить быстрого вымирания туземного населения на Антильских островах; но нельзя отрицать, что такой же результат должен был явиться самым ближайшим и неизбежным последствием колонизационных идей Колумба. Продажа рабов в Испании уже после первой попытки встретила категорический запрет со стороны Фердинан-

80

да и Изабеллы. Поводом к отрешению от всей колониальной системы Колумба послужила его неспособность к поддержанию порядка в его единственной колонии. Он сам потребовал присылки королевского чиновника для восстановления упорядоченных отношений. Следствие выяснило, что Колумбу никаким образом нельзя было предоставить управление всей областью, на чем он настаивал, опираясь на свои привилегии.

Вначале, правда, правительство Фердинанда и Изабеллы также составило колонизационный план по образцу португальского. Но при этом ожидали, что Колумб откроет цветущие и благоустроенные государства с обширной и оживленной торговлей. Главная цель путешествия Колумба заключалась вовсе не в территориальных приобретениях, а в том, чтобы отвлечь торговлю ценными и имеющими большой сбыт произведениями Дальнего Востока от прежних путей и, в видах монополии, на-, править ее через испанские гавани. Другой целью было распространение христианства в этих государствах. Испанец, который в течение веков на собственной родине вел ради распространения христианства кровопролитную войну с неверными, конечно, не остановился бы и на чужбине в осуществлении той же цели при помощи тех же средств. Если бы Колумб действительно достиг гаваней Цайтуна и Кинсея с их сокровищами, их торговлей и организацией, то, по всей вероятности, испанцы укрепили бы там свою власть таким же образом, как это сделали португальцы в Ост-Индии. Так, первое учреждение, которое создали испанские правители для заведования колониальными делами, палата торговых сношений, *casa de contratacion*, скопировано в главных чертах с португальской *casa de Guine*, предшественницы *casa de India* в Лиссабоне. Название учреждения сохранилось до самого конца его; но, по существу, оно в короткое время значительно изменилось и расширилось.

При своем основании в 1503 году *casa de contratacion* была предназначена для защиты интересов короны в отношениях и, главным образом, в торговых отношениях с

81

колониями. Административные полномочия, согласно договорам 1492 года, находились почти исключительно в руках Колумба. Самое учреждение *casa de contratacion* есть лучшее доказательство того, что правительство нисколько не имело в виду оспаривать эти привилегии, хотя уже тогда права Колумба были ограничены, и вместо него назначен наместник от правительства. Тем не менее основание многочисленных поселений на всей Эспаньоле и ближайших островах, дарование земельных участков колонистам и движение внутрь острова доказывают, что правительство порвало с колониальной системой Колумба, план которого заключался в меркантильной эксплуатации страны из определенных береговых пунктов. О таком же изменении точки зрения свидетельствует и второе преобразование *casa de contratacion*.

Правда, торговые интересы все еще решительно стоят на первом плане. Но речь идет на этот раз не столько о выяснении выгод, ожидаемых правительством от непосредственного участия в колониальной торговле, сколько, и притом главным образом, о регулировании и контроле торговых и морских отношений между метрополией и колониями вообще, — безразлично, как в отношении королевских, так и частных предприятий. Таким образом, *casa de contratación* преобразуется как бы в административный орган и вместе с тем приобретает судебные полномочия: в уставах 1511 года в штате *casa* мы находим, кроме трех обыкновенных чиновников, фактора, казначея, бухгалтера и, по крайней мере, одного юриста. Самое существенное расширение власти, которое приобрела *casa* в этом году и которое послужило основанием для будущей роли ее, заключается в передаче этому учреждению контроля над корреспонденцией. Чиновники обязаны были не только вскрывать и читать всю корреспонденцию, отправляемую из колоний на имя правительства, но и заносить в книги палаты все правительственные акты, предназначенные для колоний. Мало того, чиновники приглашались высказываться по поводу распоряжений правительства, которые покажутся им нецелесообразными-

82

ми или опасными, и приостанавливать исполнение этих распоряжений. В силу такого полномочия *casa de contratación* все более и более принимала характер правительственного органа. В позднейших статутах эта роль оттеняется: в менее важных делах решение *casa* было окончательным, а в более крупных и важных вопросах можно было апеллировать к Совету по индейским делам, *Consejo de Indias*, как в высшей инстанции.

Несмотря на широкие привилегии, обещанные, по договору, Колумбу в качестве вице-короля, губернатора и адмирала Индии, колониальные дела потребовали сложного контроля и руководства со стороны правительства. Это участие правительства получило особенно важное значение с той минуты, когда полномочия Колумба были приостановлены и временно возложены на королевского чиновника. Уже в то время Фердинанд Католический поручил все эти дела одному лицу для достижения необходимого единства и последовательности в колониальной политике. В Королевском Совете колониальные дела ведал архиепископ Фонсека. В качестве секретаря-экспедитора некоторое время действовал Грисио, а после него — Лопе де Кончилиос, известный по своей печальной роли в споре за трон между Фердинандом Католическим и Филиппом Красивым.

Когда в 1509—1512 годах дон Диего Колон был восстановлен в правах своего отца, он получил их лишь в ограниченном объеме. Уже в то время подготавливалось разделение колониальных владений, все более расширявшихся. Потомкам Колумба были предоставлены, согласно договору Санта-Фе, лишь те земли, которые Испания приобрела благодаря непосредственной деятельности первого адмирала. Но и здесь их привилегии не были неограниченными. Правда, за ними было оставлено, по условию, отправлен правосудия в первой инстанции на всем пространстве дарованной им земли. Однако уже в 1511 году учрежден был апелляционный суд для всей колониальной области под названием Аудиенции Санто-Доминго: к нему можно было апеллировать на решение

83

судов вице-короля, он делал постановления от имени короля и был уполномочен призывать к ответу даже самого вице-короля. В то время во всех областях жизни вопросы администрации и правосудия еще не были разграничены, и всякое учреждение являлось в сфере своих полномочий вместе с тем и судьей. И наоборот, аудиенция, апелляционная судебная инстанция во всевозможных колониальных делах уже в силу этого являлась важным фактором в колониальном управлении. Это значение росло по мере того, как правительство все более и более ощущало необходимость создать противовес слишком широким привилегиям вице-короля и губернатора. Вместе с тем новый правительственный орган должен был выражать непосредственную волю правительства и контролировать вице-губернаторов в тех колониальных областях, которые не входили в сферу договора Санта-Фе. Другой противовес подобного рода правительство создало себе в лице духовенства. Сначала посылались на острова почти исключительно члены духовных орденов с целью поддержания религиозных интересов и способствования духу миссии среди туземцев. Но почти с первого их появления начались столкновения между ними и светскими властями. Фрай Берндль Бойль, сопровождавший в качестве генерального викария Колумба, во втором путешествии его был, подобно ему, вскоре отозван на родину, так как слишком неправильно понял свои обязанности по отношению к чиновникам. Как только правительство убедилось в громадных размерах владений, доставшихся ему, оно обратило тщательное внимание и на организацию духовных дел. По предложению Фердинанда, Папа Александр VI в 1512 году учредил первые два епископства на острове Эспаньоле в Санто-Доминго и Ла-Вега. Затем, почти непосредственно за окончательным заселением, были созданы новые епархии. Вскоре вся колониальная область была усеяна широко раскинувшейся сетью архиепископств, епископств и приходов. Но правительство позаботилось вместе с тем, чтобы церковь не образовала государства в государстве и не

84

сделалась бы в конце концов опасной для правительственной власти. В 1508 году корона получила от самого Папы право патроната над всеми духовными инстанциями Нового Света; таким образом, колониальное духовенство оказалось вполне зависимым от правительства и сделалось даже сильной и влиятельной опорой его во всех превратностях колониальных событий.

Когда в 1516 году Карл V унаследовал от своего деда вместе с испанскими королевскими землями обширные колониальные владения, управление последних уже представляло прочную организацию; можно сказать даже, что правительство тогда положило начало известной системе колониальной политики. Так как открытие Америки явилось результатом личной инициативы королевы Изабеллы, то, с точки зрения государственного права, колонии вошли в состав владений кастильской короны. С понятием колонии в XV! веке связывали представление о стране, которая всецело находилась в частном владении короны или обладателей колониальных привилегий. Поэтому с отменой привилегий семьи Колонов испанское правительство рассматривало колонии как государственное имущество, доходы с которого принадлежали исключительно ему и могли быть употребляемы им по его усмотрению. Прямым следствием подобного взгляда были строгие предписания правительства относительно доступа к колонии. Для того чтобы иметь возможность строго проверять эти предписания, все отношения между метрополией и колонией должны были исходить исключительно из Севильи, с открытой гаванью этого города Сан-Лукар-де-Баррамса. Вскоре выяснилось, однако, что подобная монополия Севильи вредно отражается на торговых отношениях. В первые годы правления Карла V возникла сильная агитация против этой монополии. По всей вероятности, она находилась в связи с тем обстоятельством, что испанские государства соединились с германскими и нидерландскими областями под одним и тем же скипетром и что это соединение существенно облегчало или даже прямо поощряло участие этих национальностей в заморской торговле. Был

85

момент, когда это противотечение имело успех и, быть может, порождало широкие надежды; но в конце концов фискальные интересы все-таки победили, и монополия Севильи для всех колониальных отношений сохранилась неприкосновенной вплоть до позднейших времен.

ВОПРОС О ТУЗЕМЦАХ

Фискально-монополистическая точка зрения составляет характерную черту не одной лишь испанской колониальной политики, но она придает ей особый отпечаток, как и в других государствах, признававших ее. Самую существенную особенность испанской политики представляет отношение ее к коренному населению колоний, к туземцам. Колумб и в отношении туземцев держался португальской точки зрения, т. е. рассматривал туземное население или как государство, с которым можно было вести войну и заключать договоры, или как продукт, который, подобно прочим колониальным произведениям, можно было покупать и продавать, сообразно с коммерческими интересами. В обоих случаях туземцы являлись с этой точки зрения чужими лицами или чужими вещами. Колумб, следуя этому взгляду, во время своего третьего путешествия с целью вознаградить неудачные поиски золота, пряностей и других ценных товаров нагрузил один из возвращавшихся домой кораблей рабами для продажи их в Севилье. Но здесь он встретил отпор со стороны испанского правительства и, главным образом, королевы Изабеллы Кастильской как главы колониального царства. Когда получена была весть о прибытии живого груза, все чиновники Севильи получили приказание не допускать продажи индейцев, пока не будет решено, следует ли согласиться на это или нет, можно ли на основании божеских и человеческих законов допустить превращение индейцев в рабов. Вскоре последовало распоряжение о том, чтобы отправить индейцев обратно на родину и вернуть

86

им свободу. Это было принципиальным решением вопроса первостепенной важности, началом совершенно новой колониальной политики, до тех пор нигде не применявшейся. Весьма вероятно, что трезвый реальный политик король Фердинанд, смотревший не совсем сочувственными глазами на колониальное предприятие своей супруги и соправительницы, поступил бы иначе, если бы его личный взгляд мог иметь решающее значение. В пользу того говорит настойчивость, с какой королева Изабелла в своем завещании и приложенном к нему дополнительном пункте просит супруга о защите туземцев. Этот дополнительный пункт является следующим важным шагом законодательства в области туземного вопроса. Несмотря на свою краткость и категоричность, заключенные в нем постановления относительно туземцев имеют огромное значение: туземцы признаются равноправными подданными; жизнь и собственность их принимается под покровительство короны, и на короля Фердинанда как на исполнителя завещания возлагается устранение всяких несправедливостей и невзгод, которые могли бы постигнуть их.

Без сомнения, практическое разрешение этого вопроса стояло далеко не на высоте теоретического отношения к нему. Заявление, что индейцы должны пользоваться правами свободных подданных, встретило возражение не только со стороны колонистов, но и колониальных властей, и даже духовенства. Дело в том, что без достаточного количества туземных рабочих колонии не могли давать доходов или барышей, а индеец без применения к нему известного насилия не только не соглашался работать в такой мере, чтобы удовлетворять потребности колоний, но и не находил нужным поддерживать постоянные дружественные отношения с колонистами. А без этого не могло быть и речи о культурном воздействии на туземцев и в особенности об обращении их в христианство, чему придавалось особенное значение с самого начала истории открытия. Поэтому и светские, и духовные власти единогласно признавали дарование неограничен-

87

ной свободы туземцам равносильным разорению колоний в духовном и экономическом отношениях. Из переговоров, возникших по этому поводу, развилась, наконец, система Repartimientos и Encomiendas. Принципиально этим признавалась личная свобода туземцев. Но для того чтобы воспитать их для

восприятия европейской культуры и христианского учения, они распределяются (*repartir*) между отдельными колонистами, отдаются под покровительство их (*encomendar*). Таким образом, колонисты получают известную патриархальную власть над вверенными их попечению туземцами. По букве закона все это выходило очень гуманно, но в действительности создало почти всюду для индейцев род крепостного права, которое, при одновременном существовании у них рабства, нередко совершенно парализовало доброжелательные намерения законодателей в отношении известных категорий туземцев. Закон требовал от обладателя *Repartimiento* известных нравственных гарантий, а с другой стороны, совершенно точно определял высший размер работ, которые можно было возлагать на туземцев. Но под давлением фактических условий губернаторы различных колониальных округов, и в особенности вновь открытых и подлежащих заселению областей, вынуждены были награждать в форме *Repartimientos* тех колонистов, которые оказали услуги в деле завладения страной. Л между тем в открытиях и завоевательных походах наибольшие услуги спутникам и отечеству далеко не всегда оказывали люди с особенно нравственными качествами. От участников в подобного рода предприятиях требовалось столько отчаянной смелости и выносливости, что совершенно понятно, если они набирались главным образом из элементов, которым нечего было терять и которые могли только выиграть. А тот, кто по целым месяцам презрительно ставил на карту собственную жизнь, рискуя погибнуть голодной смертью или от руки врага, не имел, конечно, ни малейшей охоты обращаться бережно и заботливо с существами, по его мнению, низшего рода, — с людьми,

88

для подчинения которых европейскому игу предстояли, быть может, еще долгие кровавые битвы, сопряженные с большими потерями. И самые благонамеренные губернаторы, при всем их желании, едва ли когда-нибудь в со-стоянии были добросовестно применять законы относительно *Encomiendas*. В местностях, слабо заселенных европейцами, необузданные элементы их, без которых едва ли возможно было распространение испанской власти, часто поднимались против распоряжений, ссылаясь на закон, стремились ограничить то, что, по их мнению, было вполне заслужено ими за их иногда почти сверхчеловеческие усилия и лишения. Эти одичавшие поселенцы устранили не одного губернатора, который хотел заставить уважать законы относительно *Encomiendas*.

Мы нисколько не думаем отрицать большие злоупотребления по отношению к туземцам на всем обширном пространстве завоеванных территорий, но полагаем, что ревнители за человеческие права туземцев, между которыми видное место занимал епископ Бартоломе де Лас Казас, преувеличивали ужасы индейского режима. Часто индейцев действительно обременяли непосильной работой, и тысячи из них погибли от этого. Едва ли, однако, можно допустить как общее правило подобное легкомысленное обременение их, так как прежде всего сами колонисты были слишком заинтересованы в том, чтобы сохранить для себя работников. На Антильских островах, открытых и заселенных раньше других, туземное население исчезало с поразительной быстротой; но в этом, во всяком случае, участвовали причины самого различного свойства. Прежде всего численность их была вообще значительно преувеличена: Колумб был заинтересован в том, чтобы усилить значение своего открытия. Страстная агитация в пользу свободы индейцев, начавшаяся уже через 20 лет после открытия, окончательно спутала представление о численности их. Если взвесить, однако, что Антильские острова заселялись аровакской народностью с материка лишь исподволь и что это племя рыболовов и охотников нигде не образовало больших,

89

плотных поселений; что, далее, аровакам приходилось в течение ряда поколений подвергаться истребительной войне со стороны таких страшных морских пиратов, как караибы, то едва ли можно допустить в момент открытия многочисленное население на Антильских островах. Кроме того, туземцы очень скоро узнали, что новые пришельцы являются для них, пожалуй, гораздо более опасными врагами, чем караибы. Поэтому они часто убегали из деревень в пустыни, где, сражаясь между собой и с христианами, также терпели большие потери. Ко всему этому следует прибавить непривычный род работы, перемену в питании и образе жизни и, наконец, болезни, которые, будучи занесены европейцами, эпидемически свирепствовали между туземцами и производили в рядах их жестокие опустошения. Лишь все эти обстоятельства" в совокупности, а не одно дурное обращение колонистов, ответственны за вымирание населения Антильских островов.

Это уменьшение населения имело в одном отношении важное влияние на судьбу всего туземного вопроса: оно повело к нарушению принципа общей свободы индейцев. Уже в 1505 году Фердинанд Католический повелел умирять и превращать в рабов туземцев, которые стали бы с оружием в руках сопротивляться культурным воздействиям и обращению в христианство. Быть может, это позволение имело первоначально в виду только караибские племена, которые перенесли свою вражду к аровакам на мнимых покровителей их. Но чем заметнее становился контраст между возрастающей колонизацией больших островов и убылью туземного населения, тем чаще давалось это разрешение, под покровом которого велась обширная торговля индейскими рабами. Ничего не было легче, как вызывающими действиями заставить раздраженного туземца взяться за оружие, после чего можно было, не нарушая закона, увести его как раба. Этим путем в короткое время было совершенно вывезено население Малых Антильских островов, где не было испанских колоний. Обитатели этих островов доставля-

90

лись в виде рабов на большие острова, где, для отличия от миролюбивых индейцев, клеймились на бедрах раскаленным железом (замечательное логическое последствие мероприятия, исходившего из гуманной идеи). Вскоре, однако, и они не могли удовлетворять постоянно возрастающей потребности в рабочих силах и пополнять силь-

ную убыль таковых. Тогда охота на рабов была перенесена и на материк, в особенности на северное побережье Южной Америки, жители которого, родственные по происхождению с островитянами, оказывали необыкновенно сильное и упорное сопротивление первым колонизаторским попыткам.

В этом периоде охота за рабами приняла такие размеры, которые вызвали первые проблески протеста. Вскоре этот протест разросся до внушительной степени, причем вопрос осложнился обстоятельствами, которые не им.чи прямого отношения к предмету. Мы видели, что первоначально духовенство колоний отнюдь не было склонно ратовать за неограниченную свободу индейцев. Не только белое духовенство, но и францисканцы, игравшие особенно видную роль в колониальном управлении со времен Колумба, который сам принадлежал к этому ордену в качестве мирского члена, не находили ничего предосудительного в том, что индейцев подчиняли христианам при помощи умеренного насилия и что в случае открытого сопротивления с их стороны следовало порабощение их и обращение с ними, как с врагами. Иное положение в этом вопросе заняли доминиканцы; благодаря тому что различные тоски зрения на туземный вопрос создавали борьбу одного ордена с другим, этот вопрос бесспорно значительно обострился. Первый, кто решился осудить с кафедры и назвать позорным и святотатственным господствовавшее отношение к туземцам, был доминиканец брат Педро де Кордова, который в силу этого вскоре стал известен далеко за пределами своей паствы (он проповедовал в Санто-Доминго).

К идеям его примкнул Бартоломс де Лас Казас, который в то время был еще сам рабовладельцем на Кубе. Его 91

страстная натура сделала его одним из самых известных и горячих пионеров в борьбе за свободу туземцев. Лас-Казас отправился в первый раз к испанскому двору еще при жизни Фердинанда Католического. Хотя сочувствие к ярким описаниям его, рисовавшим жестокое обращение с туземцами, было далеко не всеобщим, но он добился, по крайней мере, того, что решено было отправить особую комиссию для исследования фактического положения дела. Борьба между францисканцами и доминиканцами в туземном вопросе достигла такой остроты, что оба ордена были принципиально устранены от выбора в комиссию. Но так как этот вопрос рассматривался как дело совести, и поэтому желательно было передать его в руки духовенства, то в конце концов согласились избрать трех монахов-иеронимитов и отправить их на острова, снабдив дискреционными полномочиями.

Лас Казас горячо оспаривал беспристрастие этих трех отцов, так как они не могли стать на его точку зрения. Но он был, бесспорно, несправедлив к ним. То, что он рекомендовал как универсальное целебное средство — образование независимых общин индйце^, которые сами управлялись бы и были fib! доступны из испанцев только духовным лицам как руководителям в религиозных делах, — было испробовано иеронимитами. И сам Лас Казас потерпел неудачу, когда несколько лет спустя попытался создать на этих началах действительно жизнеспособную общину на полосе побережья Парна, отрезанной от всяких сообщений с белым человеком. Столь же неудачны были попытки, предпринятые в этом направлении иеронимитами на Санто Доминго еще при менее благоприятных условиях. Отозвание этих монахов обострило отношения между религиозными обществами, и правительство было, наконец, вынуждено изъять весь вопрос из рук духовенства и передать его светским чиновникам. Лиценциат Родриго де Фигероа держался совершенно в стороне от теоретических точек зрения и регулировал туземный вопрос исключительно на почве существующих законов. Эти законы гарантировали мирным 92

индейцам известную свободу, но разрешали превращать в рабов тех, которые держали себя враждебно. Поэтому он прежде всего установил, кого из индейцев следует считать враждебными. Руководясь вполне беспристрастными воззрениями, он весьма существенно ограничил область, предоставленную охотникам на рабов. Обращено было более серьезное внимание на положение индейцев в Repartimientos и Encomiendas, неизбежным последствием чего было общее улучшение в обращении с ними.

Вместе с тем приблизительно в это же время совер-шнлся, по крайней мере в островных колониях, экономический переворот. Долгое время, несмотря на все усилия правительства, значение испанских колоний было немногим выше постоянных торговых факторий: собирали все ценное, что можно было получить в обмене от туземцев, производили с помощью их раскопки и промывки для добывания благородных металлов. Но каждый раз, когда правительство посылало за океан семена и растения, культура их не прививалась: туземцы не понимали ее, а колонисты считали недостойным себя заниматься этим. И так как ценные продукты почвы имелись только в ограниченном количестве, то меновая торговля скоро истощилась. Новые открытия оживили торговлю Санто-Доминго, но вместе с тем постоянно отвлекали оттуда рабочие силы и все более уменьшали самостоятельное значение острова, вследствие чего поселения на нем сильно убывали. В это время культура сахарного тростника создала новое прибыльное средство для поддержания колонистов. Правда, и этот род хозяйства требовал рабочих сил, но не губил их в такой степени, как промывка золота. Кроме того, возделывание сахарного тростника было связано с оседлым образом жизни и давало колонистам постоянную работу, тогда как добывание золота представляло вечные тревоги и превратности в погоне за счастьем.

Пока на обширном пространстве колоний имелись и другие источники для добывания средств к жизни и прежде всего обширное скотоводство, возделывание сахарно- 93

го тростника существенно способствовало поддержанию жизнеспособности испанских колоний. Но затем оно приобрело громадное значение для развития их благодаря тому, что дало толчок к ввозу рабов-негров. Местами испанские властители пользовались ими уже с самого открытия Америки. Прошло немного времени, и в колониях убедились, что негры превосходно акклиматизируются там, а в смысле работоспособности значительно превосходят туземцев. Правительство не сочувствовало, однако, ввозу негров. Опасались, что эти язычники, едва только принявшие крещение и, во всяком случае, не твердые в христианской вере, окажут тормозящее влияние на обращение индейцев. Поэтому африканские негры были совершенно исключены из колоний, а вывоз черных

домашних рабов подвергся наивозможному ограничению. И только повторные петиции колонистов об усилении подвоза черных рабочих сил открыли правительству значение этого вопроса. Наконец вообще весь взгляд на него радикально изменился, когда сам Лас-Ка-зас стал настойчиво рекомендовать ввоз негров-рабов из филантропических соображений, а именно для ограждения индейцев от обращения в рабство. Если и затем еще правительство принципиально воспрещало иммиграцию негров, то это делалось лишь из фискальных интересов. В действительности уже с 1516 года почти ежегодно одними откупщиками монополии на рабов ввозилось прямо с Гвинейского берега в Новый Свет около 4000 черных, не говоря уже о массе их, которая попадала в колонии в силу особых разрешений, а впоследствии путем контрабанды. Во всяком случае, уже около середины XVI столетия черные и метисы, происшедшие от соединения их с белыми и индейцами, составили элемент населения, который имел выдающееся экономическое значение. Кроме того, они заслуживали особенного внимания еще и по той причине, что они еще менее индейцев подняты были колонистами на какой-либо культурный уровень, и они были от природы гораздо менее податливы, но в то же время едва ли менее склонны уйти от своих владельцев и

94

в пустыне вернуться к нравам и обычаям своей родины. Уже в 1550 году испанцам приходилось подавлять опасные восстания черного населения. Время от времени эти вспышки повторялись, пока, наконец, после успешного возмущения в 1808 году неграм не удалось основать независимое государство в западной половине острова Санто-Доминго, в республике Гаити.

Смешение рас в испанской Америке имело сравнительно небольшое значение. В первые годы существования большинства колоний, пока европейские женщины еще не прибыли туда или в силу господствовавших там условий не могли прибыть, внебрачное сожительство с туземными женщинами составляло общее правило. Там, где это продолжалось долго, как, например, в Парагвае, образовалась, наконец, многочисленная смешанная раса. В Мексике и Перу, вероятно, также в Боготе, браки испанских колонистов с женщинами туземной аристократии заключались чаще по политическим соображениям. Испанские короли признали эту аристократию и поставили ее наравне с испанской. В общем, однако, испанцы в колониях не менее заботливо следили, чем на родине, за чистотой и несмешанностью крови: креолы до сих пор еще особенно гордятся тем, что прадеды и прапрадеды их были чисто испанской крови. Но если колонисты евро-пейского происхождения сознательно противопоставляли себя туземным расам, то, с другой стороны, измененные условия жизни, иной климат, иные социальные условия создали с течением времени сперва смутно ощущаемый, потом совершенно сознательный контраст между ними и теми испанцами, которые в качестве купцов, солдат, чиновников лишь временно оставались в колониях и не утратили чувства, что они там чужие.

Карл V при вступлении на престол застал вопрос о туземцах в полном ходу и сперва не вмешивался в развитие его. К первым годам его правления относится ожесточенная бумажная война между Лас-Казасом и Сепульвесдой по поводу допустимости рабства индейцев; сюда же относится и неудачная колониальная попытка доми-

95

никанца, назначенного патроном индейцев. Учреждение должности защитника туземцев было, кроме того, распространено повсеместно: в каждой колонии одному из высших духовных лиц вверялась специальная охрана туземцев. Законы относительно обращения с индейцами постоянно изменялись и разрабатывались в смысле более интенсивного внимания к их интересам. Наконец, указ в Гранаде от 17 ноября 1526 года соединил воедино все распоряжения относительно обращения с туземцами в 6 параграфов. Указ все еще признавал две категории индейцев, дружественных и диких, и разрешил обращать последних в рабство, но для этого в каждом отдельном случае было необходимо получить разрешение от особых чиновников. С тех пор этот закон имел силу не только во всех колониях, но и при всяких договорах при новых открытиях. За ним последовали быстро, одно за другим дальнейшие распоряжения в благоприятном для индейцев духе. После долгих споров «за» и «против», рабство индейцев было, наконец, уничтожено окончательно в 1520 году. Правда, проведение этой меры в жизнь встречало еще затруднения в различных провинциях и затянулось на много лет; но закон оставался непоколебимым и был наконец осуществлен со всей строгостью, несмотря на сопротивление колонистов.

Несколько раз правительство пыталось совершенно уничтожить *encomiendas*; но эта мера не была проведена по двум причинам: она грозила подорвать материальное благосостояние колонистов и повредить культурному развитию индейцев. Поэтому правительство ограничилось тем, что все более и более очищало систему *encomiendas* от всех присущих ей недостатков и все строже наблюдало за добросовестным применением ее. Однако принцип способствовать культуре индейцев путем более тесного сближения их с испанцами и предоставлять конкистадорам и их потомству попечение об индейцах в виде награды и признания их заслуг, этот принцип остался в полной силе. Впрочем, далеко не все индейцы были распределены по *encomiendas*. В каждой провин-

96

ции, в каждом округе правительство с самого начала удержало за собой известную часть земли и часть населения, которая должна была рабствовать для короны, но не для отдельных колонистов. Чем дальше, тем энергичнее становилась борьба с злоупотреблением *encomiendas*, тем более ограничивались размеры и затруднялось получение их. В конце концов одни лишь индейцы в непосредственном соседстве местечек, основанных в эпоху конкистадоров, сохранили в отношении колонистов положение оберегаемых. Обширные области, которые не были густо заселены европейцами, оставались, как и раньше, свободной страной индейцев. Обращение в христианство и образование их были предоставлены почти исключительно религиозным обществам и миссионерам, которых посылали эти общества.

МИССИЯ

Заслуги иранского духовенства в колониальной области чрезвычайно велики. Неразумное доктринерство эпохи Просвещения в связи с созданными романтизмом мечтаниями о первобытных состояниях человеческого общества

ставило в упрек испанским миссионерам, будто они в слепом фанатизме уничтожали остатки почтенной древности и приносили народам Америки вместо духовного освобождения одно лишь духовное порабощение. Если миссионеры и священники в тех провинциях, где существовали тщательно развитая религиозная система и многочисленная и влиятельная иерархия, поступали иногда со всей строгостью и энергией против их бесчеловечных действий (например, в Мехико), то это было лишь актом необходимости. Нельзя отрицать, конечно, что при этом местами были уничтожаемы предметы языческого поклонения, об исчезновении которых скорбит этнографическая наука наших дней. Но, с другой стороны, именно эти священники, а во многих провинциях только они одни, не щадили усилий, чтобы исследовать, собирать,

л Ч-1- S7i

97

отмечать языки, нравы и предания туземцев. Современная наука обязана именно им наиболее богатым и ценным материалом для лингвистического и этнологического изучения. Правда, лишь очень немногие из них сознавали, какие услуги они оказывают будущему исследованию; внимание их было привлечено к более близким предметам — к образованию и обращению индейцев.

Там, где светское управление шло рука об руку с духовным, мы меньше слышим о благотворной деятельности религиозных общин. Тем не менее деятельность доминиканцев и Лас Казаса, а также бесчисленные отдельные заметки в отчетах администрации и в светских и духовных хрониках доказывают, что и там деятельность их шла в том же направлении, как и в областях, где работали исключительно они одни. В особенности в истории этих последних областей они оставили по себе неразрушимый памятник. После того как все пространство нового материка было поверхностно исследовано в период завоеваний, испанская колонизационная деятельность сосредоточилась к концу XVI века в тех областях, которые обещали европейскому хозяйству непосредственные выгоды. Наоборот, обширные массы суши, от которых не ожидали многого дня культуры, частью по климатическим условиям, частью вследствие политических соображений, оставались почти нетронутыми.

К этой заброшенной области принадлежала большая часть внутренней страны Южной Америки, к востоку от Кордильер и к северу от устья Ла-Платы. Эта обширная область, омываемая обильными водами Амазонки и ее притоков, Парагвая и других притоков Ла-Платы, пришла в соприкосновение с европейской цивилизацией и сохранилась для нас почти исключительно благодаря миссионерам. В первое время главным образом францисканцы и августинцы из монастырей и коллегий перуанского плоскогорья взяли на себя обращение индейцев, живших вниз по течению бесчисленных рек и потоков, которые устремляются с Кордильер на восток. С беспримерным самопожертвованием и самозабвением стран-

98

ствовали эти духовные отцы среди дикарей, и нередко в такой деятельности проходили месяцы и годы, прежде чем им удавалось вступить в отношение с туземцами и этим положить основание для своей материальной и религиозной культурной работы. Исходя из убеждения, что непрерывное перемещение индейцев крайне препятствует духовному воздействию на них и что раньше, чем образовывать, нужно сделать их оседлыми, миссионеры направили свои усилия сперва к тому, чтобы отыскать и указать индейским племенам, которых желательно было обратить, подходящие места для обитания, т. е. такие, которые соответствовали их склонностям и культурным требованиям. При этом они умышленно избегали близости европейских поселений вопреки законам, запрещавшим вообще европейцам подолгу оставаться в индейских деревнях, и, наоборот, заняли обширную сеть индейских деревень и местечек сперва средние и верхние долины притоков Мараньона, а в течение XVII века область этой реки и других больших рек Южной Америки. Правда, с течением времени наибольшая часть этих поселений снова заглохла, частью вследствие роковой убыли туземного населения, частью же благодаря преследованиям, которым впоследствии подвергалась деятельность духовных отцов. Тем не менее ими была заложена главная основа распространения европейской цивилизации в этой всей области.

Область и характер индейских миссий Южной Америки стали известны, главным образом, благодаря иезуитам, которые во второй половине XVI и в начале XVII века перенесли на запад в Новом Свете миссионерскую деятельность, начатую на востоке св. Франциском Ксаверием. Не следует, однако, забывать, что своеобразное устройство так называемых редукций и миссий было изобретено не иезуитами и практиковалось не ими одними. Если представление об этих учреждениях особенно тесно связывается с орденом иезуитов, то лишь потому, что иезуитская миссия Бразилии и Парагвая оказали на политическую историю южноамериканского материка бо-

99

лее могущественное влияние, чем деятельность какого-либо другого ордена. Соперничая с другими религиозными общинами, иезуиты уже рано проявили свою деятельность в качестве миссионеров. Сначала они даже работали больше в португальских колониальных владениях, чем в испанских. С 1608 года они заняли исключительное положение благодаря предоставлению им в Парагвае области, которая не была подчинена никакой гражданской власти. Здесь они могли применить цивилизаторскую работу и обращение индейцев в большом масштабе. Предоставление иезуитами такой необычайной самостоятельности со стороны правительства имело свою особую причину.

Булла Александра VI относительно демаркационной линии устанавливала, правда, в принципе границы между испанской и португальской колониальными сферами; но для действительного государственного разграничения было недостаточно этого общего постановления, изложенного в неопределенных выражениях. Оба правительства сознавали это еще в то время, когда состязавшиеся между собой представители обеих стран открыли устье Ла-Платы. По этому поводу несколько раз происходили дипломатические переговоры; но в сущности оба правительства придавали еще слишком мало цены неисследованной и почти ничего не обещавшей области, притязания на которую были сомнительны. Лишь с течением времени вопрос стал на более реальную почву, особенно благодаря различной колониальной

политике, которой следовали оба государства в этих пограничных областях. Из всех испанских колоний всего более выдавалась колония Асунсион в Парагвае, где с самого начала установились дружественные отношения между туземцами и колонистами и где дух испанского законодательства об индейцах проявился в форме, не искаженной внешними влияниями. Между храбрыми и честными гуарани и товарищами Иралы были заключены дружественные договоры, которые в течение веков ни разу не были серьезно нарушены. Но союз с этим могущественным и распро-

300

страненным племенем тупи вскоре поставил испанских колонистов в скрытое противоречие с их восточными соседями, португальцами. Силы маленькой Португалии были настолько поглощены ост-индской колониальной политикой, что Бразильская колониальная область уже менее чем через 10 лет после открытия ее Кабралем была вполне предоставлена частной эксплуатации. Таким образом, в Бахии Всех Святых, на мысе Сан-Винцент, на острове Св. Катерины, в заливе Рио-де-Жанейро возникло множество небольших поселений, которые хотя и считались португальскими колониями, но в действительности были населены, наряду с немногими настоящими португальскими подданными, множеством темных личностей (в числе их были, кроме португальских евреев, подданные все-х-стан). Они вели торговлю весьма сомнительной законности и отправляли свои продукты не только в Лиссабон, но, если удавалось ускользнуть от контроля, и к французским, английским и даже ганзейским гаваням. Между тем, как чужеземные торговцы вывозили главным образом бразильское дерево, сахар и другие колониальные продукты, португальцы занимались преимущественно оживленной торговлей индейскими рабами, которых перевозили не столько в Лиссабон, сколько в колониальные гаваням, как собственные, так и принадлежавшие к испанским владениям. Как и везде, вследствие этой охоты на рабов туземцы уходили все дальше и дальше от морского берега. Гонимая за своей добычей по наиболее доступным дорогам — водяным путям и углубляясь, таким образом, все более и более в глубь страны, охотники на рабов вскоре пришли в столкновение с гуарани и, косвенным образом, с испанскими колонистами.

Чтобы положить конец этому беззаконию и извлечь больше выгод из обладания колониями, португальское правительство решило изменить свою колониальную систему. В 1531 году большая часть Бразилии была подразделена на так называемые капитанства, обширные участки земли, владельцы которых, взамен

101

подати короне, приобретали права феодальных господ Старого Света. Такая же колониальная система была испробована англичанами в одной части Северной Америки. Созданные этой системой 35 капитанств имели то преимущество, что в некоторых местах ими действительно были сделаны попытки колонизации. Так возникли первые сахарные плантации, заводы и первые выгодные хозяйства. В общем, однако, эта система оказалась несостоятельной. Некоторые капитанства были снова заброшены своими владельцами, а другие существовали с трудом. Вместе с тем прежняя незаконная иноземная торговля и охота на рабов не прекращались и тогда, когда создано было центральное управление для отдельных округов и назначен был вице-король, имевший резиденцию в Бахии.

Насколько была слаба фактическая власть португальцев в их бразильских владениях, показывает колонизаторская попытка французских протестантов под Вильгельмом. Экспедиция их была следствием торговли Диеп-па с бразильским побережьем, которая велась с давних пор, хотя и незаконно, но почти беспрепятственно. Желавшие эмигрировать верили, что там им легко удастся создать новую родину и присоединить к метрополии ценный участок колониальной области. И действительно, они почти пять лет владели бухтой Рио-де-Жанейро. Если бы не внутренние распри и перемена политических условий на родине, которые пришли на помощь португальцам, то, вероятно, прошло бы еще много времени, прежде чем будущая столица Бразилии снова стала португальской. Французы, отступая все далее к северу, вновь и вновь пытались стать твердой ногой на бразильской почве и при этом очень ловко держались политики, которую они применяли в большом масштабе в своих поселениях на реке Св. Лаврентия. Они вступали в союзы с туземцами, с одной стороны, для того, чтобы жить с ними в мире, а с другой, чтобы натравливать их на своих колониальных соперников. В Бразилии им тем легче было проводить такую политику, что в глазах португальцев

102

туземцы теперь, как и раньше, оставались, в сущности, товаром, который следовало использовать возможно выгоднее.

Соединение Португалии с Испанией в 1580 году не осталось без влияния на колониальное законодательство, хотя, несмотря на завоевание Филиппом II, Португалия и ее колонии сохранили совершенно отдельное управление. Много раз издавались законы, которые в принципе стремились обеспечить личную свободу индейцев. На фактическое положение вещей они не оказывали почти никакого влияния: колонисты всегда умели добиться того, что обладание индейцами-рабами оставалось неприкосновенным даже с юридической стороны. Положение туземцев и здесь складывалось более благоприятно только в глубине страны, куда из европейцев проникали почти одни лишь миссионеры.

Там открывалось широкое поле деятельности для иезуитов, которые впервые появились в Бразилии в 1549 году. Если в северных провинциях вначале их не слишком тревожили охотники на рабов, то лишь потому, что они, в силу долголетней привычки, неясности политических границ и других условий, держались, главным образом, на юге. Но там они мало-помалу сделались настоящим бичом не только для индейцев, но и для испанских колоний. Когда иезуиты и на юге выступили в защиту туземцев, возникла замечательная

организация иезуитских миссий Парагвая, относительно которой и теперь еще взгляды сильно расходятся. Цель иезуитов заключалась в том, чтобы защитить гуаранисов от преследования европейцев. Когда они убедились, что колонисты и колониальные чиновники Асунсьона и Буэнос-Айреса ради собственной выгоды нередко действовали тайно и сообща с португальскими охотниками на рабов, то вместо того чтобы переселиться в необитаемые места и там собрать вокруг себя туземцев, как они делали это в других областях, они добились от Филиппа III, бывшего одновременно правителем Испании и Португалии, уступки полосы земли на восток, от

103

Миссия Сан-Хосе в Боливии во время ее процветании иезуитов»

(рисунок Карла Эпике с ат.паса Дорбиньи и «Миссии Пфотенгауера»)

Парагвая до Уругвая. Здесь они имели право господствовать и управлять почти независимо от какой бы то ни было светской или духовной власти. Старания их стянуть вокруг себя индейцев окружающих областей, благодаря их кроткому управлению, быстро увенчались поразительным успехом: население их редукций вскоре превысило 100 тысяч человек. Здесь были не одни гуарани, но так как эти племена принадлежали почти исключительно к народу тупи, то иезуитам нетрудно было сделать язык гуарани всеобщим. Ту же цель они преследовали, и также удачно, в миссиях Северной Бразилии. Выработанное ими искусственное наречие гуарани фактически сделалось и осталось универсальным языком *Lingua geral* цивилизованных туземцев Бразилии. Совершенно особое впечатление на современников произвел социальный порядок, введенный иезуитами в областях миссий. Говорят, что они исходили при этом из философских учений и стремились осуществить Солнечное государство Кампанеллы; но это не более как позднейшие толкования, примеры, которым иезуиты хотели подражать, лежали гораздо ближе к ним. Прежде всего, обширное землевладение орденовских общин нередко в отдельных случаях управлялось самой общиной, но еще более иезуитское государство копировало в главных чертах социальный строй перуанских инков с его отрицанием частной собственности и общеобязательным трудом. Понятие о личной собственности было еще недостижимо для большинства некультурных индейских народов, а общность всех работ составляла у них правило. Поэтому не удивительно, что миссионеры могли без затруднений проводить подобные учреждения; они давали при этом индейцам много вещей, которые они ценили и к которым стремились, но при прежней форме собственности часто не могли их добыть: правильное и обильное питание и постоянную защиту как от диких соплеменников, так и от белых врагов.

Миссионеры избрали единственный разумный путь по отношению к язычникам: они начинали обращение с об-

разования. Высшие стороны христианских догматов разум дикаря был не в силах постигнуть. Даже цивилизованный индеец часто составлял себе об этом весьма оригинальное представление, и, чтобы сделать его вообще христианином, хотя бы только кажущимся, нужно было начать с его образования. Вследствие жестокой охоты на рабов, предпринимаемой португальцами, и обращения туземцев с испанскими колонистами, которое во многих случаях было несколько не лучше, иезуитам удалось поразительно быстро собрать значительное число туземцев на предоставленной им территории. Они основали там ряд местечек, из которых каждое заключало по меньшей мере около 2000 жителей; все они представляли большое типическое сходство между собой.

Центр каждой миссии образовала церковь. Так как поселения очень быстро достигали экономического благосостояния, которое могло идти лишь на пользу самих миссий, то в этих индейских деревнях возник ряд почти монументальных церковных построек (см. рис. «Миссия Сан-Хосе в Боливии во время ее процветания» на с. 104—105). В остальном эти поселения производили весьма однообразное впечатление. Рядом с церковью находилась большая четырехугольная площадь, окруженная важнейшими зданиями — жилищем патеров, для припасов, домами для собраний. Отсюда шли по всем направлениям прямолинейные и прямоугольные улицы, в конце которых всегда находилась капелла, построенная на границе городского поля. На этих улицах располагались простые

хижины индейцев. Все постройки были делом рук общины и оставались ее собственностью. Обитателю принадлежало только право пользования ими и небольшими садиками, расположенными поблизости, т. е. это было нечто вроде личной собственности. Сад представлял вместе с тем единственное, что семья обрабатывала лично для себя, и, нужно прибавить, большей частью довольно скудно. Обширные маисовые и хлопчатниковые поля, примыкавшие к окраине города, и значительные стада рогатого скота и овец составляли главное богатство редукций, обрабатывались и содержа-

107

лись, согласно распоряжению миссионеров, сообща, принадлежали общине и находились в ее владении. Весь сбор отправлялся в амбары и оттуда распределялся патерами между отдельными хозяйствами. Точно так же отцы регулировали ремесленный труд, в котором обязаны были принимать участие все жители, каждый по своим способностям и знаниям.

При таком обилии рабочих рук миссионерам ничего не стоило удовлетворять необходимые потребности в отношении жилища, одежды и питания. Но, кроме того, они «вели многие искусства, удовлетворявшие целям роскоши — резьбу по дереву, производство часов и даже книгопечатание. Во всех этих производствах индейцы не шли" дальше подражания, и сами не делали никаких открытий si успехов, несмотря на более чем столетнюю культуру. Причина того лежала в неподвижности самого метода обучения их и затем, действительно, в отсутствии требуемых способностей. В ответ на обвинения, будто они сипнтельно подавляли человеческую свободу своих подчиненных, иезуиты возражали, что индейцев невозможно было вывести из состоя ля вечного детства и что предоставление им в большей мере индивидуальной свободы только подорвало бы индивидуальное к общее благосостояние. В этом, вероятно, много правды. Несомненно, что туземцы на самом деле так хорошо чувствовали себя под управлением миссионеров, что не только во все времена беспрекословно повиновались им, но сержзно старались удержать своих духовных руководителей, когда правительство находило нужным отозвать их.

Власть миссионеров была прямо или косвенно почти неограниченной. В каждой миссии находились вообще лишь два европейца, оба принадлежавшие к духовному ордену. Один, настоящий руководитель, стоял во главе духовных интересов колонии, другой управлял ее материальными делами. При них находился род муниципалитета по образцу испанских колониальных городов; он избирался среди общины, но был всегда безусловно подчинен миссионерам. Насколько иезуиты держали в своих руках туземцев, видно из того, что собственна не су-

108

ществовало никакой светской карательной власти: жители управлялись почти исключительно при помощи силы исповеди. И иезуиты сами сознавались, что на исповеди лишь крайне редко обнаруживались действительные преступления. Конечно, миссионеры были и внешними представителями своих общин; они добились для них возможной политической и экономической независимости. Посторонний редко имел возможность проникнуть в миссии, и при этом оставался исключительно гостем патеров: этим устранилось, во-первых, более близкое знакомство с туземцами и, во-вторых, неблагоприятное воздействие на вторых. Лишь изредка один из миссионеров, сопровождаемый наиболее надежными из туземцев, отправлялся из редукции в испанские поселения для обмена произведений, имевшихся у них в избытке, преимущественно хлопка и кож, на продукты, которые в самой редукции не производились. Но и в этом случае старались по возможности избегать соприкосновения с европейскими элементами.

Редукции в Парагвае быстро росли, и вскоре население их сделалось многочисленным. В этом обстоятельстве заключалось, однако, опасность для них. Все поселения были не защищены: сами миссионеры имели существенный интерес в том, чтобы усыплять воинственные наклонности гуарани, некогда славившихся своей дикой храбростью. Вместе с тем существовал общий закон, воспрещавший давать индейцам в руки огнестрельное оружие. Вследствие того для португальских охотников на рабов, которые в XVII веке обладали уже правильно организованным и хорошо вооруженным войском, представлялось легкой задачей похищать индейских рабов из миссии, вместо того чтобы изнурять себя в погоне за ними в пустыне. Так они и начали поступать с 1637 года. Для иезуитов это событие имело громадное значение. Ввиду изменившихся обстоятельств им удалось добиться отмены воспрещения носить огнестрельное оружие для вверенных их попечению индейцев. С тех пор трудами братьев этого ордена туземцы их поселения пре-

109

вратились в хороших и энергичных солдат. Они с успехом отражали нападения других диких туземцев и разбивали на голову паулистов (так называли португальских охотников на рабов по имени их родины, провинции Сан-Пауло), которым пришлось поэтому перенести поле своей деятельности к северу, в глубь страны. Кроме того, они не раз выказывали себя надежными и хорошо обученными воинами в тех случаях, когда происходили внутренние восстания, или враждебные действия со стороны других европейцев угрожали границам испанских поселений.

Так прошло более столетия в мирной работе иезуитов над обращением туземцев, если не считать случайных столкновений с духовными и светскими властями соседних округов. В это время в Старом Свете дух времени становился все более и более враждебным ордену иезуитов. Такое положение вещей в конце концов отразилось и на поселениях их в далекой пустынной стране. Первый толчок был, впрочем, дан чисто политическими соображениями. Вследствие постоянного открытия новых территорий внутри Южной Америки и развития их, Испания и Португалия в конце концов почувствовали и одинаковой мере потребность в установлении более точных границ между своими колониальными владениями. Личная уния обоих государств, основанная Филиппом II, была вновь уничтожена португальским восстанием 1640 года. После многолетних неприязненных действий Испания должна была признать в 1668 году господство

Браганцкого дома в Португалии и ее колониях. Вместе с тем Испания также переменила династию своих правителей; Когда Фердинанд VI приступил к внутренней реорганизации своего государства, расшатанного долгими неурядицами и многолетней войной за наследство, это отразилось и на колониальных условиях: новая, более светлая и свободная струя повеяла в жизни колоний.

Одним из последствий этого явилось желание отрегулировать границы с Бразилией. Португальцы неоднократно

110
кратно заявляли притязания на левый берег устья Ла-Платы. Они основали против Буэнос-Айреса город Колонию и уже не один раз стремились расширить свои поселения в этой области. Для мадридского правительства это было настоящим сучком в глазу, так как португальские поселения имели почти исключительной целью незаконным образом переступить пределы, в которых Испания старалась держать торговлю с колониями. Но так как сама Португалия имела лишь незначительный интерес в этих выдвинутых вперед береговых пунктах, то она охотно согласилась уступить Испании левый берег устья Ла-Платы взамен значительных пространств земли внутри материка; в том числе был уступлен и восточный берег Уругвая, на котором находилось семь миссий, управляемых иезуитами. Согласно договору, туземцы под руководством своего духовного начальства должны были покинуть эту область и поселиться далее на испанскую территорию. Но когда пограничные комиссары наконец приступили к осуществлению договора в этом месте, они встретили не только энергичные представления со стороны иезуитов, но и вооруженное сопротивление туземцев, вначале успешное. Иезуиты, правда, вскоре смирились, получив приказ из Испании, и старались воздействовать в том же смысле на туземцев. Но последние не могли так быстро расстаться с милой им родиной, для защиты которой даже прибегли к оружию. До серьезной войны дело не дошло, но все-таки потребовалось вызвать значительную военную силу, состоявшую из испанцев и португальцев, чтобы убедить туземцев в бесплодности дальнейшего сопротивления.

Этот инцидент сам по себе был так естественен и безобиден, что едва ли давал повод к обвинению против иезуитов. Но в руках всемогущего португальского министра маркиза Помбала, который уже тогда искал точку опоры, чтобы сломить власть иезуитского ордена, ничтожное событие превратилось в тяжкую вину. При помощи пытки нетрудно было вынудить у нескольких пленных индейцев из миссий признание, будто иезуиты

111
подстрекали их к вооруженному сопротивлению предписаниям союзных монархов. Когда крещеный гуарани по имени Николай собрал остатки индейцев, продолжавших сопротивление приказу о выселении, и образовал из них 'шайку, не признающую ни отечества, ни законов, когда он стал производить с этой шайкой хищнические набеги на европейские поселения по обе стороны границы, то появился слух, будто иезуиты с помощью туземцев стремились создать внутри Южной Америки независимое государство, не признающее никакой светской власти. Для Помбала, который стремился и, наконец, добился изгнания иезуитов из Португалии, это обвинение имело большое значение; быть может, оно не осталось без влияния и на положение, занятое Карлом III и его министрами в войне, объявленной во всем мире иезуитам. Во всяком случае ни Помбаль, никто другой из прозорливых государственных деятелей серьезно не верил в подобное обвинение. Это был лишь способ агитации, за которым скрывались чисто светские, политические мотивы, побуждавшие настаивать на изгнании иезуитов из Португалии и Испании,

Теперь, когда собственные интересы иезуитов были поставлены на карту, они, тем не менее, не сделали ни малейшей попытки снять с себя обвинения, выставленные против их миссионерской деятельности. В Бразилии, как и Парагвае, они с некой покорностью подчинились приказу, который неожиданно и без всякой подготовки оторвал их от поля деятельности, на котором они успешно подвизались в течение столетия. Даже недостойный, грубый и мстительный способ, каким во многих местах власти приводили в исполнение приказ правительства, ни разу не вывел их из пассивной, терпеливой роли. Повинуясь приказу, они повсюду удалялись: и там, где это грозило лишь благосостоянию вверенных им туземцев, и там, где их самих неизбежно ожидали нужда и гибель. Но в одном отношении история воздала им должное. Как бы мы ни судили о системе обращения иезуитов с туземцами, мы не можем отрицать, что они сумели пре-

112
восходно защитить индивидуальное благо последних и воспитать из них безусловно преданных и полезных подчиненных. А те, кто заменил иезуитов, в течение немногих лет снова отодвинул индейцев от всех культурных успехов, завоеванных при иезуитах; Своим неумелым обращением они вернули туземцев к тому же дикому состоянию, в котором мы находим их везде, где неприкрытый эгоизм цивилизованного европейца видел лишь низшее существо в индейце, не успевшем в духовном отношении освободиться от оков вековых предрассудков.

Изгнание иезуитов составляет последнюю важную фазу в политике Латинской Америки по отношению к туземцам. С тех пор и в области миссий попечение об индейцах перешло всецело в руки светских властей. Но между тем как в других провинциях эти власти постепенно фактически осуществляли благие намерения законодательства об индейцах, здесь приходилось в отношении туземцев с самого начала проходить весь путь, на который привело других все большее и большее развитие терпимости. В последние десятилетия испанского колониального владычества, в общем, не слышно было сколько-нибудь обоснованных жалоб на положение индейцев: незрелость и зависимость там, где она существовала, являлась в гораздо большей мере результатом природной неспособности, поколениями выработанной привычки, нежели правильного

применения законов. Правильное понимание основ и воззрений европейского культурного развития и теперь еще недоступно для большей части индейцев Южной Америки, несмотря на то что уже в течение двух поколений они считаются свободными гражданами свободных республик и пользуются всеми возможными гарантиями личной свободы. Но такое состояние неизбежно и роковым образом обнаруживается всегда, как скоро сталкиваются две нации с совершенно различными культурными основами и с огромной разницей в степени культуры. Отдельные индивидуумы благодаря особенным способностям могут, конечно, подняться до одинакового культурного

ИЗ

уровня; но во всей массе менее цивилизованный народ всегда останется в духовной, а следовательно, и материальной зависимости от народа, стоящего выше. Никакое уравнивание перед законом не может иметь для менее образованного народа такого значения, как практическое применение положения, в силу которого гуманное попечение о слабом составляет долг чести для народа более культурного.

ИСПАНСКАЯ ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА

Относительно туземной политики испанского правительства должно признать, что она была самой просвещенной и гуманной, какая где-либо и кем-либо при-" менялась, но нельзя утверждать того же относительно его торговой политики. Уже то обстоятельство, что все отношения с колониями монополизировались в одной гавани Севильи, является столько же следствием сделок,- заключенных с Колумбом, сколько подражанием португальским порядкам. Колумб выговорил себе по условию, кроме права участия во всех дальних колониальных плаваниях, еще долю чистой прибыли в совокупных колониальных предприятиях. Для того чтобы выполнить это обязательство, безусловно, требовался строгий контроль над всеми колониальными предприятиями, над их расходами и доходами. Этого, конечно, нельзя было бы достигнуть, если бы суда могли отправляться в колонии из любой гавани испанского полуострова, окруженного с трех сторон морем. Мы знаем уже, что тяжбы между правительством и наследниками Колумба тянулись вплоть до половины XVI века, пока, наконец, после долгих тяжб и повторных сделок не состоялось окончательное соглашение. Но, в силу воззрений правительства на этот вопрос, Севилья и впоследствии продолжала сохранять исключительную монополию отношений, и прежний порядок контроля строго соблюдался. Земли, которые вошли в состав

вла-

114

дений кастильской короны благодаря открытию Колумба, считались не столько территориальным приобретением страны, сколько прибавлением личных владений-кастильских королей. Такого же взгляда держались в XVI и XVII веках все государства, которые вообще преследовали колониальную политику, и остатки его можно почти всюду отметить и теперь. В Испании живучесть его так велика, что она до сих пор не может вполне отделаться от него, невзирая на ряд прогрессивных революций в течение трех поколений.

При такой правовой точке зрения, конечно, всецело зависело от усмотрения правительства или тех, кому оно уступало свои права, допустить то или иное лицо в колонии для поселения или торговых целей. И действительно, ограничения были с самого начала очень многочисленны и, за исключением некоторых принципиальных уступок, сделанных в первые десятилетия, держались долго, слишком долго. Сперва право вступать в отношения с колониями принадлежало одним кастильцам на том основании, что колонии составляли владения кастильской короны; впрочем, в 1495 году это право было распространено и на уроженцев Арагонии. Дальнейшее распространение его последовало через несколько лет после вступления на престол Карла V. В силу преимущественно экономических соображений он решил открыть доступ в колонии всем подданным многочисленных государств, которыми правил. Испания приобрела необъятные колониальные владения в такой момент, когда этот дар мог и должен был оказаться чрезвычайно опасным для ее развития. Испания только что устранила последние остатки владычества мавров и восстановила политическое единство на собственной земле. Фердинанд и Изабелла сделали лишь первые шаги к более энергичному развитию естественных средств страны, которая значительно отстала в экономическом отношении, из-за непрерывной борьбы с полумесяцем. И тогда-то для местного труда появился новый опасный враг: перспектива быстрого, хотя и рискованного обогащения в колониях

115

отвлекает тысячи и тысячи здоровых рук далеко не густого населения от медленной, но более прочной работы у себя на родине и создает серьезную конкуренцию домашнему земледелию и промышленности. При таких затруднительных обстоятельствах Испания не могла взять на себя исключительное бремя заботы о колониальных владениях, необычайно расширявшихся с каждым десятком лет, несмотря на то что она успешно продвигалась на пути экономического развития, основы которого были созданы католическими государями. Закон об устраниении иностранцев был еще раньше нарушаем ради тех, кто умел, преследуя личные выгоды, не забывая и выгоды государства и колоний. Открывая Новый Свет для всех своих новых подданных, Карл V намеревался приобрести новые силы для осуществления экономических задач, которые колонии ставили правительству. Доказательством такой именно его точки зрения служит то обстоятельство,

что он старался привлечь к колониальным предприятиям наиболее могущественные экономические факторы своих внеиспанских владений: из Германии — Ганзу и аугсбургских негоциантов, из Италии — в особенности крупных генуэзских купцов.

Естественно, что законы страны относительно отношений с колониями сохраняли силу и для них. Они точно так же обязаны были сперва входить со своими кораблями и товарами в Севилью и уплачивать входную пошлину; они должны были подчиняться контролю Casa de contratación, согласно которому не разрешалось отправлять в колонии ни одного человека, никакого товара, который не удовлетворял бы всем законным требованиям, и, подобно испанцам, могли возвращаться не иначе, как через Севилью, где подвергались такому же осмотру. На них распространялось также воспрещение вывозить обратно из Испании наиболее ценные предметы колониального ввоза, в особенности благородные металлы. С течением времени, однако, и для правительства с его предвзятыми меркантильными взглядами сделалось ясным, что подобный порядок во всей его строгости долго держать-

116

ся не может, так как Испания вместе с ее колониями и через посредство их потребляла гораздо больше, чем могла вывозить. Но оно не сумело помочь этой аномалии, не усмотрело, что вследствие совершенно изменившихся обстоятельств в зависимости от добывания благородных металлов в Новом Свете, золото и серебро также снизили на степень товаров, и никакой человеческой закон не был в состоянии фиксировать их ценности. В первые годы торговля с колониями не была обложена никакими пошлинами. С усилением торговых отношений введены были и здесь такие же пошлины для ввоза и вывоза, какие были приняты вообще между отдельными испанскими странами и в других местах. Исключение составляли благородные металлы, так как они не признавались товаром. Государство, впрочем, и здесь обеспечило свою долю, а именно пятую часть из всего количества добываемого благородного металла.

Для правительства было чрезвычайно важно, особенно в первое время, по возможности оживить отношения с колониями. Поэтому оно охотно предоставляло через посредство Casa de contratación каждому кораблю, который желал переправиться через океан, необходимые пропуски и продавало морские карты, насколько это было для него возможно. Оно устроило свою школу штурманов и при ней испытания для моряков. В первое время очень часто делались отступления от строгости закона: время от времени число выходных гаваней значительно увеличивалось, а в отношении Канарских островов было навсегда постановлено, что корабли не обязаны оттуда-заходить в Севилью. Таможенный досмотр производился также не во всей строгости. Так, известно было, что возвращавшиеся корабли часто складывали тайком значительную часть своего груза на Азорских островах, принадлежавших Португалии, и этим путем ускользали от пошлины. Еще Филипп II в первый год своего правления велел своим Советам не поступать по всей строгости закона против этого обычая, поскольку здесь были замешаны его собственные подданные. Без сомнения, подобно-

117

го рода ограничительные постановления должны были отражаться особенно тяжело на колониях. Так как они исключали свободную конкуренцию, то в связи со сравнительным избытком золота и серебра повели к тому, что цены между колонией и метрополией находились в начале в отношении 5:1; уже в конце XVI века существовало еще отношение 3:1. Поэтому агитация против ограничительных законов для торговли велась в колониях особенно оживленно. Правительство продолжало именно там строго держаться системы таможенного досмотра, так как дальность расстояния и необычайная обширность слабо населенного побережья открывали широкий простор злоупотреблениям всякими льготами и делали немислимым какой-либо контроль.

Еще прежде чем в Новом Свете, наряду с Санто-Доминго, возникла какая-либо новая гавань, имевшая серьезное значение для вводной торговли, политические условия метрополии сами по себе повели к новой организации торговых отношений с колониями. Эта перемена оказалась чрезвычайно полезной для контрольной системы правительства, причем связанные с этим невыгоды для колонистов не сразу дали себя почувствовать. Успехи, достигнутые испанцами и португальцами благодаря их заатлантическим флотам, не остались без воздействия на прочие европейские государства. Французские и английские моряки, которыми в первых плаваниях часто руководили еще итальянские лоцманы, вскоре стали отваживаться сами переплывать океан. Об открытиях их в Северной Америке будет еще речь впереди. Пока Испания жила в мире с остальным светом и колонии ее лишь слабо вознаграждали поглощаемые ими суммы, вмешательство других государств в колониальную сферу не имело большого значения. Но при Карле V, когда стремление Испании к всемирному господству становилось все настойчивее, обнаружился сильный антагонизм сперва в отношении к Франции, а при Филиппе II и в отношении к Англии. Отсюда началась открытая вражда, которая привела в Европе к неоднократным войнам, а на океане —

118

к смелым предприятиям пиратов. Затем последовали хищнические нападения на колониальные поселения американского побережья, и в конце концов чужие государства с успехом стали отрывать там и сям частицы старинных испанских колониальных владений.

Эта вражда особенно чувствительно отзывалась на одиноких и безоружных кораблях, циркулировавших между Испанией и колониями. Желая предупредить нападения на них, Карл V в 1526 году издал постановление, чтобы корабли в военное время выходили и возвращались не каждый отдельно, но соединялись бы во флоты, способные оказать сопротивление. Таково происхождение знаменитых Flotas и

Galeones, которые в течение двух столетий были исключительными посредниками отношений между испанской Америкой и остальным цивилизованным миром. Эта мера первоначально лишь обеспечивала безопасность заатлантического сообщения. Вскоре, однако, все участвовавшие в ней органы почувствовали и оценили огромные выгоды, вытекавшие отсюда для целен контроля со стороны фиска. Во время -введения Flotas распространение испанской расы в Новом Свете еще не было закончено. Поэтому организации торговли предстояло еще пройти несколько фаз развития, прежде чем достигнуты были прочные формы. Она приняла тогда приблизительно следующий вид. Ежегодно в марте и сентябре все корабли, подлежащие отправке в Вест-Индию, собирались в Севилье или, если их глубокая осадка не позволяла этого, в наружном порте Сан-Лукар-де-Баррамедас, а в последствии в Кадисе. Число кораблей должно было быть не менее десяти; в противном случае флот вообще не получал разрешения к отплытию. Большой частью число это колебалось от 20 до 30, а в некоторых случаях бывало значительно больше. Так, в 1589 году для перевозки всего, что было доставлено флотом в Портобело, потребовалось не менее 94 судов, которые отплыли из Панамы на юг. Корабли, которые имели менее 100 тонн вместимости, вообще не допускались к плаванию в Вест-Индию. Затем

119

всякий купеческий корабль с большим грузом должен был иметь не менее 4 тяжелых и 16 легких орудий и каждый человек на борту — оружие. Два самых больших судна назывались Capítana и Almiranta. Первое из них с главнокомандующим всего флота на борту шло впереди; адмиральский корабль шел сзади и следил главным образом за тем, чтобы флот не разбивался. Capítana (капитанский) и Almiranta (адмиральский) были вооружены сильнее других кораблей и для увеличения их боевой способности нагружались меньше, чем купеческие суда. Кроме того, в первое время флот сопровождался по крайней мере одним, а впоследствии, по большей части, несколькими большими кораблями, Galeones, задача которых состояла главным образом в том, чтобы охранять, безопасность флота. Они имели не менее 200—300 тонн вместимости, были сильно вооружены и не должны были брать много груза. В то же время на обязанности их лежало доставлять в Испанию в целости золото и серебро, собранное для короны в виде налогов и пошлин. Однако и в этом виде индейские флоты, от которых все больше и больше зависело почти все благосостояние Испании, в военное время считались недостаточно обеспеченными. Сделан был добавочный налог на индейскую торговлю, и на доходы с него был создан охранительный флот, который состоял из галер и i-алеон и должен был сопровождать торговые флоты далеко в открытое море и обратно на пути домой. Впоследствии каждый флот сопровождало несколько легких судов мелкого размера, Avisos, на которых возможно было идти впереди с целью открыть грозящую опасность и своевременно предупредить власти о прибытии флота. Соединенный флот, прибыв из Севильи в Санто-Доминго, вновь подвергался такому же досмотру, как и при отплытии. После того корабли, отправлявшиеся через Пуэрто-Рико и Гавану в Веракрус, так называемый флот Новой Испании, отделялись от тех, которые шли через Мексиканский залив Картахену и оттуда в Портобело, так называемого материкового флота. Последний был

120

несравненно значительнее, так как он поставлял товары для всего южноамериканского материка. Дело в том, что все провинции этого материка не только были лишены права вступать в непосредственные торговые отношения с метрополией, помимо флотов, но даже взаимный обмен между отдельными провинциями был крайне ограничен таможенными и торговыми запретами и сводился к обмену некоторыми продуктами собственной почвы; предметы европейской торговли совершенно исключались из обмена. Материковый флот снабжал из Портобело прежде всего Перу и Чили, а затем даже Тукуман и Парагвай, страны нынешней Аргентинской республики. Вследствие отсутствия сколько-нибудь значительного поселения в устьях Ла-Платы создавалась странная аномалия: товары, предназначенные для юго-востока Америки, должны были в два раза пробежать водораздел между Атлантическим и Великим океанами, прежде чем достигали места своего назначения. Правда, Буэнос-Айрес был в первый раз основан еще в 1535 году, но почти тотчас распался. Только в 1562 году это поселение окончательно упрочилось. В первое время, однако, оно не, имело значения. Большая удаленность этого города от центров испанского колониального управления, открытое положение его на побережье, неудобном для защиты, и, наконец, непосредственное соседство португальцев, которые признавали своим противоположный берег бухты, — все это служило для испанского правительства мотивами против устройства здесь гавани для заокеанских торговых отношений. Лишь в 1617 году эта область организовалась в особый колониальный округ. После этого здесь еще долго шла обширная, но незаконная торговля с другими нациями, прежде чем правительство решилось, при изменении торгового пути в Чили и Перу вокруг мыса Горн, включить и Буэнос-Айрес в число мест, куда должен был заходить флот.

До этого времени, однако, главный торговый путь лежал через Портобело. Как населенный пункт это место не имело почти никакого значения; к тому же из-за

121

своего нездорового климата оно оставалось большую часть года почти необитаемым. И только ко времени прибытия флота стекались сюда купцы со всех концов Южной Америки. После прибытия флота открывалась сорокадневная ярмарка, во время которой совершались грандиознейшие торговые сделки и самые рискованные спекуляции во всей Америке. В городе палаток и бараков, наскоро построенных, воцарялась на короткое время жизнь, полная роскоши и наслаждений, всегда идущая об руку с легким

обогащением. Но как только к концу ярмарки начиналось снаряжение флота к обратному отплытию, поселение Портобело исчезало. Только через полгода, через год или более возобновлялась та же картина. Прибытие флотов большей частью заставляло желать многого в смысле аккуратности. Правда, недостатка в готовых к отплытию судах никогда не было; но нередко стихийные причины или политические замешательства создавали серьезные тормозы для правильного отправления флота. Не раз приходилось откладывать или отменять ярмарку в Портобело, из-за того что ожидавшиеся корабли погибали в бурю или делались достоянием враждебных каперов.

Таким образом, введение «флотов», которое сначала приветствовали как шаг вперед, становилось все большей и большей тяжестью, так как не удовлетворяло возрастающим потребностям и вело к необычайному дорожанию всех предметов торговли. Тем не менее правительство продолжало строго держаться раз установленных правил по причине возраставшей необеспеченности на море. Оно, пожалуй, согласилось бы дать свободу отплывающим флотам и даже сделало бы некоторые уступки в этом направлении. Но в строгом контроле над возвращавшимися судами заключался для него столь существенный интерес, что от этого оно никогда не могло отказаться. Дело в том, что «флоты» представляли единственный способ отношений между обеими частями света, единственный путь для перевозки всей официальной и частной корреспонденции и, что еще важнее, для доставления в государственные кас-

122

сы колониальных доходов, необходимых для государственного бюджета. Все колониальные власти посылали свои отчеты и расчеты в известные гавани ко времени прибытия флотов. Там письма и ценности доверялись наиболее надежным и безопасным кораблям. Суда новоиспанского и материкового флотов должны были через три месяца после прибытия в Санто-Доминго снова собираться в Гаване. Галеоны и вооруженные суда охраны пользовались этим промежутком для случайных пиратских походов. После соединения флота они снова брали на себя службу охраны и с теми же предосторожностями вступали через Багамский канал в открытое море и отсюда брали курс на родину. Это была самая опасная часть путешествия. Политические враги Испании, так же как и вольные морские пираты, всегда зорко следили за тем, чтобы изловить возвращавшийся домой флот, который бывал настолько нагружен благородными металлами, что его называли «серебряным флотом». Довольно часто эти нападения удавались, хотя, большей частью, не вполне.

Колонии с самого начала поставляли для метрополии всякого рода произведения. Из всех частей Америки вывозилось красивое дерево. Кроме того, в первое время обратные суда нагружались еще различными лекарственными средствами и в значительных количествах сахаром и кожами. Но все-таки самая ценная часть груза заключалась в золоте, серебре, жемчуге и драгоценных камнях. Еще Колумб доставал от туземцев золото, правда, в скромных размерах. Когда доказано было местное происхождение его, стали производить промывки и раскопки. Золотые рудники, в которых вследствие первобытных способов добывания с громадной затратой сил достигалось сравнительно немного, сделались для индейцев настоящей каторгой. Золотоискатели всюду и во все времена заключали отребье человеческого общества. В отношении подобных элементов всякие законы, имевшие целью ограждение туземцев, были бессильны. Чиновник, который вздумал бы применить эти законы на деле, рисковал собственной жизнью. Главные богатства, впрочем,

123

во весь период завоеваний давали не золотые и серебряные рудники, а меновая торговля с туземцами. Правительство вполне сознавало этот факт и поэтому всегда охотно покровительствовало добыванию благородных металлов, понижало пошлины, отправляло туда опытных, преимущественно немецких рудокопов. **Наоборот**, с золота, которое получалось от меновой **торговли** и пиратства, оно требовало в свою пользу пятую часть.

Только после завоевания Мексики горное дело **стало** прибыльной статьей. Серебряные рудники в Сультепеке и в особенности в Гуанахуато давали руду в **таком изобилии**, что можно было считать добывание упроченным. В Перу испанцы нашли сперва у туземцев баснословные сокровища. Но здесь, как и в других провинциях, запас благородных металлов, который давала меновая торговля, сравнительно быстро истощился. Вначале добывание золота и серебра в рудниках предоставляло даже меньше шансов, чем на севере, пока в 1545 году не были **случайно** открыты серебряные жилы в Потоси. Эта горнозаводская область оказалась на долгое время источником невероятных богатств. Благодаря главным образом ей и серебряным копиям в Мексике добывание благородных металлов в Новом Свете в течение продолжительного **времени** держалось приблизительно на одинаковом уровне.

Первоначально применявшиеся примитивные способы очистки делали выгодной обработку лишь **самых** богатых руд, и только изобретение процесса амальгамирования дало возможность более тщательной эксплуатации горных пород Мексики и Перу. **По новейшим** исследованиям, изобретателем амальгамирования был немецкий рудокоп, который лишился куска хлеба вследствие уничтожения огнем ртутных копей в Альмадене. Чтобы применить свое изобретение, он соединился с испанцем Бартоломеом де Медина. Но так **как инквизиция** пропустила в Мексику только последнего, **но не** немецкого учителя его, то испанец всецело пожал **лавры** открытия в свою пользу, и даже **имя немца осталось неизвестным**. Способ добывания серебра **при помощи ртути**

124

произвел в Мексике полный переворот в горнозаводском деле. Владельцы рудников обещали нагрузить серебром корабли новоиспанского флота до самых мачт, если у них будет в распоряжении достаточно ртути; цена последней сразу необычайно поднялась. Рудники Альмадена, богатейшие в мире и, кроме рудников Индии, единственные, бывшие в то время в ходу, еще раньше эксплуатировались монополистами; теперь испанское правительство взяло в свои руки монополию торговли. Рудники оно отдало в аренду Фуггерам, которые путем усовершенствованной разработки при помощи немецких сил получали в течение полувека около 100 % дохода; но они были обязаны весь вывоз предоставлять правительству, которое продавало ртуть в Америке владельцам рудников втрое и вчетверо против покупной цены. С этого времени галеоны, увозившие на обратном пути золотые и серебряные сокровища Америки, захватывали с собой ежегодно до 3000—5000 тысяч центнеров ртути. От 1563 до 1641 года, т. е. в течение периода, пока Фуггеры арендовали копи Альмадена, было добыто при помощи полученных ими 253,154 центнеров ртути чистого серебра на сумму 253 миллионов червонцев, из которых свыше 50 миллионов червонцев падали на королевскую пятую часть.

РАБСТВО НЕГРОВ

В числе предметов вывозной торговли, которую поддерживала Испания со своими колониями, была еще лишь одна статья, которая по своему значению могла соперничать со ртутью: это были негры-рабы. Мы говорили уже о том, что прежнее законодательство преграждало им доступ в колонии. Но правительство не отличалось особой строгостью и охотно давало исключения. Тем не менее негры стали играть известную роль в организме колоний и в колониальной торговле лишь с того момента, как Лас Казас, исходя из незрелых филантропических

125

идей, рекомендовал ввоз негров-рабов как средство вывести индейцев из их невольнического положения. Испанское правительство, бесспорно, имело в виду создать из своих колоний нечто иное, чем простые опорные пункты для обмена и торговли, по примеру португальцев в Африке и Индии. Поэтому необходимо было позаботиться о рабочих силах. Было очевидно, что одни европейцы не в состоянии были выполнить этой задачи. С одной стороны, климат ослаблял их рабочую способность; даже несоответствие между численностью европейских колонистов и обширностью колониальных владений было слишком велико, и нельзя было даже думать о том, чтобы справиться с колониальными задачами при помощи одних европейских сил. Вместе с тем взгляд испанского правительства на свои задачи в отношении колоний не благоприятствовал высылке туда сомнительных элементов. Колумб, как известно, хотел даже совершить само открытие Америки при помощи освобожденных каторжников, а Португалия, вообще державшаяся иного взгляда на колониальную политику, предприняла в более широком масштабе опыты с колонизацией преступников в Бразилии. Но испанские законы разрешали эмиграцию лишь незапятнанным элементам нации, и только в самых исключительных случаях правительство, снисходя к просьбам известных групп колонистов, транспортировало преступников в Америку. Однако даже при их содействии немислимо было бы выполнить в колониях требования горного дела, скотоводства и хозяйства на плантациях, хотя бы по одному тому, что для европейцев оставалось еще много других и при том более сложных работ. Таким образом, чтобы освободить индейца, который при своей беспечности и стремлении к независимости едва ли согласился бы работать добровольно в европейском смысле, от всякого принудительного труда/оставалось одно средство: ввести в колонии новый рабочий элемент.

Предложение Лас Казаса воспользоваться неграми, которых уже раньше применяли для этой цели на юге

ис-

126

панского полуострова и на островах африканских берегов, нашло сочувствие у правительства. В интересах фиска правительство номинально сохранило воспрещение ввоза негров, но в то же время оно разрешало отдельным лицам или обществам при внесении известной пошлины доставлять ежегодно определенное число черных в гавани колоний. Колониальные власти должны были даже сообщать, как велика годовая потребность в них. Первоначально установленная норма составляла 4000 голов. Затем в течение длинного периода существования асиенто, договора с монополистами относительно ввоза рабов, эта цифра бывала повышаема и понижаема. Но колонисты всегда роптали, что ввоз негров-рабов в Новый Свет далеко ниже действительной потребности. И торговля этим ценным товаром во все времена составляла излюбленную статью незаконной торговли, которой занимались чужеземные судовладельцы. Во всяком случае, правительство долго было озабочено этим вопросом.

Невольничьи корабли пользовались известными льготами. Так, за известный залог им разрешалось плыть с Гвинейского берега, где они получали свой черный товар от португальских купцов, прямо в Америку, где несколько гаваней были открыты для прибывавших негров. Уже первые асентисты пользовались известными привилегиями для покрытия расходов и обратного перевоза своей прибыли в виде колониальных товаров. Но они должны были приставать в Севилье и подлежали регистрации наравне со всеми прочими торговцами. Так как контролировать их было гораздо труднее, чем флоты и галеоны, то асентисты стали вскоре пользоваться дарованными им льготами для обхода стеснительных законов колониальной торговли и для обширной контрабанды.

Первоначально генуэзцы и немцы не слишком злоупотребляли невольничьей монополией, и поэтому наносили небольшой ущерб законной торговле. Но дело приняло иной характер, когда монополия перешла в руки наций, настроенных менее дружелюбно. Мысль & пере-Даче исключительного права ввоза рабов португальской

127

компании была сама по себе недурна, так как португальцы неоспоримо владели materia prima, самими

неграми. Они получили асиенто в то время, когда Португалия была связана с Испанией личной унией и держали его после отпадения дома Браганца вплоть до провозглашения независимости Португалии по мирному договору 1668 года. Затем асиенто временно перешло к севильским купцам. Когда с переменой династии в 1700 году французское влияние в Испании сделалось всемогущим, французы постарались не упустить из своих рук и это прибыльное дело. Гвинейское общество, в котором лично участвовал Людовик XIV, сохранило монополию ввоза рабов в испанскую Америку до тех пор, пока политические условия не заставили Францию отказаться от этого.

Испания, однако, не выиграла от этой перемены: Утрехтский мир категорически ставил одним из условий уступку асиенто англичанам. В их руках эксплуатация приняла бесспорно самые широкие меры. Кроме того, они выговорили себе право отправлять ежегодно на льготных условиях, кроме невольничьих судов, еще два корабля скромных размеров с европейскими товарами в колонии, пока еще закрытые для всех прочих наций. Но рассказывают, что эти корабли почти явно: на глазах испанских чиновников, выгружали днем разрешенный груз, а ночью снова пополняли его с больших кораблей, которые еще не при-ставали к берегу, а как будто случайно стояли далеко на рейде. Этим путем им удавалось ввозить в страну втрое и вчетверо более, чем позволялось, ^о было настолько существенное зло, что в конце концов Фердинанд VI счел необходимым прекратить посредничеством выкупа договор с англичанами еще до окончания законного срока. Правительство долго колебалось, прежде чем решиться на эту меру, так как оно само принимало непосредственное участие в доходах английской компании. Вместе с тем, одни только англичане в состоянии были поставлять в колонии установленное число рабов и даже больше, и суммы, поступавшие от этой торговли в государственную казну, достигали громадной цифры. Первоначальный налог по 2 червонца с го-

128

ловы, которым первые монополисты купили себе право работорговли, мало-помалу повысился до 30—40 червонцев. При ежегодном ввозе от 4000 до 6000 рабов это составляло внушительную цифру даже в колониальном бюджете XVIII столетия, в котором регалии ^добываемых благородных металлов значительно понизились.

Какие суммы золота, серебра и других ценных предметов получило испанское государство и страна от своих трансатлантических .колониальных владений — это вопрос, который не раз обсуждался, но ни разу не был удовлетворительно разрешен из-за крайней неточности понятий, которые до сих пор имелись в торговле Испании с ее колониями. Утверждали, что испанская Америка на целые столетия отстала в своем развитии благодаря колониальной политике Испании, а с другой стороны, прилив благородных металлов из Нового Света ответственен за экономическое крушение Испании, так как золото Нового Света будто бы развратило и задушило Испанию. И то, и другое сильно преувеличено. Если бы Испания была экономически здоровым государством, она столь же мало пострадала бы от избытка золота и серебра, как пострадала Англия от сокровищ Индии. Если Испания не давала колониям свободы и самостоятельной жизни и вплоть до XVIII века видела в них лишь источник доходов для метрополии, то это была точка зрения, общая всем колониальным державам того времени. Она осталась бы, вероятно, при том же мнении до сих пор, если бы мощные революционные движения, которые повели в Новом Свете к отделению Соединенных Штатов от Англии и почти всей Латинской Америки от Испании, не побудили ее изменить свою политику. Вплоть до XVIII века испанские колонии соответствовали своей цели. Они снабжали метрополию денежными средствами, в которых она, безусловно, нуждалась для сохранения своего политического положения в европейском концерне. Обилие этих средств возбуждало даже зависть других стран, толкало их на колониальные предприятия и в то же время вызывало стремление отнять по мере возможности у испанцев часть их колониальных сокровищ.

5 Зак. 571

129

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИСПАНСКИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ

Положение, какое заняли испанские колонии относительно метрополии, доказывает уже само по себе, что они не имеют собственной истории. История их сводилась к смене чиновников, к случайным изменениям административной организации, наконец, к мероприятиям, которые предпринимались скорее для поднятия экономического благосостояния метрополии, чем самих колоний. Когда Испания приходила в вооруженные столкновения с соседними государствами, то последним трудно было воздержаться от каперских нападений на обширные морские берега противника с целью подорвать его торговлю и морское могущество. В 1512 году жертвой подобного нападения со стороны французов сделались корабли, которые шли обратно из колоний в гавань Севильи. В царствование Карла V и Филиппа II военное положение относительно Франции, то явное, то скрытое, почти не прекращалось. Морские нападения сделались тем заманчивее, что с открытием Мексики и Перу колониальные торговые суда приносили больше добычи, чем в начале столетия. Этот факт также не ускользнул от испанских правителей. Нападения врагов на индейские корабли немало способствовали развитию морского превосходства над всеми прочими нациями, которых Испания удерживала за собой в течение большей части XVI века..Это превосходство было бы еще прочнее, если бы обширные внеис-панские колониальные владения Испании не представляли в распоряжение Карла V столь удобных вспомогательных сил. Здесь случилось то же самое, что с колониальной торговлей: не имея возможности удовлетворить требований в горячую пору, Испания допустила участие в морской торговле

итальянцев, голландцев и немцев. Этот порядок упрочился благодаря обилию сокровищ, которые страна все еще черпала в своих колониях. Но при

130

этом были упущены из виду опасные последствия, вытекавшие из подобного положения вещей в случае отпадения прежних союзников. Правда, испанцам сначала удавалось без труда сохранять первенствующее положение на море. До 1580 года ни один народ не осмелился бы открыто выступить против испанского флота на океане. Даже в мелких морских стычках, которые завязывали каперские суда, особенно французские, с испанцами последние вначале бесспорно одерживали верх. И только чрезвычайно неблагоприятное положение страны и колоний по отношению к врагам давало последним возможность оставаться в выгоде в каперских войнах, несмотря на все потери.

Совместные плавания колониальных торговых флотов в сопровождении вдоль берегов военного флота скоро разогнали корсаров от берегов Андалузии и мыса Сан-Винсента, где они в первое время нередко угрожали возвращавшимся в Севилью кораблям. Им пришлось перенести поле своей деятельности дальше в море, где береговые флотилии не так легко могли прийти на помощь торговым флотам. Однако им не удалось укрепиться также на Канарских, Азорских островах и островах Зеленого Мыса, куда они впоследствии перенесли свой операционный базис. Оборонительные мероприятия испанцев в конце концов заставили врагов искать добычу там же, где находили ее сами испанцы — в колониях. Рейсы, предписанные флотам и зависящие от морских течений, недолго оставались от них скрытыми. Столь же мало могло оставаться неизвестным для них то, что множество мелких Антильских островов и даже длинные береговые полосы больших островов были совершенно покинуты колонистами и, следовательно, лишены всякого контроля. Здесь в гаванях каперские суда могли свободно скрываться, готовиться к нападению, исправлять повреждения и прятать в укромное место захваченную добычу. От перехватывания испанских кораблей в заатлантических водах был только один шаг до нападения на колониальные поселения и грабежа их. Первые открытые враждебные

131

действия последовали во время третьей Франко-испанской войны в сороковых годах XVI столетия. Смелость корсаров, которые благодаря тайной помощи французского правительства были превосходно вооружены, вскоре настолько возросла, что они не ограничивались уже ограблением и наложением контрибуции на отдельные колониальные побережья. В 1542 году они уже произвели нападение на Санта-Марту и Картагену. В 1555 году они овладели столицей Кубы, Гаваной, и удерживали ее в течение 26 дней. Против этого правительство нашло лишь одно средство: оно повелело, насколько возможно, укрепить береговые города, а где это оказалось неосуществимым, — уничтожить поселения на морском берегу и перенести их дальше внутрь страны.

В это время у колоний появляются новые враги. До этого времени речь шла главным образом о французах, которые старались по мере сил вредить колониальной торговле и колониальным поселениям своих традиционных врагов. Но королева Елизавета английская вступила на престол, который до тех пор Филипп II делил с ее сестрой. С этой минуты раздор между Англией и Испанией растет из года в год и все больше переходит в открытую вражду, по мере того как яснее обнаруживается склонность Елизаветы к протестантизму. В то время английские морские силы еще значительно уступали *испанским* и не могли соперничать с ними на океане. Вначале, впрочем, английские мореходы и не выказывали прямой враждебности против испанцев. Они старались лишь нарушить строгую замкнутость испанских колоний от всяких прямых отношений со Старым Светом. Там же, где они чувствовали превосходство на своей стороне, а колониальные власти, тем не менее, сопротивлялись их незаконной торговле, они отваживались открыто нападать на корабли, а затем и на поселения противников. Большей частью тактика англичан состояла в том, что они отнимали у португальцев на Гвинейском берегу партию негров-рабов. Они знали, что эта торговая статья найдет верный сбыт в колониях и что испанские вла-

132

ств часто смотрели в этом случае сквозь пальцы. Но при этом они ловко умели пользоваться случаем столкновения. Если вызов, брошенный испанцам, оказывался удачным, они давали делу такой оборот, как будто прибегали к оружию лишь с целью защиты. Около 1530 года Ричард Гаукинс начал промышлять невольничьей контрабандой. Он положил основание богатству, которое дало возможность его более известному сыну Джону Гаукинсу, создать впоследствии собственную каперную флотилию. В шестидесятых годах этим родом торговли занималось множество английских кораблей. На необитаемых побережьях шла меновая торговля с туземцами. В испанских поселениях они вымогали разрешение на торговлю, в случае надобности, силой; большей частью, впрочем, приходилось прибегать к силе лишь для виду. Но если иногда победа выпадала на долю испанцев, то они расправлялись со своими противниками не совсем деликатно, как в этом могли убедиться Гаукинс и Дрэк в 1568 году в Вера-Крусе. С другой стороны, и англичане не брезговали совершать настоящие хищнические нападения, если представлялся благоприятный случай; таков, например, набег Дрэка в Номбре-де-Диосе и Панаме, предпринятый, правда, без окончательного успеха, в 1572 году. Спустя несколько лет тот же Дрэк первый прорвался через Магелланов пролив в Тихий океан, ограбил совершенно беззащитные побережья Чили и Перу и увез колоссальную добычу. Чтобы уйти на обратном пути от рук испанцев, которые всюду подстерегали его, он обогнул южную оконечность Африки и счастливо спасся в Лондоне, где королева Елизавета почтила его

посвящением в рыцари. И это невзирая на обвинения испанцев, которые требовали выдачи Дрэка как пирата.

До этого времени официальный мир между Испанией и Англией до некоторой степени сдерживал английских пиратов. Но с 1585 года обе страны находятся в положении воюющих сторон. В этом же году Дрэк выступил в море с 23 кораблями и 2500 человек экипажа и, помимо бесчисленных каперских захватов, ограбил города Сан-

133

то-Доминго и Картахену, разрушил Сан-Агустин во Флориде и, кроме массы ценностей, захватил 240 пушек на захваченных кораблях и занятых береговых местечках. С тех пор не проходило года до самой смерти королевы Елизаветы, чтобы не снаряжались более или менее многочисленные английские флоты, которые грабили побережья Испании или брали контрибуцию с колоний. Английские моряки, испытанные в смелых каперских плаваниях, громили Непобедимую армаду. И вот, когда благодаря этим разгромам стал рассеиваться ореол, окружавший до тех пор морское могущество Испании, англичане стали серьезно помышлять о том, чтобы отвоевать у испанцев первенствующее положение на море. Этот поединок, начавшись с Дюнкирхена, завершился при Трафальгаре полной победой англичан. Основание положению Англии как владычицы морей создали моряки, подобные Гаукинсу и Дрэку. Начав с подвигов пиратов и контрабандистов, они как бы открыли глаза правительству, которое осознало, какое значение может иметь господство на море для благосостояния страны и государства с географическим положением Англии. Вальтер Ролей, пользуясь своим положением при дворе фаворита королевы Елизаветы, предпринял первые колонизаторские попытки на американской земле, вначале, правда, не прочные. Его походы в Гайану в 1595, 1597 и 1616 годах представляют первые серьезные посягательства иностранцев на южный материк с тем, чтобы не только овладеть побережьем, но и проникнуть внутрь страны. Здесь, как и на севере, они послужили толчком для иностранных держав, чтобы стать твердой ногой в области испано-португальских колониальных владений.

Между тем на сцену выступили новые соперники Испании, тем более опасные, что раньше как подданные испанской короны они имели полную возможность обстоятельно ориентироваться во всем, что касается колониальной торговли. Когда Нидерланды еще не отпадали и корабли их впервые доставили в Америку товары, колонисты увидели в этом такую выгоду для себя, что дела-

134

ли всевозможные представления испанскому правительству, в которых ходатайствовали о даровании нидерландцам и обитателям Канарских островов права прямых отношений с колониями и об обязательной остановки для них в Севилье лишь на обратном пути. На это Индейский Совет никак не соглашался, но он не отнимал права колониальной торговли у нидерландских, немецких и итальянских купцов даже после того, как общее разрешение, данное Карлом V, было отменено. Нередко король нанимал для официальных плаваний по океану крепкие и пригодные для этой цели голландские суда. Возмущение протестантских провинций против испанского ига сильно повредило этой коммерческой льготе, но и взгляд Филиппа II на это восстание помог нидерландцам. В отпавших провинциях он продолжал признавать своих подданных, хотя и возмущившихся. На этом основании он разрешил судохозяевам северных провинций, которые воздерживались от прямого участия во враждебных действиях, принимать участие в испанской и колониальной торговле. Голландские корабли по-прежнему приставали к Севилье и колониям и вели торговлю открыто и под испанским флагом, хотя ни для кого не было тайной, что золото, получаемое этим путем, стекалось в кассы бунтовщиков. Лишь в 1603 году эта аномалия отчасти была устранена по крайней мере тем, что нидерландская торговля была обложена особой пошлиной в 30 % ad valorem, но и этот налог был снова уничтожен во время 12-летнего перемирия (1609—1621 гг.). Несмотря на это, нидерландцы не удовлетворялись разрешенными рамками торговли и очень рано стали стремиться к обогащению незаконным путем за счет колоний. Они захватывали испанские суда и, минуя установленный маршрут, вели торговлю непосредственно с Америкой, частью с поселениями испанцев и португальцев, но еще чаще с индейцами незанятых европейцами областей. Подобно англичанам, они держались главным образом береговой полосы между Ориноко и Амазонкой, так как и они еще верили в легенду о существовании Дорадо между этими реками.

135

Впрочем, будучи народом трезвым, они в поисках сокровищ не теряли с самого начала из виду менее блестящих, но верных выгод.

В роли настоящих колонизаторов Америки нидерландцы выступили лишь с возобновлением войны с Испанией. В это время возникли Вест-Индская компания, по образцу Ост-Индской. Первоначально она занималась преимущественно тем, что грабила испано-португальские колонии и наносила им ущерб. Но вместе с тем ею основывались небольшие поселения у Ойяпока, Бербисе, Эссекибо и пр., из которых впоследствии образовалась колония голландской Гайаны. Еще более Вест-Индская компания прославилась нападением на Бразилию, которая в то время была еще подвластна испанскому королю. В тридцатых годах XVII столетия голландцам замечательно быстро удалось стать твердой ногой в Олинде и Ресифе и мало-помалу почти совсем вытеснить португальцев из четырех северных провинций Бразилии. Благодаря разумной национальной политике и религиозной терпимости компания добилась того, что большая часть старых поселенцев безусловно признала новый порядок вещей и отдала себя в его распоряжение. Новая община быстро

расцвела и без труда могла выдержать испано-португальский натиск. Самую блестящую эпоху колонии составляет время управления графа Иоганна Морица Нассауского (1637— 1644гг.), который с цел ал свою столицу Морицштадт не только средоточием торговли, но и очагом серьезных научных работ, которые до тех пор едва ли где производились на американской почве. Ход вещей был нарушен изменением политических условий, когда в 1640 году Португалия отделилась от Испании и заключила союз с Нидерландами. Вначале Вест-Индская компания отстаивала свои права на бразильские завоевания и находила в этом поддержку со стороны генеральных штатов. Но энергии для сохранения спорных владений у нее хватило не надолго. Поэтому португальской части колонии, которая с 1640 года значительно

136

укрепла, постепенно удалось все более и более отеснить голландцев к берегу; наконец, они отвоевали обратно и этот последний при помощи португальского флота. Мирным договором 1661 года голландцы официально подтвердили свой отказ от всяких прав на бразильские владения за известное денежное вознаграждение. После того они стали снова обращать преимущественное внимание на так называемое дикое побережье Гайаны. Правда, старейшие поселения этой области Бербисе и Эссекибо были ими уступлены в 1814 году англичанам; но, с другой стороны, Нидерланды до сих пор владеют в Суринаме остатками стран, некогда колонизированных под охраной Вест-Индской компании. Пример нидерландцев, основавших торговые общества, поддерживаемые государством, возбудил внимание остальной Европы, главным образом благодаря громадным успехам от Ост-Индской компании. Почти одновременно французы также основали привилегированное торговое общество под именем Компании американских островов. Этому обществу, первым владением которого был, впрочем, нынешний английский Сен-Христофор, Франция обязана своими настоящими вест-индскими колониями, каковы Мартиника, Гваделупа и более мелкие, относящиеся к их числу. Прежде чем они перешли в непосредственное владение государства, судьба их несколько раз менялась. Первое общество потерпело крушение еще в 1650 году и спаслось от окончательного банкротства лишь тем, что продало свои территориальные права отдельным владельцам; последние некоторое время управляли здесь почти неограниченно, как в португальских, так и в северо-американских капитанствах. Но затем Кольбер с большим жаром ухватился вновь за систему привилегированных обществ, откупил обратно вест-индские острова и передал их вместе с другими территориями и правами французской Вест-Индской компании, которая, однако, вследствие политических неурядиц в первые десятилетия XVIII века также потерпела крушение. Дания и, временно, Швеция таким же образом приобрели колониальные

137

владения в Антильском море при посредстве привилегированных торговых обществ и отчасти старались удержать их. У англичан толчок к колониальной деятельности исходил главным образом от частной инициативы; тем не менее и они достигли более крупных результатов лишь путем сосредоточения сил в привилегированных обществах.

Громадная растянутасть испанских колониальных владений неминуемо привела к тому, что Малые Антильские острова, не особенно изобиловавшие естественными богатствами, вскоре были забыты, хотя это была первая страна, открытая Колумбом в Новом Свете. В начале XVI столетия они еще изредка посещались испанскими охотниками за рабами. Но когда и эта надежда не оправдалась, большинство мелких островов было окончательно оставлено. Они были необитаемы, и здесь укрывались лишь вольные пираты всех наций, выслеживавшие испанские корабли. Когда, по примеру голландцев, и у прочих народов стало обнаруживаться сильное стремление к колониальным приобретениям, вполне естественно, что на заброшенные острова было вновь обращено внимание. Так, еще в 1605 году несколько англичан овладели совершенно покинутым островом Барбадосом, сперва не стремясь, впрочем, колонизировать его. Но с основанием в 1623 году поселения в Сен-Китсе (Сен-Христофор) явился и для Барбадоса охотник, который добился от короля привилегии на этот остров на правах капитанства и на торговлю на нем. В течение последующих годов англичане, французы и голландцы постепенно заняли почти все мелкие Антильские острова. Дальнейшее расширение английских колониальных владений последовало в эпоху Кромвеля. 1655 году лорд-протектор при помощи значительных боевых сил произвел нападение на Санто-Доминго. Нападение было здесь отбито; успешнее действовали англичане на Ямайке, которая окончательно перешла в их руки. До этого момента Испания все еще продолжала смотреть на все чужие поселения как на вторжение в сферу ее власти. И только в 1670 году по мирному договору с Англией она признала право по-

138

следней на колониальные приобретения ее. Последующими мирными договорами такое же право Испания признала за Францией.

Для Антильских островов это было самое бесправное время. Англичане и французы держались своеобразного обычая: чтобы увеличить число рабочих сил, они переселяли в колонии преступников под условием принудительного труда в течение известного числа лет. Правда, в числе их было много осужденных за политические или религиозные преступления, но не было недостатка и в элементах самого худшего сорта, которые крайне злоупотребляли возвращенной им свободой. Из их рядов набирались знаменитые буканьеры и флибустьеры. В эпоху, когда европейские торговые компании почти распались, и даже англичане почти всецело были поглощены войнами у себя дома, эти морские пираты являлись бичом и наводили ужас на Антильских водах; своими смелыми нападениями на побережья испанских колоний, вплоть до самого

Тихого океана, они напоминали времена Гаукинса и Дрэка. Эти шайки бездомных, не признававших закона разбойников составлялись из подданных всех стран; одним только испанцам не было места в их обществе: мирные в отношении прочих наций, они преследовали все испанское с самой ожесточенной ненавистью. Поэтому враги Испании неоднократно пользовались услугами их и даже оказывали им покровительство. Но по этой же причине изменение политической атмосферы, наступившее с воцарением Бурбонов на испанском престоле, нанесло решительный удар разбойничьим похождениям. Флибустьеры, смотря по тому, из какой национальности они преимущественно набирались, примыкали к англичанам или французам. Лучшие элементы между ними растворились в массе колонистов, а неисправимые постепенно становились жертвой своего ремесла или попадались в руки властей и несли заслуженную кару.

Переход испанского всемирного царства от Габсбургской династии к Бурбонам, вызвавший в Европе более

139

владения в Антильском море при посредстве привилегированных торговых обществ и отчасти старались удержать их. У англичан толчок к колониальной деятельности исходил главным образом от частной инициативы; тем не менее и они достигли более крупных результатов лишь путем сосредоточения сил в привилегированных обществах.

Громадная растянутость испанских колониальных владений неминуемо привела к тому, что Малые Антильские острова, не особенно изобиловавшие естественными богатствами, вскоре были забыты, хотя это была первая страна, открытая Колумбом в Новом Свете. В начале XVI столетия они еще изредка посещались испанскими охотниками за рабами. Но когда и эта надежда не оправдалась, большинство мелких островов было окончательно оставлено. Они были необитаемы, и здесь укрывались лишь вольные пираты всех наций, отслеживавшие испанские корабли. Когда, по примеру голландцев, и у прочих народов стало обнаруживаться сильное стремление к колониальным приобретениям, вполне естественно, что на заброшенные острова было вновь обращено внимание. Так, еще в 1605 году несколько англичан овладели совершенно покинутым островом Барбадосом, сперва не стремясь, впрочем, колонизировать его. Но с основанием в 1623 году поселения в Сен-Китсе (Сен-Христофор) явился и для Барбадоса охотник, который добился от короля привилегии на этот остров на правах капитанства и на торговлю на нем. В течение последующих годов англичане, французы и голландцы постепенно заняли почти все мелкие Антильские острова. Дальнейшее расширение английских колониальных владений последовало в эпоху Кромвеля. 1655 году лорд-протектор при помощи значительных боевых сил произвел нападение на Санто-Доминго. Нападение было здесь отбито; успешнее действовали англичане на Ямайке, которая окончательно перешла в их руки. До этого момента Испания все еще продолжала смотреть на все чужие поселения как на вторжение в сферу ее власти. И только в 1670 году по мирному договору с Англией она признала право по-

138

следней на колониальные приобретения ее. Последующими мирными договорами такое же право Испания признала за Францией.

Для Антильских островов это было самое бесправное время. Англичане и французы держались своеобразного обычая: чтобы увеличить число рабочих сил, они переселяли в колонии преступников под условием принудительного труда в течение известного числа лет. Правда, в числе их было много осужденных за политические или религиозные преступления, но не было недостатка и в элементах самого худшего сорта, которые крайне злоупотребляли возвращенной им свободой. Из их рядов набирались знаменитые буканьеры и флибустьеры. В эпоху, когда европейские торговые компании почти распались, и даже англичане почти всецело были поглощены войнами у себя дома, эти морские пираты являлись бичом и наводили ужас на Антильских водах; своими смелыми нападениями на побережья испанских колоний, вплоть до самого Тихого океана, они напоминали времена Гаукинса и Дрэка. Эти шайки бездомных, не признававших закона разбойников составлялись из подданных всех стран; одним только испанцам не было места в их обществе: мирные в отношении прочих наций, они преследовали все испанское с самой ожесточенной ненавистью. Поэтому враги Испании неоднократно пользовались услугами их и даже оказывали им покровительство. Но по этой же причине изменение политической атмосферы, наступившее с воцарением Бурбонов на испанском престоле, нанесло решительный удар разбойничьим похождениям. Флибустьеры, смотря по тому, из какой национальности они преимущественно набирались, примыкали к англичанам или французам. Лучшие элементы между ними растворились в массе колонистов, а неисправимые постепенно становились жертвой своего ремесла или попадались в руки властей и несли заслуженную кару.

Переход испанского всемирного царства от Габсбургской династии к Бурбонам, вызвавший в Европе более

139

чем десятилетний пожар, не произвел в колониях серьезных потрясений. Они примирились с установившимся после войны status quo, как это было с присоединением и затем отделением и Португалии: очевидно, колонии все еще не жили собственной жизнью. В первые десятилетия политика новой династии была всецело поглощена европейскими событиями. Когда после разнообразных столкновений сознали, что Испания, если она желает занять в Совете держав место, достойное ее великого прошлого, нуждается прежде всего во внутренних преобразованиях, поднялось и значение колоний в глазах правительства. Хотя испанские Бурбоны под давлением обстоятельств поразительно быстро национализировались, но все-таки они внесли много французского в духовную жизнь страны, прежде крайне замкнутую. И переворот в системе колониального управления, совершившийся при Фердинанде VI и Карле III, является в сущности

продуктом французских идей.

Совершившиеся в этот промежуток времени перемены в условиях торговли и отношений привели к тому результату, что метрополия наравне с колониями страдала от ограничений, сковывавших колониальную торговлю. Первая брешь в старой системе не может быть признана существенной. При таких размерах, которые приняла заатлантическая торговля в XVIII веке, Севилья не была удобным исходным пунктом. Времена, когда каравеллы признавались лучшими судами для колониальных отношений, миновали безвозвратно, а для больших океанских кораблей, с которыми давно освоились, вынужденная остановка в Севилье была сопряжена лишь с промедлением и неудобством. Поэтому перенесение главного центра индейской торговли в Кадис, совершившееся в 1715 году, являлось если не действительным прогрессом, то, во всяком случае, приспособлением к назревшим потребностям. Бухта и гавань Кадиса способны были вместить даже самые крупные суда и флоты.

Вскоре монополия индейской торговли вообще подверглась серьезным нападкам. Само правительство снль-

140

но терпело от анахронизма, состоявшего в том, что отношения между метрополией и колониями все еще должны были принаравливаться к отправлению флотов не более двух раз в год. В сфере политики также стало чувствоваться влияние времени. Мы уже не говорим о том, что экономический рост колонии давно сделал невозможным удовлетворение потребностей их редкими, и неправильными рейсами флотов, вследствие чего незаконная торговля практиковалась в широких размерах. Все приветствовали поэтому установившиеся при Фердинанде VI ежемесячные сообщения между Испанией и Америкой при помощи отходивших из Коруньи быстроходных судов. Правда, они служили прежде всего правительственным целям, но, насколько позволяла вместимость, принимали и частные грузы. Эта мера не оказала почти никакого влияния на флоты, значение которых сильно упало. Благодаря, однако, появившейся возможности удовлетворять потребности колоний законным путем, иностранная контрабандная торговля уменьшилась. Благоприятные результаты, полученные этим путем, дали, наконец, смелость просвещенному правительству Карла III совершенно порвать с прежней системой. В 1774 году была объявлена свобода торгового обмена между колониальными провинциями с известными ограничениями в интересах охранения испанского производства. Этим открылось широкое поле для зарождавшейся колониальной промышленности. Спустя четыре года, в 1778 году, совершилось также полное преобразование заатлантической торговли. Сообщение при помощи флотов уничтожено, монополия Кадиса и Севильи отменена, и право отправления кораблей в колонии предоставлено девяти важнейшим гаваням метрополии; а по ту сторону океана открыто 22 гавани для прямых отношений с Испанией. Одновременно с тем для этой торговли был издан принаровленный к обстоятельствам таможенный тариф. Если контрабанда англичан и португальцев все еще не могла быть окончательно подавлена, то тем не менее главная доля торговых отношений вошла в законную колею.

141

Вместе с тем утратили значение ярмарки в Портобе-ло, которые уже давно не соответствовали потребностям. Торговые отношения, некогда направлявшиеся из Панамы через Перу и Чили в Тукуман и Буэнос-Айрес, отныне совершенно преобразовались. Буэнос-Айрес, согласно новым распоряжениям, а также в силу своего естественного положения стал главной гаванью для отношений между колониями и Испанией. Корабли, предназначенные для Чили и Перу, направлялись, зайдя в Буэнос-Айрес, вокруг мыса Горн в гавани Тихого океана. До этого времени провинция Буэнос-Айрес была пасынком правительства; под охраной новых законов она быстро заняла, благодаря своим плантациям и стадам, почетное место наряду с богатейшими колониальными провинциями Испании.

Облегчение отношений повлекло за собой значительный подъем торговли. Фермер и плантатор теперь легче находили выгодный сбыт для своих продуктов, которые необычайно плодородная почва давала в колоссальном изобилии. Таким образом, оживление торговли, в свою очередь, дало мощный толчок сельскому хозяйству и промышленности. Кроме того, правительство, особенно при Карле III, ревностно стремилось наверстать упущенное, благодаря вековому застою. Снаряжались научные экспедиции для точной съемки не одних берегов, но и всей поверхности стран; вместе с тем задача их заключалась в подробном исследовании минералогических, ботанических и зоологических особенностей Нового Света. Так составились большие коллекции колониальных произведений в Мадриде — предшественники наших ботанических садов и естественно-исторических музеев. Эти исследования обогатили науку продуктами, которые ныне являются необходимыми. Так, мы обязаны им хинином, добывание котс-рого внесло промышленное оживление внутри стран, не представлявших прежде никакого интереса для европейского поселенца. Какое глубокое действие эти предметы оказали на все человечество, какие незабвенные факты они раскрыли для науки, это достаточно характеризуется

142

одним именем: по поручению испанского правительства предпринял свои многолетние путешествия в Центральную и Южную Америку Александр фон Гумбольдт. Научная разработка результатов этих путешествий составляет новую эпоху истории географии и естествознания. Путь, на который вступили тогда эти науки, не оставляется ими и до нашего времени.

Это была самая светлая страница испанской колониальной политики. Только в сфере управления она все еще продолжала коснеть в идеях прошлого и не могла отрешиться от устарелой системы. Это тем более отража^лось на ней, что и в Старом Свете вторая половина XVIII века характеризуется невероятным

духовным переворотом, связанным с быстрым ходом развития. Благодаря этому прогрессу пропасть между положением вещей в колониях и требованиями духа времени со дня на день все более и более увеличивалась. Вскоре выяснилось, что заполнить эту пропасть, перейти через нее нормальным путем уже поздно. Вероятно, такой нормальный ход развития был немыслим и в том случае, если бы не вмешалась политическая катастрофа, которая насильственно порвала национальную связь метрополии с колониями, к несчастью обеих сторон, и, таким образом, не прекратила взаимодействия между ними.

Английские колониальные владения

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕВЕРНОГО МАТЕРИКА

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЙ материк и особенно восточные побережья его являются в течение XVI века ареной, на которую устремляются все нации с целью открытий. Потребовались, однако, усилия целого ряда поколений, прежде чем одной из соперничавших держав удалось основать здесь прочные поселения. Причина заключалась в том, что побережье мало привлекало с внешней стороны. Правда, оно отличалось приятным климатом, зелеными лугами, громадными лесами, но в то же время сильные воинственные туземцы давали серьезный отпор высаживавшимся пришельцам, а простота нравов и скудость обстановки их не обещали в этих странах легко добываемых сокровищ. Поэтому различные экспедиции удовлетворялись чисто платоническим занятием страны именем того или другого монарха. Ни Испания, ни Португалия не усматривали серьезной необходимости в том, чтобы протестовать против обозначения на картах в течение десятков лет земель, расположенных в сферах их открытий, английскими или французскими территориями.

Первыми европейцами, ступившими на почву Северной Америки, были викинги, прибитые морем к ее берегу около 1000 года во время плавания, с Лейфом Эриксоном и Торфинном Карлсэном из Исландии в Гренландию. Но воспоминания о кратковременных поселениях их в Винланде, Маркланде и Гуитрамалананде давным давно исчезли из памяти людей к тому времени, как подвиг Колумба открыл Новый Свет. Только повторные попытки

144

самого Колумба за много лет до осуществления его надежд заинтересовать в пользу своего проекта различные европейские дворы заставили их обратить серьезное внимание на его успехи и несколькими годами позже принять участие в исследовании Нового Света.

Пальма первенства в числе первых, проникших на североамериканский материк, принадлежит Джованни Габотто, или, как он назывался в Англии, Джону Каботу. Король Генрих VII дал ему в 1497 году категорическое поручение, по примеру Колумба, открыть западный путь к сокровищам Индии, а если встретит новые земли, то присоединить их к владениям Англии. Во исполнение этого полномочия Джон Кабот в 1497 и 1498 годах два раза переплывал между Англией и Северной Америкой океан, как известно, более узкий в этих широтах. В первый раз он высадился на Лабрадорском берегу и проследил его в северном направлении; второе плавание привело его к несколько более южному пункту американского берега. Отсюда он бегом объехал в южном направлении, по всей вероятности, все побережье нынешних Соединенных Штатов до широты Флориды.

Но затем англичане почти столетие обращали мало внимания на страну, в которой их расе суждено было играть столь великую роль; лишь случайно тот или другой английский корабль направлялся к отмелям Ньюфаундленда с их неисчерпаемыми рыбными богатствами. Известие об экспедиции Кабота открыло португальцам, что, подобно Бразилии на юге, есть и на севере неизвестные территории, которые должны были принадлежать им в силу разграничения сфер открытия. Во всяком случае, это послужило поводом к отправлению братьев Гаспара и Мигеля Кортереаль. Король Мануэль предоставил им привилегию на исключительное владение и право торговли в странах, которые они откроют к северу от испанской колониальной сферы и по эту сторону условленной демаркационной линии. Эти права оставались и признавались за ними и их наследниками по меньшей мере до 1579 года, хотя португальцы точно так же не делали серьезных по-

145

пыток к заселению открытых областей. В первое свое плавание в 1500 году Гаспар Кортереаль открыл остров Ньюфаундленд с его величественными лесами и обилием рыбы в прилегающих водах. На следующий год он пустился во второе плавание, также увлекаемый призраком северо-западного пути к сокровищам Индии, вдоль Лабрадорского берега на север. Нужно полагать, что он и его спутники сделались в Гудзоновом проливе первыми жертвами арктических льдов. После того португальцы еще долгое время предпринимали случайные поездки к отмелям Ньюфаундленда. Одна из первых поездок этого рода, предпринятая с целью розысков экспедиции Кортереаля, с его братом Мигелем во главе была второй жертвой ледяных пустынь севера. С тех пор плавание все более и более ограничивалось ловлей рыбы, которой изобиловали тамошние моря. И только случайно португальские моряки расширяли область новооткрываемых земель в Северной Америке. Так, Иоанн Альварес Фагундес объехал в 1521 году полуостров Новую Шотландию и залив Св. Лаврентия.

Особенно ревностно следовали этому примеру французы. Судовладельцы Диеппа и Гонфлера по меньшей мере с 1508 года деятельно участвовали в рыбной ловле на отмелях Ньюфаундленда. Эти рыболовные экспедиции, без сомнения, сопровождались временными посещениями близлежащих побережий, где

запасались водой и съестными припасами, чинили суда и, главным образом, сушили и коптили рыбу для перевозки. От подобных стоянок Бретонский мыс до сих пор сохранил свое название, а имена Тиерра, Багия, Рио-де-Бретонес часто повторяются на старых картах Канады. В начале двадцатых годов XVI века эти заатлантические страны обратили на себя внимание и французского правительства, по поручению которого Джиованни да Вераццано произвел в 1524 году подробное исследование восточного побережья Северной Америки на протяжении от Флориды почти до нынешней северной границы Соединенных Штатов. Быть может, дело не ограничилось бы этим путешествием, если бы энергичные протесты португальцев.

146

Несравненно больше сделали испанцы для исследования Северной Америки, хотя их деятельность ограничивалась главным образом более южными областями. Охота на рабов между Лукайскими островами уже давно ознакомила испанцев с южной оконечностью Флориды. Но эта область казалась так мало заманчивой, что в течение многих лет они даже не давали себе труда исследовать, принадлежит ли мыс острову или материку. Только в 1512 году Хуан Понсе де Леон, губернатор Пуэрто-Рико, предпринял поездку с тремя кораблями с целью проверить баснословные рассказы относительно страны на севере. В день Св. Троицы, Pascua Florida, он достиг неизвестного побережья, которому дал название Флориды. Отсюда Понсе плыл вдоль восточного берега дальше, до широты будущего Сан-Августина. Но плоский берег тянулся с бесконечным однообразием, и он повернул обратно, обогнул южную оконечность мнимого острова и шел, также на большом протяжении, вдоль западного берега. Наконец, не видя нигде ни проливов, ни богатых стран и всюду сталкиваясь лишь с враждебными индейцами, он вернулся в Пуэрто-Рико. Прошли годы, прежде чем он решился на вторичную попытку исследования открытых им стран. Его побудило к тому желание устранить соперничество со стороны других мореплавателей, которые также заходили в страны, причисленные им к области своих открытий. Так, когда Франсиско Фернандес де Кордова свершил свое плавание для обследования берегов Юкатана и Мексики, вверх до Пануко, он взял на обратном пути слишком точный восточный курс и пристал к западному берегу Флориды в таком месте, которое трудно определить. Это открытие показалось настолько интересным, что Франсиско де Гарай поручил своему лоцману, на которого первоначально было возложено доставление известного числа колонистов в занятую им область Пануко, обратить несколько больше внимания на северное побережье Мексиканского залива. При этом Пинеда не только убедился в том, что от Пануко до полуострова Флориды берег не прерывается,

но

147

открыл и устье Миссисипи. Однако отсюда он не заключил, — как некогда сделал Колумб относительно Ориноко, — что масса вод в этой реке должна свидетельствовать о громадных размерах орошаемых ею пространств.

Понсе де Леон усмотрел в этих предприятиях посягательства на его собственные открытия. Поэтому он обратился в Испанию и, по установленному порядку, добивался привилегии на открытую им страну, обязуясь со своей стороны фактически занять ее и колонизировать. В 1521 году он снова пустился в путь, взяв с собой 600 колонистов, скот и припасы. Но попытки его утвердиться на западном побережье Флориды терпели неудачу за неудачей, пока, наконец, смертельно раненный неприятельскими стрелами, он не был вынужден повернуть назад. Большая часть спутников его погибла еще на пути, а сам он успел добраться лишь бы до Кубы, где и скончался.

Однако именно враждебное отношение индейцев заставляло обратить внимание на Флориду. Индейцы островов частью были умиротворены, частью же ускользали от испанцев. Чтобы находить невольников для работы, приходилось отправляться все дальше и дальше. Случилось так, что два корабля, нагруженные рабами и принадлежавшие лиценциатам Матиенсо и Айлону, встретились в водах северных Лукайских островов и решили сообща напасть на воинственных индейцев Флориды. Помимо кое-какой добычи, они привезли в Санто-Доминго очень благоприятные вести о стране. Лиценциат Люка с Васкес де Айлон решил поэтому продолжать исследование и, если окажется возможным, попытаться колонизировать страну. Ему нетрудно было получить от двора привилегию на земли, лишившиеся владельца со смертью Понсе. После многолетних приготовлений, во время которых моряки Айлона изучили атлантическое побережье вплоть до Сенти-Ривера, он отплыл в 1526 году из Эспаньолы в свои владения на трех кораблях, с 600 колонистов. Счастье, однако, не улыбнулось и ему. И море, и берег оказались одинаково враждебны: самый большой из кораблей потерпел крушение. Попытки его к высадке у Рио-Хордан

148

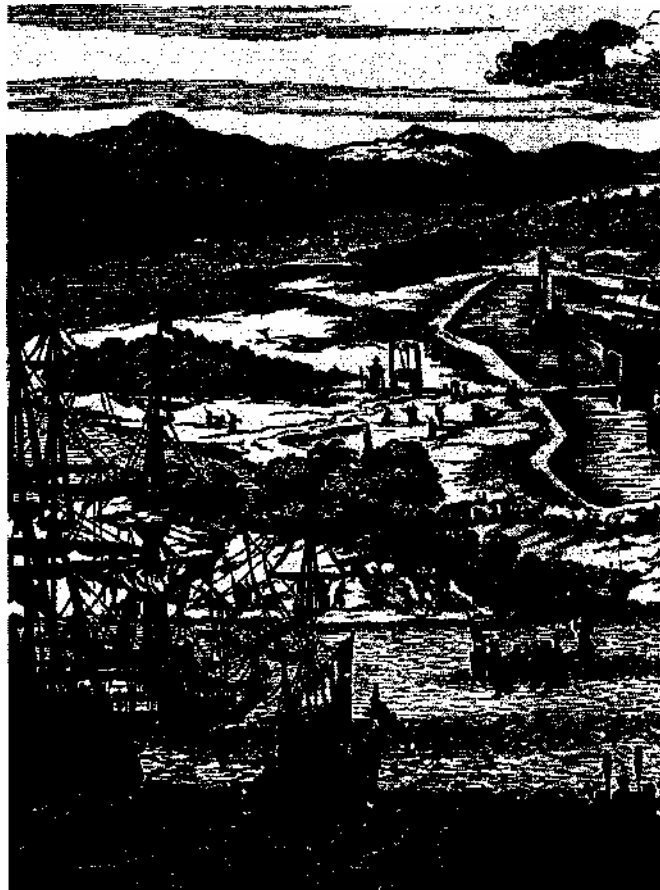
или Сан-Матео встретили столь энергичный отпор со стороны индейцев, что ему никак не удавалось утвердиться дальше выстрела своих аркебуз. К тому же колонисты неимоверно страдали в болотистых местностях побережья. Наконец и сам Айлон погиб от лихорадки, после чего остатки его экипажа укрылись на кораблях и вернулись на Эспаньолу.

С тех пор колонизация атлантического побережья была отложена на многие годы. Но, с другой стороны, ареной дальнейших открытий сделался берег Флориды (так называли испанцы всю известную им часть северного материка) со стороны залива, и это обстоятельство имело чрезвычайно важное значение для исследования Северной Америки. Уже в 1528 году Панфило де Нарва-эс, известный противник Кортеса, будучи губернатором Флоридского берега Мексиканского залива, прошел морем от Кубы до Атлантической бухты и исследовал одновременно с моря и с суши обещанную ему область к западу. Вскоре, однако,

сухопутное войско и флот потеряли друг друга из виду. Флот, напрасно прождав несколько месяцев Нарваэса и его спутников вблизи Миссисипи, отплыл обратно на Кубу. Когда Нарваэс, выбившись из сил, вернулся, наконец, к берегу, ему не оставалось ничего другого, как построить кое-какие суда и с их помощью выбраться из негостеприимных пустынь в пределы цивилизации. Он полагал, что находится ближе к Пану-ко, чем к испанским островам, и поэтому направил свои суда на запад, но в дельте Миссисипи почти вся экспедиция погибла. Лишь немногие уцелели и могли продолжать свой путь к западу по суше. Наконец, благодаря только особенно счастливой случайности, они добрались до испанских поселений в Новой Мексике. Мы уже говорили, как их преувеличенные рассказы дали новый толчок к розыскам сказочных городов Тусаяяана и Кивиры.

Несравненно более обширная территория внутри Северной Америки была открыта благодаря авантюристическому походу Эрнандо де Сото. Этот поход носил почти легендарный характер: несмотря на непрерывные

149

Арх Carolina — древнейшее укрепление Чарльстона в Южной

Каролине, построенное между реками Эшлей и Купер

неудачи, находились все новые охотники, и притом в значительном числе, которые пускались в неизвестные места с таким легким сердцем, как будто речь шла об увеселительной прогулке. Личность де Сото, принадлежавшего к самым богатым конкистадорам в Перу, производила столь сильное обаяние, что при самом строгом подборе спутников он мог вывести на Севилью отряд в 1000 человек. Завершив на Кубе свое снаряжение, он отплыл к бухте Тампа на западном берегу Флориды, где его ожидало необычайное счастье: он встретил дружеский прием индейцев и мог спокойно заняться приготовлениями к путешествию внутрь страны. Правда, недолго длилось такое расположение туземцев к испанцам. Как только последние двинулись в северном направлении, им пришлось иметь дело с индейцами, которые со времен Нарваэса поклялись бороться с европейцами не на жизнь, а на смерть. Три года блуждали испанцы и, за немногими исключениями, только в тех случаях приобретали дружбу дикарей, когда вступали в союз с одним племенем и оказывали ему помощь в борьбе с соседями. После бесконечных и необычайных приключений, схваток и лишений от блестящего отряда де Сото осталась жалкая кучка в каких-нибудь 300 авантюристов, полуодетых и до крайности изнуренных.

Однако не в этих внешних событиях заключается историческое значение описанного похода. Для потомства имеет наибольший интерес географическая и этнографическая сцена подвигов де Сото, которая может быть очерчена, по крайней мере, приблизительно на основании дошедших до нас отчетов. Сперва испанцы двигались в определенном расстоянии от болотистого побережья, к северу, пока не достигли оконечности Аппалачского залива. Отсюда они уже стали удаляться от моря, углубляясь в страну в северном и северо-восточном направлениях через всю Джорджию и Южную Каролину до самых истоков Альтагамы и Саванны. Они не решались, однако, ни здесь, ни далее к югу перейти через покрытые густым лесом Аллегантские горы, настолько страшной казалась

152

им эта лесная пустыня; их не манило и на север, и они предпочли западное и юго-западное направления. Проходя через нынешнюю Алабаму, они достигли реки с тем же названием и в Пенсакольском заливе восстановили временное сообщение с морем и флотом, который доставлял им новые припасы. Долгие безуспешные блуждания все-таки не могли удержать де Сото от дальнейшего похода. Отдохнув продолжительное время в Мобиле (в то время этот пункт находился значительно выше современного нам города того же имени), он снова двинулся в глубь пустынь и, наконец, недалеко от нынешнего Мемфиса дошел до Миссисипи. Переход через «отца рек» снова надолго задержал его. Но в конце концов переправа была совершена при содействии индейцев и при помощи нескольких шлюпок, сооруженных собственными силами. Отсюда де Сото продолжал путь через Арканзас и Южный Миссури до верхнего течения Белой реки. Идя к северо-западу и достигнув мест, от которых плодородие страны и густота населения стали уменьшаться, де Сото снова изменил направление и двинулся на юг и запад через Вашиту к Красной реке.

Здесь, впрочем, ему пришлось убедиться, что в лесах и прериях не скрываются сокровища и не попадают культурные царства. Разочарованный в своих надеждах, он решил вернуться к Миссисипи и снова достиг этой реки выше устья Красной реки. Здесь, спустя почти ровно три года после отплытия из Кубы, он погиб от лихорадки и меланхолии, в которую впал вследствие неудачи своих планов. Спутники де Сото думали, что находятся близко к границам Новой Мексики, и поэтому еще раз попытались добраться туда сухим путем. Но недостаток съестных припасов в западных областях заставил их в третий раз вернуться к Миссисипи. В конце концов они должны были считать себя счастливыми, что выбрались на своих плохих самодельных судах по течению реки в открытое море, прежде чем силы их истощились настолько, что уже не могло быть и речи о борьбе с враждебными индейцами. Однако, им предстояло еще продолжительное плавание вдоль берега

153

Мексиканского залива, прежде чем они достигли первого христианского поселения в Пануко и здесь могли, наконец, оправиться от бесконечных лишений и переходов. Из 1000 спутников де Сото только 311 достигли цели своих усилий. Но ценой этих жертв было так мало достигнуто для дела колонизации, что испанское правительство в скором времени воспретило новые экспедиции в эту враждебную страну.

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОПЫТКИ КОЛОНИЗАЦИИ

Если Флорида так сильно разочаровала испанцев, то у других наций она пользовалась далеко не такой дурной славой. Религиозные распри во Франции послужили уже однажды поводом к поискам за океаном страны мира и терпимости: мы говорим об основании Виллегеньоном колонии в Рио-де-Жанейро. Но в то время имелось в виду лишь создание убежища для обоих исповеданий. Вторая попытка этого рода, предпринятая Рибо и Лодоньером в 1562—1565 годах, имела целью устроить на берегу Флориды колонию, если не исключительно, то главным образом для протестантской общины, которая терпела на родине все большие и большие гонения и притеснения. Вначале не представлялось ни малейших затруднений к поискам на заброшенном восточном побережье Флориды места, удобного для высадки экипажа и склада припасов. Вожаки выбирали для этой цели бухту Чарльстона, которую они называли Майской рекой, а испанцы — Рио-Сан-Матео. Сама колония, над которой возвышался укрепленный холм, была названа в честь французского монарха Arh Carolina (см. рис. на с. 150—151). Если бы поселенцы удовлетворились тем, что обрели, наконец, на дальнем побережье мир и терпимость и отдались бы обработке земли и мирному труду, то, по всей вероятности, они могли бы прочно утвердиться там и основать колониальное государство, как это сделали впоследствии англичане в этом и в других местах того же

154

побережья. Но дело в том, что и в этой колонии работники составляли наименьшую часть, а большинство предпочитало более легкий способ обогащения: на поспешно построенных легких судах они пускались в Антильское море и там как морские пираты нападали на всякого, с кем надеялись справиться. Подобный образ действий навлек на них месть испанцев. Филиппу II трудно было примириться с мыслью, что чуждая нация, и при том наследственно враждебная Испании, осмелилась укрепиться у самых границ испанских колониальных владений в сфере испанского влияния. Но еще труднее для него было освоиться с тем, что это были еретики и что они представляли опасность для распространения католичества, в чем Испания усматривала свою историческую миссию. В виду того Менендесу де Авилес, одному из лучших моряков, какими располагала в то время Испания, было дано поручение во что бы то ни стало разрушить чужеземное поселение на испанской земле. Он получил категорический приказ принципиально не давать ни малейшей пощады еретикам. Французы обвиняли испанских предводителей в беспримерной жестокости; но едва ли они были правы, так как в своих собственных религиозных распрях они проявляли не меньше фанатического ожесточения друг против друга, чем обнаруживал по отношению к ним Менендес. Во всяком случае, фанатизм религиозных войн был по этому поводу впервые перенесен на почву Нового Света. Еще раньше, чем Менендес сосредоточил вновь свои боевые силы, рассеянные бурей во время плавания через океан, он добился важного успеха. Под покровом ночи ему удалось пробраться между материком и французским флотом, стоявшим на якоре у Сан-Матео, и оттеснить флот от берега. Когда он затем произвел нападение на форт Каролину не с моря, а со стороны суши, для чего ему пришлось сделать трудный обход через леса, то он, можно сказать, не встретил никакого сопротивления и почти без всяких потерь с своей стороны уничтожил гарнизон. В то же время экипаж французского флота потерпел кру-

155

шение от бури и был выброшен на берег в таком жалком состоянии, что всецело зависел от милости испанцев. Менендес поступил, конечно, жестоко, не выказав ни малейшего сожаления к этим беззащитным людям и пощадив только тех из них, которые перешли в лоно католической церкви; но он исполнял лишь веление короля и нисколько не скрывал, что каждый еретик, который попадет в его руки, обречен на смерть.

Впрочем, деятельность Менендеса не ограничивалась одним разрушением. Ему в то же время было поручено колонизировать Флориду для испанцев. На том месте, на котором он впервые пристал к берегу, был воздвигнут Сан-Августин, старший город на земле Соединенных Штатов, который сохранился до наших дней, хотя его неоднократно переносили с места на место. Второе поселение, устроенное им на месте Arh Carolina, имело менее счастливую судьбу: спустя несколько лет, оно было взято приступом французскими протестантами под предводительством де Гурга, который, желая отомстить за павших

земляков и единоверцев, безжалостно истребил всех испанцев, очутившихся в его руках. Но Карл IX не одобрил этого образа действий, усмотрев в нем разбойничество, и раз и навсегда отказался от Флоридского побережья. После этого испанская колония Сан-Августин, медленно развивавшаяся, в течение долгого времени отстраняла всякие иноземные попытки колонизации.

Здесь, на юге, Франция без сопротивления отказалась от своих притязаний; но еще ранее того она приступила к заселению крайнего северо-востока североамериканского материка. Этот план она преследовала с большим упорством и даже мечтала покорить отсюда весь материк. Еще в 1535 году Жак Картье предпринял экспедицию с целью исследования берегов Ньюфаундленда и Лабрадора. Хотя эти страны не могли привлекать своими богатствами, но он уже на следующий год вернулся сюда, чтобы продолжать исследования. Во время этого второго путешествия он глубже проник в залив Св. Лаврентия и открыл громадную реку того же имени, излива-

156

ющуюся в этот залив. Плывая вверх по реке, Картье достиг со своими кораблями места нынешнего Квебека, а затем на судах меньшего размера проник до главного города индейцев Хочелаги, нынешнего Монреаля. Бурные воды потока положили преграду его дальнейшим исследованиям, и он вернулся к своему флоту. На месте стоянки он провел тяжелую, полную лишений зиму и на следующий год возвратился во Францию с первым грузом канадских мехов. После того прошло несколько лет, прежде чем была сделана серьезная попытка колонизировать страну, открытую Картье. Только в 1541 году Франциск I дал с этой целью полномочие Робервалю: Картье должен был сопровождать его в качестве лоцмана, а затем приступить к дальнейшим открытиям. Оба они отдельно переплыли океан и основали вблизи Квебека небольшие поселения, которые послужили исходными пунктами для исследования соседних областей. Однако и этим колониям не было суждено продолжительное существование. Проведя две длительные и полные лишений зимы в суровом климате Канады, колонисты в 1543 году отказались от дальнейших попыток основаться здесь и были отправлены во Францию.

Прошло много времени, прежде чем официально были предприняты новые попытки колонизации. Но отдельные французские суда, наряду с рыбной ловлей на отмелях Ньюфаундленда, производили при случае меновую торговлю мехами на реке Св. Лаврентия. И эта торговля оказалась настолько прибыльной, что в первые годы XVII века группа бретонских купцов составила с этой целью товарищество и сумела добиться монополии от Генриха IV. Колония в Канаде получила с самого начала своеобразную форму: это было нечто среднее между торговым обществом и коронной колонией; первые предприниматели, Понграве, Шовен и де Мои, стремились лишь развить и прочнее организовать торговлю мехами. Основанное ими поселение Тадуссак при слиянии рек Св. Лаврентия с Сагеем представляло собой не более чем торговую факторию. Но в 1603 году, со вступлением в об-

157

щество Самюэля де Шамплена, не только расширились задачи предприятия, но мало-помалу изменилось и отношение его к государству в том смысле, что правительство приобрело большее влияние и вместе с тем приняло на себя большую долю ответственности. В 1612 году во главе канадских предприятий был поставлен граф де Су-ассон с присвоением ему титула вице-короля; после него это место занял принц крови, и колониальное предприятие, таким образом, все более принимало официальный характер. Этому в замечательной степени противоречили экономические условия колонии. Вплоть до XVIII столетия канадские поселения французов носили характер торговых факторий и миссионерских станций. Женщины, за исключением духовных сестер, были там так же редки, как и настоящие колонисты. Большую часть обитателей составляли солдаты, купцы и духовные лица. В отношении содержания их колонии еще в течение многих лет оставались в зависимости от привоза из Европы и от меновой торговли с туземцами. Прокормить себя колонии Новой Франции вообще не были в состоянии, пока не перешли в руки англичан, и в связи с этим во внутренней организации их не произошли существенные изменения.

Несмотря на это, характерной чертой французского колониального управления являлась потребность в расширении, и притом в расширении почти до бесконечности, во всяком случае, несоразмерном с силами колонии. Отчасти это зависело, конечно, от экономического положения колонии: доходы от меховой торговли должны были покрывать расходы, которые беспрерывно росли, несмотря на скромное число колонистов. Это было возможно лишь при условии, чтобы торговая монополия располагала обширной внутренней страной. Здесь тем более требовалось фактическое занятие "страны, что пионеры голландско-английской колонизации все более и более проникали за Аллеганские горы и начинали выступать в качестве соперников французских охотников и мехоторговцев. Нет сомнения, что в этом постоянном

158

стремлении к несоответственному расширению эксплуатируемой области играл не малую роль целый ряд совершенно своеобразных авантюристов. Попадая случайно в канадские предприятия, они вновь и вновь давали толчок к дальнейшему движению, не смущаясь временными неудачами. Так создавалось французское колониальное царство в провинциях Новой Франции, Канаде и Луизиане, которое оказалось колоссом на глиняных ногах, когда от него потребовалось доказательство его внутренней силы.

Первым в ряду открывателей, усиленно способствовавших расширению Новой Франции, был Самюэль де Шамплен. С 1603 до 1616 года он находился частью на службе, частью во главе Канадского колониального управления. Однако интересы правительства торговой компании никогда не были в состоянии прочно

привязать его даже там, где с этим были соединены теснейшим образом его личные интересы. Его влекло за океан и вечно манило вновь и вновь в пустыни запада стремление разгадать тайны, которые скрывались в дальних лесах, и обеспечить за Францией первенство среди прочих наций в деле внесения света в первобытный лес.

Уже при первых своих предприятиях он убедился в том, что для осуществления его планов ему безусловно необходима надежная дружба с индейцами. Туземцы, которые спускались вниз по реке Св. Лаврентия в Квебек и Тадуссак, чтобы сбывать французам свою охотничью добычу, большей частью принадлежали к племени гуронов и к некоторым племенам алгонкинов, которые жили в соседстве с гуронами и были связаны с ними общей враждой к ирокезам, жившим к востоку и юго-востоку от них. Так как в руках этих племен находился путь к неизвестному западу, то Шамплен, не колеблясь, вступил с ними в союз и даже не побоялся купить их услуги тем, что оказал им поддержку против ирокезов, смертельных врагов этих племен. Первый поход был предпринят им в стра-¹У) где озеро Шамплен до сих пор напоминает о нем. Поход был успешен и чрезвычайно поднял уважение к

159

европейцам в глазах их диких союзников. Благодаря этому Шамплени удалось осуществить свои собственные планы и намерения, но при этом ни ему, ни кому-либо другому не приходило на ум, что своими действиями он вызывает непримиримую вражду союза ирокезов к своим соотечественникам. Быть может, это обстоятельство и не получило бы значения в виду огромного превосходства европейского вооружения над индейским, но дело в том, что нашлась другая европейская держава, враждебная французам, которая естественно примкнула к ирокезам и снабжала их средствами к войне. Вследствие этого дикари сделались вскоре очень опасными противниками для обширных, но слабо заселенных колоний французов. Под охраной гуронов и их союзников Шамплен занялся прежде всего исследованием области реки Св. Лаврентия во всех направлениях. Озеро Шамплен на юго-востоке, средний Сагней на севере и озеро Гурон на западе — таковы были пределы территории, на которую предстояло распространить влияние Франции. Озера Гурон Шамплен достиг через Оттаву в Ниписсинг, не имея первоначально ясного представления о великой системе североамериканских озер.

Шамплен сделал еще один важный шаг, способствовавший укреплению влияния: он вызвал в Канаду миссионеров. Члены торговой компании неохотно мирились с этим ввиду возрастания расходов, TSM более чем стремления миссионеров приучить индейцев оседлости прямо вредили торговле мехами. Тем не менее, при содействии французского правительства, более возвышенные взгляды Шамплена одержали полную победу над узким бессердечием купцов. Сперва Шамплен пригласил в колонии францисканских монахов, которые построили в Квебеке первую массивную церковь в Северной Америке. Несмотря на то что в торговой компании играли большую роль протестанты, относившиеся к иезуитам весьма враждебно, трудно было устранить последних из канадских колоний, так как миссионерская деятельность их была выше всяких похвал. С 1625 года они работали

160

наряду с францисканцами. Обширная литература, обнародованная братьями ордена о деятельности их в Канаде, свидетельствует о том, сколько сделано ими и здесь, на севере, для обращения индейцев. Политические события на родине (после взятия Ла-Рошели, последней твердыни протестантизма, Ришелье добился воспрещения протестантам жить в колониях) способствовали тому, что они все более и более становились преобладающим элементом в колонии; это наложило на них отпечаток, сохранившийся отчасти и до сих пор, несмотря на продолжительное английско-протестантское господство.

Уже в эту раннюю эпоху французская Канада однажды едва не перешла в руки англичан. В 1621 году сэр Уильям Александр получил от Иакова I привилегию на основание феодальной колонии под названием Повой Шотландии; в пределы ее входила большая часть Новой Франции. И когда религиозная распря повела к открытой войне между Англией и Францией, Александр сделал попытку осуществить это право на деле. Корабли его много раз прорывались вверх по течению реки Св. Лаврентия, захватывали французские корабли и этим почти совершенно уничтожали сообщение между Квебеком и родиной. В 1628 году они однажды появились перед самым городом и потребовали сдачи его, и только твердость Шамплена побудила их отступить. На следующий год, однако, они снова явились, и на этот раз колонисты, истощенные суровой зимой и лишенные всякой поддержки из Европы, должны были сдаться. В этот момент Канада была уже в руках англичан. Но так как еще до падения Квебека в Европе был заключен мир, гарантировавший договаривающимся сторонам территориальную неприкосновенность, то Квебек был возвращен Франции, и французская Канада могла процветать еще более столетия.

Шамплен вернулся еще раз в Квебек и успел кое-что сделать для канадской колонии до своей смерти в 1635 году. Английские притязания были более или менее устранены, мир с гуронами подтвержден, и выше по

т.¹че-
бЗак.571

161

нию реки Св. Лаврентия, в Трех Реках, основано новое поселение. Но сделано было нечто большее в его духе, хотя весть об этом уже не успела дойти до него. Один из самых выдающихся учеников Шамплена, Жан Николе, проник старым путем через Оттаву к озеру Гурон и отсюда по проливу Мэкинау до озера Мичиган, а затем спустился по его западному берегу. Правда, он не ознакомился с геологическим строением бассейна озер и с настоящим составом его. Но, вступая в союз с индейцами вплоть до Фокс-Ривера, он

проложил путь, который впоследствии приобрел важное значение.

Последующие годы оказались неблагоприятными для Канады. Хотя в 1643 году в Монреале было основано третье французское поселение, но, подобно старейшим колониям, оно чрезвычайно страдало от враждебных ирокезов, из-за которых опасно было выходить за пределы городских стен. Последствия политики Шамплена в отношении индейцев давали себя чувствовать самым роковым образом. Ирокезы, быть может, готовы были заключить мир с французами, но под условием, чтобы те пожертвовали им гуронов. Этого, однако, они не могли сделать уже в интересах собственного существования. Хотя им и не удалось спасти гуронов от истребления, но все-таки, отклонив от себя помощь ирокезов, они сохранили дружбу гуронов и их соседей. Вначале перевес был, бесспорно, на стороне ирокезов. После продолжительных битв, сопровождавшихся большими потерями, гу-роны, а вместе с ними и некоторые из соседних алгонки-нов, должны были покинуть насиженные места на реке Св. Лаврентия и на Онтарио и направиться на дальний запад. После некоторых странствий они осели, наконец, в область между Миссисипи и Верхним озером. Для французских торговцев мехами это было равносильно необходимости двигаться далее на запад. Выселение гуронов непосредственно способствовало открытиям в этом направлении; в то же время оно не принесло ожидаемых вредных последствий для колоний на реке Св. Лаврентия. Удовлетворив чувство мести, ирокезы заключили мир

162

с белыми, правда, ненадежный. Они даже допустили к себе французских иезуитов-миссионеров. Исследования, произведенные последними, выяснили необычайные выгоды географического положения страны ирокезов на возвышенности, от которой брали начало воды, текущие к востоку непосредственно в океан, к северу, в реку Св. Лаврентия, и к западу, к неизвестным большим водам. Это облегчило впоследствии занятие области Миссисипи французами.

В целом, однако, Канада влачила жалкое существование до тех пор, пока Кольберг не вмешался в колониальные дела со свойственной ему энергией. Он уничтожил основанную Ришелье «Компанию ста», которая до того времени монополизировала торговлю в Канаде, но лишь с целью передать ее в руки крупного Французского вест-индского общества, деятельность которого действительно внесла новую жизнь в канадские предприятия. В короткое время область озер была исследована во всех направлениях, и французское влияние было упрочнено благодаря миссиям и торговым станциям; важнейшие из них находились у водопада Сент-Мари между озерами Верхним и Гуроном, у Мэкинау между Гуроном и Мичиганом, и, наконец, самая молодая стоянка была образована у Ниагарского водопада.

До этого момента французские исследователи также надеялись открыть водный путь на западе от озер к Китайскому морю. Но когда вместо этого на западе открывались все новые обширные страны и попадались воды, которые текли на восток, то стали внимательнее прислушиваться к рассказам индейцев о великой реке на западе; в 1670 году европейцы впервые узнали название «Миссисипи». Исследование этих вод явилось ближайшей задачей для любознательных французских путешественников, С разрешением этой задачи Франция достигла кульминационного пункта своего колониального владычества. Первыми европейцами, которые проникли с севера до Миссисипи, были Жолье и Маркетт. Первый из них был командирован в 1673 году по распоряжению Кольберга

163

новым канадским губернатором Фронтенаком для исследования таинственных «Западных вод». К нему добровольно примкнул Маркетт, который в то время жил в Мэкинау в качестве миссионера. Отсюда оба они двинулись уже известным путем через Зеленую бухту вверх по реке Фокс. Индейские проводники привели их к месту, где, протаскивая лодки по сухому пути не более двух английских миль, они очутились в притоке Висконсина. С этой минуты оставалось лишь отдаться течению, чтобы, спустя несколько недель, достигнуть самой Миссисипи. В устье Огайо они узнали водный путь, который смутно указывали ирокезы. Когда французы достигли мощного притока Миссури, задача, которую они преследовали, была решена. Река подобного размера позволяла предполагать существование обширных масс суши и громадного водораздела на западе и на северо-западе; а самая большая река, имевшая по преимуществу южное направление, могла вести только к Мексиканскому заливу. Они проследили ее до устья Арканзаса. Так как и дальше они находили подтверждение своих предположений, то предпочли не подвергать свое открытие опасности вследствие возможных враждебных отношений со стороны испанцев. Поэтому они двинулись обратно через Иллинойс и Де-Плен в направлении к Чикаго.

В самой Франции лишь мало-помалу выяснились громадные перспективы для французских колониальных владений, вытекавшие из открытий Жолье. Но в Канаде не было недостатка в дальновидных людях, которые готовы были тотчас же продолжать дело. К ним принадлежал губернатор Фронтенак. При его посредстве Рене Робер Кавелье, сьер Де-Ла-Саль, один из мелких феодальных владельцев, каких было много в Монреале, получил в 1678 году королевский патент, который давал ему привилегию на торговлю в Иллинойсе и основание там факторий. Таким образом, Ла-Саль стал пионером запада и открыл Луизиану, с обладанием которой он справедливо связывал самые широкие надежды для будущности французской торговли и французской колонизации. Лично он,

164

впрочем, немного выиграл от этого. Минувя озера, он направился к реке Сент-Джон и оттуда к Иллинойсу, где построил форт Кревкер как точку опоры для дальнейших предприятий. Но судьба преследовала его на

каждом шагу. Корабли его погибли; когда сам он отправился в Канаду, чтобы получить подкрепление, гарнизон сдал форт. Через несколько лет он вернулся сюда с новой экспедицией, но застал всю страну опустошенной. Враждебные ирокезы, подстрекаемые из Новой Англии, преследовали французов до самой пустыни. Но Ла-Саль не падал духом. Вместе со своими спутниками он добрался до устьев Миссисипи и именем Людовика XVI овладел страной, которой дал название Луизианы. Вначале, конечно, это занятие страны было лишь пустым звуком: ее предстояло еще заселить, а пока не было ни колонистов, ни припасов, и Ла-Саль вернулся еще раз через Иллинойс. Для того чтобы обеспечить себе господствующий пункт, он соорудил форт Луи на Starved Rock. Дальнейшей его задачей было обеспечить себя от нападений испанцев со стороны Мексиканского залива сооружением форта в устьях Миссисипи, подобно тому как форт Луи должен был защищать его от нападения англичан со стороны территории ирокезов. Успехи Ла-Саля возбудили интерес в самой Франции. Были снаряжены четыре корабля, которые обязались доставить его с колонистами морем к устью «Отца рек»; к сожалению, он* сам не в состоянии был отыскать это устье со стороны моря. Проплыв напрасно слишком далеко к западу, он высадился в Техасе в устье Колорадо, приняв эту реку за рукав Миссисипи. Когда он понял свою ошибку, то корабли были уже далеко. Ла-Саль сделал попытку добраться до Миссисипи сухим путем, но был убит собственными людьми. Колонисты на Колорадо также частью погибли от климатических условий, частью от руки туземцев. Когда Рафаэль де Тонги, вернейший приверженец Ла-Саля, проник в 1687 году из Иллинойса до низовьев Миссисипи, чтобы оказать ему помощь, он впервые узнал о полном крушении предприятия последнего.

165

Тем не менее подвиг Ла-Саля имел решающее значение для будущего Луизианы. По пути, указанному Жолле и Ла-Салем, двинулись в обширную и плодородную область запада миссионеры и торговцы мехами, охотники и авантюристы. На Иллинойсе, Каскасии, Арканзасе и пр. стали возникать небольшие поселения, Правда, французы, как первоначально в Канаде, не пускали здесь корней в качестве настоящих колонистов и землевладельцев. Но благодаря своему умению приспособляться к нравам туземцев они приобрели решающее влияние на последних и сумели в борьбе, которая, очевидно, подготавливалась между колониями французской Канады и атлантической Англии, привлечь их на сторону политических интересов Франции. Вместе с тем при их содействии все более и более распространялись сведения о необычайном богатстве страны. И если принять во внимание последующее развитие ее, то мы, по крайней мере, отчасти поймем ту сенсацию, которая была связана, хотя и недолго, с именем Луизианы.

В 1699 году Лемуан д'Ибервилль отплыл из Франции в Мексиканский залив с целью осуществления последнего проекта Ла-Саля. Он был счастливее его. После нескольких лет попыток и разведок он основал поселение Розалию, первый французский город в устьях Миссисипи. В течение многих лет она была лишь точкой опоры для меховых торговцев, искателей приключений и лесных бродяг; тем не менее даже случайных успехов было достаточно, чтобы вновь и вновь возбуждать внимание во Франции. В течение недолгого времени купец Кроза арендовал у правительства монополию торговли в Луизиане. Затем она перешла в руки Индейской компании, во главе которой стоял Джон Лоу. В руках этого финансиста, который был одно время всемогущим при дворе регента, Луизиана стала предметом необузданной спекуляции, окончившейся, как и следовало ожидать, величайшим крахом, о каком только знает всемирная история. В действительности в это время для Луизианы делалось не мало. Прежде всего, туда было отправлено много

166

колонистов; хотя большинство их представляло довольно сомнительный элемент. Этим переселенцам обязан своим возникновением Новый Орлеан. И это не единственная колония, которая, несмотря на все пережитые опасности, все-таки продолжала держаться и уцелела до наших дней. Вскоре, однако, рискованные предприятия Лоу, в связи с плохой способностью французов к колониальным предприятиям, положили конец чрезмерным ожиданиям. И, как всегда бывает, обратный толчок был пропорционален силе первоначального подъема. Колония, из которой разумное управление могло бы создать нечто гораздо большее, чем из негостеприимной Канады, была предоставлена самой себе в течение более полувека, и прежде чем вновь серьезно принялись за развитие ее, мечты Ла-Саля о создании французского колониального царства от Атлантического океана до Мексиканского залива были навсегда разрушены. После повторных, все вновь обострявшихся распрей, Франция в борьбе колоний между собой безнадежно потерпела крушение и, согласно Парижскому миру, должна была уступить все свои владения к востоку от Миссисипи — Англии и к западу — Испании.

АНГЛИЧАНЕ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Первые шаги английского колониального владычества

Отцом английской Америки был Вальтер Ралей. Он был воодушевлен желанием вырвать у испанцев часть их необъятных колониальных владений и воспользоваться для себя и для своего отечества хотя бы долей тех сокровищ, которые притекали к испанцам из их колоний. Еще в 1584 году он составил план колонизации англичан на Атлантическом побережье Северной Америки, известном тогда под общим именем Флориды. Первые корабли, посланные с этой целью, пристали к берегу нынешней

167

Каролины. Они вернулись обратно, не сделав попытки к основанию поселения, но рассказы их были настолько восторженны, что королева Елизавета назвала эту страну Виргинией, подразумевая свое девственное состояние. Не далее как на следующий год отплыл флот из семи кораблей, уполномоченный

прочно занять территорию. Однако колонисты в эпоху королевы-девственницы не принадлежали к категории тех, которые создали впоследствии величие Новой Англии. Они не были склонны трудиться в поте лица, а надеялись без особых стараний обогатиться и вести затем беззаботную жизнь, полную удовольствий. В то время, однако, это еще не было возможно, несмотря на благоприятные условия страны. Колония Ралея долго влачила жалкое существование — не смотря на большие жертвы, которые принес делу основатель, и в 1590 году окончательно распалась.

Первый толчок к созданию более прочных поселений дал и здесь пример голландской компании в Ост-Индии. В 1606 году король Иаков I даровал привилегии (charters) двум английским обществам: одно из них, «Виргиния», должно было колонизировать страну от 34° до 38° широты, другое общество, «Плимут», — от 41° до 45°. Между этими территориями, в Акадии и в области реки Св. Лаврентия, находилась страна, на которую предъявляла права Франция. Несмотря на это, английский король объявил, что оба общества могут свободно конкурировать на пространстве между 38° и 41° лишь с условием, чтобы между их поселениями всюду соблюдалось расстояние не менее 100 (английских) миль.

Общество «Виргиния»

Общество «Виргиния» тотчас же приступило к деятельности. Правда, первые шаги были для него столь же трудны, как и для всякого нового предприятия. Тем не менее уже спустя несколько лет оно установилось прочно и могло выдержать все бури тревожного революционного периода в Англии. Управление, которое Иаков I

168

даровал обществу «Виргиния», с точки зрения государственного права представляло самое удивительное учреждение, когда-либо существовавшее. Верховные права над колонией принадлежали обществу, которое считало в числе своих членов множество богатых лондонских купцов и влиятельных личностей (в их числе находился Ричард Гаклюит, известный своими географическими сочинениями). Виргиния не была, следовательно, королевской колонией. Тем не менее управление обществом было такого рода, что открывало самый широкий простор для вмешательства правительства. Собственно говоря, общество всецело находилось в зависимости от короля, так как он самолично избрал совет правления компании в Лондоне и административный совет, имевший резиденцию по ту сторону океана. Члены компании пользовались следующими правами: они свободно распоряжались в колонизированной ими области, оставались английскими гражданами и могли вести неограниченную торговлю произведениями своих колоний. В особенности этот последний пункт стоял в резком противоречии с тогдашним положением колоний в прочих странах. Благодаря ему общество «Виргиния» не было поставлено в необходимость сбывать свои продукты исключительно на родину или через ее посредство. Но Иаков I, без сомнения, не предвидел значения этого обстоятельства во всей его силе и даже не делал попытки устранить его. Позднее Кромвель своим Навигационным актом существенно ограничил права общества. Возникло стремление навязать и английским колониям общепризнанный принцип ограничения торговли пределами отечества. Это обстоятельство, в числе разных других причин, немало содействовало отпадению Соединенных Штатов от верховной власти Англии.

Вначале колонии приходилось бороться с обычными трудностями. Первыми колонистами, которые в 1607 году остановились на реке Джеймс и основали Джеймстоун, были искатели приключений и вообще подонки общества, у которых не было и в мыслях обосновать свое существование

169

на упорной борьбе и честном труде. Здесь едва ли помогла бы и железная энергия, с какой капитан Смит, главный основатель возникавшей общины, отстаивал благо юной колонии извне и внутри, если бы за золотоискателями и лентяями не потянулись мало-помалу настоящие колонисты, земледельцы и ремесленники. Сам Смит много сделал в этом направлении.

В первое время все хозяйство колонии велось сообща. Капитан Смит ввел, по крайней мере, временно, обязательный шестичасовой труд. Но дело пошло лишь с тех пор, как участки земли были розданы колонистам в виде частной собственности. А когда было открыто возделывание табака и стало принимать широкие размеры, поселения Виргинии быстро расцвели. В первое время колонистам, из которых многие были доставлены за счет общества, приходилось работать для возмещения расходов по переезду, и о приобретении собственности не могло быть речи. Но благодаря табаку, цены на который в Голландии были очень высоки, колонисты скоро сделались независимыми и даже были в состоянии покупать новую землю. Выгодность дела являлась сама по себе наилучшей рекламой для приманки новых переселенцев, в числе которых вскоре можно было встретить не одних пролетариев и неудачников, но и предприимчивых, и богатых людей: последние стали вести хозяйство плантаций в широком масштабе и, конечно, все более и более увеличивали значение его. Недостаток в женщинах, который ощущался в первое время, был также устранен благодаря торговому оживлению. В 1619 году Общество в виде опыта отправило в Виргинию за свой счет несколько молодых девушек. Каждый, кто выражал желание жениться на одной из них, должен был возвращать расходы за переезд, хотя бы в виде табака. В самое короткое время все девушки были уже замужем, и Общество, повторяя эту попытку, имело возможность повысить цену. Система перевозки в колонию преступников на каторжные работы, процветавшая в широких размерах на Антильских островах, была также неоднократно примене-

170

на в Виргинии, где была даже учреждена колония преступников; быть может, она привилась бы здесь в широких размерах, но самолюбие колонистов было до такой степени возмущено этим, что еще в 1620 году они решительно восстали против введения подобных элементов в их среду.

Напротив, они радостно приветствовали прилив населения иной расы. В 1620 году голландский корабль доставил в Джамстоун первых рабов-негров. Спрос на них был настолько значителен, что вскоре не только голландские корабли доставляли этот груз в изобилии, но и англичане; и даже сами виргинские купцы занялись торговлей черным товаром. Мало-помалу плантации уже в XVII веке стали получать то развитие, которое было впоследствии так характерно для южных штатов Союза. Вскоре белые образовали лишь аристократию в Виргинии; они жили в качестве владельцев плантаций в своих обширных поместьях или как ремесленники не менее многочисленных городах. Главная тяжесть работы на табачных плантациях и на хлопчатобумажных полях, приобретших вскоре еще большее значение, лежала, если не считать немногих несвободных белых, на неграх, число которых непрерывно росло по мере того, как расцветала колония.

Быстрому подъему колонии способствовали также политические условия. Уже через несколько лет после обнародования первой привилегии Иаков I отказался в пользу Общества от многих прав, которые удерживал за собой. Так, еще в 1609 году выбор административного совета был предоставлен членам самого Общества; эти последние вместо колониального совета назначали губернатора провинции, который ввиду отдаленности резиденции верховной власти пользовался почти неограниченной властью. Все зависело, таким образом, от выбора подходящих личностей на этот пост, что не всегда удавалось; но Общество было настолько разумно, что во всех случаях сообразовалось с заявлением колонистов, и вообще влияние последних не только непрерывно росло, но вскоре

171

было даже урегулировано законом. В 1612 году дела управления Обществом перешли от административного совета в его собственные руки, и все вопросы колониальной администрации должны были решаться на четырех ежегодных общих собраниях. Спустя семь лет это общее собрание допустило участие колонистов во внутреннем управлении. Из одиннадцати местечек, существовавших в то время в Виргинии, каждое должно было посылать двух депутатов в Джамстоун. Эти депутаты вместе с губернатором и советом, избираемым в помощь ему, обсуждали общие дела и составляли постановления. И чем больше росли внутренние раздоры в самом Обществе, чем больше оно вовлекалось в политические течения на родине, тем сильнее выдвигалась роль этих колониальных собраний. Когда Иаков I в 1624 году нашел необходимо распустить Виргинскую торговую компанию и подчинить колонию непосредственному ведению короны, дух независимости настолько успел окрепнуть среди колонистов, что мог выдержать даже давление правительства.

Туземный вопрос долгое время не играл существенной роли в Виргинии. Первым колонистам, и в особенности капитану Смит, удалось приобрести дружбу краснокожих, которая была окончательно закреплена, когда славившаяся своей красотой дочь одного из их начальников Покагонты вышла замуж за англичанина. Когда в 1621 году индейцы сделали попытку воспротивиться все более распространявшемуся господству иноземцев, они заплатились за это своей кровью. После того прошло много времени, прежде чем снова стали обнаруживаться враждебные отношения между ними и колонистами.

В материальном отношении колония развивалась чрезвычайно успешно; во всех прочих вещах она проявляла большой индифферентизм. В силу своего экономического положения она вообще приняла аристократический характер. Когда между Карлом I и демократическими течениями на родине возникли разногласия, виргинцы были безусловно на стороне монарха, а когда в Англии побе-

172

дила революция, многие роялисты удалились в эту провинцию. Это не помешало, однако, колониальному собранию признать парламентское правительство без ущерба для своих собственных парламентских прав и воспользоваться для своих плантаций обязательным трудом военнопленных, которые были сосланы туда по приказанию Кромвеля. Наоборот, реставрация Стюартов сопровождалась для Виргинии весьма вредными последствиями. Карл II восстановил в усиленной форме постановление Навигационного акта и этим почти уничтожил некогда свободную торговлю Виргинии; колонии были поставлены чуть ли не в такое же положение, как и испанская. Виргинцы, которые сами мало занимались торговлей, отнеслись к этому сравнительно равнодушно, но были сильно возмущены другими мероприятиями, которые ближе касались их интересов. Карл II со свойственной ему бессовестной расточительностью предоставил в 1669 году всю Виргинию двум своим фаворитам на 31 год; хотя колония сохранила при этом свои конституционные права, но все-таки она должна была примириться с тяжестью новых налогов. Виргинские наместники короля были столь же бессовестны, как и он сам. Восстание индейцев, вспыхнувшее в это время в колонии после полувековой мирной совместной жизни, прямо зависело от бесстыдной эксплуатации их со стороны креатур наместника, клонившейся исключительно к его личному обогащению. Дело зашло так далеко, что часть колонистов восстала против губернатора, и в этой гражданской войне, которая была задушена в потоках крови, сама столица погибла в пламени. Несмотря на это, большинство населения сохраняло прежнюю апатию. Настоящий виргинец сидел, как паша, в своих обширных поместьях и оставался почти безучастным ко всему, пока это не тревожило привычек его комфортабельной жизни. Благодаря богатству он мог

расширять свой умственный кругозор. Из всех колоний виргинцы поддерживали, по-видимому, наиболее тесные духовные отношения со Старым Светом. Вошло в моду путешествовать и оказывать по-

173

истине царское гостеприимство гостям из Старого Света. Но в политике тогдашние виргинцы не шли дальше, чем этого требовала свобода, к которой приучила их старая конституция. Материальные интересы колонии больше всего страдали от непосредственного соседства, от существования рядом с ней других колониальных провинций, развивавшихся при совершенно однородных географических условиях. Каролина обязана своим названием неудавшемуся колониальному предприятию, которое было начато в 1624 году Робертом Гитом на основании привилегий, дарованных Карлом I. До фактического захвата земли дело, однако, не доходило, пока Карл II, расточительно раздававший земли, не отдал области между Флоридой и Виргинией восьми любимцам в наследственное владение и притом на все времена. Самым интересным в этой колонии является история ее конституции. Уже в самом королевском рескрипте говорилось, что колонистам должна быть предоставлена доля для участия в местном управлении. Затем философ Джон Локк выбрал для этой провинции проект конституции, представлявшей как бы компромисс патриархальной аристократии с парламентскими нравами, существовавшими в соседней Виргинии. В частностях, однако, это государственное здание было так сложно и непрактично, что никогда не могло быть вполне осуществлено. И только два принципа Лолсовской конституции пережили эпоху ее становления: терпимость в религиозных делах и рабство. В остальном влияние соседней Виргинии имело гораздо большее значение для Северной Каролины, чем (отмененные в 1729 г.) верховные права ее аристократических владельцев. Северные пограничные области получили из Виргинии своих первых колонистов еще прежде дарования королевского патента. Хозяйство виргинских плантаций распространилось и сюда; виргинские губернаторы неоднократно вмешивались в управление Северной Каролины, а распри внутри Виргинии захватывали обыкновенно и Северную Каролину. Главное различие между обеими колониями

174

заключалось в том, что в Каролине в первые десятилетия вообще не могло образоваться твердое правительство, и что поэтому туда направлялось много сомнительных элементов, которые пользовались правами самоуправления лишь для того, чтобы поддерживать смуту. Положение дел изменилось лишь с того момента, как провинция стала королевской колонией. Она начала быстро развиваться и экономически походить на Виргинию, сделавшись вскоре опасной соперницей старшей сестры на хлопчатобумажном и табачном рынке.

Восемь каролинских феодалов обратили свое внимание главным образом на Южную Каролину. Здесь, при содействии поселенцев, значительная часть которых прибыла с острова Барбадоса был основан в 1670 году город Чарльстон (см. рис «*Arg Carolina*» на с. 150—151); здесь же имели место вышеупомянутые эксперименты введения конституции по мысли Локка. Сообразно с ее аристократическо-централистической тенденцией, правители придавали особое значение тому, чтобы главная сила колонии сосредоточивалась в городской общине с целью избежать раздробления, характерного для Виргинии и Северной Каролины. Вследствие того Чарльстон расцвел гораздо быстрее, чем Джемстоун. Благодаря той же тенденции хозяйство плантаций в Южной Каролине никогда не могло развиваться до таких размеров, как в более северных провинциях. Кроме того, более упорядоченные условия жизни и религиозная терпимость вызывали прилив в колонию таких элементов населения, которых лишены были северные соседи: пуритан из Нью-Йорка, гугенотов из Франции, пресвитериан из Шотландии. Все эти элементы стремились, и с успехом, пробиться собственными силами и противодействовать перевесу системы крупного землевладения. К тому же и соседство испанской колонии Сан-Агустин изменило ход развития Южной Каролины по сравнению с другими провинциями. Стычки, возникавшие по временам между соседними колонистами, большей частью не имели серьезного значения. В конце концов они даже пришли к соглашению сохранять

175

мирные отношения и в том случае, если бы между их родными странами вспыхнула война. С другой стороны, близости испанских владений являлась сильным соблазном для дальнейшего ведения флибустьерской войны, с которой были хорошо знакомы колонисты, переселившиеся с островов. Наконец, пример испанских соседей сильно подействовал на Южную Каролину в том смысле, что там можно было встретить множество индейцев-рабов, большей частью захваченных на испанской территории или на испанских кораблях. Так или иначе, но под этим влиянием выработалось отношение к туземцам совершенно иного рода, чем в других провинциях. В Южной Каролине возникло движение, благодаря которому права восьми феодальных господ были снова упразднены, Колонисты Чарльстона нередко должны были по приказанию высших властей отказываться от плодов своей победы над испанскими соседями в пограничных стычках, но никто не вознаграждал их, если им приходилось страдать от испанцев. Подобная опека в связи с недостатками управления неоднократно вызывала возмущение против феодальных владельцев. В конце концов власть последних была упразднена в 1719 году, а в 1729 году отменена за известное финансовое вознаграждение. Приблизительно в то же время к югу от английских колониальных владений была выделена новая провинция, управлявшаяся также на совершенно иных началах. Гуманистические стремления проявились в Англии особенно рано и, по примеру колонистов Новой Англии и Уильяма Пенна, часто находили себе применение и на американской почве. Сочувствие к томившимся в английских

долговых тюрьмах побудило Джемса Эдуарда Огльторпа начать движение в пользу их. Собрав с частной и общественной помощью необходимые средства, он купил у Георга I право на колонизацию страны между реками Саванной и Альтагамой от океана до океана в течение 21 года. Колония, подобно ее северным соседям, была окрещена именем правящей коронованной особы и получила название Джорджии и Августы. Она приобрела

176

большое значение для Южной Каролины, так как отделяла ее от испанских владений. Взяв на себя защиту границы (сам Огльторп несколько раз выступал в поход против испанцев), она обеспечивала соседним провинциям беспрепятственное и успешное развитие. С индейцами заключены были союзы, и мало кто из белых колонистов пользовался таким уважением у своих краснокожих соседей, как мягкий и достойный Огльторп. В первое время провинция развивалась вполне согласно с его намерениями: она служила убежищем для теснимых и преследуемых; терпимость в религиозном и политическом отношениях была одинаковым лозунгом для всех. С течением времени, однако, естественные факторы оказались сильнее человеческой воли. Страна, которая по своим физическим свойствам, подобно Виргинии, чрезвычайно благоприятствовала экономическому развитию, не могла долго оставаться в обладании бедных и обездоленных. Плантаторы захватывали и в Джорджии все больше и больше территории, наводняли ее своими рабами и, таким образом, в корне подавляли всякие попытки мелкого хозяйства. Около середины XVIII века Джорджия, подобно Виргинии и обеим Каролинам, представляла собой государство плантаторов и, как таковое, наряду с ними продолжало и дальше свое политическое развитие. Возникновение и развитие южных штатов Североамериканского союза резко отличается от той картины, которую привыкли считать типичной для английской колонизации в Америке. Решающее значение в их ходе развития имеют географические факторы. Даже там, где колонисты стремились создать поселения, какие мы встречаем в штатах Новой Англии, совершается постепенный переход к системе, впервые достигшей законченности в Виргинии. Большинство этих колоний находилось, по крайней мере временно, под влиянием феодальных условий Старого Света. Правда, в большинстве случаев они довольно скоро эмансипировались от этих условий, но аристократический дух, характеризующий феодальное государство с подразделениями людей по со-

177

стоянию и значению, оживает в них в измененной форме. Вместо английских феодальных господ выступает на сцену аристократия крупных землевладельцев, от которых всецело зависит, если не в правовом, то в материальном отношении, не только масса черных рабов, но и большая часть белого населения. Правда, равенство индивидуумов провозглашается как основной принцип права; но факты и слабость правительственной власти, всегда без исключения присущая юным общинам, делают это равенство почти призрачным. В действительности владельцы плантаций являются неограниченными властелинами в своих владениях и все вместе почти беспрекословно управляют своей провинцией на основании парламентских полномочий, всюду предоставляемых колонистам.

Таким образом, южные колонии по своим воззрениям и требованиям стоят гораздо ближе к испанским колониям, чем к северным провинциям Новой Англии. Заселение страны часто происходило здесь совершенно в таком же духе, как и в португальских колониях, лишь с той разницей, что в этих последних не существовало общего английским и французским феодальным колониям права раздачи титулов и должностей, которое сообщает южным штатам столь сильный аристократический оттенок; право владения приобретается захватом, как и в испанских, португальских и французских колониях. В Южной Каролине обращение с туземцами воспроизводит худшие испанские образцы. Если они держат себя враждебно, их делают рабами; если даже они миролюбивы, то они все-таки не пользуются правами подданных, как в испанских колониях.

Североамериканцы претендуют на то, что их предки обращались самым лучшим образом с туземцами. Испанцы будто бы не только завладели страной, но и самой личностью туземцев и заставляли их работать на себя и платить подати. Французы хотя и предоставляли индейцам личную свободу, но все-таки отняли у них землю исключительно по праву завоевания. Наоборот,

178

англичане (и наряду с ними голландцы), как они заявляют, не посягали ни на свободу индейцев, ни на их право располагать своими землями, приобретая последние путем покупки. Если не вникать в сущность дела, то в некоторых северных штатах Союза, пожалуй, так и было. Мы знаем, что правительство Соединенных Штатов установило принцип, которого придерживалось до наших дней, — покупать у индейцев землю. Но нельзя сказать, чтобы этого держался весь Юг при основании колоний так же, как это не применялось и к большей части Севера.

Без сомнения, короли Испании и Португалии требовали на основании папской буллы, разделившей между ними неизвестную половину мира, чтобы вся эта земля вместе с ее населением сделалась их собственностью. Если туземцы оказывали сопротивление, то с ними часто обращались очень жестоко, особенно в эпоху конкистадоров и до законодательного регулирования туземного вопроса. В принципе, однако, Испания еще со времен завешания королевы Изабеллы уравнивала туземцев своих колониальных владений в правах со своими собственными подданными. Взамен работы, которую они обязаны были производить для государства, им давались защита и закон. Французы не пошли так далеко. Право французс-

кого подданства не распространялось на гуронов на Иллинойсе и проч.; впрочем, со времен Шамплена Франция признавала индейцев своими союзными друзьями, которые, как таковые, имели право на защиту и дружбу своих белых союзников. И этот взгляд французы бесчисленное множество раз проводили на деле, вступая в войну вместе с индейцами или без них против ирокезов, этих заклятых врагов всех индейцев, поддерживавших добрые отношения с французами. Кроме того, испанцы и французы через посредство своих миссий сделали чрезвычайно много для духовного и материального блага предоставленных их попечению туземцев.

В сравнении с этим миссионерская деятельность англичан в отношении индейцев прямо ничтожна и, за не-

179
многими исключениями, относится уже к периоду времени, которого мы пока не имеем в виду. Что касается покупок земли, то в громадном большинстве случаев они не делают чести ни правительству Соединенных Штатов, ни их предкам. В те времена можно было купить у индейца, имевшего смутное представление о договорах, прекрасный кусок земли за горсть пороха и несколько европейских безделушек. Но тогда еще было много простора на обширном материке Северной Америки, и племя, продавшее места своего обитания, могло без особенного труда основать далее к западу новую родину. Но по мере того как цивилизация следовала за индейцами на запад, территория, остававшаяся в их распоряжении для отыскания новых мест, все более суживалась. Неизбежным последствием такой политики обезземеления в отношении индейцев (и Соединенным Штатам это было не безызвестно) являлись бесконечные кровавые схватки между отдельными племенами; стесняемые все более и более, они вынуждены были истреблять друг друга только для того, чтобы иметь возможность существовать; если им не представлялся случай напасть на соседей за пределами территории штатов. Начиная с XVII века, во время межколониальной войны, англо-американцы охотно оставались зрителями такого взаимного уничтожения и поощряли его путем продажи оружия и пороха. Ни одна нация не сделала так мало, как англо-американцы, для того, чтобы смягчить природную дикость индейца и приобщить его к культуре. В фарисейском сознании, что они, на основании юридического договора, приобретали собственность индейца, американцы еще в эпоху своих предков систематически изгоняли индейца с его старого пепелища как мешающего им нищего; не заботясь о том, погибнет ли он от голода или от неприятельской стрелы. Если же индеец в отчаянии делал попытку силой вернуть потерянное, то англо-американцы в способах ведения войны лишь немногим уступали беспощадностью испанским завоевателям.

180

Вся разница в отношениях к туземцам заключалась в том, что перед законом испанца индеец считался братом, француз признавал его другом, а для англичанина он был чужим.

Общество «Плимут»

Одновременно с обществом «Виргиния», Иаков I разрешил возникновение в 1606 году другой торговой компании, которая должна была колонизировать земли между 41° и 45° с. ш. и была названа обществом «Плимут» по местопребыванию своих наиболее влиятельных членов. Но деятельность его не шла дальше предварительных изысканий, даже тогда, когда Иаков в 1620 году заново организовал это общество, предоставил ему страну от 40° до 48° и даровал ему права феодальных владельцев. Хотя в этой области и возникли в то время первые английские колонии, но без всякой связи и даже в противоречии с учредительным обществом, которое в 1638 году окончательно распалось. Деятельность его почти исчерпывается добыванием денег путем продажи заокеанских прав. Первыми настоящими колонистами в этой области были английские беглецы-отщепенцы от церкви. От английской господствующей церкви рано отделились некоторые группы и общины, которым официальная реформация казалась недостаточно радикальной. Число их все более и более росло, и они соединились в новые секты пуритан, сепаратистов и проч., навлекая на себя этим сильное преследование со стороны господствующей церкви. Вначале они спасались от этих преследований большей частью в Голландию. Но когда всеобщее внимание было обращено на заокеанские колониальные предприятия, то и в среде пуритан созрел план отыскать за морем свободное и безопасное убежище для исповедания своей веры.

Посланные их, при поддержке единомыслящих друзей в Англии, добились от общества «Виргиния» права основать поселение по ту сторону океана. Осенью

181

1620 года корабль «Mayflower» доставил в Америку первых колонистов, которые основали город Новый Плимут. Несмотря на пуританскую строгость к простоте, эта колония также должна была выдержать тяжелую эпоху борьбы, прежде чем окрепла и начала развиваться. Договор ее с английским Обществом обеспечил переселенцам почти полную независимость. «Отцы-пилигримы» с самого начала почти исключительно управлялись сами по себе. Но хотя они бежали от английской нетерпимости, это нисколько не мешало им создать в своей среде, по меньшей мере, такой же нетерпимый режим. Всякое отклонение от их пуританской ортодоксии влекло за собой беспощадной изгнание из колоний. В эпоху, когда каждая здоровая рука была желательна для укрепления дела колонизации, они неоднократно изгоняли из своей среды полезных тружеников только потому, что те не желали подчиняться политическому и религиозному ригоризму колониального правительства. Вследствие того им долго не удавалось добиться от метрополии колониальной привилегии для себя, хотя область, где поселились пуритане, лишь номинально принадлежала Англии, а в 1627 году она и от этого отделилась.

Лишь после нового аналогичного предприятия благодаря стечению счастливых обстоятельств были достигнуты более прочные политические условия. В 1628 году Карл I дал Обществу залива Массачусетса привилегию, в силу которой оно приобретало формальное право основывать колониальные поселения. Форма привилегированного общества была избрана лишь для того, чтобы удовлетворить ходячим мнениям; но, в сущности, здесь, как и в Новом Плимуте, речь шла о поисках убежища для «дис-сентеров», которых жестоко преследовали в Англии. Уже на следующий год последовало изменение организации в том смысле, что правящее Общество в Лондоне прекратило свое существование, и управление колонией перешло в руки колонистов. С тех же пор поселенцы сами избирали себе губернатора и его заместителя, а также, в помощь им, совет, в который каждая община избирала

182

двух депутатов. Колония с успехом отстаивала свои права перед обществом «Плимут». Правда, впоследствии Карл I попытался изменить конституцию ее в централистическом смысле, но он пал раньше, чем колонистам понадобилось открытое сопротивление королевской воле для защиты добытых собственными руками привилегий. При Кромвеле все пуританские общины Нового Света пользовались благосклонным покровительством. Только Карл II временно отменил привилегию для колоний Массачусетс, но и ему не удалось победить пассивное сопротивление колонии. Вильгельм Оранский восстановил ее во всех правах. После того она, уже в союзе со всеми американскими колониями, отстаивала свою независимость против новых притязаний правительства.

Религиозная нетерпимость, которая некогда привела пуритан в Новый Плимут и Бостон, продолжала действовать в их собственной среде в том же духе. В 1635 году совет Массачусетса изгнал уважаемого проповедника Роджера Уильямса только за то, что он нападал на частые компромиссы пуританской правоверности с политическими правами колонии и стоял за полную терпимость. Он бежал при содействии индейцев Наррагансета в Род-Айленд. К нему стали стекаться массы единомышленников как из соседних колоний, так и из Англии, и он основал новые поселения, политическое устройство которых, по примеру Массачусетса, всецело основывалось на принципе народного избрания; что же касается веры, то она признавалась частным делом, и перед законом все исповедания были равны. Наряду с неверотерпимыми соседними пуританскими колониями, Род-Айленду было трудно отстаивать свою независимость, тем более что для него не находилось места в союзе, образованном ими в 1643 году. Уильямсу удалось, однако, получить от Карла I грамоту для своей колонии и этим обеспечить ее от алчности недружелюбных соседей. Между тем частью из старых колоний, частью непосредственно из Англии образовался на побережье Новой Англии целый ряд мелких поселений - Нью-Гэмпшир,

183

основанный некогда английскими купцами под именем Лаконии, настолько ассимилировался с нетерпимым Массачусетсом, что в 1642 году по собственной инициативе присоединился к нему. Коннектикут также представлял чисто пуританскую колонию, которая организовалась по образцу Массачусетса, на вполне демократических началах. За исключением Нового Плимута, эти поселения развились поразительно быстро. С туземцами отношения были хорошие благодаря вообще мирной политике и заключенному в 1643 году союзу; от правительства метрополии они долгое время не требовали никакой защиты. Смуты английской революции и переменные торжества различных партий настолько отвлекали стоявших у кормила правления, что они охотно предоставляли колонии самим себе и даже с необычайным усердием покровительствовали эмиграции. Не только побежденные искали убежища в независимой атмосфере колоний, но и многие стремились за океан потому, что политические бури, потрясшие родину до основания, исключали всякую возможность спокойного прогресса и успешного развития. Правда, колониальная политика Кромвеля, которая наиболее рельефно воплотилась в так называемом навигационном акте, отчасти ограничивала свободу торговли колоний; но эти мероприятия соответствовали духу времени и, гласным образом, затрагивали лишь торговые сношения с Голландией. От Франции и особенно от Испании колонии чувствовали себя отделенными в силу тех же национальных и религиозных антипатий, как и на родине; чувство солидарности было еще настолько крепко, что ни у кого не возникало и мысли оказывать этим порядкам такое же сопротивление, каким колонии встречали и давали успешный отпор всякому вмешательству в их внутренние дела.

Внутреннее устройство всех этих колоний было совершенно одинаково. Торговля стояла вообще на втором плане: основным принципом жизни общин признавался труд. Силы не тратили ни на поиски благородных металлов, ни на меновую торговлю с туземцами, а тем более на покорение

184

ние их. Если не удавалось справиться с ними мирным путем, их оттесняли с помощью силы, но лишь настолько, насколько требовалось земли, чтобы обеспечить свое существование при содействии земледелия и скромного возделывания немногих продуктов. Рабство и обязательный труд допускались в такой же мере, как и в южных английских колониях; но для широкого применения их не имелось данных ни в естественных, ни в экономических условиях. Земледелие требовало труда настолько интенсивного, что немислимо было добиться его от подневольных работников, а климат столь же мало благоприятствовал жизни черных, как и возделыванию произведений, которые свободно произрастали в крупных землевладениях южных колоний. Но так как каждый в отдельности жил плодами собственного труда, то немногочисленные общины нуждались в сравнительно небольшой территории. Поэтому они медленно

расширялись в глубь страны и только впоследствии пришли в столкновение с обитателями се. Но, с другой стороны, они сильнее привязывались к земле, чем колонисты какой бы то ни было другой части Америки. Население их было не только гуще, но, в виду гораздо меньшей примеси посторонних элементов, несравненно однороднее, чем в других колониях. И так как поселенцы явились в Новый Свет почти все с женами и детьми, с твердым намерением остаться там и создать родину для своего потомства, то именно здесь раньше и сильнее всего развилось национальное чувство американцев, чему сильно способствовала и демократическая свобода конституций, возникавших в одной колонии за другой. Это привело уже в 1643 году к сознанию тесной солидарности колоний в отношении не только чужеземцев, но и собственной старой родины.

Голландцы

Первые, против кого обратилось пробуждавшееся национальное чувство американцев, были голландцы.

Внимание их береговым странам Северной Америки было

185

впервые обращено английскими моряками. В 1609 году Генри Гудзон, по их поручению, открыл реку, которая носит его имя. Хотя в то время о настоящей колонизации еще не было речи, тем не менее голландские корабли часто заходили в эту реку и в последующие годы и посещали остров Мангатта, расположенный у ее устья, в убеждении, что открытие Гудзона дало им право на этот остров. Эти претензии приняли более серьезный характер, когда Вест-Индская компания, основанная в 1621 году, получила в распоряжение для своей колонизаторской деятельности и область Гудзона. Прошло немного времени, и на острове Мангатта вместо временных хижин, в которых голландские купцы производили меновую торговлю с индейцами, появились прочные здания. А когда в 1626 году весь остров был куплен у индейцев за 60 голландских гульденов, то в Новом Амстердаме, наряду со многими зданиями, красовалась первая каменная церковь. Тем не менее господство голландцев не пустило крепких корней на Гудзоне. Этому было много причин. Прежде всего, Вест-Индская компания здесь, как и везде, преследовала гораздо больше интересы торговли, чем колонизации. Затем, чтобы лучше утилизировать свои владения, она совершила роковую ошибку, учредив феодальные баронства, существование которых являлось тормозом сильного строя колониальных граждан. Наконец, общество было несчастливо в выборе губернаторов. Оно уволило Петра Миннуита, который немало способствовал процветанию Нового Амстердама и, вследствие того, перешел на сторону шведов. Колония последних у Делавэра держалась лишь энергией и осторожностью Миннуита; но и присоединение шведской колониальной территории не могло придать голландскому поселению внутренней жизненной силы. Соседние новоангличане все больше и больше оспаривали у нее территорию, и в самых пределах голландской колонии из года в год брал перевес английский элемент. Когда в 1664 году четыре английских корабля появились перед Новым Амстердамом, губернатор, представленный Вест-Индской компа-

186

нией самому себе, был не в силах оказать сопротивление. Еще прежде чем пролита была хотя бы одна капля крови, он сдал неприятелю город и всю территорию Новых Нидерландов. В честь герцога Йоркского (впоследствии Иакова II) главный город был переименован в Нью-Йорк. Хотя здесь еще долго чувствовались следы неблагоприятных условий, созданных господством Вест-Индского общества, тем не менее Нью-Йорк с самого завоевания тесно примкнул к штатам Новой Англии. В 1673 и 1674 годах голландцам еще раз удалось на время овладеть городом, но по Вестминстерскому миру они вынуждены были навсегда отказаться от своих североамериканских владений, которые растворились в английском колониальном царстве.

Уильям Пени

Соседняя Пенсильвания также обязана своим происхождением религиозной нетерпимости, которая свирепствовала против квакеров не только в Англии, но, едва ли еще не хуже, и в пуританских штатах Новой Англии. В смысле церковной общины квакеры с их устранением всяких внешностей, с их неограниченной любовью к человеку представляют скорее нечто курьезное: их догматы почти исключительно состоят в отрицаниях. Но в социальном отношении основанный ими штат представляет интересный, хотя и не совсем удачный опыт. Других заставляло относиться к ним особенно враждебно вторжение учений квакеров в сферу политики, выражавшееся в нежелании присягать и поступать на военную службу. В Англии квакерские общины стали появляться с 1655 года. Само собой разумеется, что партия господствующей церкви преследовала их так же беспощадно, как она вообще стремилась изгонять или покорять инакомыслящих. В числе преследуемых бежали в Новую Англию и квакеры. Но им пришлось с горечью убедиться, что пуритане, вопреки всем прекрасным словам о равенстве и братстве, были к ним еще более нетерпимы,

187

чем приверженцы господствующей церкви. В Англии довольствовались заключением в тюрьму квакеров, отказывающихся присягать, в Бостоне их провозглашали нарушителями мира и секли, а четырех даже казнили.

Поэтому появление Уильяма Пенна, указавшего возможность основать собственное владение, было для них настоящим избавлением. Как сын английского адмирала Пени обладал состоянием и связями. Отец Пенна и многие другие считали его полуневменяемым чудачком за то, что он предпочел присоединиться к бедным и

преследуемым квакерам, вместо того чтобы поступить на службу утопавшего в роскоши двора Карла II. Но как квакер из высших и лучших кругов он обратил на себя внимание, без которого секте едва ли удалось бы добиться королевской санкции на основание самостоятельной области. На деньги, которые он отчасти внес сам, отчасти собрал при помощи своих друзей, Пени купил часть земель, отнятых англичанами у голландцев и подаренных герцогом Йоркским нескольким друзьям, как это часто делалось в расточительную эпоху Карла II. Коюния была названа Нью-Джерси. Пени набросал для нее проект конституции на квакерских началах и добился от Карла I* санкции, которая и была дана, отчасти из любопытства. Сам он пожелал назвать страну Сильванией, но король присовокупил к этому имя основателя (Пенн-Сильвания). Согласно данной привилегии, Пени, подобно прежним владельцам, пользовался в новой колонии правами феодального господства. Еще прежде чем он сам имел возможность прибыть в Америку, выселение туда квакеров стало принимать большие размеры. А когда он пожелал в 1683 году лично освятить Филадельфию (т. е. город братской любви), то в нескольких городах и деревнях Нью-Джерси и собственно в Пенсильвании находилось уже несколько тысяч его единоверцев. Свои феодальные права Пени употребил самым честным образом. Колония организовалась на тех же демократических началах, как и соседние колонии Новой Англии. Но тем не менее, несмотря на все противоречия с демократическими прин-

188

ципами квакерства, Пени не отказался от своих прав и даже стал серьезно домогаться восстановления их, когда Иаков II временно отнял у него эти права. **Chi** умер как «собственник» Пенсильвании, хотя, конечно, это владение не вознаградило его за все траты, понесенные им в интересах улучшения его. Пенсильвания долго сохраняла квакерский характер, хотя среди быстро возраставшего населения ее квакерский элемент отступал все более и более на задний план. Это обстоятельство действовало благотворно на развитие колонии в двух отношениях. Во-первых, Пени, следуя принципам своего вероучения, с первых же шагов стремился поддерживать дружеские отношения с туземцами. Правда, и в этом случае у них покупалась земля с целью обработки ее по европейскому способу, но прежние собственники не изгонялись с эгоистической строгостью, а, наоборот, с ними продолжали поддерживать патриархальную дружбу. И между тем как обитатели соседних колоний вели кровавые и жестокие войны с краснокожими, колонисты Пенсильвании долгое время нисколько не опасались их. И только когда дальнейшее развитие Пенсильвании стало все более и более привлекать другие элементы, которым миролюбивые и братские учения квакеров были не по вкусу, обнаружилось и в Пенсильвании нарушение доброго согласия между краснокожими и белыми. Переселение приверженцев иной веры рано дало себя почувствовать. Всеобщие любовь и терпимость, проповедуемые учением квакеров, делали для них невозможным запрещение селиться в колонии инакомыслящим. И так как даже в Новом Свете религиозная терпимость была мало распространена в других местах, то, естественно, всякие религиозные секты, теснимые в других колониях, искали убежища в Пенсильвании под охраной квакерской терпимости. Так, по инициативе самого Пенна, переселились сюда первые немецкие эмигранты: кальвинисты из Пфальца, пиетисты и мистики, а позднее многочисленные французские гугеноты. Все это были трудолюбивые и энергичные работники, которые

189

добивались лишь труда, не стесняемого религиозным и политическим гнетом. Они не ошиблись в расчете и, со своей стороны, немало способствовали тому, что развитие Пенсильвании пошло быстрее и сильнее по сравнению с большинством других колоний. Но вместе с тем они мало-помалу лишили колонию ее исключительно квакерского характера. В конце концов в провинции вообще сохранилась лишь широкая терпимость, направляемая дружеской рукой, в связи с известным политическим индифферентизмом, который объясняется у одних бесцветностью вероучения и отвращением к мирской суете, а у других — стремлением обходить все, что может нарушить беспрепятственное развитие материального благосостояния.

Мэриленд

Была еще одна колония, соперничавшая с Пенсильванией и, быть может, даже превосходившая ее в вопросе терпимости, — колония Мэриленд. Первое разрешение для основания этого поселения дано было еще в 1632 году лорду Балтимору, любимцу Карла I, который настолько разделял его католические симпатии, что перешел в римскую церковь. Но вместо того чтобы примкнуть к нетерпимости короля, он воспользовался преследованиями, которым сам подвергался из-за веры, и организовал колонию, дарованную ему дружественным королем, на началах абсолютной свободы вероисповеданий. Мэриленд — единственная из всех английских колоний, «владелец» которой не принадлежал к протестантской вере, хотя и здесь большинство колонистов признавали различные формы реформированной церкви. Но между тем как в штатах Новой Англии господствовала самая фанатическая нетерпимость пуритан, в то время как даже более веротерпимые южные штаты строго изгоняли всех папистов своей территории, Мэриленд принципиально открывал свои двери для всех религиозных мнений, и свободные учреждения колонии

190

от этого нисколько не страдали. Как и в большинстве других колоний, права собственников и здесь отступали все более и более на задний план перед неизбежными взаимопомощью и самоуправлением, которые, по примеру своих соседей, организовались на демократических началах. В Мэриленде пришлось, быть может, несколько дольше бороться с точкой зрения «собственника», чтобы заставить и его признать эту

организацию; но тем не менее цель была достигнута. В силу своего географического положения Мэриленд развивался в направлении плантаторского штата, но от системы крупного землевладения, как в Виргинии, эту колонию спас обильный прилив скромных элементов, а от ужасов рабовладения — миролюбивый дух, витавший в ней при самом основании. С туземцами также существовали дружеские отношения, и Мэриленд мог служить во всех отношениях примером разумной умеренности и мудрого правления.

Возникновение чувства солидарности

Различие происхождения, неодинаковость политического строя и, наконец, пространственная разьединенность долго служили препятствием как в Северной Америке, так и на испанском юге к созданию общей истории колоний. В эпоху своего развития отдельные провинции, почти все без исключения, ограничивались узкими береговыми полосами и, несмотря на соседство, все-таки были разьединены лесными пространствами. С увеличением народонаселения контрасты не только не исчезли, а наоборот обострились. Соприкосновение границ неоднократно было причиной продолжительных тяжб между отдельными колониями относительно права собственности. В Северной Америке общность интересов в истории отдельных поселений точно так же ограничивается отношениями с представителями других штатов, которые, правда, здесь были гораздо многочисленнее, чем на испанском юге.

191

Это обстоятельство, быть может, повлияло на то, что чувство солидарности гораздо сильнее развилось между английскими колониями по сравнению с испанскими. Носителями этой идеи с самого начала были штаты Новой Англии, и они сохранили за собой эту роль до новейшего времени. Мы уже упоминали о том, как эти штаты соединились в 1643 году, чтобы, с одной стороны, дать отпор внутренним врагам, а с другой — справиться с опасностями, вытекавшими из политических осложнений на родине. Уже в следующем году они пытались убедить южные колонии присоединиться к их союзу. Но это не могло осуществиться вследствие неодинаковости политических и экономических воззрений. И еще долгое время то, что можно было бы назвать общей историей английских колоний, сводилось лишь к истории штатов Новой Англии, тогда как южные колонии безучастно оставались в стороне. Завоевание Нового Амстердама и вытеснение голландцев было, конечно, прежде всего делом англичан метрополии. Последствием этого было не расширение колоний Новой Англии, но основание ряда новых штатов, которые в силу своего дальнейшего развития сами собой примкнули к ним. С того момента, когда все Атлантическое побережье от Мэна до Джорджии, не прерываясь чужими владениями, очутились в английских руках, чувство всеобщей связи оказало свое действие. В данном случае этого пожелало само правительство. Как Карл II, так и Иаков II сделали попытку устранить разнообразие колониальных условий и соединить их под одной центральной властью. Но из-за пассивного сопротивления колонистов дело не продвинулось далее первых шагов, когда революция 1688 года смела Стюартов с цент-ралистскими стремлениями, а Вильгельм и Мария снова подтвердили прежние конституции колоний.

Борьба с французскими колонистами

В эту эпоху начало все сильнее и сильнее обнаруживаться соперничество между английскими и французскими колонистами. Если это не случалось раньше, то глав-

192

ным образом благодаря различию экономических условий в колониях. Английские поселения существовали почти исключительно сельским хозяйством, и население их не настолько возросло, чтобы плодородная земля между побережьем и Аллеганскими горами не могла удовлетворять его в изобилии. У них не было, следовательно, особого интереса углубляться внутрь страны, и действительно, ими сделано сравнительно мало для исследования ее. Наоборот, французские поселения, которые почти исключительно жили торговлей мехами, нуждались для поддержания своего существования в обширной внутренней стране, которая всецело находилась бы в сфере их влияния. Всякое оживление в собственных колониях, всякое усиление интенсивности торговых оборотов заметно увеличивало потребность в территориальном расширении. Эта необходимость заставила их пройти весь материк от устьев реки Св. Лаврентия до дельты Миссисипи.

Первыми противниками их на этом пути были голландцы Нового Амстердама. Они также были скорее торговцами, чем земледельцами, и интересы их тем более сталкивались с интересами французов, что колонии их находились недалеко от последних и не были разделены никакими естественными преградами. Торговля мехами заключалась главным образом в меновой торговле с туземными охотничьими племенами. Поэтому торговая конкуренция необходимо повлекла за собой соперничество в поисках дружбы индейцев. И так как при Шампле-не случай сделал французов союзниками гуронов, то голландцы естественно примкнули к их противникам, ирокезам. Благодаря тому что голландцы снабжали ирокезов военным материалом гораздо щедрее и обильнее, чем это делали французы, по политическим соображениям, в отношении своих друзей, то ирокезы сделались не только страшными для всех индейцев, живших на пространстве между озерами, Аллеганскими горами и Миссисипи, но представляли постоянную опасность даже для европейских поселений, не находившихся в дружбе с союзом иро-

7 Так.571

193

кезов. С завоеванием Нового Амстердама англичане в одно и то же время приняли на себя наследство этой дружбы и вражды; голландский торговый дух надолго остался особенностью нью-йоркской колонии.

Поэтому англичане вскоре стали относиться столь же враждебно к французам, как и голландцы, и даже еще враждебнее, чем незначительная голландская колония. Первоначально борьба происходила только на меркантильной почве. По инициативе двух французоз, недовольных правительством Канады и поступивших на английскую службу, в 1670 году было основано общество Гудзонова залива, которое в течение известного времени было опасным соперником французской меховой торговли до Сагеней. Но пограничная война, которая долго велась в ничтожном масштабе, разлилась широко, когда Англия и Франция, столкнувшись в Европе, перенесли военные действия и в колонии.

В промежуток времени от 1688 до 1763 было не менее пяти подобных колониальных войн. Обыкновенно дело начиналось с того, что французы вместе с своими индейскими союзниками пробирались через лесистые болота к югу от реки Св. Лаврентия к пограничным деревням английских колонистов. Здесь им нетрудно было одерживать победы над беззащитными и жившими в одиночку фермерами, над которыми индейцы творили непристойную кровавую расправу. Новоангличане пробовали отвечать тем, что нападали на французские миссии и торговые стоянки, но они не могли приносить такого же вреда своим врагам, которые не были столь беззащитны, не говоря уже о том, что сами объекты нападения по ценности не могли равняться плантациям новоангличан. Кроме того, трудно было побудить к совместному энергичному действию различно мыслящих руководителей провинций, составлявших союз новоанглийских штатов. Колония Массачусетс, благодаря тому что столица ее, Бостон, была резиденцией ново-английского союзного собрания, приобрела гегемонию. Но она выражалась лишь в том, что иногда эта колония брала на себя иници-

194

ативу там, где не была уверена в согласии союзных колоний и не встречала поддержки с их стороны; но действительным авторитетом она не пользовалась ни сама по себе, ни как представительница союзного собрания. С другой стороны, Бостон все более и более становился пунктом, где собирались посылаемые из Англии боевые силы для разрешения колониальных распрей.

Для англичан не было, конечно, выгодным дробить свои военные силы в мелких стычках с лесными колонистами, к которым их войско не было подготовлено и которые даже при самом благоприятном исходе не приводили ни к какому решению. Им выгоднее было найти такой объект для нападения, где мог бы принимать участие военный флот, и без того служивший для перевозки войск. Подобным пунктом являлся полуостров, расположенный между рекой Св. Лаврентия и северной границей новоанглийских штатов; французы называли его Акадией, англичане — Новой Шотландией. Он был заселен в начале XVII века французами, однако уже спустя несколько десятков лет не только вошел в состав территории, дарованной сэру Уильяму Александру, но, вместе с тем, в первый раз был фактически занят англичанами. Тем не менее мирный договор, возвращавший французам завоеванный в то время Квебек, вернул им и обладание Акадией, где после продолжительного периода внутренних смут возник, наконец, ряд цветущих поселений; самым значительным из них был Порт-Рояль, главный город колониальной провинции. Однако новоангличане не переставали зорко следить за той страной и ждали лишь удобного случая, чтобы попытаться вновь завоевать ее. В 1654 году английский флот, отправленный для покорения Нового Амстердама, но вынужденный бездействовать вследствие быстрого заключения мирного договора, очутился неожиданно перед Акадией и без особого труда покорил ее. Лишь с восшествием на престол Карла II, в 1667 году, полуостров был возвращен французам. Во время войны за испанское наследство полуостров Акадия был в третий раз занят англичанами и фактически уступлен им по

195

Утрехтскому миру. Французы отступили после того к Кап-Бретон-Айленду и соорудили там форт Луисбург. Эта крепость приобрела такое значение, что новоангличане называли ее Северным Дюнкирхеном: подобно последнему, она сделалась исходным пунктом постоянного пиратства и набегов, а господствующее положение ее служило вечной угрозой для открытого побережья Новой Англии. В виду этого, когда в 1743 году вновь вспыхнула война, союзное собрание в Бостоне с радостью ухватилось за случай, дававший возможность завоевать этот пункт. Английские пленные, бежавшие оттуда, рассказывали, что там важные посты плохо защищены и еще хуже снабжены провиантом и что, кроме того, множество находившихся там пленных обещали в решительную минуту перейти на сторону нападавших. В апреле 1745 года было отправлено небольшое войско для покорения Луисбурга, которое, несмотря на свое численное превосходство, все-таки едва ли могло сравниться в отношении военных качеств с французским гарнизоном. Но целый ряд счастливых обстоятельств настолько помог ему, что французы отчаялись в возможности удержать за собой крепость и поэтому вступили в переговоры и капитулировали, выговорив себе право свободного отступления. Когда на следующий год французы попытались отбить крепость обратно, случай во второй раз оказался на стороне англичан. Флот, предназначенный для этой цели, сильно пострадав от бури, попал в руки англичан. Тем не менее война еще раз окончилась без всяких выгод для колонии. Во время мирных переговоров в Ахене английское правительство возвратило французам крепость, приобретенную деньгами и кровью колонистов, взамен вознаграждения, которое ему самому казалось очень важным, но колонистами не было ни понято, ни оценено.

Война против французоз, поскольку в ней вообще участвовали колонии, была до тех пор ведена исключительно новоанглийскими поселениями. Южные штаты относились совершенно безучастно к борьбе их северных соплеменников, и никакие призывы к национально-

му чувству не в состоянии были пробудить их из апатического покоя. Даже сознание, что поступательное движение французов в долинах Огайо и его притоков грозит совершенно отрезать от них внутреннюю страну, расположенную по ту сторону Аллеганских гор, едва ли в состоянии было подвинуть их к деятельности. И только возрастающая враждебность и дерзость соседних индейских племен, находившаяся в связи с приближением французского влияния, заставила их подумать о собственных интересах. Англичане, впрочем, никогда не умели долго сохранять дружественные отношения с туземцами. Даже на крайнем севере, где голландцы завещали им ценную дружбу с могущественным союзом ирокезов, им не удалось надолго сохранить приверженность этих страшных воинов. Французы, пользуясь перемирием, умели добиться мирных договоров с этими злейшими из всех своих врагов и в последней решительной битве достигли, по крайней мере, того, что ирокезы уже не все сражались на стороне англичан. Накануне окончательного поражения, которое навсегда уничтожило их колониальное царство, они не могли, конечно, воспользоваться этими постепенными успехами в расположении к ним туземцев. Но англичане еще долго после эпохи войны за независимость тяжело ощущали эту вражду к ним индейцев, которую систематически сеяли французы.

Ахенский мир 1748 года оставил в колониях еще больше материала для брожения, нежели в Европе, и дело дошло до открытого столкновения еще раньше, чем в Европе возобновились военные столкновения. В области истоков Огайо английские колонисты столкнулись с французскими отрядами, и опасность показалась англичанам настолько серьезной, что они выслали своих милиционеров на помощь скваттерам. В 1754 году в дело вмешалось и союзное собрание. Пенсильвания и Виргиния, которым также грозила опасность со стороны французов, были приглашены к обсуждению вопроса о том, какими средствами можно было бы устранить ее. Правительства Англии и Франции, в свою очередь, признавали

положение дел в Америке серьезным. И хотя они избегали дипломатических объяснений, но втихомолку оба готовились возобновить борьбу за колониальные границы. Но так как оба подозрительно наблюдали друг за другом, то для французов не было тайной, что англичане отправили войска в Виргинию, а для англичан, что французы усиливали гарнизоны в своих канадских укреплениях. Случай дал толчок к началу враждебных действий. Английские корабли встретили на мелях Ньюфаундленда два французских транспортных судна, во время тумана отставших от своего флота, и захватили их. На это канадцы ответили угрозами и репрессиями, и борьба в Америке, таким образом, снова вспыхнула без объявления войны. На море с самого начала победа было решительно на стороне англичан; но на суше в первые годы войны превосходство оказалось безусловно на стороне французов, хотя на этот раз английское правительство не полагалось на союзное собрание Новой Англии, а с первой минуты вело войну по определенному плану. Решено было сразу напасть на важнейшие опорные пункты французских владений, завоевать их и разрушить. Однако выполнить эту задачу было нелегко, имея неспособных предводителей во главе при отсутствии путей сообщения и этапов. Совершить поход в лесах Аллеганских гор или по болотам области озера Шамплен было не то, что вести войну на полях битв Старого Света. Генерал Старой Англии должен был обладать необычайным талантом, чтобы ориентироваться в этих совершенно измененных условиях. Этим объясняется, почему первые действия против французских портов в долине Огайо и в области озера Шамплен были или вовсе неудачны, или привели лишь к ничтожным и временным успехам.

Во всяком случае, война в лесах не могла привести к решительному результату. Она имела целью лишь подготовить нападение на пункты, служившие ключом к французским колониальным владениям: на форт Ниагару, который господствовал над сообщением между Канадой и Луизианой, на Монреаль, заграждавший верховья

реки Св. Лаврентия и путь к Гуронскому озеру, и на Квебек, сердце французской колонии и ворота к отношениям с метрополией. В первые три года англичане терпели почти одни поражения, и только в 1758 году они несколько приблизились к осуществлению планов своего похода. Форт Луисбург, который они так легкомысленно вернули французам в 1748 году, был вторично взят Амгер-стом и Вольфом после 7-недельной осады. Затем в руки англичан перешел ключ к крепости Монреаля, форт Фронтенак, расположенный у выхода реки Св. Лаврентия из озера Эри. Захват этого форта чрезвычайно затруднил связь с укреплениями в долинах Огайо и Миссисипи. Но французское оружие все еще имело перевес в области истоков Гудзона, где границы штатов Новой Англии были наиболее уязвимы. Лишь на следующий год англичане пожали лавры и на этом театре военных действий. При Тикондероге у озера Шамплена Амгерст одержал новую победу, которая заставила французов уступить фланг Монреаля. Одновременно с этим занятие фортов Ниагары и Кревкер совершенно отрезало от сообщения с Канадой область к югу от больших озер. Таким образом, к следующему году было обеспечено осуществление плана концентрического нападения, составленного английским правительством.

Когда были достигнуты эти результаты, время года не позволяло уже предпринять что-либо серьезное для окончательного покорения Канады. Тем не менее в самые последние недели перед установлением суровой канадской зимы случилось событие, которое имело решающее значение для судьбы страны. С половины июля 1759 года перед Квебеком находились английские военные силы под предводительством генерала Вольфа. Они выступили в сопровождении большого флота с целью проникнуть со стороны низовьев реки

Св. Лаврентия к центру Новой Франции и, по возможности, овладеть Квебеком. В течение многих недель битвы под самой столицей шли с переменным успехом, и ни одной из сражавшихся сторон не удавалось достигнуть решительного результата. Анг-

199

личане бомбардировали ниже лежащие части города Квебека и затрудняли снабжение провиантом его и войска, сосредоточенного ближе к востоку от него в укрепленном лагере под предводительством генерала Монкаль-ма. Англичане не могли стать твердой ногой на северном берегу реки, а французам не удавалось вытеснить их с южного берега. Приближение зимы наполняло французов радостной надеждой, что близко время, когда наступит конец их лишениям и страданиям. Но в то же время английский генерал пришел к убеждению, что необходимо решить дело теперь же или отступить, что по своим последствиям было равносильно тяжелому поражению. Так как у французов выше Квебека стояло на реке еще несколько кораблей, и северный ее берег к западу от города был почти недоступен, то нападение и защита сосредоточились на полях непосредственно ниже Квебека. Тогда англичане построили последний план на том, чтобы получить возможность пристать выше города, занять возвышенность, на восточной оконечности которой, образуемой рекой Св. Лаврентия и рекой Шарля, расположен город Квебек, и таким образом занять позицию, господствующую над французской армией. Движение войск по южному берегу в западном направлении не могло ускользнуть от генерала Монкальма. Опасения его еще больше усилились, когда часть английского флота форсировала проход под выстрелами из пушек Квебека и стала на якорь в нескольких милях выше города. Тогда он отправил часть своих войск вверх по реке; но они должны были остановиться, так как северный берег вблизи города считался недоступным, а флот ушел далеко вверх на значительное расстояние от города. На этом Вольф основал свой план нападения. Он открыл место приблизительно на середине между городом и западным крылом французов, где подъем казался ему осуществимым. В ночь с 12 на 13 сентября он заставил избранный отряд с флота пробраться вниз по реке на лодках. Так как французы часто получали ночные транспорты провианта по воде из Монреаля, то ему удалось обмануть первые посты. Ког-

200

да французы узнали свою ошибку, десантный отряд англичан был уже настолько значителен, что мог отбросить неприятельские пикеты и врезаться клином между западным крылом и главной армией французов. К несчастью, командовавший крылом все еще не понимал значения английской атаки; он полагал, что это одна из обычных стычек, и оставался бездеятельным. Таким образом, Вольфу удалось сосредоточить свои войска на возвышенности Авраама. У них оставалось еще несколько часов для отдыха и приготовления к битве, прежде чем Монкальм подошел из лагеря, лежавшего ниже города, и открыл сражение. Несмотря на удавшееся нападение врасплох, положение англичан все еще было чрезвычайно опасно. Правда, французские войска были недостаточно обучены и притом дезорганизованы вследствие продолжительных лишений; но на их стороне имелось значительное превосходство сил, и даже в случае поражения им представлялась возможность отступления и сосредоточения отрядов под стенами города. Для англичан, наоборот, поражение было бы равносильно не только уничтожению лучших войск, избранных для десанта, но, вместе с тем, потере всех вообще результатов победы и, быть может, даже всего флота и остатков операционных войск. Вольф сумел разъяснить это не только подвластным ему начальникам, но почти каждому солдату в отдельности. Он отдал приказ брать врага в лежачем положении и позволить подойти настолько близко, чтобы каждый был уверен в своем выстреле. И только тогда, когда залпы на самом близком расстоянии произведут смятение в колоннах атакующих французов, англичане должны ударить в штыки. Для Монкальма не оставалось выбора: он должен был наступать, так как с каждым часом могли прибыть новые войска к англичанам, и тогда чаша весов склонится не в его пользу. Однако его милиционеры, подкрепляемые лишь небольшим числом регулярных войск, не были в силах выдержать разрушительного огня английских фузилеров. Сражение длилось лишь несколько минут, после чего французы обратились

201

Бенджамин Франклин

Джордж Вашингтон

в бегство и достигли в больших потерях лагерь по ту сторону реки Св. Шарля. Генерал Монкальм и большая часть французских высших офицеров пали или были тяжело ранены. Квебек был оставлен на произвол судьбы; расстроенные остатки войска отступили к Монреалю, и туда же стянулось западное крыло, не участвовавшее в сражении. Но и английский вождь не пережил своей победы. Когда генерал Вольф во главе одного из английских полков бросился на колеблющиеся колонны неприятеля, в него попал ряд выстрелов, которые смертельно ранили его. Он умер еще до окончания битвы; но все-таки, умирая, он слышал восторженные клики своих соотечественников. Тем не менее англичане не могли продолжать победоносного движения. Они были слишком слабы и плохо обеспечены со стороны сообщений, для того чтобы рискнуть слишком удалиться от флота. Несмотря, однако, на то, что остатки французского войска могли беспрепятственно отступить к Монреалю, победный приз, Квебек, достался англичанам без дальнейшего кровопролития. Измученный голодом, наполовину испепеленный город капитулировал спустя несколько дней. С падением главного города судьба страны была решена. Впрочем, еще до полного наступления зимы Квебеку пришлось отбить нападение французов, а на следующий год даже выдержать опасную, хотя и непродолжительную осаду. Но вырвать его у англичан французы уже не могли. Наоборот, с наступлением благоприятного времени года англичане приступили к взятию последней твердыни, над которой еще развевались французские лилии. Совершенно отрезанный от сообщения с родиной и теснимый двумя численно превосходящими английскими отрядами, которые почти одновременно появились в виду города, оперируя выше и ниже по реке Св. Лаврентия, Монреаль не был в состоянии оказать серьезное сопротивление. Губернатор сдал город без боя, чтобы избежать бесполезного кровопролития. Быть может, он надеялся, что дипломатические переговоры и события на дру-

203

гих театрах военных действий еще раз вернут Франции то, чего она не могла отстоять силой оружия. Но роль Франции в Америке была сыграна. По парижскому миру, Людовик XV навсегда отказался в пользу Англии от канадских владений и признал Миссисипи границей между Луизианой и английскими владениями.

Но Франция не могла удержать и Луизиану. Испания в течение ряда лет уныло и бездеятельно глядела на мировой пожар, в котором развернулись страсти всех евро-пейских держав. Наконец 15 августа 1761 года Карл III заключил с Людовиком XV знаменитый бурбонский семейный договор, в силу которого Испания, все еще жившая воспоминаниями о своем гордом прошлом, окончательно утратила положение среди

европейских государств. Враждебные отношения, вспыхнувшие вследствие этого между Англией и Испанией, обнаружились раньше всего на Антильских островах. Британский флот овладел городом Гаваной и покорил почти весь остров Кубу. На флоридской границе не происходило серьезных действий; но после завоевания соседней Кубы слабые испанские гарнизоны Сан-Агустина и Пенсаколы были взяты почти без боя. Во время мирных переговоров Англия была готова возвратить испанцам Кубу с тем, чтобы ими была очищена и уступлена Флорида. Карл III, покинутый Францией, был рад уже тому, что получил Западную Луизиану взамен того, что он вынужден был уступить англичанам к востоку от Миссисипи. По парижскому миру, французское господство исчезло из пределов Северной Америки, которая была разделена между Англией и Испанией. Миссисипи, великая река, исследование которой почти всецело было делом французов, сделалась на будущее время границей между обеими нациями, принявшими французское наследство.

Войны Севера за независимость

ОЧЕРК СОБЫТИЙ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ ОСВОБОЖДЕНИЮ

Освобождение Соединенных Штатов от Англии в самых различных отношениях тесно связано с завершением войны, которая подчинила всю Северную Америку до Миссисипи английскому скипетру. Правовое положение старых колоний по отношению к метрополии было такое же, как и в испанских колониях: они являлись не столько составной частью английского государства, сколько исключительно королевскими владениями. Для Англии это обстоятельство имело совершенно особое последствие: важные ограничения, которые парламент постепенно накладывал на абсолютную власть монарха в метрополии, не распространялись на колонии. Каждый раз, когда английский парламент пытался вмешиваться в дела колоний, ему разрешалось касаться лишь внешней торговли и говорить от имени колоний, отстаивая их интересы в отношениях с чужими нациями. Но в делах внутреннего управления каждая отдельная провинция требовала, чтобы посредником между монархом и ее подданными являлось вместо парламента ее собственное законодательное собрание. В особенности они стояли на том, чтобы право утверждения налогов и расходов принадлежало исключительно этим провинциальным собраниям. Старые провинции, в которых население состояло главным образом из англичан, которые бежали от религиозной нетерпимости на родине и жизнь и благосостояние которых создавалось собственными силами, почти без всякого содействия центральной власти, смотрели на это

205

как на свое историческое право. Отменить это право было нелегко, хотя оно и не вполне согласовывалось с развитием взглядов на задачи государственной власти.

Но какова должна была быть организация тех обширных территорий, которые, находясь в соседстве со старыми колониальными провинциями и отчасти в совершенно аналогичных естественных условиях, попали теперь в руки англичан в силу парижского мира? Война велась не королем, но английским правительством, министерством и парламентом, и именно эти факторы заключили выгодный мирный договор. Правда, колонии сами принимали участие в войне, и некоторые провинции, как, например, Массачусетс, действовали также по собственной инициативе и посылали военные силы. Но в той мере, в какой в этом участвовало английское правительство, расходы покрывало оно, а не колониальное правительство. После заключения мира Массачусетс частью получил, частью должен был получить значительные суммы от Англии за свое деятельное участие в победе над французами.

Не подлежало никакому сомнению, что подчинение соседних французских колоний власти косвенным образом должно было доставить весьма существенные выгоды старейшим английским колониальным провинциям; но было ясно, что метрополия нисколько не будет расположена предоставить им вновь завоеванную страну. Против того, что английское правительство образовало из Канады и Флориды ряд новых колониальных провинций, высшая власть над которыми принадлежала уже не королю, а министерству и парламенту, воплощавших в себе английское государство, едва ли кто в старых колониях мог возражать, но относительно области, которая находилась между Аллеганскими горами и Миссисипи, столкновение интересов приняло более серьезный характер. Колонии никогда не признавали французских притязаний на эти области и иногда даже весьма серьезно оспаривали их. Объявив теперь водораздел на Аллеганских горах границей старых колоний и присвоив себе всю тер-

206

риторию к западу от нее до Миссисипи, правительство создало поводы к разногласию. В первое время последствия этого не чувствовались, пока ни английское, ни колониальное правительства не могли вытеснить французские гарнизоны из фортов, выдвинутых к Аллеганской границе, и, следовательно, вступить фактически во владение спорной областью.

Вначале плантаторы и скваттеры Виргинии и Пенсильвании мало интересовались тем, как государство провело границы колониальных территорий. Так как держава, до сих пор тормозившая поступательное движение их в плодородные пространства озера Огайо, уступила все свои права и притязания Англии, гражданами которой они считали и себя, то они охотно вступили в обладание землями, создавали на них новые очаги на границах цивилизации с большим или меньшим соблюдением правовых форм и мало интересовались вопросом, кому они будут подчинены на этой новой земле, — английскому парламенту или колониальному собранию своей провинции. После заключения мира началось сильное переселенческое движение на запад, и непосредственным последствием его была новая война с индейцами.

Перемена политического положения в Северной Америке, созданная Парижским миром, была особенно невыгодна для индейцев. При господстве французов они чувствовали себя хорошо в двояком отношении, так как французские колонии, в которых обработка земли играла совершенно побочную роль, нуждались в них, с одной стороны, для обмена съестных припасов и предметов торговли, а с другой — для того чтобы, при содействии туземцев, бороться с преобладающей конкуренцией английских поселений. Французы не только не теснили их, но часто брали под свое покровительство и позволяли им селиться в непосредственном соседстве французских пограничных фортов. Наоборот, английские поселенцы, проникшие теперь в эту область, обнаружили все бессердечие английской расы в отношении индейцев. И столкновение, которое вскоре вспыхнуло, было вызвано скорее

207

колонистами, чем туземцами. Конечно, и последние были не совсем правы. В течение ряда поколений у них сложилось представление о безграничном могуществе их отца-покровителя, отдаленного французского короля. Возможно даже, что среди канадских поселенцев и французских меховых торговцев, имевших самые тесные отношения с индейцами, были и такие, которые искренне верили, что настоящее состояние только временное. По крайней мере, индейцам часто внушали уверенность, что великий король только уснул, и когда он проснется, то наверняка вспомнит о своих детях в дальней пустыне и освободит их от тяжелого гнета чужеземцев.

Брожение, широко распространявшееся при таких условиях, приняло характер, грозный для англичан, когда один решительный и проникательный предводитель индейцев сделал попытку воспользоваться положением вещей и вызвать всеобщее восстание среди своих соплеменников, которое дало бы ему громкую славу и власть. Предводитель оттавов по имени Понтиак играл во время французского господства известную роль как представитель сильного племени. После поражения французов он также заключил мир с англичанами. Когда расчеты его на прежнее уважение и почесть оказались обманутыми, он решил отомстить англичанам. При помощи гонцов он сумел склонить к заговору против англичан индейские племена запада от озер до Миссисипи. Было условлено, что он лично подаст сигнал к всеобщему восстанию внезапным нападением на форт Детруа между озерами Гуроном и Эри. После этого индейцы действительно взяли штурмом ряд английских постов, разрушение которых сопровождалось обычными жестокостями. Но атака самого Понтиака не удалась, и он в течение месяцев осаждал форт Детруа без результата, что парализовало движение. Восстание совершенно стихло, — когда английский отряд, выступивший для освобождения форта Эри в Пенсильвании, также осажденного, одержал решительную победу над индейцами при Буши-Рене. На следующий год Понтиак обратился далее на запад и постарался воз-

208

будить к борьбе туземцев Иллинойса и Миссисипи. Насколько он был опасным противником, доказывают его усилия возбудить против англичан французские гарнизоны, которые во многих местах еще не были удалены. Когда и это не удалось, и английские войска снова преследовали его по пятам, Понтиак отказался от своих военных планов, как это сделали уже раньше большинство начальников, участвовавших в заговоре. Война показала, как важно было для колоний обеспечение запада. Но, по расчетам, для этого требовалось содержать в североамериканских колониях около 20 тысяч войска. Обязана ли была Англия приносить такую жертву и содержать такую армию, которая, в сущности, была нужна одним колониям?

Неудивительно, что колониальные собрания считали это естественным; но даже в английском парламенте значительная партия высказалась в том же смысле. Она рассуждала так: для того, чтобы правильно взвесить соотношение между жертвами, которых требовали колонии от метрополии, и выгодами, которые они доставляли ей, необходимо принять во внимание не только доход с пошлин, налагаемых на торговлю между Англией и Америкой, но и то обстоятельство, что вся английская промышленность обязана своим цветущим состоянием исключительно колониям. При помощи запретительных мер в колониях было подавлено развитие всех отраслей промышленности, которые могли серьезно конкурировать с метрополией. Вследствие этого колонии были вынуждены постоянно получать материи для платья, шляпы, машины по сравнительно высоким ценам из Англии, хотя они могли прекрасно сами изготавливать эти предметы или, по крайней мере, получать их гораздо дешевле при условии свободной торговли. С другой стороны, колонии были обязаны продавать свои продукты исключительно в Англию, что значительно понижало цены их сравнительно с господствовавшими на мировом рынке. Возможность дешево получать сырые продукты из колоний облегчала Англии конкуренцию с промышленностью других стран и доставляла ей гро-

209

матные выгоды. Ввиду такого положения вещей было бы несправедливо налагать на колонии бремя, которое вы-, пало на долю государства отнюдь не по вине колоний. Правительство метрополии ничего не сделало для колоний, которые собственными силами стали на твердую ногу и немало содействовали цветущему положению Англии.

Так высказывались выдающиеся государственные люди Англии, и это обстоятельство, конечно, сильно способствовало тому, что колонии упорнее отстаивали свои взгляды. В парламенте партия вигов неоднократно грозила противникам перспективой, что их меры могут лишь популяризировать в колониях мысль об отделении от Англии. Тем не менее агитация, в которой виги столько же защищали интересы своей партии, сколько интересы колоний, значительно способствовала тому, чтобы получился результат, который оппозиция думала предупредить. Наконец, противная конституции форма, в которой различные

министерства Георга III вели борьбу против колоний, вызывая сильный отпор со стороны последних. Но все-таки это сопротивление не сделалось бы стойким к всеобщим, если бы борьба в парламенте не убедила американцев, что в самой Англии есть могущественная партия, которая разделяет их взгляды и признает за ними право защищать свои требования с оружием в руках. Провозглашение независимости Соединенных Штатов было вызвано в несравненно большей мере борьбой за интересы, чем борьбой за право.

Разногласия между отдельными колониями и лондонским правительством обнаружились еще во время войны с Францией и повели к тому, что провинции, наиболее заинтересованные и этом, отправили посредников в резиденцию правительства. Так, Бенджамин Франклин прибыл в Лондон от имени Пенсильванского собрания главным образом с целью искать защиты парламента против злоупотреблений короны; точно так же ко двору прибыли агенты Массачусетса и Коннектикута. Они были свидетелями того, как подготавливалась борьба за государственную

210

власть между короной и парламентом и как обе партии ждали только заключения мира, чтобы ввести, каждая со своей точки зрения, более строгое управление в колониях. Благодаря отсутствию выработанных правил в прошлом и особенным условиям, созданным межколониальными войнами, быстро следовавшими одна за другой, законы о мореходстве и торговых отношениях с внеанглийскими областями были в пренебрежении. Колонии извлекали значительные выгоды из незаконной торговли с испанскими поселениями, и Англия при этом несла чувствительные потери из-за недобора пошлин. Это был первый пункт, в который новое правительство решило вмешаться. Мероприятия с целью Ограничения торговли колоний и с колониями были вновь усилены, и у всех важных пунктов берега поставлены таможенные стационары с предоставлением им права задерживать и обыскивать всякое подозрительное судно.

Чиновникам колоний было предписано во всех отношениях помогать таможенному дозору, где бы ни предоставлялась в этом надобность. Аналогичный приказ был отдан войску, расположенному в различных городах побережья. Но в то же время на службу таможенного управления были привлечены военные суда, которым обещаны значительные вознаграждения. Ни одна из колоний не была в такой мере заинтересована в торговле вообще и в незаконной торговле в особенности, как Массачусетс. Здесь оппозиция впервые подняла голову, чтобы грозно протестовать против нарушения интересов провинции и прав ее граждан. До этого момента мероприятия правительства, хотя и были стеснительны и неудобны, но в сущности не заключали в себе ничего противозаконного. Если бы правительство на этом остановилось, то бостонские купцы, главные зачинщики протестов, едва ли встретили бы поддержку в других колониях. Но дело в том, что восстановление старых запретительных законов являлось лишь прелюдией того, что правительство замышляло против колоний.

Война в Францией наложила на Англию тяжелое бремя долгов. А правительству приходилось, кроме того, вер-

211

нуть колониям значительные суммы за военные издержки и принять на себя содержание армии. Эта последняя, конечно, была прежде всего настоятельно необходима для поддержания авторитета самого правительства, но главное официальное назначение ее объяснялось необходимостью защиты колоний. Министерство было того мнения, что вовлечение заокеанских провинций в расходы на покрытие этих потребностей будет лишь делом справедливости. Для достижения этой цели предоставлялись различные пути. Самым правильным было бы, конечно, если бы правительство покрыло расходы на дело завоевания из доставшейся ему добычи, провинций Канады, Луизианы и Флориды. В этих областях приходилось и еще необходимо было создавать государственное управление. В том, что дела их подлежали ведению парламента, не могло быть сомнения. Но подобный акт повлек за собой необходимость перемены правового положения и в старых колониях, а правительство именно этого и желало избежать. К тому же экономическое развитие названных стран еще стояло на такой низкой ступени, что потребовалось бы много времени, прежде чем они были бы в состоянии удовлетворять финансовым требованиям. Другое средство было бы осуществимо в том случае, если бы правительство могло решиться вступить в переговоры с каждой колониальной провинцией в отдельности относительно причитающейся на ее долю суммы. Каждый раз, когда правительство обращалось с таким запросом к одному из колониальных собраний, последнее охотно шло навстречу и часто ассигновало даже больше, чем требовалось. Но этот путь ставил правительство в противоречие с его собственной программой: он как бы косвенно признавал за колониями право санкционировать лишь те расходы, которые будут утверждены представительными органами их. Таким образом, оставалось лишь два пути: повысить внешние пошлины, установление которых колонии всегда считали задачей метрополии, и притом настолько, чтобы они покрывали расходы, или же добиться от парламента введения новых налогов и затем навязать их колониям.

212

Этот последний выход казался правительству наиболее желательным, так как в действительности цели его не ограничивались ближайшей задачей выпутаться из временных финансовых затруднений при содействии колоний. У него был более широкий план: поставить колонии в более строгую и непосредственную зависимость от метрополии так, чтобы в конце концов можно было совсем устранить конституции отдельных провинций и ввести общую для всех колоний централистическую организацию. Министерство, к которому принадлежали граф Грен-виль, как глава, и Ричард Джексон, как канцлер казначейства, внесло в феврале 1765 года в английский парламент предложение распространить гербовый сбор на колонии, и этим

путем создать средства на содержание колониальной армии и уплату жалованья правительственным! чиновникам в колониях. Метрополия избавилась бы, таким образом, от расходов на армию, а чиновники, не получая более жалованья от колониальных собраний, почувствовали бы себя совершенно независимыми и могли бы решительнее поддерживать правительство. Этот план возник и был рассмотрен еще в 1754 году, но был взят обратно ввиду единодушного отпора колоний. На этот раз предложение, после коротких дебатов, прошло в нижней палате подавляющим большинством, а вслед за тем было принято без возражений палатой лордов. 1 ноября 1765 года гербовый налог должен был вступить в силу в колониях. Еще раньше, чем сделалось известным постановление парламента, приняты были меры против возможных случайностей. Правительство поручило командующему английскими войсками в Бостоне потребовать от провинции средств на содержание военных сил. Это обстоятельство дало толчок к первым революционным движениям в Массачусетсе, торговля которого сильно страдала от ограничительных мер. Мысль более тесного сплочения колоний была обстоятельно рассмотрена уже в 1754 году на собрании делегатов в Альбани. Уже тогда Бенджамин Франклин выступил с проектом общей кон-

213

ституции для североамериканских колониальных владений и в резких выражениях нападал на централистические планы, чем, быть может, повредил делу единства. Тем не менее мысль о соединении всех колоний для общего дела и для соглашения всех необходимых мер в виду этой цели понемногу пускала корни во всех колониях. Когда Массачусетс первый очутился в опасности, наиболее выдающиеся члены его законодательного собрания образовали комитет, который должен был вступить в отношения с другими колониями и отстаивать затронутые извне его права. Первым плодом их деятельности была брошюра о правах колоний, вызвавшая сенсацию и в Англии. Автор ее, Джеймс Отис, энергично доказывал, что колонии обязаны повиноваться лишь тем распоряжениям правительства, которые издаются и вводятся с представительными собраниями. Уже в этом сочинении стрелы были направлены против билля о гербовом сборе, который в то время еще только подготавливался. С принятием его протест охватил все колонии. До этого времени повышение пошлин и стеснение торговли касалось по преимуществу купцов немногочисленных торговых городов, большей частью, расположенных в Новой Англии; главная масса колонистов, поддерживавших свое существование земледельческим трудом, относилась к ним сравнительно безучастно. Гербовый налог затронул всех обитателей колониальных провинций и тотчас соединил воедино эгарно-аристократическую Виргинию с меркантильно-демократическим Массачусетсом. По приглашению этих двух колоний осенью того же года состоялся конгресс в Нью-Йорке, на котором присутствовали депутаты девяти провинций и составлен был план совместных действий против ненавистного закона. На первое время получились, правда, довольно скромные результаты. Петиции на имя короля и обеих палат парламента, составленные с общего согласия, заключали в себе протест колоний против права парламента облагать их налогами и против пошлин, но они были одобрены лишь представителями шести колоний.

214

Даже президент собрания не решился дать свою ответственную подпись. Главное значение конгресса состояло в том, что он положил начало привычке обсуждения общих колониальных дел. Организация сопротивления была пока предоставлена отдельным провинциям. 1 ноября вызвало прежде всего бурные сцены в Бостоне. Лица, которые взяли на себя управление гербовым сбором, подвергнуты были сожжению *in effigie* вместе с ненавистными членами министерства. Затем чернь разрушила не только дом главного сборщика пошлин, но и целый ряд других правительственных зданий. Но эти эксцессы не находили сочувствия у лучших элементов общества и не принесли делу никакой пользы. Колониальное собрание вынуждено было даже, хотя и с некоторыми оговорками, взять на себя возмещение причиненных убытков. Несравненно серьезнее по последствиям и действительнее было решение, исходившее из Нью-Йорка и вскоре одобренное в самых широких кругах колоний, — не выписывать никаких английских товаров и вообще воздержаться от каких бы то ни было торговых отношений с метрополией, пока не будет отменен акт о гербовом сборе. Это решение имело и потому еще особое значение, что в то же время послужило толчком к мощному развитию местной промышленности. В разгоревшейся борьбе эта последняя сломила преграды, поставленные ей законами метрополии, и начала отвоевывать у английских фабрик рынок, которого они не в состоянии были вернуть даже после восстановления прежних условий. Акт о гербовом сборе превратился в пустой звук, так как не только адвокаты, но даже суды прекратили свою деятельность, чтобы не употреблять гербовой бумаги. Старались по возможности решать все дела устно; даже браки заключались только в церкви. При этом всякая гербовая бумага, которую удавалось достать, сжигалась, и значение актов, написанных на такой бумаге, оспаривалось.

Но из всех шагов, направленных против акта о гербовых сборах, оказался действительным только тот, кото-

215

рый уничтожал торговые отношения с Англией. Последствия его не замедлили обнаружиться, так как американцы не только не обращались более с заказами на английские фабрики, но и перестали платить долги английским кредиторам. Ввиду этого могущественное сословие английского купечества, в интересах которого до этого времени почти исключительно велось совокупное колониальное управление, начало агитировать в пользу отмены акта о гербовых пошлинах. На помощь их стремлениям пришла перемена министерства. В феврале 1767 года парламент отменил закон, после двухлетнего существования его, после того, как Питт произнес памятную речь в пользу колоний, а Франклин, явившийся в парламент в качестве

представителя колоний, обстоятельно изложил положение вещей. Был момент, когда казалось, будто между метрополией и колониями восстановились добрые отношения. Отмена акта о гербовых сборах была отпразднована в лондонском Сити не менее шумно, чем в Бостоне или Филадельфии. Но зародившееся недовольство продолжало развиваться. Одновременно с отменой акта о гербовых сборах правительство провело через обе палаты декларацию, в которой категорически заявляло, что королю принадлежит безусловное право издавать вместе с парламентом законы, обязательные и для колоний. Это был ответ на записку Бостонского комитета, которую парламент отказался даже принять к сведению. Несмотря на это, делегация вторично обратилась ко всем колониям с воззванием, в форме открытого письма, о принятии мер против угрожавшей всем опасности. Тогда правительство через губернаторов во всех провинциях объявило этот поступок актом возмущения и потребовало от законодательного собрания Массачусетса, примкнувшего к постановлению комитета, чтобы оно тотчас взяло назад свое мнение в его пользу. Там, однако, благодаря различным неблагоприятным событиям, миролюбивое настроение уже давно превратилось в весьма враждебное. Несмотря на отмену акта о гербовых сборах, правительство не от-

216

казалось от мысли извлекать в самих колониях средства на содержание колониальной армии. С этой целью оно, с одной стороны, снова решилось повысить таможенные пошлины, а с другой — обязать места стоянки гарнизонов поставлять жизненные припасы для отрядов армии. Эта последняя мера привела в Нью-Йорке к открытому восстанию, на что правительство ответило объявлением осадного положения. Таможенные стеснения вызвали вскоре в Бостоне бурное возмущение. Чиновники были изгнаны, таможенные здания разрушены. Когда после того губернатор распустил провинциальное собрание и призвал войска, то колония ответила созванием общего собрания и избрала комитет с правом регентства. Борьба, вероятно, началась бы уже тогда, если бы правительство не остановилось ввиду политического положения Европы. Несколько крутой губернатор Массачусетса был отозван, и его заместил бостонец Гстчитсон, который, однако, при всем своем желании примирить противоречивые интересы уже был не в состоянии надолго сдержать возбужденные умы. Между тем английские купцы вторично пришли на помощь английским колониям. На повышение пошлин и насилия провинциальных властей в Нью-Йорке и Бостоне колонии во второй раз ответили соглашением между собой порвать торговые отношения с метрополией. Сильное понижение вывоза совершенно уничтожило планы, которые правительство построило на повышении пошлин, и наносило такой ущерб британским промышленникам, что они добились в парламенте отмены и этого нового таможенного тарифа. Но подобно тому, как за отменой акта о гербовом сборе последовал декларационный билль с целью формального поддержания авторитета правительства, так и теперь не был отменен повышенный налог на чай исключительно с той целью, чтобы заставить колонии формально признать право правительства на подобные постановления.

При этих обстоятельствах отмена пошлин не произвела такого всеобщего и сильного действия, как в свое

217

время отмена акта о гербовом сборе. В самом скором времени отношения снова обострились, когда выяснилось, что правительство отнюдь не отказывается от вмешательства в дела особенно беспокойных провинций Нью-Йорка и Массачусетса. В 1770 году осадное положение было распространено и на Массачусетс. Провинциальное собрание было перенесено из Бостона в Кембридж, и цитадель города, защита которой, по договору, лежала на провинциальной милиции, была занята войсками. Столь энергичные меры на некоторое время смутили бостонцев. Прошло почти два года, прежде чем рассеянные элементы сопротивления организовались для новых действий. Но за это время дело освобождения колоний значительно подвинулось вперед. То там, то сям обнаруживалась открытая оппозиция против мероприятий правительства. И когда осенью 1772 года Бостон вновь поднял голову и избрал новый комитет для созыва провинциального прогресса, на котором должно было категорически решить — не следует ли ответить на насильственное попрание законных прав отпадением от метрополии, то этот шаг встретил мощный отклик.

Виргиния не принадлежала вообще, подобно Массачусетсу и Нью-Йорку, к провинциям, население которых отличалось бурными манифестациями, и поэтому правительственные притеснения довольно долго не распространялись на нее. Но едва ли в каком-нибудь другом штате Юга энтузиазм в пользу парламентских прав провинциальных собраний достигал такой интенсивности, как здесь. Виргинцы сразу усмотрели в насильственных действиях лондонского правительства против Массачусетса и Нью-Йорка тенденцию, которая клонила к упразднению представительных учреждений во всех колониях. Поэтому они объявили дело бостонцев своим, избрали из своей среды так называемый комитет корреспонденции, выразили полное одобрение программ Массачусетса и предложили всем колониям избрать подобные комитеты, с помощью которых мог бы происходить непрерывный обмен мнениями между ними.

218

Напряжение достигло такой степени, что малейший толчок мог подать повод к взрыву. Этот толчок, как и можно было ожидать, исходил снова от Массачусетса, так как здесь, собственно говоря, уже много лет оба лагеря стояли друг против друга, готовые к бою. Один бостонский купец, вопреки уговору, хотел ввезти груз английского чая, прибывший в гавань на двух кораблях. Когда план его сделался известным, возбужденный народ собрался перед его домом и так застрашал его, что он отказался от своего намерения.

Но таможенные чиновники потребовали уплаты пошлины — все равно, будет ли чай действительно выгружен или отправлен обратно; иначе они не согласятся выпустить корабли из гавани. Тогда в ночь с 28 на 29 декабря 1773 года толпа мужчин, переодетых индейцами, напала на один из кораблей и выбросила груз чая за борт. В общем, однако, и в городе, и в провинции было спокойно. Лондонское правительство нашло, что этого акта неповиновения вполне достаточно, чтобы принять наконец решительные меры против Массачусетса, этого главного очага волнений на американском материке. По предложению его, парламент принял два закона, из которых первый объявлял гавань Бостона закрытой до тех пор, пока город не возместит убытков за уничтоженный чай. Второй закон отменял конституцию колонии: во главе ее был поставлен генерал Гэддж, который назначался главнокомандующим всей Северной Америки с правами полной военной диктатуры над провинцией. Правительство ясно понимало, что такая политика может быть проведена не иначе, как с помощью силы; но на это были вполне согласны и король, и парламент. Было вновь решено отправить подкрепления в колонии, и в парламент внесено предложение, чтобы правительство решительно настояло на признании законов со стороны колоний и на восстановлении авторитета короны. Все были убеждены, что это равносильно объявлению войны, и одновременно с этим сделаны были дипломатические шаги во Франции и в Голландии с целью помешать колониям получать из этих стран боевой материал.

219

Численность лиц в колониях, готовых к бою и решившихся довести дело до конца, все еще была очень невелика. Но возбуждение быстро приняло грозные размеры, когда сделались известны новые репрессии против Бостона. Генерал Гэддж вступил в должность губернатора провинции при зловещих признаках, но сопротивления не встретил. По его приказанию, провинциальное собрание состоялось в Салеме, новой столице, но тут же сделало памятное постановление — пригласить представителей всех колоний на конгресс в Филадельфию. Это постановление пришлось утвердить в законной форме при закрытых дверях, так как секретарь Гэджа уже явился с приказом о роспуске собрания. Собрание в Салеме после этого разошлось, но вновь состоялось с Конкорде и избрало из своей среды антиправительство. С этого момента в провинции существовали и с формальной стороны два враждебных лагеря.

При таких обстоятельствах 25 сентября 1774 года собрался в Филадельфии второй континентальный конгресс. Здесь в первый раз сошлись все лица, которые должны быть признаны главными деятелями, душой американской революции: Джордж Вашингтон и Патрик Генри из Виргинии, Самуил Адамс и Джон Адамс из Массачусетса, Джон Джей из Нью-Йорка, оба Ливингстона, оба Рутлэджа и др. Правда, из 51 депутата, собравшихся в Филадельфии в качестве представителей 12 колоний, лишь немногие были проникнуты такой готовностью к бою, как представители Массачусетса; но вместе с тем конгресс был далек от того, чтобы остановиться на таком жалком исходе, к какому прибежал первый конгресс в Аль-бани. Все депутаты справедливо считали в высшей степени важным, чтобы каждое их постановление исходило от имени всех. На этом был построен весь порядок занятий, всякие дебаты исключались из протоколов и строжайшая тайна относительно происходившего в заседаниях вменялась в обязанность. По этой причине даже самые решительные удовлетворились на первый раз сравнительно робкими постановлениями, на чем был закрыт

220 конгресс. Но он у всех поднял дух, и «Каждый за всех, все за каждого» — сделалось общим лозунгом. Конгресс не нашел нужным обращаться еще раз к парламенту. Он сделал воззвание к народу Англии, как к населению Британских островов, так и к тем, которые обитали на земле Америки, от Гудзонова залива до Флориды. Он требовал, чтобы права американцев как людей и граждан были восстановлены и объявлены неприкосновенными. Конгресс обращался, наконец, в достойных, но скромных словах к королю и просил его, «как любящего отца своего народа, стать посредником между его многострадальным и притесняемым народом и министерством, давящим своими репрессиями, а также удостоить милостивым ответом его просьбу». Но вместе с тем конгресс предвидел возможность, что его представление будет оставлено без внимания, и на этот случай принял решение отвечать насилием на насилие. Кроме того, конгресс еще раз подтвердил прекращение всяких торговых отношений с метрополией, пока жалобы его не будут услышаны. Затем он разошелся, постановив собраться вновь в мае следующего года.

БОРЬБА ЗА ОТДЕЛЕНИЕ ОТ МЕТРОПОЛИИ

В конце 1774 года, ни один депутат, за исключением Самуила Адамса, по-видимому, не стоял еще бесповоротно за отделение от Англии. Но положение дел успело существенно измениться в промежуток времени до нового конгресса. Вооруженный мир с губернатором и провинциальным собранием в Массачусетсе не мог продолжаться вечно. Обе партии чувствовали, что война висит в воздухе, и каждая старалась готовиться к ней и тормозить приготовления противной партии. Гэддж сосредоточил в Бостоне весь военный материал, которым он располагал в провинции. Чтобы обеспечить город от внезапного нападения, он воздвиг шанцы на перешейке, соединявшем город с материком.

Правительство провин-

221

ции, с своей стороны, сосредоточило в Конкорде запасы пороха и военных материалов и старалось увеличивать и пополнять их. Милиция во всей провинции тайно организовалась и была готова взяться за оружие каждую минуту (at a minute's warning; отсюда название ее «minute men»). Вечером 18 апреля 1775 года Гэддж отправил разведывательный отряд в направлении к Конкорду с целью захватить несколько патриотов, бежавших из Бостона, и разведать, где сложен военный материал противников. Но милиция в Конкорде была тотчас же извещена об этом, и когда отряд достиг Лексингтон-Грина, он был встречен группой неприятеля. Здесь произошел первый обмен выстрелами: война началась. В первый момент милиция отступила, и англичане без сопротивления заняли Конкорд. Вскоре, однако, положение их сде-

лалось критическим. Отступление было необходимо, но в то же время стало не безопасно. После первых выстрелов провинциалы поднялись со всех сторон. Английские войска подверглись жестокому преследованию, понесли большие потери и могли оправиться лишь в шанцах под Бостоном. На следующий день началась осада города, которая длилась почти целый год, причем дело ограничивалось случайными стычками между войсками противников. Таково было положение вещей, когда конгресс снова открыл свои заседания в Филадельфии. Обращение его к королю было отвергнуто в самых трезких выражениях. Английский парламент единогласно постановил, чтобы колонии были приведены к повиновению силой оружия, и ассигновал значительные суммы на усиление флота и вербовку солдат, в особенности в областях мелких немецких князей. Подкрепления войскам непрерывно прибывали в Америку, и флот приступил уже к враждебным действиям у американских берегов. Ввиду этого конгресс, на котором присутствовали представители всех тринадцати колоний, не мог далее оставаться в положении просителя, какого он держался в прошедшем году. Он поднял брошенную ему перчатку, хотя еще не ради независимости, но для того, чтобы защищаться, пока Англия не

222

возместит причиненные убытки, не восстановит нарушенных прав колоний и не признает вытекающих из конституции их требований.

Наступление войны поставило конгресс в чрезвычайно затруднительное положение. Несмотря на то что конгресс был признан всеми колониями Северной Америки, он все-таки не обладал действительной силой. Он представлял собой лишь совещательный орган без исполнительной власти, Решения его только тогда могли приобрести действительную силу, когда провинциальные правительства, пока еще только формировавшиеся, дали бы на это свое согласие. Каждое из этих правительств действовало самостоятельно в своей области и в столкновениях между отдельными провинциями чрезвычайно зорко следило за неприкосновенностью своих верховных прав. Лишь по отношению к англичанам конгресс был признан руководящим органом. Он назначил Джорджа Вашингтона (см. портрет на с. 202) главнокомандующим совокупных боевых сил тринадцати колоний, а Монтгомери и Скейлер должны были командовать войском, которое Канада посылала в помощь революционному движению. Так как войску нужны были не только люди, но и деньги, то конгресс был уполномочен также учредить военный фонд, который должен был пропорционально распределиться между отдельными штатами. Конгресс пошел еще дальше, отклонив предложения посредничества со стороны англичан и, со своей стороны, отправив агентов к различным европейским дворам с целью повлиять на них в интересах американских колоний. Объявление независимости все еще умышленно откладывалось, но фактически конгресс почти признавал за собой права независимой державы. Между тем на северном театре военных действий борьба продолжалась. В 1774 году парламент окончательно регулировал управление Канадой, поставив во главе этой провинции военного губернатора и учредив строго централистическую организацию. При этом юж-

223

ная граница провинции была продолжена до Гудзона. Конгресс решил прежде всего начать действия в этом направлении. У него была двоякая цель: отвоевать страну, которая могла быть потеряна для штатов Новой Англии вследствие перемещения границы, и, если возможно, побудить Канаду примкнуть к тринадцати провинциям. Непосредственно после лексингтонской стычки американцы завладели Тикондерогой, Краунпойнтом и фортом Джорджа, что открыло им путь в сердце Канады. В августе Монтгомери и Скейлер возобновили нападение; однако соперничество между начальниками тормозило дело. Скейлер совершенно отказался от командования. Монтгомери осаждал Сен-Джонс и взял его; затем он двинулся на Монреаль, но там простоял долго, вследствие чего третий корпус, который под начальством Арнольда шел на Квебек, не мог ничего предпринять против города. Когда, наконец, оба отряда в декабре соединились и предприняли штурм этого города, они были отброшены с большими потерями, а сам Монтгомери погиб. Поскольку поход, имевший целью вызвать революционное движение в Канаде, окончился неудачей, американцем стоило большого труда удержать завоеванное.

В это время возобновились сражения под Бостоном. Здесь из провинции Новой Англии постепенно собралось около 15 тысяч человек милиции, которые так теснили английский гарнизон, что снабжение его провиантом сделалось затруднительным. Ввиду этого Гэдж в различных местах выдвигал новые отряды; осаждающие отвечали на это нападениями со стороны Чарльстона. При Бенкер-Гилле неприятели столкнулись (17 июня 1775г.); сражение представляло особенности, почти типичные для всех битв в войне за независимость. Милиционеры дрались, правда, очень храбро, но зато высшее командование не было на должной высоте, и битва окончилась тем, что они потеряли все позиции, занятые ими вначале. Таким образом, в стратегическом отношении победа была на стороне англичан, но она не принесла им никаких выгод, так как убыль в американских войсках

224

была с избытком пополнена, и начальники наравне с солдатами горели жаждой снова начать бой.

В начале июля Вашингтон прибыл в лагерь под Бостоном и принял на себя высшее начальство над войском соединенных провинций. В самом ходе осады это не произвело никаких изменений. Теперь уже выяснились недостатки системы милиции американцев. Эти люди были готовы на кратковременную борьбу, но продолжительная бездеятельность на глазах неприятеля подрывала их дисциплину, и они неохотно оставались под ружьем дольше условленного времени. Хотя некоторые провинции и согласились вместо

отпускаемых людей посылать других, но приходилось начинать с самого начала их обучение и упражнение, а когда они осваивались с делом, то обыкновенно уже недалек был срок их отпуска. Вследствие этого американское войско далеко не оправдывало надежд, которые можно было возлагать на него, судя по численности. Требовалось громадное искусство со стороны предводителя, как в дипломатическом, так и в стратегическом отношении, чтобы с помощью такого материала достигнуть хотя бы тех результатов, какие фактически выпали на долю американского войска.

Мало-помалу английское правительство пришло к убеждению, что дальнейшее пребывание его главных сил в тесно осажденном Бостоне не имеет стратегического значения. Поэтому генерал Гоу, сменивший в командовании Гэджа, получил приказ очистить эту позицию, что ему удалось совершить в наилучшем порядке и без потерь. Для американцев было настоящим триумфом то, что после 9-месячной осады они в состоянии были войти в осажденный город, которому назначено было первому почувствовать карающую руку местного правительства.

Континентальный конгресс мог, таким образом, со- браться в мае 1776 года в четвертый раз в Филадельфии при самых благоприятных возможностях. Приподнятое настроение выразилось в том, что уже через несколько недель внесено было предложение, чтобы колонии во всех отношениях отделились от метрополии и образова-

8 Зак.571

225

ли самостоятельное, независимое государство. Состав конгресса был такого рода, что никак нельзя сказать, в какой степени это предложение соответствовало общему желанию 13 штатов. Дело в том, всеобщих выборов не производилось, и каждая провинция посылала по своему усмотрению произвольное число депутатов в Филадельфию. Такое общественное мнение, как в Англии, в то время не существовало в колониях. То, что казалось выражением народной воли, большей частью являлось делом кучки политиков, сознательно преследовавших определенную цель, тех самых, которые играли руководящую роль в комитетах корреспонденции и в континентальном конгрессе. При таких обстоятельствах особенно важно, что по сделанным справкам предложение в пользу провозглашения независимости не могло рассчитывать на большинство даже в конгрессе.

Но партия независимости имела в этом случае превосходных руководителей. Подобно тому, как до сих пор эти руководители давали согласие на самые примирительные меры в том убеждении, что всякая неудача еще более приблизит к ним колеблющихся депутатов, так и теперь они нашли дипломатический выход. Взять назад предложение представлялось, пожалуй, не менее опасным, чем подвергнуть его риску быть отклоненным. Но отсрочить прения и голосование на несколько недель не представляло опасности, как это и случилось 10 июня. Насколько вожди не сомневались в окончательной победе, можно судить из того, что они уже тогда добились назначения комиссии для обсуждения программы действий ввиду объявления независимости. Результат показал, что они были совершенно правы. По возобновлении обсуждения предложения известное число противников отделения от Англии удалились из конгресса. Благодаря этому 4 июля провозглашение независимости, тщательно подготовленное комиссией, было постановлено конгрессом единогласно. Между тем, как в настоящее время граждане Соединенных Штатов проводят день своего национального праздника ежегодно самым торжествен-

226

ным образом, тогда он прошел сравнительно незаметно. Колонисты с несравненно большим напряжением следили за исходом борьбы, которая вспыхнула вновь в различных местах. Даже те из них, которые с самого начала войны предвидели отпадение как неизбежную конечную цель, все-таки ясно сознавали, что еще слишком преждевременно предаваться радости.

После очищения Бостона Вашингтон уже в апреле 1776 года отправился в Нью-Йорк, рассчитывая, что эта важная гавань, среди населения которой роялисты располагали значительной партией, делается ближайшей целью английского наступления. Но вначале это предположение как будто не оправдывалось. Наоборот, часть английского флота отплыла на юг и пыталась овладеть Чарльстоном в Южной Каролине. Здесь, однако, флот потерпел чувствительный удар, после чего боевые силы англичан снова соединились и к концу августа высадились под командой Уильяма Гоу на Лонг-Айленде. Вашингтон с его милицией не мог помешать этому, так же как и остановить серьезно движение их вперед. Напротив, он был рад, что мог отступить со своими пострадавшими войсками без значительных потерь через реку Ист-Ривер к Нью-Йорку. Он не надеялся даже отстоять этот город ввиду численного и качественного превосходства неприятельских войск. Лично он был того мнения, что лучше предать город огню, чем предоставить в руки неприятеля надежный опорный пункт. Конгресс не одобрил такой крайней меры, хотя согласился с тем, что следует покинуть безнадешную позицию. Тогда Вашингтон начал свое знаменитое отступление, которое по причине сопряженных с ним трудностей вызывает полное уважение к многосторонним его талантам, но тем не менее было тяжелым ударом для дела независимости и свободы американских колоний.

Английский противник преследовал Вашингтона с обдуманной медлительностью от одной позиции до другой; но еще опаснее было для него состояние собственного войска. В каждом из многочисленных писем, в кото-

227

рых он сообщает конгрессу о ходе дел на театре военных действий, он возвращается к тому, что с милиционерами, плохо дисциплинированными и не желающими служить ни одного лишнего дня по

окончании своих коротких призывных сроков, немисливо одерживать победы над войском Гоу, которое почти все состояло из хорошо обученных солдат, живущих военным ремеслом, И он вновь и вновь требует, чтобы его в распоряжение было предоставлено, „но крайней мере на время войны, постоянное войско, и в особенности — профессиональный и опытный корпус офицеров.

Хотя 13 штатов объявили себя независимыми, но проект внутренней организации опять должен был составить конгресс. Затем этому проекту предстояло пройти через законодательные собрания отдельных штатов, на что потребовалось бы еще немало времени. Правда, каждый обращался со своими нуждами и притязаниями прежде псего в конгресс; но вместе с тем все желали, чтобы он сам находил выход из затруднений. Отдельные штаты не всегда соглашались признавать бумажные деньги, которые конгресс нашел нужным ипустить для покрытия военных расходов, а между тем все от него требовали именно денег и солдат. Но если войско и его главнокомандующий имели право роптать на конгресс, то, с другой стороны, нельзя отрицать, что часто этот последний при всем своем желании был не в состоянии им помочь. Вашингтон сумел замечательно воспользоваться осторожностью Гоу для того, чтобы совершить свое отступление наивозможно медленно. 15 сентября англичане заняли Нью-Йорк. Но только 16 октября они могли перейти в атаку позиции американцев на Гарлсмских островах, хотя Вашингтон и не обладал достаточными силами, чтобы удержать ее. Затем до половины ноября оба войска стояли друг против друга под Уайт-Плене. Однако англичане едва ли одержали бы победу, если бы изменническая сдача форта Вашингтон не открыла им пути к Нью-Джерси.

Вашингтон был вынужден после того предпринять постепенное движение к Делавэру, но тем не менее ему

228

уже не удавалось задержать неприятеля при помощи своих войск, дезорганизованных продолжительным отступлением. В начале декабря конгресс не чувствовал себя безопасным в столице Филадельфии и бежал от приближавшейся неприятельской армии в Балтимору. Но ему удалось вернуться, прежде чем неприятель вступил в столицу Союза. Наибольшая опасность грозила с другой стороны: под впечатлением неудач, число сторонников свободы стало быстро уменьшаться, и только тогда, когда в последние дни 1776 года Вашингтон напал на неприятеля при Трентоне и причинил ему чувствительные потери в нескольких сражениях, настроение в лагере американцев начало снова подниматься.

Обе армии переходили на зимние квартиры. Но в апреле Гоу составил план нового похода: он отказался от сухопутного движения на Филадельфию, посадил свои войска на суда и неожиданно вошел в залив Чизапик, чтобы взять Филадельфию с юга. Воодушевление в пользу войны упало в колониях до минимума. Этому немало способствовали известия, доходившие из Англии. Амнистия, которую уже обещал генерал Гоу всем, кто подчинится в штатах Новой Англии, была теперь подтверждена английским парламентом. Далее обещаны были меры с целью устранения стеснительных условий, на которые жаловались колонии. И не только в значительной части Америки, но и в европейских государствах, следивших с напряженным вниманием за ходом войны за независимость, ожидали в самом близком будущем примирения между метрополией и восставшими колониями. Естественно, что подобные перспективы побуждали всех безразличных переходить на сторону англичан. Даже присутствие конгресса, возвратившегося в Филадельфию, не могло создать в городе квакеров решительного настроения. Вашингтону удалось два раза при помощи своего отступления задерживать наступательное движение англичан; но все-таки в середине сентября он вынужден был донести конгрессу, что не в состоянии более прикрывать

229

путь в Филадельфию. 26 сентября 1777 года английская армия вступила в союзную столицу.

Вскоре, однако, блестящий, по-видимому, успех оказался довольно обманчивым. Уже через несколько дней Вашингтон опять перешел в наступление и так ловко закрыл все сухопутные сообщения, что Гоу был вынужден напасть и на форты у Делавэра, которые еще находились в руках союзной армии и с моря угрожали его линиям сообщения. Большая часть этих фортов не были ни достаточно укреплены, ни снабжены достаточным гарнизоном, чтобы долго держаться; но они в течение почти пяти недель удерживали английскую армию и флот. Уже одно это было громадным выигрышем, так как время года настолько подвинулось, что оба войска снова должны были перейти на зимние квартиры. Положение союзного войска, которое терпело всевозможные лишения и, вследствие того, понесло сильную убыль и пало духом, представлялось печальным. Но в это время на северном театре войны счастье улыбнулось американскому оружию, а это повлекло за собой решительный переворот в дипломатическом отношении.

После того как в июне 1776 года союзные войска снова очистили Монреаль, не могли быть и речи о том, чтобы привлечь к восстанию канадские провинции. Наоборот, там проснулась старая антипатия к соседям Новой Англии с такой силой, что канадские губернаторы решили в скором времени и здесь перейти в наступление. Уже осенью того же года англичане овладели крепостью Кра-ун-Пойнт и при помощи численно превосходящей флотилии речных судов почти неограниченно господствовали на озере Шамплэн. С наступлением лета следующего года генерал Бургоэнь во главе войска из 8000 обученных англичан и немцев двинулся с целью установить сообщение с Нью-Йорком и таким образом отрезать северные провинции от остальных. Начало его похода ознаменовалось непрерывным рядом успехов. Тикондерога, которую американцы считали неприступным ключом севера, была занята им почти без кровопролития; гарни-

230

зон, перешедший в отступление частью водой, частью сухим путем, был рассеян. До самых верховьев

Гудзона англичане более не встречали серьезного сопротивления со стороны союзных войск. Генерал Скейлер едва успел сделать непроходимыми сухопутные и водные сообщения и удалить из сферы англичан все съестные припасы. Но именно благодаря этому обстоятельству ход событий принял иной оборот. Когда Бургоэн дошел до Гудзона, его войско не только уменьшилось численно из-за необходимости оставлять везде гарнизоны для прикрытия сообщений, оно было истощено после почти сверхчеловеческих усилий, которых стоило восстановление дорог по болотам от озера Джорджа до Гудзона в самую жаркую пору года. Кроме того, оно совсем не имело съестных припасов.

Несчастье сразу надвинулось на Бургоэна со всех сторон. Здесь, на севере, война была несравненно более популярна, чем в квакерском штате Пенсильвании, и приближавшаяся опасность вызывала с каждым днем прилив новых войск к услугам союзного полководца. Первый у/ар был нанесен по правому крылу англичан: на него было возложено поручение взять форт Стенвикс у Мога-ука, но после многодневной напрасной осады он должен был быстро отступить к Канаде. Отряд фуражиров, отправленный Бургоэном к Нью-Гемпширу, был почти совершенно уничтожен в открытой битве; весь военный материал попал в руки союзных войск. Наконец, сам Бургоэн вынужден был двинуться вперед для того, чтобы добыть провиант. Он перешел Гудзон, но у фермы Фри-ман натолкнулся на главную армию, которой командовал генерал Гэтс. Уже первое нерешительное сражение было для Бургоэна равносильно опасному поражению. И когда он через несколько дней вторично сделал попытку пробиться со своими голодающими солдатами, он был настолько разбит, что ему пришлось перейти в наступление. Но и здесь путь оказался несвободным. Союзные войска, ободренные достигнутыми успехами, кишели вокруг него со всех сторон. И когда Гэтс при помощи

231

своих главных сил дал ему третье сражение при Сарато-ге, Бургоэн убедился в бесполезности дальнейшего кровопролития и положил оружие вместе со всем остатком своих войск (17 октября 1777 г.) - По современным понятиям, армии, сражавшиеся в этом походе, не могут быть названы большими. Но, не говоря уже о том, что для Англии нелегко было снова набрать войско даже в 8000 человек, громадное преимущество, достигнутое американцами, заключалось прежде всего в стратегических условиях. Капитуляция Бургоэна означала не только неудачу плана, состоявшего в том, чтобы занятием линии Гудзона разделить колониальные боевые силы на два отдельных театра военных действий; она в то же время обеспечивала канадскую границу и изолировала английский гарнизон в Нью-Йорке, для которого во второй раз оставался лишь морской путь отношений с остальными армиями.

Значение этого факта могли вполне оценить, вероятно, только сражающиеся стороны, но капитуляция Саратоги произвела во всем свете громадную сенсацию. Франция следила с самым напряженным вниманием за событиями в Америке, начиная от первых признаков серьезного разногласия между Англией и колониями. Государственные люди, стоявшие во главе ее, страстно ждали случая быть отомщенными за унижения, которые принес им мир 1763 года. Уже в 1767 был отправлен французский агент в Северную Америку не только с целью выяснить господствовавшее там настроение, но главным образом для того, чтобы разузнать, какими средствами располагают колонии для борьбы с Англией и в чем они настоятельнее всего нуждаются; но в это время французская политика еще слишком опережала требования колоний. Донесения, которые посылал Кальб из провинций, сильно охлаждали французскую готовность оказать поддержку. Таким образом, план отомстить Англии поддержкой восстания в Америке оказался преждевременным. Но когда первые континентальные конгрессы убедились в том, что колонии в состоянии будут отвоевать

232

себе у англичан свободу только с оружием в руках, они вспомнили о выражении симпатии со стороны Франции. Первый был первым и важнейшим пунктом, куда континентальный конгресс отправил своих агентов, — и не напрасно.

Конечно, французское правительство в 1775 году не могло вступать в открытые переговоры с агентом восставших провинций, еще вовсе не организованных, но втихомолку американцам уже тогда оказывалась помощь. Когда вспыхнула в колониях открытая война, американцы перенесли ее и на море. Северные провинции, сильно проникнутые коммерческими идеями, с большим рвением готовы были наносить чувствительный вред английской торговле при помощи каперских набегов, чем вести сухопутную войну против английских войск, правда, с не меньшей прибылью. Вскоре после начала войны первые каперы дерзнули пересечь океан до самых британских вод. Корабль, капитаном которого в 1776 году во Францию Бенджамин Франклин (портрет на с. 202) как полномочного представителя новой республики, вошел в Гаити с двумя английскими кораблями, которых он захватил на пути. Олицетворением такой образ действий значило бы со стороны Франции открыто нарушить мир с Англией, пока еще существовавший; тем не менее американские каперы тайно и рядом находили убежище по французских берегам. Ни для кого не было секретом, особенно после прибытия Франклина, что американские делегаты, официально не признаваемые, тем не менее при непосредственной поддержке французского правительства покупали военный материал, снаряжали корабли, вербовали офицеров и экипажи и затем тайно или под чужим флагом доставляли их в колонии. Если Франклин был с самого начала убежден в благоприятном исходе переговоров относительно дружественного и торгового договора с Францией, который ему поручило заключить вновь утвержденное Бюро иностранных дел, то в основании этого убеждения лежала, конечно,

233

значительная доля сангвинизма. Несомненно, не только французское правительство, но и вся нация сочувствовали делу Соединенных Штатов. Но в основании этого сочувствия лежало, главным образом, не

само дело, а то, что в успешном восстании Америки видели средство нанести вред ненавистным англичанам и слишком удобный случай быть отомщенными. Франклин был принят в Париже и даже был допущен частным образом к стоявшему во главе правительства министру, де Вержену. Но открытого приема ему не сделали, тем более что война, последовавшая за провозглашением независимости, протекала неблагоприятно, и существовали серьезные сомнения в конечной победе американцев. Положение Франции в течение 1777 года было вполне выжидательное; даже тайная поддержка, оказанная восставшим, была крайне ничтожна. Единственный случай, вызвавший сенсацию, заключался в отъезде юного маркиза де Лафайета в Америку. Он отплыл вместе с Кальбом и группой французов тайно, на снаряженном им корабле, чтобы присоединиться к неприятелям своего национального врага.

Американские агенты вели переговоры не только с Францией, но старались войти в отношения с другими державами и даже добивались связей с самой Англией. Перед самой капитуляцией Саратоги и непосредственно после нес эти переговоры грезил принять совершенно своеобразный оборот. Подобно тому, как после побед Гоу Англия предлагала амнистию и отмену более существенных стеснений, так после капитуляции Саратоги она пошла еще дальше и давала понять, что признает известную самостоятельность взамен прочного тесного союза между колониями и метрополией. Американские агенты едва ли были уполномочены вести об этом переговоры с Англией. Но возможность такой комбинации в связи с благоприятным оборотом военных действий ускорила решение Франции: в несколько недель (6 февраля 1778 г.) был заключен дружественный и торговый договор, с которым раньше медлили более года, и этим официально совершилось признание Соединенных Штатов.

234

Непосредственным последствием того, было отступление англичан из Филадельфии. Англия не могла серьезно рассчитывать на возможность одновременной борьбы на всех театрах войны с такими союзниками, как Франция к Соединенные Штаты, к которым на следующий год (12 апреля 1779 г.) робко и нерешительно примкнула Испания, а затем и Голландия. Положение Гоу в Филадельфии удерживало лишь английские боевые силы в одном пункте, серьезно не угрожая противнику. Во главе английского войска поставлен был новый главнокомандующий, генерал Клинтон, с полномочием очистить союзную столицу и перенести войну на новый театр действий, где можно было рассчитывать на лучшие результаты. Это отступление было тем более приятно для североамериканцев, что Вашингтону удалось нанести отступающему противнику еще один удар под Монмутом. В действительности, однако, Клинтон потому отвел свои войска к Нью-Йорку, что предстоявшая англо-французско-испанская война делала желательным перенесение колониальной войны в южные провинции, где возможно было установить сообщение с вероятным театром военных действий на Антильских водах.

Зимой 1777/78 года Франция еще не объявляла войны Англии и затем подняла сильный шум при европейских дворах, когда нападение англичан на французский корабль La Belle Poule дало ей повод выставить британцев в качестве нападающей стороны. В действительности еще с февраля был снаряжен флот, экипаж которого должен был сражаться бок о бок с союзными войсками против англичан. К этому времени на службу Соединенных Штатов явилось уже множество иностранных офицеров. Лафайет и его друзья, встреченные вначале с таким нескрываемым недоверием, что некоторые из них вернулись разочарованными во Францию, сражались уже с прошлого года наряду с американцами. Восторженная агитация Лафайета оказала влияние на отправление вспомогательного корпуса под командой Рошамбо, Наряду с ними особенно отличался прусский полковник Фридрих

235

Вильгельм фон Штейбсн, который улучшил внутреннюю организацию союзного войска. После долгой борьбы Вашингтон добился того, что, по крайней мере, ядро союзной армии состояло из постоянных полков. Последние обязаны были своим обучением прусскому офицеру, вышедшему из школы Фридриха II и содействовавшему также улучшению управления и снабжения провиантом всего союзного войска, поскольку это было возможно при весьма недостаточных средствах.

. Не только Вашингтон и союзное войско, но и сам конгресс, с триумфом возвратившийся в Филадельфию, ожидали чего-то необычайного от прибытия французских союзников. Убеждение конгресса в том, что предстояла решительная победа, было так твердо, что он считал излишним со своей стороны еще что-либо предпринимать. Тем сильнее было разочарование, когда, вследствие особенного стечения неблагоприятных обстоятельств, соединенный поход американцев и французов не привел почти ни к какому результату. С самого начала в конгрессе существовала партия, которая смотрела весьма недружелюбными глазами на союз с Францией. Особенно в северных штатах Новой Англии старую антипатию против прежних канадских противников переносили на французов, желавших теперь сражаться в качестве союзников за независимость колоний. Повторные предложения англичан вступить в переговоры с революционерами по поводу устранения их затруднений укоренили в них убеждение, будто в ближайшем будущем предстоит примирение на почве признания Соединенных Штатов со стороны Англии. В этом отношении политики востока были, по-видимому, не совсем неправы, так как из-за грозившего вмешательства своего непримиримого врага Англия готова была принести большие жертвы, лишь бы прекратить американскую войну. Эти шансы на мир были значительно подорваны французским союзом. Правда, американцы были склонны истолковать договоры в том смысле, что Франция стремится лишь обеспечить их независимость и

поэтому ничего не будет иметь против

236

непосредственного соглашения между колониями и метрополией на этой почве. Однако французское министерство как в переговорах, которые оно продолжало в Париже с делегатами конгресса, особенно с Франклином, так и через посланника, аккредитованного им при конгрессе в Филадельфии, настаивало принципиально, что-бы ни одна из договаривающихся сторон не заключала мира с Англией без согласия с другой. Таким образом, прекращение войны не обуславливалось признанием независимости Соединенных Штатов. Вследствие этого деловые политики совершенно забыли, как далеки они были от этого до союза с Францией, и теперь хотели уверить провинции, что единственно этот союз является причиной продолжения войны.

Хотя в этом, Пез сомнения, было преувеличение, но все-таки почти весь конгресс и преобладающая часть американского народа были того мнения, что было бы вполне естественно и справедливо, чтобы Франция, которая, конечно, инк.; в войне выгод для себя и для своих союзников, особенно для Испании, окончила ее на свои деньги и при помощи своих войск. Одна лишь политическая и дипломатическая неопытность этих адвокатов, купцов и пр., ставших » одну ночь ответственными руководителями громадного государства, может извинить те совершенно невероятные требования и притязания, которые они навязывали французскому правительству. Но, как обыкновенно бывает, рука об руку с действительной неспособностью шла собственная высокая оценка. И благодаря быстрому и могущественному развитию молодого государства такая оценка сделалась с течением времени национальной чертой характера.

Без сомнения, существовал, хотя и небольшой, кружок действительно государственных мужей среди тех лиц, которые способствовали созданию Соединенных Штатов. В числе первых следует назвать Джорджа Вашингтона (см. портрет на с. 202). Ход событий почти сразу вырвал его из обстановки землевладельца, любящего мирную и светскую жизнь, и сделал главнокоман-

237

дующим союзного войска; но в данном случае события дали только возможность обнаружиться его великому таланту и развиться выдающимся способностям. При объявлении войны Вашингтону шел сорок третий год; скорее из любви к искусству, чем по профессии, он проявлял до того времени несколько раз свои военные способности как начальник вирджинских милиционеров. Но при этом он настолько выделялся, что уже в 1755 году был назначен главным начальником милиции. Вступив в общественную жизнь больше по долгу, чем по склонности, он старался возможно скорее возвратиться в свои богатые поместья. Это был тип вирджинского крупного землевладельца в самом благородном выражении его: со стройной фигурой, тонкими формами, пожалуй, слишком аристократическими для республиканца, он вместе с тем более, чем кто-либо, был проникнут стремлением к свободе американских колоний. Светское образование давало Вашингтону возможность сделаться дипломатом, обширные познания, особенно в области политической экономии, — государственным человеком. Наконец, на военном посту он не только применил скромный запас опыта, приобретенного в малой войне, но, что еще существеннее, выказан два выдающихся качества, сделавших его во всех сферах одним из величайших людей в Америке. Во-первых, это была способ- ность прямо видеть положение вещей в данный момент без всякого пристрастия, что давало ему возможность при самых затруднительных обстоятельствах с непоколебимым спокойствием проверять и обсуждать их и с железным терпением выжидать надлежащего момента. Во-вторых, благодаря своей необычайной энергии он не только был в состоянии совершать необычайные вещи, но в критическую минуту увлекать окружающих к крайнему напряжению сил. Вначале положение Вашингтона было крайне затруднительно; даже титул главнокомандующего, который ему сразу предоставил подъем национального воодушевления, не обеспечивал его от зависти недоброжелательных соперников и инт-

238

риг эгоистических карьеристов. Лично он, быть может, меньше всего домогался этого поста, так как ежедневно убеждался, как много обязанностей возложено на него и какая, в сущности, небольшая власть находится у него в руках. Но дело в том, что Вашингтон был еще больше дипломатом, чем стратегом, и, как таковой, умел ориентироваться в трудной задаче и постоянно лавировать между политиками конгресса, почти не срывавшими своего демагогического исходного пункта, и европейскими дипломатами, вышколенными в государственных формах Старого Света. Со времени союза с Францией Вашингтон представлял не только на театре войны, но и в сфере политики как бы второе правительство наряду с конгрессом, но в то же время благодаря своей тактичности и сдержанности умел обходить все опасные подводные камни и в той, и в другой области.

Американский народ не ставил никого из современников наравне с Вашингтоном: даже Бенджамин Франклин с его природной честностью далеко уступал ему в политической дальновидности, и тем не менее Франклин, быть может, более, чем кто-либо, способствовал благоприятному исходу революции. Он вырос в ограниченной жизненной рамке и пробивался медленно и с трудом, исключительно собственными силами. На нем лежала в течение всей его жизни известная печать мещанства, отличавшая вообще жителей Филадельфии, среди которых он провел свою юность. Это не был муж с высоким полетом в действиях; но многолетний опыт, приобретенный им в качестве представителя колоний при английском дворе, привлекал к нему более, чем к кому-либо другому, симпатии отдельных наций к его отечеству, боровшемуся за свободу. Ему принадлежит главная доля заслуги в том, что Франция открыто приняла сторону Соединенных Штатов. Тем не менее его отношение к мирным переговорам показало, насколько для него были вообще неприятны заносчивость и деловая резкость (smartness) политиков молодого государства. Многие старались

снять с него упрек, *бу́жно* он замешан был в переговорах с Анг-

239

лией, которые вели североамериканские дипломаты за спиной Франции вопреки буквальному смыслу заключенного с ней союзного договора. Едва ли, однако, удастся когда-нибудь устранить подозрение, что Франклин с его доверчивой и открытой натурой, его добродушной прямоотой прикрывал двусмысленную игру своих дипломатических коллег, хотя, быть может, и не принимал прямого участия в том, чтобы подкапываться под союзников, им же самим приобретенных. На события на родине во время войны он оказывал мало влияния. В борьбе из-за конституции трезвый практический ум и деловая опытность Франклина немало способствовали устранению незаконных препятствий, тормозивших введение конституции.

Оба вождя были окружены, без сомнения, целым штабом второстепенных личностей, державшихся сходных политических воззрений; но среди влиятельных политиков едва ли можно указать лица с таким же свободным взглядом и настолько же чуждых пристрастия. А между тем именно это обстоятельство имело громадное значение для ближайшего будущего, когда с заключением французского союза центр тяжести в ходе событий был перенесен с поля битвы в область дипломатии.

Англичане, сообразно своему новому плану военных действий, перенесли войну в южные провинции. Уже в январе 1779 года они покорили Сачанну в Джорджии и с успехом защищали ее против французского флота. Затем в феврале 1780 года британский главнокомандующий Клинтон лично высадился в Южной Каролине и после пятидневной осады Чарльстона заставил находившиеся в столице союзные войска капитулировать. Казалось, что этим восстанавливается английское владычество на юге, и в течение некоторого времени англичане не встречали здесь ни одного регулярного отряда союзных войск. Вскоре, однако, выяснилось, что их цель недостижима. Страна с редким населением, за исключением береговой полосы, делала совершенно невозможной военную оккупацию и создавала величайшие труд-

240

ности для всякого рода операций. В главной квартире Вашингтона знали это. Вместо того чтобы двигаться за англичанами на юг, главнокомандующий продолжал сосредотачивать свои операции на Гудзоне против Нью-Йорка, так как от них зависел конечный исход войны. Таким образом, он принудил Клинтона вернуться на север, тогда как на юге возгоралась с переменным успехом партизанская война. Из обеих главных квартир вновь и вновь посылались регулярные войска с опытными командирами, так что англичане никогда не могли быть уверены за свои владения, но вместе с тем не могли быть вытеснены из них. Эти странствующие отряды дали друг другу ряд больших сражений в Северной и Южной Каролине. При Кэмдене англичане одержали победу, которая стоила жизни храброму Кальбу. У Королевских гор и при Коупсене поле битвы осталось за американцами. В других сражениях, как, например, при Гильфорде, обе стороны считали себя победителями. В общем, однако, существенных изменений в положении дела не произошло: англичане занимали гуще населенные береговые местности, а внутри страны постоянно бродили континентальные шайки герильясов и то здесь, то там неожиданно нападали на британские отряды. Чтобы вызвать какую-нибудь перемену, англичане решили перенести войну в Виргинию, которая была теперь почти исключительно источником продовольствия союзного войска, поскольку в этом деле не участвовала Франция. Однако и этот маневр не отвлек Вашингтона от Гудзона; он ограничился лишь тем, что отправил туда Лафайета с частью союзного войска. Лафайет вполне оправдал оказанное ему доверие. При помощи искусных операций он сдерживал в течение многих недель английского генерала Корнуэльская, пока приказом главнокомандующего не был отозван к побережью. Чтобы обеспечить себя укрепленным опорным пунктом для возобновления впоследствии похода внутрь страны, Корнуэльс избрал Йорктаун, но он очутился в опасной ловушке, что быстро поняли полководцы союзной армии. Лафайет

241

поспешил блокировать это место, и Вашингтон отправил ему в помощь большую часть французских и американских войск под командой Рошамбо. Наконец, французский флот, который должен был отправиться к ан-тильским водам под командой де ла Граса, довершил план, состоявший в том, чтобы окружить неприятеля. Вокруг Йорктауна неприятельские линии стянулись таким тесным кольцом, что 19 октября 1781 года Корнуэльс должен был сложить оружие. Правда, в руках англичан оставались еще некоторые береговые пункты юга, и прежде всего Чарльстон. Но судьба их оружия была решена этим поражением на юге. Они были бесповоротно поражены союзными войсками.

ПЕРЕГОВОРЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА С АНГЛИЕЙ

Хотя военные события на самом театре военных действий и держали умы в сильном напряжении, но на решение хода дел они оказывали сравнительно мало влияния. Руководящие государственные люди Франции очень скоро убедились, что союз с Соединенными Штатами, вместо того чтобы дать им сильного товарища в борьбе с Англией, повел лишь к тому, что североамериканцы получили возможность вести войну при помощи французских денег, французских солдат и кораблей. Испанское правительство долго медлило, прежде чем примкнуть к борьбе с Англией. Хотя оно считало естественным участвовать в войне за Флориду и Миссисипи, но, в общем, американские дела имели для него вполне второстепенное значение. Оно стремилось, например, направить свою военную деятельность против Минорки и Гибралтара. Но рядом с этим оно давало ясно понять, что охотно согласилось бы немедленно прекратить войну. Испания желала лишь дипломатически воспользоваться опасным положением Англии с целью пересмотра мирного

ке, делал и для Франции вполне желательным возможно скорое заключение мира. Поэтому она не только поощряла Испанию в направленных в эту сторону стремлениях, но предлагала и американскому конгрессу готовиться к принятию решения по поводу условий, которые могут быть предложены со стороны Англии. Переговоры о всех этих вопросах занимали конгресс в ближайшие годы до заключения мира в несравненно большей мере, чем интересовали его военные дела. Дебаты велись с такой страстностью, что не раз союз 13 штатов, едва заключенный, грозил распасться на различные группы интересов. Политики Соединенных Штатов охотнее всего, конечно, встретили бы отказ Англии от всех своих владений и притязаний в пределах североамериканского материка. Агентам, которых Англия не переставала посылать в течение всей войны для улаживания недоразумений, они мотивировали свой взгляд таким образом, что соседство границ между штатами и британской Канадой может лишь служить яблоком раздора между двумя единоплеменными народами. Заслуга Бенджамена Франклина заключается в том, что он сумел ловко вплести эту мысль в переговоры, происходившие между ним и британским агентом Освальдом. Однако при окончательной формулировке договорных пунктов к этому вопросу более не возвращались, и Англии не пришлось отвергать эти предложения.

В отношении южной границы североамериканцы обнаружили меньше алчности к расширению территории. Они достаточно освоились с мыслью вернуть испанцам Флориду за участие в войне и в особенности за денежную помощь, за которой они постоянно обращались (в последнее время, правда, безуспешно) к правительству Карла III. Во всяком случае, это пункт не служил поводом к раздору между партиями конгресса. С другой стороны, существовали два условия, из которых одно слишком близко касалось представителей южных штатов, а другое являлось жизненным вопросом для северных штатов. Насколько представители южных штатов были далеко-

243
видны в пунктах, затрагивавших их собственные интересы, доказывает то, что они поставили необходимым предварительным условием заключения мира с Англией уступку внутренней страны до Миссисипи и свободное плавание по этой реке до Мексиканского залива. Как известно, английское колониальное управление отделило в целях организации страны к западу от Аллеганских гор от старых провинций, и более обширное культивирование названной области южных провинций началось лишь с самого недавнего времени. Тем не менее тогдашние руководящие личности вполне понимали важное значение, которое имел для этих областей водный путь к Мексиканскому заливу, и решились не уступать 8-м пункту. Но на конгрессе они облекли свои притязания в дипломатические формы и поддерживали их с достоинством, которое соответствовало аристократическому духу их провинций.

В совершенно ином духе выступил со своими требованиями Север. Коммерческий дух, который с самого начала характеризовал движение в северных штатах, проявился и в этом случае; ни для кого не было тайной, что судовладельцы и торговцы штатов Новой Англии сумели извлечь много выгод даже из военного положения. Охота на британские торговые корабли производилась ими с таким успехом, что им приписывали громадные барыши. Но они занимались еще белес непатриотичными делами, продавая англичанам в Галифаксе и даже в Нью-Йорке жизненные припасы и другие необходимые предметы. Несмотря на это, вожаки северной партии Самуил Адаме, Ричард Генри Ли и др. держали себя так, как будто все бремя военных расходов лежало исключительно на их штатах. В вознаграждение за это они требовали, чтобы правительство не складывало оружия до тех пор, пока Англия не разрешит Соединенным Штатам участия в рыбной ловле на мелях Ньюфаундленда. Впрочем, они еще раньше, в качестве английских подданных, принимали существенное участие в этом промысле. И если было бы преувеличением утверждать, что пропитание

244

населения северных штатов исключительно зависело от рыбной ловли, то все-таки в связи с рыбными промыслами Ньюфаундленда развилась обширная промышленность. Южные штаты были, пожалуй, склонны помочь в этом пункте своим северным землякам при мирных переговорах. Но бурный демагогический образ действий северной партии, грозившей отпадением в случае неудовлетворения этого требования, мог лишь оттолкнуть представителей других штатов, тем более что именно партия Адамса и Ли усвоила себе демагогический тон и постоянно нападала на официальную политику во всех вопросах, которые касались дипломатических отношений с Францией и от которых прежде всего зависело благосостояние Соединенных Штатов.

В течение долгого времени эти пререкания относительно мирных условий имели исключительно теоретический интерес. Общими усилиями союзного главнокомандующего и его друзей, с одной стороны, и представителей Франции, с другой, неоднократно удавалось сдерживать ожесточенный характер прений и снимать с очереди пункты, по которым не предвиделось соглашения. Но даже и тогда, когда мирные переговоры начали принимать определенное очертание, французское правительство, умудренное опытом прошлого, уклонялось брать на себя выражение претензий Соединенных Штатов к Англии. Оно твердо стояло на том, что ни один из союзников не должен заключать союза с Англией без другого, и на этом основании настаивало на принципиальном признании независимости Соединенных Штатов со стороны Англии. В остальном оно заявило, что Соединенные Штаты могут непосредственно сговориться с Англией касательно мирных условий, и тщательно воздерживалось от всякого вмешательства.

Когда в марте 1782 года, благодаря личным отношениям Франклина с некоторыми членами вновь сформированного английского кабинета, выяснилась, наконец, склонность всех сторон прекратить войну, борьба в конгрессе разгорелась с новой силой. Партия северных шта-

245

тов, для которой было особенно желательно совершенно устранить от переговоров дружественного французам Франклина, добилась, по крайней мере, того, что в помощь ему были посланы два представителя их собственных воззрений, Джон Адаме и Джон Джей. История мирных переговоров еще раз доказала, в какой мере юное государство еще нуждалось в настоящей представительной власти. Хотя конгресс и учредил министерство иностранных дел, но на самом деле уполномоченные, отправленные для мирных переговоров, не получили определенной инструкции и, очутившись на французской почве вне непосредственного вмешательства конгресса, действовали совершенно независимо от него. Тем не менее переговоры быстро привели к результату, и притом такому, на который не мог бы рассчитывать в благоприятном случае даже самый смелый политик. Причина этого лежала в политической шаткости, благодаря которой Англия могла надеяться добиться в свою пользу некоторых уступок путем привлечения на свою сторону Соединенных Штатов. Вопреки всяким дипломатическим обычаям, американские политики довели до конца мирный договор с Англией, ни разу не уведомив французское правительство о ходе переговоров, а между тем им было не безызвестно, что одновременно с этим шли также мирные переговоры между Францией и Англией. Особенного вреда французам это, конечно, не принесло, так как и они вконец пришли к желанному результату. Однако Франция могла убедиться на этом опыте, что союзник ее неудобен и ненадежен, рада была случаю отделаться от него и не щадила упреков в предательстве.

Мир, подписанный в Версале 3 сентября 1783 года, признавал 13 Соединенных Штатов Северной Америки самостоятельным государством. Почти все требования североамериканских представителей партии были удовлетворены Англией. Границей 13 штатов на юге должна была служить возвращенная испанцам Флорида. На западе им была предоставлена вся страна до Миссисипи, по которому установлено свободное плавание как для

246

них, так и для прочих наций. Северная граница шла от реки Сен-Круа через Тюдораздел между Гудзоном и рекой Св. Лаврентия и дальше через большие озера до истоков Миссисипи. Затем за ними было безусловно признано право участия в рыбных промыслах на отмелях Ньюфаундленда. Наконец, торговый и дружественный договор между Англией и Соединенными Штатами должен был, по возможности, восстановить связь, порванную войной. Признание Соединенных Штатов со стороны прочих европейских государств несколько замедлилось, но для молодого государства это было довольно безразлично, так как оно пользовалось и признанием, и решительным расположением держав, что было для него важнее всего. Таким образом, с внешней стороны республика Соединенных Штатов была установлена.

КОНСТИТУЦИЯ

Внутренняя организация Соединенных Штатов заставила желать еще очень многого. Народ в широких массах своих был еще вовсе не готов к свободе и самостоятельности. Даже люди, которые годами стремились к этой высокой цели и уже играли роль политических вождей в провинциальных собраниях, оказались далеко не на высоте задач, предъявляемых продуктивной правительственной деятельностью. До этого времени политическая жизнь была им знакома почти исключительно с отрицательной стороны, в виде оппозиции, отстаивавшей перед королевскими губернаторами действительные и мнимые права провинции. Теперь они внесли страстный и недостойный тон в прения конгресса, и здесь этот тон тем легче укоренился, что в этом собрании не доставало противовеса со стороны твердого правительства, соблюдавшего известные установленные формы.

Задача создать конституцию для 13 Соединенных Штатов была нелегкая, если принять во внимание взаимное недоверие штатов и столкновение интересов обе-

247

их групп, северной и южной. Когда континентальный конгресс был создан в 1774 году в первый раз, полномочия его представлялись совершенно неясными. Он состоял из депутатов от представительных собраний 13 провинций и в этом смысле, конечно, стоял на законной почве; но ни цель его, ни продолжительность, ни размер его полномочий не были определены. Если постановления конгресса в первые годы войны редко встречали действительное сопротивление, несмотря на то что производили коренные жизненные изменения, то это было не столько следствием правового состояния, сколько требованием фактических условий. Сам конгресс ощущал шаткость своего правового положения. Поэтому одновременно с провозглашением независимости была избрана комиссия с целью создания правовой почвы для обсуждения общих дел колоний. Работа этой комиссии в форме так называемых статей конфедерации была рассмотрена конгрессом только осенью 1777 года и передана затем для ратификации законодательным собраниям отдельных провинций. Прошло еще 15 месяцев, прежде чем 12 штатов приняли эти статьи; штат Мэриленд отказывался принимать их почти целых два года. Конгресс, однако, ничего не выиграл от такого формулирования СРОИХ полномочий: наоборот, в последние годы войны авторитет его все более падал. Можно было опасаться, что он, а с ним и идея единства, окончательно потеряют доверие, как скоро с окончанием войны исчезнет внешняя необходимость солидарности. Так думали все проникательные политики, как те, которые желали блага Соединенным Штатам, так и те, которые спекулировали на распадении их. Предвидя это, Вашингтон, прежде чем сложить с себя верховное начальство над союзным войском, этим воплощением единства, и вернуться к частной жизни, обратился со знаменитым письмом к законодательным собраниям отдельных штатов. В этом письме он горячо доказывал им, что прочное единение является

знанию президента, но вначале его воззвание не произвело заметного действия.

В течение революционного периода в отдельных штатах также сильно окрепло чувство независимости. До провозглашения независимости можно было назвать только две провинции, Коннектикут и Род-Айленд, имевшие шире республиканский характер. Во всех прочих над народным представительством стоял либо феодальный правитель, как в Пенсильвании, Делавэре и Мэриленде, и — королевский губернатор. Но во время войны эти последние штаты также переработали свои конституции! в республиканском духе. И они слишком гордились вновь завоеванным правом неограниченного самоуправления, чтобы охотно поступиться им в интересах общего блага. Носю достижений: независимости и заключения мира; *лишалось, что работа континентального конгресса. Коннектикут, фс;дс;аш;л;т;ельством всех штатов пока исчерпана. Коннектикут стремился теперь устро- н в этом н'л.ом положении так, как ему казалось наиболее выгодным с точки зрения собственных интересов. О тис цела оставались в самом позорном пренебреже-нии. Конгресс не был даже в состоянии уплатить жалова- н, с союзному войску. Правда, правительства штатов: ~!;б;являли готовность поставить свои гарнизоны в горе-и-с.х Саванне, Чарльстоне и Нью-Йорке, которые англи-ч-ы-с: хотя и занимали еще, но должны были очистить по мирному договору. Но конгресс не в состоянии был при-и;Т;б на себя дальние военные посты в северных и запад* ных пограничных территориях, которые ни для кого не представляли непосредственной выгоды, так же как не Мо; дать условленного вознаграждения сторонникам ан-мчан в Соединенных Штатах. Бессилие центрального правительства производило за границей самое неблагоприятное впечатление. Во многих случаях дипломатия терпела поражения только из-за недостатка уважения к Соединенным Штатам. Даже в собственном отечестве конгресс потерял доверие. Пенсильвания смотрела спокойно, как корпорация, представлявшая собой союз всех

штатов, была обращено в бегство 80 возмущившимися резервистами и была вынуждена перенести место своих совещаний в Принстон. Вскоре между штатами разгорелась война всех против всех. Повод к ней дал Нью-Йорк, который не только в отношении чужих земель, но, пользуясь крайне произвольным толкованием конфедерацион-ных статей, и в отношении своих непосредственных соседей окружил себя оградой самых стеснительных ввозных пошлин, которые взыскивал с беспощадной строгостью. Уже в силу этого был возбужден вопрос: не лучше ли будет предоставить конгрессу право регулирования заграничные пошлины. Только из-за отсутствия этого права не мог состояться желательный торговый договор с Испанией. Точно так же немислима была энергичная борьба с Англией, которая распространила теперь навигационный акт и на Соединенные Штаты: в то время как штаты Новой Англии отвечали на это собственным навигационным актом, Коннектикут охотно предоставлял свои гавани в распоряжение англичан. Южные штаты также высказались против навигационного акта, опасаясь, что судовладельцы новоанглийских штатов с уст- ранением всякою соперничества настолько поднимут фрахты, что их невозможно будет выдержать. Возобновились и старые пограничные споры. Еще в начале войны за независимость Соединенные Штаты вы- сказывали притязание на внутреннюю страну по ту сторону Аллеганских гор и не могли сойтись лишь в том, какому штату она должна принадлежать. Массачусетс и Коннектикут требовали себе доли на основании коло- ниальных грамот, которые охватывали их территории от океана до океана. Нью-Йорк претендовал на все страны, которые платили дань его союзникам ирокезам, а Виргиния присваивала себе всю неразделенную землю на том основании, что все прочие колонии были будто бы лишь позднее выдвинуты из Старой Виргинии. Фактически Северная Каролина владела Теннесси, а Виргиния — Кентукки, и вообще отнятие западной территории у англичан во время революционной войны совер-

шилось исключительно со стороны Виргинии. Но так как в то время Виргиния и без того представляла самый населенный и богатый штат, то мелкие штаты, которые не могли расширяться в будущем с силу своего географического положения, очень мало склонны были давать этому отдельному штату разрастаться до бесконечности. Пример Нью-Йорка показал им, с какой опасностью это было бы сопряжено для более мелких и более бедных соседей. Законодательное собрание искало выход из этого столкновения интересов и еще в 1777 году внесло предложение в конгресс урегулировать вопрос относительно притязаний на территории между Аллеганскими и Миссисипи, а саму землю предполагалось разделить и образовать новые штаты. Это предложение не встретило поддержки и было отклонено. Но Мэриленд объявил, что ставит принятие конфедерационных статей в зависимость от принятия предложения относительно западных тер- риторий. В этом заключалась главная причина, почему этот штат, вообще безусловно верный союзу, только в 1781 году присоединился к конфедерации. Лишь в этом году Виргиния, по примеру Нью-Йорка и Коннектикута, принципиально отказалась от своих притязаний; за ней последовали Массачусетс, Северная Каролина и Джорджия.

Урегулирование этим путем территориальных споров повело к важным последствиям в области государственного права. До того времени конгресс, не имея ни власти, ни средств, влачил жалкое существование. Теперь отречение отдельных штатов от своих притязаний на внутреннюю страну предоставило в его распоряжение область не только обширную, но и чрезвычайно богатую, как показывало цветущее состояние разбросанных в ней поселений. Вопрос был лишь в том, в какой форме должна была выразиться власть конгресса над этой территорией. Предложение виргинского президента Томаса Джефферсона немедленно образовать из этой страны десять новых штатов и дать им идеальную образцовую конституцию было отклонено, главным образом ввиду этого

пункта. Кроме того, Теннесси и Кентукки успели настолько окрепнуть, что вскоре после окончательного формирования Соединенных Штатов настояли на признании их полноправными штатами. Наоборот, территория к северу от Огайо была предоставлена в непосредственное распоряжение конгресса, частью для погашения военного долга путем продажи земель, частью с целью дать возможность уволенным борцам войны за независимость основать собственный очаг при благоприятных условиях. При организации устройства этой территории были приняты во внимание общие принципы личных прав, свободы совести и проч., лежащие в основе конституции тринадцати штатов. В остальном было предоставлено конгрессу установить временные формы правления. Рабство было изгнано из этой области и предположено преобразование ее в полноправные штаты.

Благодаря этому авторитет конгресса несколько поднялся, чему еще более способствовало то обстоятельство, что он предоставил образец обширной области, успешно управляемой центральной властью.

Просвещенные политики, и прежде всего Вашингтон, не скрывали своего убеждения, что Соединенные Штаты могли выбраться из своего униженного положения лишь в том случае, если бы их государственная жизнь вылилась бы в более прочную форму на почве единения. Конгресс представлял лишь тень правительства. Будущность Америки — и это поняли уже тогда — заключалась в экономическом освобождении ее необъятных вспомогательных источников. А это было невозможно, пока мелкие счеты и распри между штатами постоянно подрывали общее благосостояние и давали смелость сегодня англичанам тормозить судоходство северных штатов, а завтра испанцам преграждать устья Миссисипи для южных штатов. Первое предложение поручить конгрессу совокупные торговые дела всех Соединенных Штатов вызвало такую удивительную смесь притязаний и уступок, что немислимо было создать что-либо прочное; поэтому оно потерпело поражение. Тем не менее именно этому толчку

252

обязана своим происхождением конституция Соединенных Штатов.

Как и во все политические вопросы своей родины, Вашингтон внес живой интерес в вопрос об экономическом поднятии страны. Еще до сложения команды над союзной армией он предпринял круговую поездку по северным областям, чтобы лично ознакомиться с положением водного пути между Гудзоном и озерами.

Удалившись в частную жизнь, он особенно интересовался планом создания водного пути от залива Чизапик через Потомак к Огайо, так как общность интересов он считал лучшим звеном для обеспечения единства Соединенных Штатов. Проект канала предполагал, однако, соглашение между различными штатами; но когда был принят в принципе съезд делегатов четырех наиболее заинтересованных штатов, то возник план расширить совещания делегации за пределы узких рамок постройки канала и представить на рассмотрение ее экономические и, в частности, торговые потребности Соединенных Штатов вообще, и для этого разослать всем штатам приглашения. Таким образом, в сентябре 1786 года состоялась конвенция в Аннаполисе. Сама по себе она не сопровождалась никакими результатами, но дала толчок к важному по своим последствиям решению просить конгресс о создании новой конвенции для совещания о каналах и торговых путях, и вообще о предметах, касающихся благосостояния Соединенных Штатов.

Конгресс не прочь был удовлетворить ходатайство конвенции Аннаполиса. Но прежде чем дело дошло до этого, распространилась весть, что Виргиния уже назначила депутатов для предстоящей конвенции и что Вашингтон уже принял полномочие. Популярность этого имени произвела чудеса. В течение короткого времени еще четыре других штата назначили своих депутатов, и по предложению Массачусетса, конгресс поспешил разослать приглашения на конвенцию в Филадельфию в сентябре 1787 года. В том самом здании, которое было местом конгресса в эпоху войны, собралась конвенция, тру-

253

дамы которой была создана окончательная конституция Соединенных Штатов. Двенадцать штатов (Род-Айленд отсутствовал) имели там 55 делегатов, которые в первом своем заседании избрали Вашингтона президентом. Совещания происходили тайно и вначале не имели обязательности для докладчиков. Но именно сознание, что работа их может сделаться законом лишь после новой проверки в конгрессе и законодательных собраниях, дало делегатам мужество, не ограничиваясь робкими компромиссами с существующими условиями, предложить совершенно новую конституцию, построенную на существенно измененных основаниях.

Большинство депутатов проникнуто были сознанием, хотя об этом и не говорилось, что главная цель собрания заключается в том, чтобы укрепить союз 13 штатов и поставить его на более твердую основу. Федералистам противостояла партия антифедералистов, составлявшая меньшинство. Дальнейший ход совещаний вызвал потом иные группировки депутатов, и решения конвенции явились, в конце концов, результатом длинного ряда компромиссов. Но здесь важно уже то, что, вместо занятий догматической политикой, все партии принимали живое участие в общем деле, обмениваясь мыслями, и это было актом высокой государственной мудрости.

Виргиния, которая дала импульс к созванию конвенции, первая выступила здесь с определенным планом. Под ответственность губернатора Эдмунда Рандольфа собранию был предложен план более действительной организации центральной власти, выработанный, главным образом, Джеймсом Мэдисоном. Конгресс должен был избираться всеми гражданами Соединенных Штатов и являться, следовательно, непосредственным выражением верховной власти народа. По образцу законодательных собраний в

большинстве государств, конгресс должен был состоять из двух палат. Нижняя палата избиралась при помощи прямых выборов, верхняя, палата нижней из среды лиц, предложенных законодательными

254
собраниями отдельных штатов. В том и другом случае число делегатов соответствовало числу жителей и количеству налогов. Голосование в обеих палатах совершалось не по штатам, как в прежнем конгрессе, а поименно, и дела решались простым большинством, тогда как раньше требовалось большинство двух третей. Наконец, созданный таким образом конгресс не только являлся верховной инстанцией в общих делах, но мог накладывать veto на постановления правительств отдельных штатов, опасные для общего блага.

В своей совокупности этот план имел слишком централистический характер, чтобы он мог быть одобрен антифедералистами. Но самый существенный пункт его, создание народного представительства в палате депутатов, был спасен для будущей конституции с помощью одного из государственных компромиссов. Федералисты голосовали за так называемый план Нью-Джерси, внесенный Уильямом Паттерсоном, хотя и в измененной форме, согласно которому все штаты, безразлично, большие или малые, бедные или богатые, имеют в верхней палате (сенате) по два делегата. Взамен того антифедералисты согласились на избрание по одному представителю на каждые 30 000 жителей и индивидуальный способ голосования для обеих палат. Выбор депутатов в зависимости от численности населения повел к новому разногласию во мнениях. Как понимать число населения в штатах? Принимать ли во внимание индейцев и негров при определении числа депутатов, посылаемых каждым штатом? Этот вопрос сразу обнаружил пропасть, существовавшую между северными и южными штатами, и, вероятно, еще больше затруднил бы работу конвенции, если бы не удалось прийти к компромиссу на основании бывшего счастливого прецедента. Когда в 1783 году требовалось определить суммы, причитающиеся на долю каждого отдельного штата для покрытия расходов общего дела, то южные штаты должны были в конце концов согласиться, чтобы лять черных считать равными трем белым. И когда теперь необходимо было считаться с населением негров для выбора депутатов, то

255
представители северных штатов, конечно, припомнили им их эгоизм. Югу и в этом случае оставалось лишь остано-! виться на системе трех пятых.

Конвенция с самого начала принципиально признала, что будущий конгресс должен быть высшим руководителем внешней торговли Соединенных Штатов. Но здесь обращено было внимание на вопрос о рабстве и возникли прения о том, в праве ли конгресс воспрещать торговлю рабами. Аболиционное движение (в пользу отмены рабства) было тогда очень сильно в Северной Америке: за исключением Южной Каролины и Джорджии, все штаты высказывались против дальнейшего существования работорговли, и многие депутаты были противниками рабства вообще.' Но ввиду существования значительной розни интересов в группах конвенции, нежелательно было подавить эти два штата простым голосованием. Южные штаты дали согласие на признание за конгрессом верховной власти в торговых делах, власти, весьма несимпатичной для них, и взамен того им было обеспечено существование работорговли еще на 20 лет.

После того как полномочия будущего конгресса и законодательных штатов были ясно разграничены целым рядом обстоятельных постановлений, осталось еще организовать исполнительную власть. Несмотря на все нерасположение к монархическому началу, большинство членов конвенции быстро пришло к тому, чтобы во главе исполнительной власти было поставлено одно лицо. Но вопрос о способе избрания этого лица вызвал бесконечные дебаты, во время которых полуготовое здание не раз грозило рухнуть. Наконец согласились на том, что президент Соединенных Штатов избирается особой, назначенной для этого выборной коллегией на четыре года, но затем может быть выбран вновь. Способ избрания коллегии представлялся отдельным штатам. Только с 1868 года установлено было образование выборной коллегии путем непосредственных народных выборов.

Конвенция в Филадельфии совершила весь свой труд в сознании необязательности его; это обстоятельство

256
помогало ей, особенно вначале, обходить некоторые затруднения. Но хотя в течение ее занятий, два депутата от Нью-Йорка демонстративно удалились, а в конце три других члена (два от Виргинии и один от Массачусетса) отказались подписать плод совещаний нескольких месяцев, большинство, тем не менее, вполне сознавало, что за ним стоит все население молодого государства. Дальнейшая судьба внесенных ими предложений доказала, что они не ошиблись в этом.

20 сентября 1787 года Вашингтон представил конгрессу труд конвенции. Партия антифедералистов готова была провалить его и с этой целью внесла предложение о пересмотре в конгрессе проекта конституции во всей его целости и об изменении его в случае надобности. На стороне федералистов оказалось, однако, громадное большинство, когда они постанови-ли, чтобы труды конвенции были тотчас переданы в неизменном виде на голосование отдельных штатов. Первый штат, который высказался в пользу новой кон-ституции, был Делавэр; 6 декабря она была принята здесь единогласно.

За ним последовали Пенсильвания и Нью-Джерси еще в декабре, Джорджия и Коннектикут — в январе и Массачусетс, после серьезных прений, — в феврале 1788 года. Согласно прежней конституции, требовалось для принятия большинство, по меньшей мере, девяти штатов; но и в этом случае затруднения были обойдены при помощи компромисса. Уже Массачусетс- хотел высказаться лишь в смысле условного признания; точно так же обстояли дела в Виргинии. Но Вашингтон справедливо указывал на то, что колебания в только что созданном деле были бы равносильны его отрицанию. Конституция сама указывает средства, как дополнять ее и развивать дальше, и в этом должны искать удовлетворения те штаты, желания которых не совсем выполнены. Эти доводы оказались убедительными для Массачусетса и были признаны и другими законодательными собраниями. До июня, еще раньше, чем последовало решение Вирги-

9 Зак.571

257

нии, было получено согласие девятого штата. Вслед за тем были назначены выборы президента, на которых 7 января 1789 года принимали участие все штаты, за исключением Нью-Йорка, Северной Каролины и Род-Айленда. 69 депутатов избрали единогласно Вашингтона первым президентом Союза.

ЭПОХА ВЕЛИКИХ ВИРГИНЦЕВ

Не подлежало никакому сомнению, что в Соединенных Штатах не было другого гражданина, которому они могли бы вручить свою судьбу с таким же безграничным доверием, как Джорджу Вашингтону. Он соединял в себе вместе с тончайшим светским тактом бескорыстие, стоявшее выше всякого сомнения, и твердую веру в великое будущее своего отечества, в распоряжение которого он отдавал свои богатые способности, свое высокое образование и обширный практический опыт. Он не искал президентского кресла и, получив его, пожал лишь Плоды многолетней деятельности на общую пользу.

Оставаясь в течение всей войны за независимость выше всяких партий, он пожелал остаться вне партий и теперь, в качестве главы государства, и соединить вокруг себя лучшие силы страны для совместной работы. Вскоре, однако, опыт убедил его, что столь высокие взгляды трудно провести в жизнь. В борьбе из-за конституции положено было начало резкому обособлению партий. И этот партийный дух неизбежно сообщился тем лицам, кото* рых Вашингтон избрал в свои сотрудники. Самая настоятельная задача нового правительства заключалась в восстановлении кредита Соединенных Штатов, и вместе с тем доверия к ним извне и внутри. В лице Александра Гамильтона Вашингтон располагал финансовой силой первой степени. Гамильтон играл уже в конвенции видную роль; принятие конституции в законодательном собрании Нью-Йорка было, главным образом, его делом. Но он с такой силой отстаивал сильную центральную

258

власть, что ему, не без основания, приписывали пристрастие к монархической форме правления. Такой взгляд поставил его во главе федералистической партии, а противникам его дал удобный повод к подозрениям. В свою очередь, резкость Гамильтона немало способствовала обострению отношений. Первые мероприятия его, установление соединенного государственного долга и принятие Союзом на себя государственных долгов, явно преследовали централистические тенденции. Но в глазах его противников они являлись большим злом, так как открывали для богатых купцов северных штатов перспективу доходных, хотя и не слишком чистых дел: они скупали в больших количествах обесцененные государственные бумаги, а с повышением их снова сбывали с большим барышом. Когда Гамильтон, чтобы добыть средства для этих финансовых операций, предложил налог, который, по его собственному заявлению, должен был напоминать каждому отдельному гражданину о его принадлежности к Союзу с самой чувствительной стороны, со стороны кармана, то в нем ярко высказался человек партии. И не только антифедералисты после того объявили ему войну: на западе вспыхнуло даже восстание против власти Союза. Для Гамильтона такой поворот был не совсем нежелателен. Проведя в конгрессе свой проект налога в измененном виде, он сумел побудить Вашингтона отправить внушительное войско для подавления восстания. Собственно говоря, слабое возмущение не требовало такой меры, но Гамильтон хотел дать осязательное понятие о силе центральной власти.

Вашингтон, по своим политическим убеждениям, был также федералистом, но не в партийном смысле слова, как Гамильтон. Поэтому он, одновременно с тем, избрал в число своих министров человека, который впоследствии сделался главой антифедералистов: Томаса Джефферсона. Когда последний возвратился со своего поста во французском посольстве, Вашингтон поручил ему пост государственного секретаря, и Джефферсон выразил готовность принять его. В то время он представлял собой еще

чистый лист бумаги; он доказал это тем, что вначале помогал Гамильтону проводить в конгрессе планы регулирования долгов. Но, подобно тому, как Гамильтон был «северянином», Джефферсон уже бессознательно чувствовал в себе «южанина». Гамильтону пришлось купить его содействие тем, что он привлек голоса своих сторон-пиков в пользу устройства будущей столицы Союза в области южных штатов в Потомаке. Главное несчастье всей этой партии заключалось в том, что ее лозунгом были исключительно вопросы материальных интересов и что ее не воодушевляли идеальные точки зрения и определенные убеждения. Эти интересы всегда разделяли Союз на два географически ограниченных лагеря, так как выгоды северных штатов, занимавшихся торговлей, шли вразрез с выгодами земледельческого юга. Несогласия федералистов и антифедералистов выяснились и приобрели почву в действительности только во время борьбы за союзную конституцию. Когда конституция была закончена и практически введена, это обозначение партий сохранило лишь номинальное значение; на самом деле господствующая партия всегда была более или менее федералистической, тогда как оппозиция ловко прикрывала стремлением к децентрализации свои эгоистические цели.

Вашингтон имел сильное желание удалиться в частную жизнь по окончании периода его первого Четырехлетия в звании президента. Но он снова был избран единогласно на дальнейшие четыре года, уступив просьбам всех партий. Для молодого государства это было безусловно большим счастьем, так как в эти годы для него наступили тяжелые испытания, с которыми только дальновидный такт Вашингтона в состоянии был справиться. Дружба с Францией все еще играла большую роль для Соединенных Штатов, тем более что вспыхнувшая там революция стремилась к созданию государственного строя, который представлял много сходства с условиями Соединенных Штатов. Однако для этой дружбы наступил критический момент, когда свержение королевской власти и провозглашение республики вовлекло французское государство

260

в военные осложнения. Южные штаты, которые еще в 1782 году стояли за французский союз, теперь впали в опьянение от громких фраз французских республиканцев и готовы были бок о бок сражаться с ними против деспотов. Для Соединенных Штатов, однако, это не имело бы никакого смысла, так как экономические отношения их с Францией были крайне ничтожны, между тем как от торговых отношений с Англией зависело почти все благосостояние северных штатов. Поэтому, Вашингтон провозгласил строжайший* нейтралитет. Конечно, это не улыбалось французским республиканцам, дипломаты которых обнаруживали теперь такую же бесстыдную назойливость, как некогда американцы. Французский уполномоченный считал себя вправе вербовать солдат в американских городах и снаряжать каперские суда, так как не только на юге, но даже в Нью-Йорке народ устраивал ему восторженные встречи. Но Вашингтон не давал себя сбивать с пути, раз намеченного, и народная масса примкнула к нему, когда посланник своим бестактным поведением обострил дело до такой степени, что затронута была сама честь американского государства.

Положение союзного правительства было бы существенно легче, если бы у него не было в то же время справедливых доводов жаловаться на Англию. Последняя все еще не очищала постов в западной области Союза, потому что договорные требования еще не были удовлетворены. Кроме того, меры, при помощи которых Англия старалась стеснять торговлю нейтральных государств с Францией и монополизировать торговые отношения со своей страной в интересах собственных подданных, наносили ущерб торговле Соединенных Штатов в самых различных направлениях. Этому трудно было, однако, существенно помочь, пока продолжалась война между Францией и Англией; Вашингтону удалось, правда, добиться путем договора при посредстве Джона Джея некоторых облегчений, но многие стеснения все еще оставались в силе, и преемникам его суждено было еще много лет бороться с этими затруднениями.

261

Прослужив второе четырехлетие, Вашингтон безусловно отклонил новое избрание, и пришлось ставить во главе государства другое лицо. Уже тогда партия федералистов начала сама себе рыть яму; Гамильтон пустился в различные выборные маневры, чтобы оттеснить Джона Адамса, лично ему неприятного, от поста президента. Но эта цель не была достигнута. Наоборот, Джон Адаме (1797—1801 гг.) искал у антифедералистов опоры против собственной партии. Течение сильно подталкивало, против собственной воли, к войне с Францией. Директория своим недостойным отношением заставила Соединенные Штаты порвать с ней дипломатические отношения: под предлогом контрабанды она вскоре объявила такую войну американской торговле, хуже которой никогда не вела даже Англия. При таких условиях федералистская партия воспрянула и приняла решение объявить войну Франции; но еще раньше, чем этот шаг был сделан формально, Адаме воспользовался первым намеком со стороны Франции на уступчивость, чтобы примириться с ней. Поражение федералистов было тем тяжелее, что они одновременно сделали столь же неразумный шаг и во внутренней политике. Чтобы освободиться от чужеземной агитации в стране, они внесли строгий закон против нее и против оскорблений правительства и провели его, несмотря на сильные протесты. Антифедералистская партия усмотрела в этом верх незаконности. Законодательные собрания в Кентукки и Виргинии устроили заседания с целью выражения протеста. При этом были приняты знаменитые решения, в которых государственные юристы отстаивали право оказывать в случае надобности даже активное сопротивление незаконным постановлениям конгресса. Эти решения в первое время не имели

большого значения, но впоследствии они служили опорой для аргументации всех, кто добивался уступок. Ближайшие президентские выборы поставили во главе государства Джефферсона. Из-за неудачной выборной тактики антифедералисты достигли того, что Джеффер-

262

сон и Бург, избранный вице-президентом, получили одинаковое число голосов. Безызвестный Бург был охотно готов выбить Джефферсона из седла; но федералисты, которые в этом помогали ему, добились лишь того, что сами навлекли на себя неудовольствие. Джефферсон вышел из борьбы вдвойне победителем. Правление его еще раз ясно доказало, что находиться в оппозиции и управлять самому — две совершенно различные вещи.

Отношения с державами Европы, находившимся в войне между собой, все еще определяли политику союзного правительства. Со времени провозглашения независимости не прекращались споры Соединенных Штатов с Испанией по поводу плавания по Миссисипи. По Парижскому миру Англия объявила это плавание свободным, но так как она в то же время уступила Флориду Испании, то устья реки перешли исключительно в испанские руки, и мадридское правительство безусловно воспретило плавание по своей области. Только после долгих переговоров, в 1795 году, Новый Орлеан был открыт для американских судов. Но почти тотчас же после того начались переговоры, которые привели к уступке Луизианы Франции и, следовательно, к новому изменению условия плавания в устьях Миссисипи. Союзное правительство много раз задумывалось над тем, как избежать перехода пограничной области между Луизианой и Флоридой из слабых рук Испании в руки Англии или Франции. Джефферсон не терял ни минуты и вступил в переговоры с новым владельцем Луизианы по поводу отношений между соседями. При этом он сделал поразившее его открытие, что первый консул, Наполеон, был не прочь уступить эти владения, имевшие для него сомнительную ценность. Джефферсон считал, впрочем, что конституция не уполномочивает его приобретать новые земли для Союза, но, с другой стороны, он не мог упустить единственного случая к расширению и обеспечению союзных границ. Поэтому он безусловно одобрил поступок своего посланника, который купил эту область у Франции за 15 млн долларов. Правда, поднялась доволь-

263

но значительная оппозиция, особенно со стороны северных штатов, которые опасались, что открытие устьев Миссисипи нанесет ущерб их торговле. Но даже враги Джефферсона не были настолько слепы, чтобы серьезно затормозить столь выгодную сделку.

Осенью 1804 года Джефферсон был снова избран в президенты на следующее четырехлетие. Второй период его службы был исполнен чрезвычайно трудных обстоятельств. Чем более обрисовывалась истинная натура Наполеона и выступало его величие, тем с большим ожесточением разгоралась война в Старом Свете. В эту войну вовлекались и Соединенные Штаты, так как обе морские державы, Англия и Франция, самым жестоким образом преследовали отношения граждан Союза с их врагами. При этом поведение Англии было, пожалуй, еще враждебнее, чем Франции, хотя обе нации позволяли себе каперские захваты американских судов чуть ли не в их собственных гаванях. Однако благодаря старому расположению южных штатов к Франции и восторженному отношению Джефферсона к этой стране условия складывались так, что гнев союзного правительства прежде всего направлялся против Англии. Еще со времен войны за независимость укоренилось убеждение, будто прекращение всяких торговых отношений является особенно острым оружием в борьбе с Англией. И так как с американской стороны могли страдать при этом преимущественно торговые северные штаты, то господствовавшая в то время партия южных штатов добилась немедленного принятия предложения относительно захвата кораблей (embargo), что продолжалось несколько месяцев. На самом деле, однако, эта мера причиняла серьезный ущерб одной лишь американской торговле, так как Англия почти всецело господствовала в американских водах и покровительствовала незаконной торговле, чем почти совершенно подрывала отсутствие законной. Все громче раздававшийся ропот Севера произвел, наконец, влияние на конгресс. Джефферсон сам имел ввиду скорую отмену захватов; но к концу срока своей службы он

264

настолько уже утратил власть над умами, что противная партия, против его воли, добилась немедленной отмены.

Перемена президентства не вызвала, впрочем, изменений ни внешнего, ни внутреннего положения. Мэдисон, подобно Джефферсону, принадлежал к вождям партии южных штатов, но, подобно последнему, в силу обязанностей, налагаемых положением президента, все более и более склонялся на сторону федералистов. Одно было несомненно, что его личное влияние на партию Юга было гораздо слабее, чем влияние его предшественника. При вступлении в президентство он застал те же отношения с Англией и Францией. Отмена embargo не вызвала у Англии существенного облегчения стеснений с ее стороны. Наоборот, возникшие переговоры кончились тем, что Англия в оскорбительной форме отклонила все требования и отказана в каких бы то ни было уступках до тех пор, пока Соединенные Штаты не примут более решительного положения против Франции. Правда, последняя не заслуживала пощады со стороны Америки, так как она держалась столь же враждебно, как и Англия. Но фразы о «традиционной дружбе» между Францией и Союзом все еще не утратили своего обаяния, и правительство не могло решиться повернуть фронт против Франции и этим купить сомнительную дружбу Англии. При таких условиях продолжались переговоры с обеими державами относительно отмены мер, стеснявших торговлю нейтральных государств,

между тем как обе стороны поступали неприязненно с американскими судами, которые не дерзали отвечать им тем же. Из этого безвыходного положения правительство было выведено, наконец, с такой стороны, с которой оно меньше всего могло ожидать этого.

На Юге, в партии антифедералистов, образовалась новая группа, которая стала проводить в более резкой форме одностороннюю политику своей партии. Вожди этой партии, Клей и Кальгун, увлекались панамериканскими идеями, первой целью которых было завоевание Канады. Поэтому они грозили президенту лишить его

265

своей помощи на предстоявших выборах, если он не обратит энергичной политики против Англии. Мэдисон из честолюбия стремился во что бы то ни стало продержаться два четырехлетия во главе государства, подобно своим предшественникам, и этому желанию он принес в жертву свое миролюбие. 1 апреля 1812 года он возобновил торговую войну, восстановив еще раз embargo. Но так как Север не был склонен к воинственной политике и не желал входить в расходы ради Юга, то результата почти не получилось. Однако военная партия продолжала настаивать, и Мэдисон уступил.

Как бы в ясмешку над стремлениями американцев именно в это время и в Англии, и во Франции последовала отмена декретов, стеснявших торговлю нейтральных государств. Но прежде чем весть об этом успела дойти до Америки, послушное большинство в конгрессе решило и объявило войну Англии (18 июня 1812 г.). Если уже война за независимость, несмотря на преобладавшую тогда общность интересов, разоблачила весьма печальную картину военной силы Союза, то это можно было сказать еще в большей мере относительно настоящей войны, которую Север с самого начала клеймил названием партийной войны своих противников. Вероятно, Англия некоторое время действительно лелеяла надежду расшатать Союз и побудить северные штаты образовать отдельный союз, настроенный дружественно относительно Англии. Подобное обвинение против северных штатов опиралось, главным образом, на переговоры при заключении Гартфордской конвенции. Но это собрание, на котором официально присутствовали лишь представители Род-Айленда, Коннектикута и Массачусетса, успело, в сущности, не больше, чем сделали в южных штатах решения Кентукки и Виргинии против Адамса; оно отстаивало право отдельных штатов считать для себя не-обязательными несправедливые и опасные решения союзного правительства и, вероятно, также принципиальное право сопротивляться подобным постановлениям с оружием в руках. Однако в данный момент подобной слу-

266

чайности, по их мнению, не предоставлялось, и, отказываясь принимать активное участие в войне, они все еще были далеки от того, чтобы вступать в отдельные переговоры с Англией.

Ход войны, несомненно, свидетельствовал о том, как мало она была подготовлена и в общем непопулярна. Согласно плану, выработанному Мэдисоном, война должна была ограничиться обороной побережья, а на севере перейти в энергичное наступление так, чтобы, по возможности, навсегда овладеть Канадой. Но он не мог создать необходимых для того средств. Набор и вербовка, утвержденные конгрессом, далеко не удовлетворяли потребности; даже милиция, насколько могла, уклонялась от службы. К этому присоединялась полнейшая неспособность генералов, вследствие чего первый поход завершился позорнейшими неудачами, которые не могли быть вполне заглажены во время обоих последующих походов. Правда, в каперской войне корабли и моряки северных штатов, как никогда в войне за независимость, оказались противниками, которыми нельзя было пренебрегать. Во многих стычках они обнаружили такую храбрость, что союзное правительство решило в будущем обратить серьезное внимание на создание союзного флота. Но там, где англичане действовали флотами, а не отдельными кораблями, они почти не встречали настоящего сопротивления. Уже в два первых похода это должны были тяжело испытать - на себе многие приморские города; в 1814 году англичане высадились в Потомаке, овладели столицей Союза и сожгли ее, причем им ни разу не понадобилось серьезно прибегнуть к оружию. Союзное правительство было рассеяно и почти совершенно перестало существовать.

В это время явилась неожиданная помощь союзу с Юга. Еще в эпоху войны за независимость как англичане, так и американцы прибегали к помощи индейцев, но с весьма различным успехом. Краснокожие даже тогда, когда американцы обещали им величайшие выгоды, не забывали дурного обращения с ними со стороны всех

267

английских колонистов вообще, в прошлом и в настоя-! щем. Поэтому они являлись недоброжелательными и? ненадежными союзниками. Но англичане заняли в Кана-! де место французов и, по крайней мере отчасти, следовали их разумной политике по отношению к индейцам. Притом они еще долго после провозглашения независи-* мости удерживали позиции на западе и здесь вступали в общение с индейцами. Еще Вашингтону приходилось в течение многих лет вести войны с индейцами, в которых успех достигался лишь беспощадным применением силы и был связан с неоднократными тяжелыми потерями. И теперь индейцы точно так же охотно переходили массами на сторону англичан. Возник даже план всеобщего восстания индейцев от северных озер до Флориды, вдохновляемый воинственными речами Текумса". На севере этот проект не привел к удачным результатам; но в южных и юго-западных штатах поднялось племя криков, которое грозило американцам серьезной опасностью. Здесь впервые появился на сцене Эндрю Джексон. Его беспощадный характер, с одной стороны, но и несомненные военные таланты, с другой, дали ему возможность устранить опасность сравнительно ничтожными средствами, несмотря на тайную поддержку,

которую индейцы получали из Флориды.

Эти сражения обратили внимание англичан на южные и на западные границы. Поняв значение, которое должно было иметь устье Миссисипи для североамериканцев, быстро продвигавшихся к западу, они решили сделать попытку укрепиться там. Граница испанских владений во Флориде была с давних времен предметом спора между Испанией и Союзом. Новый Орлеан был составной частью Луизианы, чего не могли отрицать и испанцы; но в остальном они претендовали на восточный берег Миссисипи, тогда как Соединенные Штаты стремились обладать обоими берегами и были даже не прочь купить всю Западную Флориду. Этой неясностью границы воспользовались англичане. Они пристали к Пенсаколе и избрали этот испанский город базисом для

268

наступления. Здесь, однако, они натолкнулись на равносильного противника. Джексон перенес свои действия на эту границу; подобно англичанам, он не стеснялся соображениями международного права. Устроив свою главную квартиру также в испанском городе Мобиле, он с успехом напал на Пенсаколу; англичане должны были очистить ее и вернуться на свой флот. Наконец Джексону удалось привести в прекрасное оборонительное состояние Новый Орлеан, ближайший объект наступления англичан, так что они и здесь понесли поражение и должны были удалиться (8 января 1815 г.). Это отбило у них охоту к третьему нападению.

Еще раньше, чем сделались известными эти успехи, был заключен мир в Генте 24 декабря 1814 года. Легкомысленное начало войны и ее позорный ход давали североамериканцам мало права на благоприятные условия мира. Однако политическое положение Европы и на этот раз помогло им позвать то, чего они не сеяли. Уже вскоре после начала войны были начаты переговоры при содействии России. Опасение неблагоприятной группировки союзных держав побудило Англию понизить высокомерный тон, которым она вначале отклоняла всякое сближение. Мир был заключен быстро, так как пунктов разногласия, собственно, не существовало, и американцы не могли желать ничего лучшего, как восстановления прежнего положения вещей.

Непосредственным следствием заключения мира было приобретение Флориды. Мэдисону не суждено было осуществить это округление области Соединенных Штатов. Но преемник его Джеймс Монроэ был тем более пригоден для этой цели, что благодаря своим дипломатическим миссиям при европейских дворах усвоил себе все точки зрения на этот вопрос лучше, чем кто-либо другой. Война показала, что Испания не в состоянии защищать даже те немногие пункты, из которых ее чиновникам приходилось управлять Флоридой. Североамериканцы то и дело жаловались на полное бессилие Испании в стране и на то, что провинция ее являлась приютом всевозможных

269

преступников из соседних штатов. Вместе с тем на некоторых прибрежных островах поселились шайки флибустьеров, которые под предлогом борьбы за свободу испанских колоний одинаково грабили, наподобие настоящих морских пиратов, как испанские, так и американские суда. Здесь союзное правительство нашло необходимым вмешаться. Но как только оно приступило к водворению порядка во Флориде, трудно было указать границу, где оно могло остановиться. Подобно этим пиратам на море, семинолы являлись постоянным бичом для соседних штатов на суше. Англия снабжала их в течение войны деньгами, порохом и офицерами, и этой войне Гентский мир не положил конца. Наконец, Монроэ поручил Джексону подчинить семинолов. Когда он объяснил, что для этого необходимо завоевать всю Флориду, то правительство не ставило ему никаких преград. Оно старалось, наоборот, дипломатическим путем оправдать его действия. Под давлением этих обстоятельств были, наконец, приведены к желанному концу тянувшиеся много лет переговоры с Испанией. В октябре 1820 года за вознаграждение в 5 млн долларов Испания уступила Соединенным Штатам страну, которая давно ускользала от нее и давно не приносила ей никакой пользы. Таким образом, были сняты последние оковы, которые тормозили развитие страны и являлись угрозой для ее будущего.

Приобретение Флориды устранило на долгое время последний повод, который мог вовлечь Соединенные Штаты в дипломатическое столкновение с другими государствами. Наступил продолжительный период, в течение которого правители их могли отдать все свои силы на служение внутреннему развитию страны. Это последнее приобрело подъем, который превзошел самые смелые надежды основателей государства. Уже в 1806 году Джефферсон мог констатировать, что доходы правительства превышали расходы. В последующие годы неблагоприятные моменты могли внести лишь временный застой в этот успешный ход дел. Под влиянием непрерывно возрастающей иммиграции население увеличивалось

270

чрезвычайно быстро и захватывало все более широкие области. В 1818 году к первоначальным 13 штатам присоединилось еще 9 новых штатов, и предстояло дальнейшее возрастание в этом направлении. К этому следует прибавить, что при Монроэ государство имело редкое счастье снова видеть во главе человека, стоявшего вне партий. Монроэ, как последний из великих вирджинцев, был также избран в качестве кандидата антифедералистов; но старые партии окончательно исчезли, а в отношении новых партийных группировок Монроэ держался совершенно независимо. По примеру Вашингтона, он доказывал это тем, что в выборе своих советников не ограничивался одной партией, но сумел соединить вокруг себя для плодотворной работы способнейших людей из различных групп. Правда, он не в состоянии был уничтожить;

жить опасные зародыши, которые скрывало в себе крупное экономическое различие в развитии Севера и Юга. Но для страны было уже большим приобретением то, что вновь произведена была серьезная попытка равномерного развития ее общих интересов.

Войны Юга за независимость

ОДНИМ из важнейших мотивов, почему Испания не могла присоединиться к энергичным действиям во Франции в пользу североамериканских провинций, боровшихся за свою независимость, были соображения/ касающиеся ее собственных колоний. Именно потому, что правительство Карла III не желало по-прежнему геометрически замыкать колонии от остальных стран, вдвойне опасались влияния, какое могло бы оказать на колонии пример Испании, помогающей подданным другого государства насильственно освободиться от учреждений, которые издавна существовали в ее собственных колониях и от которых она никаким образом не намерена была отказаться. Поэтому она и в союзе с Францией пошла не дальше объявления войны Англии на своей территории и на Антильских водах. В отношении Соединенных Штатов она еще долго держалась крайне осторожно. Испания давно уже убедилась в том, что она не в силах оградить Антильские острова от чужеземного влияния, и отчасти, так сказать, предоставила их на волю судьбы. В сравнении с обширными колониальными владениями на материке, острова имели малую ценность и из года в год все больше теряли ее. Значительная доля их вообще была уже утрачена для испанского владычества. То, что испанцы сохранили там, приобрело для них значение лишь с того момента, когда владения на материке были потеряны. В 1795 году к прежним потерям присоединилась утрата Санто-Доминго. В то

272

время как во французской западной половине беспрерывно менявшиеся мероприятия революционных правительств привели, наконец, к войне всех против всех, Испания старалась вернуть обратно эту часть острова и для этого не брезговала союзом с восставшими черными. В наказание за это она должна была уступить и восточную половину Франции в 1795 году при заключении мира с восстановленным правительством. Эта жертва не была для правительства особенно тяжела, так как оно придавало Антильским островам мало цены. Остров Санто-Доминго был уступлен Франции. Испания не желала только оставить какому бы то ни было другому народу останки открывателя Нового Света, которые покоились до этого времени в соборе столицы Санто-Доминго: они были торжественно выкопаны и доставлены на борт фрегата Descubridor, который перевез их в Гавану. Там они оставались в кафедральном соборе до 1898 года под испанским флагом.

Мир с Францией, купленный ценой утраты Санто-Доминго, получил, однако, еще гораздо более роковое значение для всех колониальных владений Испании. Этим шагом она вернулась к политике, дружественной французам, которую завещал еще бурбонский фамильный договор 1761 года, и вступила даже в союз с Наполеоном в то время, когда вся остальная Европа сплотилась против его возрастающего могущества. Непосредственным следствием этого было уничтожение испанского флота в битве при Трафальгаре (21 октября 1805 г.). За этим последовало нападение англичан на испанские колонии в Америке.

Сообщениями генерала Миранды из Новой Гранады, который находился на службе французской революционной армии, но потом был изгнан, англичане были введены в заблуждение, будто испанские колонии ничего так не желают, как случая стряхнуть иго метрополии и организовать в качестве независимых штатов. Нельзя отрицать, что под влиянием североамериканской войны за независимость и французской революции в больших городах испанской колонии нашлись горячие головы, которые увле-

273

кались политически незрелыми идеями свободы и являлись единомышленниками Миранды. Но насколько массы населения испанских владений в Америке были далеки от всякого понимания подобных планов, в этом англичане могли убедиться к собственному ущербу, когда они, соблазнившись предложениями Миранды, попытались зажечь пламя восстания в испанской Америке.

Из всех испанских береговых пунктов ни один не был более пригоден для такого предприятия, чем Буэнос-Айрес. Устье Ла-Платы всегда было средоточием обширной незаконной торговли, которую лишь до некоторой степени удавалось сдерживать тем, что в пользу этой торговли нарушали прежнюю строгую торговую политику. Сделавшись средоточием партии коммерческого переворота, Буэнос-Айрес быстро расцвел и заключал в своих стенах, быть может, больше просвещенных умов, чем какое-либо другое место. Более чем прочие гавани, он воспользовался разрешением на свободную торговлю со всеми нациями, которую Испания по временам разрешала своим колониям с 1797 года, ввиду отсутствия безопасности на морях. Невзирая, однако, на столь благоприятные условия, англичане не встретили здесь подтверждения уверений Миранды. После завоевания мыса Доброй Надежды (1805 г.) оттуда была направлена флотилия с 1600 человек под командой генерала Бересфорда для нападения на Буэнос-Айрес. Испанский губернатор уже в предшествовавшем году опасался английского нападения, но полагал, что оно будет сделано не на Буэнос-Айрес, а на Монтевидео, и стянул туда свои скудные оборонительные силы. Таким образом, не только он, но и все население потеряло голову, когда Бересфорд высадился в каких-нибудь двух милях к югу от Буэнос-Айреса и двинулся уже на следующий день в предместье, а на третий день вступил в саму столицу. Однако он не встретил ни малейших признаков энтузиазма в пользу английского владычества, которое он тут же провозгласил без всяких околичностей. Наоборот, с первой же минуты население обнаруживало саму решительную враждеб-

ность. Хотя город, по-видимому, беспрекословно покорился новым властителям, но в предместьях и на соседних фермах тайно собирались группы решительных патриотов. Наконец под покровом густого утреннего тумана капитану Жаку де Линье удалось переправить через реку небольшой отряд войск из Монтевидео, и этот отряд образовал ядро сопротивления, которое быстрым натиском оттеснило англичан из улиц города к рыночной площади, принудило их скрыться в крепости и заставило капитулировать. Так ловким натиском удалось вернуть Буэнос-Айрес, который ранее был утрачен, вследствие такого же внезапного нападения.

Правда, этим была уничтожена только небольшая часть английского отряда, а весть о первоначальных успехах Бересфорда вызывала быстрое прибытие одного за другим значительных подкреплений к Ла-Плате. Чтобы получить прочную точку опоры для дальнейших операций, англичане обратились теперь против Монтевидео., который, несмотря на героическую защиту, не мог устоять против осаждающих, превосходивших его численностью и средствами в борьбе. Когда весь восточный берег перешел в их руки, англичане решили еще раз попытаться отнять Буэнос-Айрес у патриотов. Конечно, в открытом поле защитники города, избравшие Линье главным начальником, не могли противостоять англичанам, которыми командовал генерал Уайтлок. Но когда англичане разбились на три отряда и предприняли концентрическое движение по улицам к рынку и крепости, то они настолько пострадали в двухдневном сражении, что капитулировали и даже должны были согласиться очистить восточный берег вместе с Монтевидео. Взятые в плен английские офицеры сделали, по крайней мере, попытку пробудить среди колонистов дух независимости, но напрасно. Даже такой горячий патриот, как Бельграно, имел лишь один ответ на подобные призывы: «Либо нашего старого короля, либо никого другого!»

История южноамериканской революции излагается большей частью с ложной точки зрения. Одновременное

275
появление революционных движений почти во всех испанских колониях в 1809 и 1810 годах обыкновенно объясняется таким образом, будто стремление к независимости охватило все умы и сразу выразилось в мощной форме на всей территории. В действительности, однако, в начале XIX столетия, несмотря на североамериканскую колониальную войну, несмотря на французскую революцию, мысль о независимой Южной Америке существовала в головах лишь нескольких человек, выросших в центрах международных отношений, во время своих путешествий за границей воодушевившихся современными идеями, но не вполне понимавших условия, при которых эти идеи осуществимы. Во всяком случае, до 1808 года в каждой из испанских колоний попытка разорвать связь между колониями и Испанией привела к такому же результату, как нападение англичан на Буэнос-Айрес. Миранда мог убедиться в этом дважды, когда он, при поддержке англичан, пристал к берегу Венесуэлы, своей родной провинции. В первый раз ему вообще не удалось стать там твердой ногой. Во второй раз он с помощью силы овладел городом Коро, но равнодушие масс и враждебность всех лучших кругов общества очень скоро заставили его окончательно отказаться от безнадежной попытки вызвать возмущение.

Переворот, совершившийся в 1809 году, зависел отнюдь не от изменения во взглядах испанских американцев, но от перемены обстоятельств в метрополии. Когда Наполеон при помощи хитрой комедии в Байонне побудил как Фердинанда VII, так и Карла IV отказаться от испанского трона, чтобы создать монархию для своего брата Иосифа, то и в метрополии, и во всех колониях проснулась ненависть к наследственному врагу, которую не могли искоренить ни бурбонское престолонаследие, ни политика фамильного договора. Колонии держались, однако, спокойно и выжидательно. Даже Линье, который был французом по рождению и назначен был вице-королем провинции в благодарность за двукратное спасение Буэнос-Айреса, не осмелился внять заманчивым

276

предложениям, которые делал ему Наполеон за признание Иосифа: он считал подобный план в данный момент невыполнимым. Тем не менее если бы Наполеону удалось добиться единогласного утверждения Иосифа в Испании и признания его со стороны прочих государств Европы, то, по всей вероятности, перемена династии совершилась бы в Америке столь же спокойно в начале XIX столетия, как и в начале XVIII века. Только политические события, вызванные на родине Dos de Mayo (2 мая 1808 г.), создали настроение, которое имело последствием в Испании утопическую конституцию 1812 года, а в колониях отделение еще совершенно незрелых провинций от метрополии.

Когда Жюно в ноябре 1807 года осадил Лиссабон с целью втянуть Португалию в наполеоновскую политику, двор и правительство бежали на флотилии, охраняемой всемогущей на море Англией, переплыли океан, избрали Рио-де-Жанейро своей столицей и для того, чтобы теснее связать Бразилию с ее непосредственным верховным главой, даровали ей конституцию, составленную по образцу португальской. Все эти крупные события вызвали, правда, много разговоров в соседних испанских колониях, но непосредственного действия на политику этих колоний они не произвели. Наоборот, колонии энергично примкнули к протесту Испании, которая возмущалась изменническим образом действий Наполеона и навязыванием короля Иосифа. Искра национального воодушевления, которое сопровождало вступление на трон Фердинанда VII в Мадриде (19 марта 1808 г.), распространилась и в колониях; эти последние решили поддерживать существующий порядок в пользу Фердинанда VII, несмотря на то что метрополия находилась в руках французов. Однако вскоре за вестью о национальном подъеме, за победными донесениями из Байлена и занятием Мадрида

последовали потрясающие известия о бегстве регентства в Севилью, образовании генеральной хунты, о покорении всей Испании, за единственным исключением Isla de Leon. Здесь возник вопрос, имевший решительное значение для

277

хода колониальной истории. Он шел о том, насколько регентство и генеральная хунта, оказавшиеся совершенно неспособными защитить отечество от национального врага, с авторитетом, безусловно отвергавшимся даже провинциями, сумевшими не покориться французскому игу, — насколько эти учреждения действительно были представителями Фердинанда VII, по отношению к которому колониальные провинции обязаны верностью и послушанием? Этой обязанности не отрицали ни креолы, ни обитатели полуострова (переселившиеся испанцы); но последние еще в большей мере, чем первые, ставили себе в пример метрополию. Там, на родине, каждый счастливый предводитель партии на клочке страны, которую ему удавалось вырвать у французов или защитить от их враждебного натиска, несмотря на полную анархию, образовательно вывал из своих земляков и приверженцев хунту и замешал негодных старых чиновников своими друзьями. Точно так же и здесь, в колониях, у испанцев и креолов пробудилось недовольство представителями старого режима. Желая принять участие в совершавшемся кругом захвате власти, лица, чувствовавшие под собой почву, восстали против вице-королей и губернаторов, заставили их сложить с себя полномочия, прекратившиеся со взойсмом в плен их главы, и, с своей стороны, образовывали хунты и регентства. Эти органы считали себя повсюду представителями Фердинанда VII и в полном смысле слева правопреемниками испанских чиновников. Так случилось в Кито, в Каракасе, Буэнос-Айресе, в Мехико. Конечно, иногда губернаторы со своими приверженцами очень скоро убеждались, что имели дело далеко не с волей своего народа. Они поднимали тогда перчатку, брошенную им новыми самозванными властями. В некоторых местах, например, в Кито, они выходили полными победителями, в других спасали, по крайней мере, часть своего района: так, губернатор Буэнос-Айреса утвердился в Монтевидео. Ясно было, что прекращение законной власти должно было вскоре привести к отрицанию всякого законного авторитета. Не всегда волна движения

278

ставила во главе правительства действительно лучших людей народа. Но как скоро бурному собранию удавалось вообще установить власть, каждая партия, умевшая направлять массы в желательном ей духе, стремилась достигнуть если не при первом натиске, то в течение последующего хода событий свои личные цели.

Только теперь революция стала все более и более выдвигать элементы, которые вначале безосновательно, а впоследствии все систематичнее работали в пользу независимости колоний. Восстание 1809 года еще носило всецело печать лояльности. Восставали в защиту Фердинанда VII, не зная, собственно, кто является представителем его прав. И некоторые губернаторы, как, например, Линье, пали только ввиду подозрения, что они готовы признать всякое существующее правительство, хотя бы это было правительство Иосифа Бонапарта. С течением времени, однако, начали обнаруживаться несомненные национально-американские течения. Противоположность между колонистами, родившимися в Америке, креолами и переселившимися из Испании, которым с XVI столетия дали в насмешку название *chapetones*, выступала тем сильнее, что правительство Карла III и Карла IV на основании ничтожных попыток возмущения туземного населения стало строже применять принцип, согласно которому должности, сопряженные с властью и влиянием, доверялись исключительно испанцам по национальности. Такое устранение от всяких важных должностей затронуло креолов чувствительнее, чем некоторые другие ограничительные мероприятия, исходившие из метрополии. Поэтому как только существование законной власти было прервано, они не видели основания, почему бы им не занять более выгодные и важные положения. Таким образом, например, в Буэнос-Айресе, вслед за первым потрясением власти, вскоре последовало второе, имевшее уже определенную цель: дать правительству более национальный характер, т. е. с преобладанием креолов.

К этому времени в первом же периоде революции присоединилось и нечто другое. Не все испанские правитель-

279

ственные круги имели в своем разграничении правильную этнографическую и экономическую основу. Так, в особенности в больших капитанствах Боготы и Буэнос-Айреса существовали глубоко коренившиеся различия между отдельными местностями. Хотя внезапно народившиеся власти и отстаивали свое право самостоятельности, тем не менее они несколько не склонны были допускать, чтобы сфера их власти ограничивалась на основании тех же принципов, в силу которых они присвоили себе эту самую власть. Очевидно, там, где отдельные части с противоположными интересами насильственно сплачивались в одно тело прежними законами, устранение существовавшей власти побуждало их выступать в защиту своих партийных прав. Поэтому, спустя уже несколько лет, в Буэнос-Айресе и в Новой Гранаде вспыхнула гражданская война.

Страшная смута, которую вызвало господство доктринеров в испанских кортесах, организовавших конституцию, могла лишь способствовать приведению колониальных дел в состояние еще большего беспорядка. Испанская конституция 1812 года дала и колониям совершенно иное правовое положение. Хотя, в сущности, между беспорядочным сбродом колониальных депутатов в Кадисе, принадлежавших к различным партиям, и представленными ими округами почти нигде не существовало серьезной связи, тем не менее

среди весьма незрелого в политическом и экономическом отношении населения колоний представление о человеческих правах сделало опасные успехи под влиянием речей народных ораторов на Кадисе. Наиболее грозный характер принял ход восстания в Мексике. Здесь точно так же переворот в Испании отразился в виде поколебавшегося положения местных властей. Но движение креолов было в самом зародыше оттеснено на задний план возмущением нижних слоев народной массы, которыми руководили фанатические священники. Они угрожали не одним испанским властям, но в равной мере всем, кто безусловно не подчинялся-

280

ся господству народа, и, главным образом, туземных индейцев. Но именно вследствие этого обстоятельства нельзя было с самого начала рассчитывать на сколько-нибудь серьезный успех. Вожак фанатизированных масс, священник Дионисио Идальго, при помощи быстро собранного войска приблизительно в 100 000 человек напал на города Гуанахуато, Вальядолид и Гуадалахару и ограбил их; но, несмотря на превосходство сил, он вынужден был отступить от столицы, единодушно защищаемой испанцами и креолами. Для его недисциплинированного войска отступление являлось равносильным распадению. Правда, после нескольких чувствительных ударов ему удалось в этом обратном движении еще раз собрать под свои знамена многочисленные толпы и снова перейти в наступление; но тем не менее авторитет его быстро упал, так как при помощи своих грабящих и избивающих масс он не в состоянии был создать твердую власть взамен низверженной. Во время одного из последующих отступлений он был предан испанцам своими собственными офицерами и расстрелян. Хотя этим движение и не было окончательно подавлено, но ни один из предводителей, становившихся после смерти Идальго в различных провинциях во главе краснокожих, не мог уже придать движению того грозного характера, какой оно имело в первом порыве. Оно повело лишь к соединению консервативных элементов для общей защиты. Дело свободы получило настолько дурное освещение, что вице-королевство Новой Испании превратилось на многие годы в твердыню роялистов. Впоследствии они утратили эту позицию только потому, что в слепом доверии дали созреть заговору, который лишь по имени стремился к свободе, завоеванной в других провинциях после серьезной борьбы, а в действительности заменил только законное самоуправление незаконным. В эпоху наполеоновских войн лишь в двух местах южноамериканского материка революционное движение было более всего стойко. Между тем Кито и Чили после мимолетных успехов всецело попали в руки роялистов,

281

в Новой Гранаде и в соседней Венесуэле стремления к свободе приобрели известное значение, а в штатах Ла-Платы почти тотчас же достигнута была прочная самостоятельность. Но внутренние побудительные причины, вызвавшие оба эти движения, были весьма различны.

Хунта королевств, которая 19 апреля 1810 года сместила в Каракасе генерального капитана Эмпарана, считала себя вполне верноподданной Фердинанда VII. Поэтому она отправила посольство, к которому принадлежал и Боливар, будущий герой южноамериканской борьбы за независимость, в Англию, которая в то время оказывала сильную поддержку приверженцам короля на Пиренейском полуострове. Хунта намеревалась вступить в переговоры с этой державой относительно общих действий против врагов отчества. Послы привезли весьма туманные обещания английского правительства, но вместе с ними прибыл в Ла-Гуайру генерал Миранда. Под влиянием этого ветерана колониальной свободы организовалось в Каракасе республиканское правительство, которое лишь теоретически охраняло права Фердинанда VII. Хотя это правительство и держало известное время в своих руках столицу и средние провинции, но в народе оно не имело ни малейшей опоры, а на востоке и на западе, и в особенности на обширных равнинах юга, льяносах, народ относился к нему враждебно. Это дало возможность роялистам вскоре перейти в наступление, которое было настолько энергично, что Миранда должен был ограничиться обороной. К внешним неудачам присоединились раздоры между борцами за свободу. В конце концов Миранда, бесцельно возведенный в звание диктатору теми самыми людьми, которые называли себя передовыми борцами за свободу (в этом деле был замешан и Боливар), был изменнически выдан приверженцам короля. Он провел много лет в тюрьме в Кадисе, где и умер.

Винновники этого «героического» поступка бежали за границу, не отказавшись, однако, от своих планов. Хунта в Новой Гранаде в это время еще держалась независимо; поэтому многие горожане Венесуэлы, в числе их и

282

Боливар, вступили на ее службу, и Боливар предложил перенести войну в Венесуэлу, откуда испанцы грозили нападением на Новую Гранаду. Конгресс уполномочил его, если он найдет нужным, отнять у роялистов пограничные провинции Мериду и Трухильо. Это удалось ему чрезвычайно быстро, после чего он, уже без полномочий, перенес войну в сердце страны в том странном убеждении, будто обладание столицей Каракасом должно иметь решающее значение для исхода борьбы.

После этого шага война на северном театре получает свой истинный характер. Симон Боливар (см. портрет на с. 286) является типом тех генералов пронунсиаменто, которые вплоть до новейшего времени играли большую роль в истории Испании и еще в гораздо большей мере испано-американских республик. Нужно отдать справедливость Боливару — он был далеко не так бессовестен, как некоторые из его подражателей; но никто не станет отрицать, что идея, за которую он боролся, никогда не выходила за пределы его

собственной личности. В увлечении своим пламенным, цветистым красноречием он, пожалуй, иногда начинал вместе с другими сам верить в свои слова. Во всяком случае свобода, блага которой он вновь и вновь восхвалял в своих обильных разглагольствованиях, являлись не более как фундаментом, на котором он думал построить свою собственную славу. И он считал себя совершенно вправе самым беспощадным образом преследовать и угнетать всех, кто не желал признавать господство боливарской свободы. За исключением небольшой части городских населений, почти вся Венесуэла держалась роялистского образа мыслей или, по крайней мере, была донельзя утомлена гражданской войной. Поэтому Боливар при своем вступлении встретил частью тайное сопротивление, частью пассивную апатию, и только там мог искусственно вызвать воодушевление к идеальным благам, за которые он будто бы сражался, где господствовала сила его оружия. Вступление «освободителя» в Каракас носило театраль-

283

ный характер. Какого рода была свобода, которую он преподносил жителям Венесуэлы, дает понять тот факт, что он прежде всего совершенно позабыл установить гражданские власти и сосредоточил в самом себе диктаторскую власть, присвоив себе напыщенный титул: Libertador de la patria (освободитель отечества). Этим он, однако, едва ли обманывал лиц, непосредственно окружавших его и большей частью связанных с ним одинаковыми интересами. Даже в пределах этой провинции он был не единственным, работавшим по этому рецепту. На крайнем востоке, на границах Гайяны появился другой «освободитель», Мариньо. Но вместо того чтобы объединиться против общего врага, испанцев, каждый из этих «благодетелей» народа ничего не желал так страстно, как низвергнуть своего соперника и затем в роли «спасителя», сделаться неограниченным властителем.

При вступлении в Венесуэлу Боливар под давлением креолов совершил роковую ошибку, объявив испанцам истребительную войну. Испанцем считался в этом случае каждый, кто неохотно покорялся всем требованиям так называемых патриотов. Конечно, противники отвечали со своей стороны на такой жестокий способ веления войны. Но между тем как из их стороне было теоретическое право и оправдание в подавлении восстания, Боливар своим образом действий позорил сами принципы, за которые он будто бы боролся, и вредил самому себе тем более, что далеко не располагал такой силой, с какой боролись его враги против приверженцев новой системы. При таких условиях война на этом театре приняла особенно кровавый характер. Оружие, при помощи которого боролись обе партии, убийства и грабежи способствовали лишь тому, что все более разгорались самые низменные страсти и всплывали наружу худшие элементы. К тому же Боливар был вовсе не выдающийся полководец и так же не мог создать плана войны, как и проекта конституции. В Пуэрто-Кабельо, самом надежном пункте побережья, по-прежнему развевалось испанское зна-

284

мя; на западе при Бзркисимето и на Арауре борьба продолжалась с переменчивым успехом. Под конец Боливар был вынужден отступить к Каракасу. Здесь его судьба была решена враждебным отношением льянеросов. Напрасно он пытался образованием конгресса в Каракасе облечь свое диктаторство в законную форму. Напрасно заключил он союз с диктатором восточных провинций, признав его равноправным с собой. Даже их соединенные силы недолго были в состоянии бороться против беспрерывно возрастающих масс наездников, которых дикий Бовес собирал в луговых степях юга в помощь испанцам. Дело зашло так далеко, что разведчики были всецело на стороне испанцев, предчувствуя их близкую победу. Сперва был разбит Мариньо, а затем неоднократно и сам Боливар, отступление которого приняло характер беспорядочного бегства. Когда он достиг морского побережья в Кумане, средства к сопротивлению настолько истощились, что Libertador бежал вместе с кораблями, скрывавшими военную казну. Когда его соратники снова оправались, и он обещал возвратиться к ним, он был заклеен именем изменника и лишь с трудом ускользнул от участи, которую он некогда уготовал своему противнику, генералу Миранде. Таким образом, поход 1813 года окончился тем, что вся Венесуэла вернулась под власть роялистов, и у них были развязаны руки. Они могли теперь поступить точно так же с республикой Новой Гранады, которая распалась внутри и у которой Боливар взял большую часть ее военных средств для похода в Венесуэлу.

На юге материка революционное движение к этому времени также утратило свою силу. Восстание в штатах Ла-Платы первоначально велось в таком духе, который весьма благоприятно отличался от характера движения в Венесуэле. Правда, собственно народ держался и здесь едва ли не столь же безучастно по отношению к революции, как и в Каракасе. Но в средних и высших общественных слоях Буэнос-Айреса господствовал гораздо более прогрессивный дух, нежели там. По получении известия о низвержении испанского господства вице-король Буэнос-

285

Симон Боливар

Хосе де Сан Мартин

Мануэль Бельграно

Антонио Хосе де Сукре

Айреса был также низложен. 25 мая 1810 года хунта ^{nj} _возгласила провинцию независимой от севильской хунты, но продолжала управлять от имени Фердинанда VII. Была, даже партия, готовая призвать в Буэнос-Айрес в качестве! регентши инфанту Карлоту, сестру Фердинанда, вышед-1 шую замуж за португальского⁷ принца. Этот план повлек^ за собой продолжительную и запутанную интригу в Рио--\ де Жанейро и Монтевидео, но в конце концов потерпел i крушение.

Новое правительство считало своей первой задачей заставить признать авторитетом его на всем пространстве провинции Ла-Платы; но при этом оно натолкну-¹ лось на серьезное противодействие. Роялисты избрали Монтевидео своей главной квартирой. Благодаря прибытию подкреплений из метрополии хунта с ее ограни- -ченными военными силами не могла даже думать о занятии этого пункта, и враги ее бесспорно преобладали в заливе и устьях впадавших в него рек. Мало-помалу, однако, господство испанцев ограничилось городом; морские планы их также были парализованы при содействии; бразильцев и англичан, расположенных к хунте. И когда, наконец, испанские корабли были побеждены вновь созданным флотом революционеров, то капитулировала и крепость Монтевидео. В этот промежуток времени в провинции Буэнос-Айрес воцарилась общая анархия, которая следовала во всех провинциях за низложением законных властей. Правый берег Ла-Платы лишь номинально находился у руках правительств Буэнос-Айреса, быстро сменявших друг друга. В действительности уже теперь подготавливалось распадение, которое повело к возникновению на этой почве восточной Уругвайской республики (Republica Oriental de Uruguay).

Аналогичное явление совершилось и в другой части старой провинции. Хунта Буэнос-Айреса отправила в Парагвай в декабре 1810 года генерала Бельграно (см. портрет на с. 287) с целью добиться признания нового правительства в округе; но эта попытка окончилась полной Неудачей. Бельграно был завлечен далеко в

глубь

288

покинутой страны прежде, чем встретил противников; здесь он потерпел поражение при Парагвари и должен был перейти в отступление, исполненное опасностей. Только тогда ему пришла в голову идея предоставить провинции самой повиноваться, кому ей угодно. Он заключил в Такуари капитуляцию с защитниками Парагвая, чем и обеспечил себе отступление. Вследствие такого оборота прогрессивные идеи настолько пустили корни в провинции, что она точно так же взяла свою судьбу в свои руки и в 1814 году избрала себе главой доктора Хосе Гаспара Томаса Родригеса да Франсиа. Он управлял крайне своевластно и производил кровавые расправы, о каких едва ли когда было слышно на американской земле. Но все-таки это был просвещенный деспотизм. Франсиа сломил власть и богатство духовенства и всеми способами содействовал процветанию земледелия и промышленности, чем дал молодому государству возможность достигнуть нынешней независимости. Благодаря этому и после его смерти (1840 г.) независимость Парагвая была обеспечена.

Правительству Буэнос-Айреса приходилось иметь дело лишь со стремлениями, отчасти аналогичными тем, которым оно было обязано своим собственным существованием. Много раз, даже после того как Аргентинская республика фактически достигла независимости, в различных других частях ее территории возникали течения в духе децентрализации. С другой стороны, Буэнос-Айрес играл также важную роль в борьбе против главного-врага всех провинций: против испанских роялистов. Наибольший отпор авторитет хунты встречал в округе Верхнего Перу, нынешней Боливии, которая в административном отношении составляла часть провинции Буэнос-Айрес. С тех пор как там в 1809 году было быстро подавлено первое восстание, эта часть провинции всецело находилась под влиянием испанских роялистов. Поэтому хунта отправила свое первое войско против этого опасного противника. Благодаря блестящей победе при Суйпаче генерал Балысарсе фактически оттеснил его за

ЮЗак.571

289

Десагуадеро, исток озера Титикака, образующего здесь* границу Перу. Это торжество продолжалось, однако недолго. Получив подкрепление, испанцы одержали при Гуаки столь решительную победу, что вытеснили патри-|отов на всем пространстве Боливийской плоской возвыш-|енности и преследовали их до самых аргентинских про-|винций. Только здесь Бельграно, назначенный генералом северной армии, остановил движение войск, разбил при|Тукумане испанского вождя и несколько недель спустя-заставил его при Сальте со всем войском сложить оружие под условием свободного отступления. Во всех этих⁴ стычках участвовали сравнительно небольшие силы. Этим объясняется непрочность достигнутых результатов. Ни одна из сторон не могла фактически господствовать в скудно населенной стране. Население и в данном случае не имело собственного мнения, но примыкало к победителю. Затем каждая сторона даже после нескольких поражений была в состоянии снова выставить отряд в несколько тысяч человек, и борьба снова начиналась. Этим объясняются постоянные колебания шансов то в ту, то в другую сторону во всех походах, которые предпринимались южноамериканскими патриотами против испанских роялистов.

Счастье недолго улыбалось и Бельграно, Подвигаясь вперед в Боливию, он натолкнулся при Гуилькапуйо на реорганизованного неприятеля и был разбит им здесь и при Айюме настолько чувствительно, что снова был вынужден отступить. С тех пор он долгое время не мог перейти в наступление. Хотя роялисты и не дошли до самой Аргентинской области, тем не менее к концу 1813 года Боливар снова был в их руках. Дело Фердинанда VII находилось, благодаря одновременным победам в Венесуэле, в превосходном состоянии, когда Наполеон открыл заключенному в Баланса ворота его золотой тюрьмы и вернул ему трон отцов.

Испания пережила в годы войны удивительные превращения, и игра в революцию, затеянная в Кадисе кортесами, которые ввели парламентскую систему правле-

290

ния, не осталась без влияния на движение в колониях. Но в Испании народ столь же мало созрел для свободы, как и в колониях. И так как на родине, вследствие столкновения интересов, новое правительство не встречало такой поддержки, как в Америке, то искусственное здание конституции рухнуло еще раньше, чем Фердинанд вступил на кастильскую землю. Не теряя времени, он стал добиваться той же цели и в колониях. В марте 1815 года под командой генерала Морильо отплыла большая экспедиция из 25 военных кораблей, 60 транспортных судов и более 10 000 человек экипажа для подавления последних следов возмущения в колониях. Первоначально было предложено высадить войско на Ла-Плате, но со времени сдачи Монтевидео там не было пункта, безопасного для высадки. В то же время Буэнос-Айрес, по крайней мере с формальной стороны, еще признавал Фердинанда VII законным повелителем, тогда как в Венесуэле и Новой Гранаде в последнюю фазу войны была уже провозглашена независимая республика. Поэтому Морильо получил приказ начать покорение провинций с севера. Как скоро последняя будет в его руках, ему через Боливию будет открыт путь к провинциям Ла-Платы. Первые его шаги дали право надеяться на самое лучшее. Остров Маргарита, всегда служивший приютом и убежищем для терпевших крушение патриотов Венесуэлы, был быстро покорен. На всем пространстве Венесуэлы едва ли можно было встретить кучку патриотов, которая заслуживала бы название войска. Движение Морильо через эту провинцию носило характер настоящей военной прогулки,

Для покорения Новой Гранады Морильо наметил" как первый пункт атаки Картахену. Но здесь он мог впервые испытать те трудности, которые предстояли ему. Уже в то время, когда он сажал венесуэльское войско на корабли, а для защиты провинции хотел оставить вместо него испанские войска, ему пришлось убедиться, что преданные до тех пор льянеросы дезертировали толпами. Несмотря на это, он окружил Картахену и с суши и с моря подавляю-

291

щими силами. Город оказал, однако, героическое сопротивление. Морильо умышленно стремился по возможности избежать кровопролития и поэтому старался взять город голодом. Но знамя независимости высоко развевалось на городом в течение 108 дней, невзирая на то, что испан-|ский генерал потерял всякое терпение и не жалел ни вы-|стрелов, ни штурмов. Когда, наконец, дальнейшее сопротивление было уже невыносимо, город все-таки не капиту-|лировал; его защитники во время бури на море прорвали! блокаду и большей частью спаслись на Санто-Доминго,| откуда после кратковременного отдыха возобновили борьбу. Новая Гранада защищалась, правда, не с таким мужеством, как Картахена. Со стороны Кито против испанцев, предводимых Морильо, оперировало другое войско. Когда он двинулся к Санта-Фе, в этой провинции также не существовало более армии патриотов. Но сам Морильо чувствовал, что земля, на которую он ступал в своем победоносном шествии, дрожала под его ногами. Поэтому он отбросил в сторону свою первоначальную систему мягкости и начал строго расправляться с революционерами. Тем не менее даже сотни жертв не помогли укреплению испанского владычества.

Там, куда не достигало испанское оружие., снова вспыхнуло восстание. Остров Маргарита был первым, страхнувшим непривычное иго. В льяносах Касанаре впервые откликнулось на призыв к свободе войско степных наездников под начальством метиса Паэса и одержало при Апуре первую победу над королевскими войсками. Дикие степные воины щадили жизнь своих пленных, большинство которых поэтому переходило на их сторону. Наконец и в Кумане снова началось движение, так что Морильо стал опасаться за Венесуэлу и перенес свою главную квартиру к восточному основанию Кордильер, в Варинас. Однако отдельные возмущения все еще не имели связи между собой. В этот момент на остров Маргарита высадились старые вожаки и защитники Картахены, которые на Гаити снарядились к новой борьбе с помощью англичан и

президента негритянской республики.

292

Но Боливар все-таки не сделался стратегом. В то время как толпы степных наездников шныряли на всем протяжении льяносов и разносили пожар восстания, в то же время как на востоке по обоим берегам Ориноко его товарищи по оружию отвоевали себе безопасную область, он оставался еще в заколдованном круге столицы Каракаса, куда старался проникнуть осенью 1816 года из Оку-маре с небольшим отрядом. Но позорнее всего было то, что под влиянием ложного слуха о поражении он бежал вместе с кораблями и предоставил своих полной гибели. Слава его была настолько поколеблена, что он был вторично изгнан и должен был вернуться на Гаити. Но спустя несколько недель он был призван обратно, так как среди вожаков многочисленных отрядов не было ни одного, который бы пользовался таким уважением, как Боливар, и в состоянии был бы, подобно ему, создать определен-ный политический или военный план.

Во время похода 1817 года революция начала приобретать твердую почву на севере. Мысль создать прочный базис для борцов за независимость на правом берегу Ориноко принадлежала, правда, не Боливару, но он быстро понял громадное значение этого плана. Блокада со стороны суши Ангостуры и Гаяваны Вьеха, господствовавших над рекой, давала незначительные результаты, но Боливару удалось при помощи английских моряков сломить превосходство испанцев на море и принудить их к очистке этих двух укреплений. Границей между испанской и свободной властями сделался Ориноко, а далее к западу — Апуре. Морильо терял время в бесплодных попытках вновь покорить остров Маргариту. Правда, он завладел побережьем до полуострова Парна, но это не имело большого значения.

В этот период Боливару с трудом удавалось отстаивать свой авторитет против различных предводителей отрядов, и он сам чувствовал необходимость упрочить свое положение на более законном основании. Для этого он уже осенью 1817 года учредил политическую организацию. Но прежде всего он выставил, свою диктатуру как

293

необходимость и фактически продолжал держать в своих руках неограниченную власть. На поле битвы все еще не происходило ничего решительного. На этот раз Боливар предпринял нападение на Каракас со стороны Среднего Апуре. В то время как он лично разбил Морильо при Калабосо, Паэс завоевал Сан-Фернандо, последнюю твердыню роялистов на Апуре. Однако рядом с этими успехами существовали и многочисленные неудачи, которые поддерживали никогда не прекращавшуюся оппозицию против диктатора. Но он сумел и с этим справиться. Недовольных генералов он удовлетворил, снабдив их войсками, амуницией и деньгами для продолжения борьбы. Политиков он обезоружил созванием в Ангостуре учредительного конгресса, который был, конечно, не более чем театральным фарсом, но который значительно поднял престиж диктатора единогласным избранием его в президенты республики Венесуэла. Не меньшее значение, чем избрание на конгрессе, имело для Боливара прибытие большого числа набранных для защиты дела независимости обученных английских и германских солдат. Они образовали ядро, вокруг которого сгруппировались храбрые, но неподготовленные в военном отношении элементы американских провинций. Английский легион играл выдающуюся роль во всех позднейших походах и пользовался таким доверием Боливара, что неоднократно возбуждал ревность со стороны южноамериканских патриотов. Для похода 1818 года Боливар составил план, который должен был решить ход событий. Некогда он перенес войну из Новой Гранды в равнины Венесуэлы для того, чтобы завоевать свободу первому государству на территории последнего. Теперь, наоборот, он решился добывать свободу для своего отечества по ту сторону Анд. Эта мысль родилась у него, быть может, под впечатлением победы Хосе де Сан Мартина; но как бы то ни было, успех доказал верность его расчетов.

Еще раньше, чем после наводнений дождливого периода совершенно освободились пути через льяносы, Бо-

294

ливар двинулся на юг от Апуре и, защищаемый этой рекой от флангового нападения королевских войск, на запад. На пути, который еще до него проложили торговцы чибчасов и первые завоеватели Боготы, он перешел цепи Андов. Правда, он понес чувствительные потери, прежде чем достиг в Согамосо более населенные области; но план поразить неприятеля в самом центре его могущества вполне удался. Теперь все дело заключалось в том, чтобы одержать решительную победу над неприятелем раньше, чем тот соберется с силами. При помощи быстрых движений взад и вперед ему удалось ввести в заблуждение неприятельский авангард, овладев городом Тунха, и отрезать авангарду прямой обратный путь к столице. Испанцы, рассчитывая на численный перевес, попытались проложить себе обратный путь к Санта-Фе силой. На мосту через Бояка произошло решительное сражение, которое окончилось истреблением королевского войска. Вице-король очистил столицу и отступил с остатком испанских войск в Картахене, тогда как патриоты Санта-Фе осаждали Богота и восстановили независимость Новой Гранады. Боливар учредил здесь, как и в Венесуэле, наряду с собственной военной диктатурой новую гражданскую власть и положил начало слиянию обеих родственных провинций в одну республику под именем Колумбии.

Весть об этих победах дошла до Ангостуры, временной столицы Венесуэлы, одновременно со смещением Боливара в третий раз за измену знамени и изгнанием его, так как и другим хотелось вкусить его власти. Но, окруженный ореолом побед, он мог отнестись с презрением к такому постановлению. Конгресс, вдвойне побежденный им, без всяких прений принял предложения Libertador, согласно которым Венесуэла, Новая

Гранада и Кито соединились в одну республику под названием Колумбии. Во главе ее стоял, конечно, Боливар, и, кроме того, гражданская власть в каждой из этих трех провинций сосредотачивалась в руках вице-президента. Дальнейшая разработка конституции нового государства воз-

295

лагалась на учредительный конгресс, который должен был собраться в Кукуте, как только позволит ход войны.

Вскоре это случилось. Известия, которые дошли до Америки летом 1820 года, совершенно изменяли положение дел. Войско, собранное вокруг Кадиса в помощь генералу Морильо для окончательного подавления восстания, возмутилось, и так как ему нужно было какое-нибудь оправдание этого поступка, то оно провозгласило своим паролем восстановление конституции 1812 года. Таким образом, все, кто с 1814 года сражался за восстановление испанского господства, потеряли правовую почву. Непосредственным следствием этого была приостановка военных действий на всех театрах для того, чтобы дать возможность начать мирные переговоры между метрополией и колониями. Но колонии зашли уже слишком далеко. Очень значительная часть их обитателей со всеми своими интересами была скомпрометирована революцией. Поэтому немислим был договор на почве "конституции, либеральность которой существенно ограничивалась, как скоро заходила речь о колониях: в продлении ограничений была заинтересована вся испанская нация. Таким образом, переговоры скорее привели к убеждению в том, что возврат к прежним порядкам безусловно невозможен. Обе партии воспользовались временным перемирием для новых приготовлений к войне, и весной 1821 года вновь начались военные действия.

Но теперь господство патриотов на плоскогорье было настолько упрочено, что Боливар мог предпринять с большими шансами на успех атаку Каракаса и Валенсии, центров экономической жизни Венесуэлы, из-за которых уже столько раз с переменным успехом происходили битвы. При настоящих обстоятельствах это центральное положение являлось чуть ли не последним убежищем роялистов. Запад Венесуэлы, представлявший до тех пор твердыню их власти, отпал от них, и, кроме береговых пунктов, от Картахены до Куманы, которые находились все еще в руках испанцев, они владели только областью, занятой непосредственно их войсками. При Кара-

296

бобо, где Боливар уже одержал одну победу над испанцами, они ожидали его теперь на позиции, которая считалась неприступной. На этот раз, однако, туземцы были на стороне патриотов. Они провели часть войска скрытыми тропинками к правому флангу неприятеля, положение которого было развернуто с этой стороны. Победа была решительная. Испанская армия вынуждена была совершенно очистить средний район и бежала к стенам Пуэрто-Кабельо. Боливар еще раз вступил победителем в Каракас, который с этого времени отвоёвывал себе свободу и независимость.

Почти одновременно с победой при Карабобо был открыт конгресс в Кукуте. В первый раз в северных провинциях состоялось законодательное собрание, которое обладало действительной властью, чтобы заставить признавать свои решения. Оно оказалось на высоте своего призвания, так как не подчинялось безусловно диктатору, подобно своим предшественникам. Тем не менее это собрание нисколько не думало умалять неоспоримые услуги, оказанные Боливаром делу освобождения Колумбии. Оно было далеко от того, чтобы уничтожить все места и должности, которые предложил Боливар ему в предшествовавших собраниях. По, с другой стороны, оно не далось безусловно в его руки, а создало, по силе разума и совести, конституцию, которая давала достаточно простора честолюбию освободителя, не ставя его в то же время выше правительства. Этот второй конгресс также признал Боливара президентом Колумбии. По вместе с тем было оформлено законом, что он не может облекать себя гражданской властью в то время, когда будет командовать войсками против неприятеля. Для этой цели в помощь ему назначался вице-президент всей республики, и только в провинциях, которые Боливар рассчитывал в будущем освободить от испанского ига, он должен был и впредь оставаться диктатором. Новая конституция и в других отношениях существенно отличалась от того, что казалось Боливару идеалом. Она упразднила верхнюю палату с ее пожизненными членами, ко-

297

торую учредил Боливар в Ангостуре для Венесуэлы. Точно так же звание президента не было пожизненным и тем более наследственным, но ограничивалось четырьмя годами по образцу Соединенных Штатов Америки. Для того чтобы сделать возможным практический контроль над всеми этими учреждениями (до сих пор это не удавалось ни одной конституции, так как всякий счастливый вождь партии считал себя в праве переворачивать все вверх дном), конгресс издал закон, воспрещавший всякое изменение конституции в течение ближайших десяти лет.

Боливар подчинился постановлениям конгресса в Кукуте. Военное счастье также, по-видимому, улыбалось новой республике. После 14-месячной осады один из полководцев Боливара взял Картахену. Потеря этого опорного пункта сделала роялистов бессильными в области перешейка. Чагрес и Портобело изгнали свои испанские гарнизоны, и области, находившиеся на перешейке, не только объявили себя независимыми от испанцев, но и желали войти в состав Колумбийской республики. Последние остатки войска, при помощи которого Морильо когда-то привел к безусловному повиновению всю Венесуэлу и Новую Гранаду, оставались только в Пуэрто-Кабельо и Кумане. На севере опасность исчезла.

На южном театре войны дело свободы в 1814 году стояло еще на неустойчивом основании. К западу от Корди-

льер испанский вице-король в Перу еще господствовал над всеми тихоокеанскими провинциями от мыса Горна до Гваякильского залива и плоской возвышенности Кито. Одно лишь капитанство Буэнос-Айрес высоко держало знамя независимости, хотя территория его была уже значительно урезана. Когда Боливия была вновь приведена в подчинение испанским властям, на севере и на востоке Парагвай и Уругвай от них освободились. Лишенная плана политика руководящих лиц всецело была создана для того, чтобы давать все новую и новую пищу внутренней войне. Испанцы вправе были ожидать, что провинции, истощенные братоубийственными войнами, со временем

298

легко попадут в их руки. Шансы на подобный исход были бы еще благоприятнее, если бы в эпоху внутренних раздоров не явился на помощь борцам за свободу человек, который в большей мере, чем Боливар, стал спасителем находившейся в опасности свободы.

Хосе де Сан Мартин (см. портрет на с. 286) вернулся на родину лишь в конце французской войны, в которой он храбро сражался за испанцев. При этом он воспринял значительную долю либеральных идей, которые в то время волновали полуостров и нашли себе воплощение в кортесах Кадиса. Он также был воодушевлен сильным честолюбием, но не тем болезненным, которое снедало Боливара, а идеальным стремлением отличиться на службе отечеству и обеспечить ему лучшее будущее. Сан Мартин, как и почти все дальновидные политики Юга, не был республиканцем в духе Боливара. Как и товарищи его, он был убежден, что при тогдашнем уровне культурного и политического развития испанской Америки, республика по образцу северных Соединенных Штатов является невозможной. То, что он видел в родственных колониях севера и отчасти в республиканских провинциях собственной страны, возбуждало в нем глубокое отвращение к карикатуре свободы, которой злоупотребляли лишь для удовлетворения эгоистических стремлений отдельных личностей. Такая свобода, если она не вела к ужасам гражданской войны, в лучшем случае заменяла испанскую тиранию ^другой.

И в Буэнос-Айресе Сан Мартин заметил сильные течения, которые, на его взгляд, противоречили истинному благу государства. После того как он в течение короткого времени имел случай оказывать отечеству частью на берегах Ла-Платы, частью в провинции Боливийской плоской возвышенности ценные, хотя и скромные услуги, в нем созрела мысль отдать себя на служение свободе и бороться за независимость всей испанской Америки, а не только своей родной страны. План, который он набросал для этой цели, обнаружил в нем настоящего полководца. Он быстро понял, что судьба всех южных про-

299

винций зависит от того, удастся ли отнять у испанцев укрепления на перуанском плоскогорье, по обе стороны от Кордильер, на котором они во все времена господствовали с трех сторон над страной и, благодаря своему преобладанию на Тихом океане, могли делать вылазки против борцов за независимость. Правда, кратчайший путь из Буэнос-Айреса в Лиму шел через Верхнее Перу (Боливию), но этот путь был в то же время и самым трудным: он требовал чрезвычайного распространения вширь и, кроме того, оставлял совершенно открытым для противника важный путь со стороны моря. Поэтому Сан Мартин предложил измененный фронт для нападения. В Чили в первые годы колониального подъема дело свободы приобрело многочисленных и восторженных приверженцев. Потребовались громадные военные затраты, чтобы привести эту провинцию к повиновению. Невзирая на это, испанцы едва ли вышли бы победителями, если бы дух пронунсиамента, убивающий всякую свободу, не разделил друзей независимости на два лагеря. Поэтому Сан Мартин потребовал от правительства в Буэнос-Айресе средств для образования и снаряжения отря-• да, который послужил бы ядром армии для освобождения Чили. Оттуда можно было бы уже начать борьбу против испанцев на всем юге материка.

В это время внутренние раздоры еще не настолько ослепляли правителей в Буэнос-Айресе, чтобы они не видели тех громадных шансов, которые открывал план Сан Мартина для дела свободы. Поэтому ему было вверено, согласно его желанию, управление округом Мендосы, граничащим с северным Чили. Здесь он был в состоянии по возможности незаметно собирать средства для осуществления своих планов и затем в удобный, по его мнению, момент приступить к их выполнению. Сан Мартин обладал тем, чего недоставало почти всем остальным передовым борцам за независимость, — строго методическим и во всех направлениях законченным военным образованием, определенным планом действий, добросовестно разработанным во всех подробностях как

300

с политической, так и с военной точки зрения, наконец, восторженной преданностью делу, которому он служил и во имя которого был готов приносить величайшие личные жертвы. Он употребил полные два года на то, чтобы создать элементы для своего военного плана, обучить их и подготовить область, где он желал начать действия. Когда он затем дал сигнал к движению, то каждая подробность была так точно предусмотрена и принята в расчет, что он мог идти вперед шаг за шагом почти с математической точностью. Старания его увенчались полным успехом.

Осенью 1816 года Сан Мартин получил от правительства в Буэнос-Айресе полномочие двинуть свои войска через Кордильеры в Чили и оттуда предпринять обратное завоевание Боливии. В последние месяцы года в округе Мендосы кипела необычайная деятельность, и правительство напрягало усилия, чтобы окончить вооружение. 14 января 1817 года Сан Мартин двинул свое войско, состоявшее из 4000 человек всех трех родов оружия и из обоза с 10 000 мулов, двумя колоннами из Мендосы для того, чтобы перейти Кордильеры

через проходы Путаен-до и Аконкагуа. Местом соединения назначена была Сан-та-Роза-де-лос-Андес (Santa Rosa de los Andes) в расстоянии 337 километров от Мендосы. Наибольшая высота, которую предстояло преодолеть, равнялась 3927 метрам. 8 февраля обе колонны настолько одновременно достигли места назначения, что неприятельские авангарды у выходов с перевалов не знали, откуда им ожидать нападения. Первый смелый шаг плана похода удался.

Но войско все еще стояло в глубине гор: оно не могло ни само развернуться, ни служить опорой для восстания страны на большом расстоянии. Сан Мартин понимал, что быстрое движение вперед означает половину победы и что обстоятельства требовали избрания кратчайшего пути на столицу Сантьяго. Поэтому он мог разрешить своим войскам, сильно истощенным, лишь самый необходимый отдых, а затем двинулся на неприятеля, главные силы которого заграждали путь у Чакабуко. В несколько

301

шагов ему удалось при помощи ловкой фланговой атаки рассеять неприятельское войско. Паника распространилась далеко. Губернатор вместе с остатками войска, кассами, чиновниками и многочисленными жителями, преданными королю, очистил столицу, и 14 февраля 1817 года войско освободителей с триумфом вступило в Сантьяго.

В ближайшие недели, последовавшие за победой, обнаружился характер Сан Мартина. Он пришел, чтобы принести народу свободу. И действительно, как только испанцы очистили поле, весь север Чили поднялся за независимость. Теперь законодательное собрание должно было осветить факты, и в Сантьяго был созван конгресс. Новоиспеченные республиканцы не могли себе представить, чтобы чужеземный генерал сражался за дело иначе, как для того, чтобы стать во главе его. Поэтому Сан Мартин был почти единогласно избран президентом с полномочиями диктатора. Но он считал, что совершил лишь первый шаг на пути своей славы, и безусловно отклонил избрание. Он предложил конгрессу избрать в президенты вместо себя генерала О'Хиггинса, уроженца Чили, который сражался под его командой при Чакабуко; сам же он удовлетворился званием главнокомандующего всеми боевыми силами.

Республика, занятая устройством гражданского порядка, слишком долго отвлекала внимание начальников от преследования неприятеля. Испанская партия оправилась от первого удара; вице-король Перу отправил подкрепления. Море все еще находилось во власти испанцев, и они могли беспрепятственно высадиться у крепости Талькауано, которая господствует над заливом Консенсiona. Попытка взять Талькауано, предпринятая с недостаточными силами, поставила дело свободы в опасное положение, особенно когда патриоты во время отступления были совершенно разбиты при Талько недалеко от Мауле. Страх и испуг распространились до самой столицы. Эта опасность пробудила, наконец, Сан Мартина из его бездеятельности. Войска его, постоянно

302

строго упражняемые, бесспорно, превосходили неприятеля, если не численностью, то своими качествами. Благодаря этому обстоятельству и боевому таланту Сан Мартина они одержали победу при Маипу после долгой и тяжелой битвы. Победа была настолько полная, что даже южные провинции воспряли и свергли с себя испанское иго.

Если после победы при Маипу Сан Мартин снова затих на долгое время, то это была не его вина. Тотчас после битвы он поспешил обратно через Анды, чтобы получить в Буэнос-Айресе разрешение на план похода против Перу. От патриотов требовалось положить начало флоту, чтобы лишить роялистов преобладания на Тихом океане и обеспечить себе возможность нападения на Перу со стороны моря. В теории планы Сан Мартина и теперь встретили самую полную готовность признания их со стороны представителей власти в Буэнос-Айресе и нового правительства в Чили; но ни та, ни другая стороны не могли оказать ему существенного содействия. В Буэнос-Айресе именно в это время началось федералистское разложение старых групп. Правительство было настолько поглощено заботами о своей собственной безопасности, которой грозили и внутри, и извне (по крайней мере, по его мнению), что оно не могло в данный момент предоставить средства для планов, заходивших далеко за пределы его непосредственной деятельности. Все, чего мог достигнуть Сан Мартин, заключалось в приобретении нескольких английских кораблей, которые были вооружены чилийскими патриотами почти столько же против тамошнего правительства, сколько против испанцев. Эти корабли образовали основание морской силы и под командой необычайно смелого англичанина Кохрена значительно способствовали уничтожению испанского морского могущества. Для сухопутной армии Сан Мартин почти ничего не мог добиться в Буэнос-Айресе. Это было для него тем чувствительнее, что одновременно и Чили ставило ему на пути существования преграды.

303

Если войска, которые Сан Мартин вел через Кордильеры и Чили от победы к победе с непоколебимым воодушевлением, были преданы своему вождю, то в этом нет ничего удивительного; но и чилийские полки, которые он создал и обучил перед битвой при Маипу, следовали за ним в слепом повиновении. Президент О'Хиггинс также принадлежал к кругу самых тесных друзей генерала. Но большинство чилийских патриотов после устранения опасности со стороны роялистов видело в присутствии освободительного войска лишь тяжелое бремя для истощенного кошелька молодой республики и постоянную угрозу для республиканской свободы. Сан Мартин усматривал в этих обстоятельствах лишь дальнейший повод к тому, чтобы приложить все силы к осуществлению своего плана похода на Лиму. Но так как в данный момент было невозможно собрать требуемые для этого средства, то ему не оставалось ничего другого, как повести

освободительную армию обратно через Анды. Эта мера, предпринятая, по-видимому, лишь ввиду затруднений по продовольствию и вознаграждению войска, имела большое политическое значение. Испанцы в Перу были обмануты относительно фронта ожидаемой атаки. У чилийцев отнято было всякое криво роптать на аргентинских освободителей; но вместе с тем им дано было понять, насколько их государство оказывается в опасности с удалением армии, служившей черной защитой против роялистов, все еще сильных на границе страны. Наконец, правителей Буэнос-Айреса возвращение войск на почву республики должно было убедить, что содержание армии, хотя бы осужденной на бездеятельность, возлагает на государство едва ли меньшие жертвы, чем те скромные требования, которые были предъявлены Сан Мартином для продолжения борьбы за независимость в неприятельской стране. Все эти соображения и расчеты Сан Мартина отчасти оказались успешными. Созданный вновь флот патриотов произвел под командой адмирала Кохрена крайне смелое нападение на испанские корабли в Кальяо и этим до-

304

казал, что хотя сам по себе он не мог нанести серьезного ущерба врагу, но все же настолько потревожил и поколебал его, что предложенный Сан Мартином план нападения с берега представлял благоприятные шансы. О'Хиггинс и другие друзья генерала теперь могли свободно агитировать в пользу планов Сан Мартина, не рискуя быть заподозренными чилийскими патриотами. И даже предложить ему вернуть в Чили войска, удаленные через Анды, и в соединении с флотом подготовить нападение на Перу. Наконец, военная политика Сан Мартина не осталась без влияния и на аргентинцев: он достиг принципиального признания своих планов. В скромных размерах ему оказали даже поддержку деньгами и военным материалом, но в последний момент ему грозила очень серьезная опасность именно с этой стороны. Перспектива, что эта опасность безнадежно уничтожит все его надежды на осуществление своего плана, побудила Сан Мартина к смелому шагу: с недостаточным снаряжением и без уверенности в будущем разрушить позади себя мосты и ринуться в неизвестное.

Партия патриотов, которая считала за собой право отстаивать авторитет правительства Буэнос-Айреса на всем пространстве бывшей испанской колониальной провинции, почти с самого начала увидела себя вынужденной применить силу. В Парагвае она не достигла цели. На восточном берегу Ла-Платы, в Уругвае, ей пришлось сделать, по крайней мере, серьезные уступки. Даже на северо-западе победоносным войскам приходилось бороться не только с испанскими войсками, но и с республиканскими противниками. Эта последняя оппозиция приняла такие размеры, что существующему правительству пришлось прибегнуть к силе оружия. Таким образом, в то время, когда Сан Мартин подготавливал уже поход на Перу, он неожиданно получил приказ вернуться со своей армией внутрь страны для защиты правительства, подвергавшегося опасности. Сан Мартин принадлежал к тем немногим патриотам, которые не предавались иллюзиям. Он видел, что борьба за большую или

305

меньшую степень гражданской свободы/будет смертным приговором для новых республик, если она выродится в междоусобие прежде, чем испанское владычество будет окончательно уничтожено на почве Южной Америки. Он, как и его единомышленники, были в глубине души несомненными республиканцами, и при своем образовании и опытности не могли быть ничем иным. Если же они, несмотря на это, в различные фазы борьбы за независимость неоднократно попытались навязать новообразованным государствам монархическую форму правления, то это объясняется лишь широким умственным кругозором этих людей. Горький опыт убедил их в том, как дурно употребляли свободу, добытую кровью, люди, за которых они сражались. Волей-неволей они должны были прийти к заключению, что даже в сфере руководящих лиц огромное большинство еще безусловно не созрело для серьезных республиканских учреждений. Для этой страны, после достижения независимости, была полезнее крепкая центральная власть на либеральной почве, просвещенный деспотизм, чем разнузданная свобода.

Поэтому Сан Мартин откровенно объяснил правительству, что даже его войско, которое при своей строгой дисциплине является могучим фактором в борьбе с неприятелем, окончательно деморализуется, как скоро оно вмешается в гражданскую войну. И тогда оно явится столь же плохой защитой для правительства, как войска и население, на которых это последнее до сих пор опиралось. Вместе с тем он вошел в непосредственные переговоры с различными вожаками повстанцев с целью склонить их отдать свои силы прежде всего на служение отечеству и отсрочить борьбу из-за политических мнений по крайней мере до того дня, когда общий враг будет побежден. Но эти благородные увещания не встретили сочувствия, и правительство, которое само уже не ощущало под собой почвы, все настойчивее повторяло свой приказ, чтобы он явился ему на помощь в Буэнос-Айрес. Тогда Сан Мартин решил отказать в послушании. Он обратился с воззванием к своим войскам и потребовал,

306

чтобы они повернулись спиной к гражданской междоусобице и искали славы в честной борьбе с неприятелем, у которого ему удалось уже вырвать цветущую провинцию. Этот призыв встретил восторженный прием. В несколько дней войско по ту сторону Кордильер было собрано, чилийское правительство приняло его под свою защиту, и чилийско-аргентинский экспедиционный корпус, которому было дано название «Освободительное перуанское войско» (Ejército Libertador del Perú), сел в Вальпараисо на корабли под командой Кохрена.

Сан Мартин надеялся, что население Перу, как и Чили, поднимется за независимость, как скоро армия патриотов предложит ему опору против испанцев. Поэтому он еще раньше распространил в тысячах экземпляров прокламации через посредство флота Кохрена, маневрировавшего вдоль побережья Перу. Но когда он пристал к твердой земле в Писко, ему пришлось убедиться, что население Перу отнеслось равнодушно, если не враждебно, так же, как население Венесуэлы к прокламациям Мираны. Кроме того, тотчас после вступления его на берег было получено известие из Испании о восстановлении правительства кортесов, которые настоятельно рекомендовали испанским губернаторам вступить в переговоры с борцами за независимость. Эти переговоры, имевшие гораздо больше шансов на успех, затянулись на долгое время и были на руку обеим партиям. Сан Мартин надеялся воспользоваться этим временем, чтобы оживить в самом народе движение в пользу освободительного войска, вначале очень вялое, так как он считал противным своим убеждениям навязывать стране необходимое изменение системы правления. Что касается роялистов, то они считали успехом каждый выигранный день, который,* по их мнению, должен ослаблять экспедиционный корпус, сам по себе слишком малый в сравнении с его великой задачей. Высадка в Писко имела двоякую цель: разведать настроение страны и отправить летучий отряд в глубь перуанской плоской возвышенности. Когда это было до-

307

стигнуто, войска опять перешли на корабли с тем, чтобы снова высадиться в Гуачи, ближе к столице. Только тогда обнаружилось некоторое оживление. Установились отношения с неприятелем на береговой полосе, и на сторону революционных войск перешел даже один испанский полк, в котором были особенно сильно развиты либеральные стремления, господствовавшие в то время в Испании. С плоской возвышенности также доходили радостные вести: округа Уайлас, Трухильо, Пиура и др. поднялись и образовали патриотические летучие отряды, которые поддерживали военные операции. Этим путем испанцы оказались запертыми в Лиме еще раньше, чем они пришли в соприкосновение с войском Сан Мартина. Наконец, вице-король, которому угрожали и с берега, и со стороны гор, убедился в безвыходности своего положения и решил сдать столицу. Это было тем более легко, что обладание Лимой без гавани Кальяо, которая оставалась в руках королевских войск, представляло не столько стратегическое, сколько нравственное значение. В Перу Сан Мартин не проявил той активности, какой от него ожидали, но на это имелось много веских оснований. Он не мог не видеть, что в широких массах населения дело, за которое он боролся, не встречало отклика потому, что они совершенно не понимали его. При помощи одного только экспедиционного корпуса едва ли возможно было нанести решительный удар противнику, располагавшему превосходными силами. Всякое поражение было бы равносильно истреблению, между тем как победа на поле битвы существенно не подвинула бы дела вперед. В довершение ко всему, нездоровый климат побережья значительно истощал его силы, и без того ничтожные, а переговоры, которые велись с испанской стороны с дипломатическим искусством, некоторое время давали право надеяться на возможность мирного исхода дела. Тем не менее такая выжидательная стратегия Сан Мартина вызывала во многих отношениях порицание. Поэтому сдача Лимы произошла в удобный момент, чтобы осадить его противников, хотя вскоре выяснилось,

308

что ни в политическом, ни в стратегическом отношениях она не дала тех важных результатов, которых ждали от нее освободители.

Эти последние надеялись, что падение столицы поведет ко всеобщему восстанию в стране; но они еще раз обманулись в этом. Сами они не в состоянии были серьезно преследовать испанцев; перуанский народ дал им свободно отступить в Куско. Связь с Боливией дала возможность королевским войскам вполне оправиться в короткое время, так что они даже могли снова перейти в наступление. В Лиме Сан Мартин не решился передать будущую судьбу страны в руки конгресса; хотя последний и не был вполне обезличен, но все-таки нельзя было питать уверенности, что он не отклонит помощи освободителей. Поэтому Сан Мартин удовольствовался тем, что провозгласил независимость Перу без санкции народа и взял на себя временно почти диктаторскую власть под именем протектора. Но и при таких условиях новое правительство находило лишь слабую поддержку в народе и испытывало постоянные тревоги, теснимое, с одной стороны, превосходными неприятельскими силами, которые продвигались для атаки со стороны Куско, а с другой — угрожаемое укреплениями роялистов в Кальяо. Военное положение ухудшалось еще более, когда роялисты одержали победу при Икс и одно время угрожали Лиме. С политической точки зрения, такое стечение обстоятельств являлось как бы освобождением, так как то, что не было достигнуто победой, сделала необходимость: население Лимы поднялось за свободу и добровольно присоединилось к войску Сан Мартина. Плодом такого движения был ряд побед. Кальяо была уже давно заперта с моря и с суши, и движение королевских войск имело, главным образом, целью снабдить эту гавань новыми припасами. Сан Мартин дал предназначенному для этого войску подойти к самой крепости и тогда окружил его настолько, что лишь быстрое бегство спасло его от капитуляции, которая стала неизбежной для Кальяо.

309

Тем не менее Сан Мартин хорошо видел невозможность отстоять при помощи своих ограниченных боевых сил провинцию от испанцев, предпринимавших все новые атаки со стороны плоской возвышенности. И так как он всегда считал борьбу за независимость общим делом всех американских колоний, то, не колеблясь, решил попытаться соединиться с Боливаром для общих военных действий. Во всяком случае, от этого

можно было ожидать более быстрого и верного успеха, чем от операций каждого из них в отдельности, которые привели лишь к застою на обоих театрах борьбы. Оба героя войны за освобождение уже с некоторого времени вступили в общение друг с другом, но не шли дальше обмена пожеланий удачи и т. п. Поводом к более тесному сближению послужило то обстоятельство, что гавань Гваякиль на границе между Перу и Кито восстала за свободу, и ее хунта прибегла к общему покровительству обоих освободителей. Патриоты Гваякиля желали этим обойти споры относительно принадлежности их родного города, который в политическом отношении надставлял составную часть провинции Кито, но географически скорее принадлежал к сфере вице-королевства Перу и часто соприкасался с ним в делах управления. Тихоокеанский флот Кохрена немало помогал им для достижения независимости; наконец, и Боливар отправил в помощь борцам за самостоятельность небольшой отряд. Но этот общий протекторат должен был иметь совершенно различные последствия, далеко неблагоприятные для дела свободы, чего в первое время никто не мог предвидеть.

Победа при Бояка не вполне оправдала надежды, которые связывал с ней Боливар. Над Кито все еще высоко развевалось знамя Испании. Фанатически-роялистское население провинций Попайяна и Пасто оказывало непреодолимое сопротивление вторжению патриотов. Поэтому Боливар охотно согласился перебросить войско в Гваякиль отряд своего войска под командой Антонио Хосе де Сукре (см. портрет на с. 287) в надежде, что нападение на Кито с этой стороны должно отвлечь внимание

роялистов и облегчить ему одновременное движение со стороны севера. Но первый поход Сукре был несчастлив. После нескольких удачных стычек, которые дали ему повод слишком низко оценить силу противника, он потерпел при Гуачи тяжелое поражение, последствий которого он избег лишь благодаря ловко устроенному перемирию. Атака, предпринятая одновременно Боливаром, также не привела к цели. Он рассчитывал незаметно проскользнуть мимо непобедимых препятствий позиций роялистов у Пасто и подойти к Кито с северо-востока; но противники преградили ему путь у Бомбоны и вынудили дать сражение. Хотя он и вышел победителем, но план его был раскрыт. Он был вынужден еще раз отложить покорение Кито и отступить к северу.

Из стесненного положения освободитель севера вышел благодаря поддержке Сан Мартина. Этот последний неоднократно предлагал Боливару совместные действия против Кито или против Куско, так как лишь этим путем мыслимо было выбить испанцев из этих опорных пунктов, выполнить задачу, невыполнимую для каждой из слабых армий в отдельности. Но Боливар не мог, решиться разделить предвкушаемые лавры с равным по положению союзником и все еще колебался. А Сукре в этом отношении ничем не рисковал и поэтому охотно принял бескорыстное предложение Сан Мартина, который предоставлял ему часть своих войск и этим давал возможность предпринять новое наступательное движение против Кито. С 1500 перуанскими солдатами, присоединившимися к его отряду приблизительно такой же силы, Сукре вторгся в феврале 1822 года в округи Лоха и Куэнка, находившиеся до сих пор в руках королевских войск. Он встретил их отступающими при Риобамбо и здесь при помощи своей кавалерии одержал внушительную победу. Затем смелым фланговым маршем он принудил неприятеля на склонах вулкана Пи-чинчи к решительной битве. Военное счастье и в этом случае не изменило соединенным патриотам севера и

юга, и Кито достался в их руки как добыча победителя. Этим было уничтожено сопротивление испанцев в Эквадоре, и Боливар поспешил украсить себя лаврами, добытыми в бою его подчиненными.

В надежде, что вслед за победой в Кито тотчас будет предпринят второй совместный поход против Куско и Боливии, Сан Мартин устроил личное свидание с Боливаром в Гваякиле. Не таковы, однако, были намерения Боливара, честолюбие которого безгранично разрослось. Можно было еще извинить то, что он без дальних околичностей присоединил Кито к своей Колумбийской республике, хотя завоевание ее состоялось лишь благодаря энергичной поддержке перуанско-чилийского войска: Кито всегда был составной частью Новой Гранады. Но относительно Гваякиля вопрос представлялся более сложным: при испанцах он оставался невыясненным, а теперь здесь существовало независимое правительство. Сан Мартин полагал, что по этому поводу необходимы были личные переговоры с Боливаром. Но Боливар уже заранее решил дело с правовой стороны в пользу Колумбии. Фактически он осуществил свой взгляд таким образом, что, не дожидаясь прибытия соперника, внезапно вступил в Гваякиль, и одним властным словом решил все дело. Сан Мартин еще на пути получил известие, что Боливар с удовольствием будет приветствовать гостя на территории Колумбии.

Таким образом, свидание обоих освободителей в Гваякиле состоялось при неблагоприятных предзнаменованиях и продолжалось в том же духе. До настоящего времени еще не вполне разъяснена тайна, окружающая происходившие там переговоры. Несомненно лишь то, что оба полководца не могли прийти к соглашению. К изумлению всех участников, Сан Мартин внезапно уехал из Гваякиля. О совместном походе не было больше и речи. Напротив, у Сан Мартина созрело решение, которое, правда, родилось еще до Гваякиля, но выполнение которого было значительно ускорено исходом свидания с Боливаром.

312

После победы при Кальяно и Кито Сан Мартин назначил выборы законодательного конгресса в Перу. Он заранее поставил на вид, что намерен передать в руки конгресса чрезвычайные полномочия, которыми он был облечен. При этом он имел, впрочем, в виду еще особые тайные цели. Сан Мартин не разделял мнения, что в

испано-американских провинциях могут быть учреждены жизнеспособные республиканские правительства. Он видел весь север в руках диктатора, быть может, воодушевленного идеей свободы, но все же снedaемого честолюбием и жаждой славы. Он видел, как на юге был близок к крушению опыт создания республиканского правительства в Чили и Буэнос-Айресе, как старые провинции находились в состоянии большего или меньшего разложения. Сопротивление Перу показывало, наоборот, как глубоко коренились монархические чувства даже в сердцах американского населения. Наконец, введение конституционной монархии в соседней Бразильской империи, совершившееся без особых политических потрясений, являлось сильным аргументом в пользу именно этой государственной формы. Лично Сан Мартин всецело принадлежал к партии своих аргентинских соотечественников, которая мечтала и для своей родины об устройстве южноамериканского королевства сперва при посредстве инфантин Карлоты, а впоследствии с молодым принцем из испанской династии во главе. Теперь он работал как в Америке, так и при содействии специально командированного в Европу посла над тем, чтобы противопоставить великой южноамериканской республике, по плану Боливара, великую южноамериканскую конституционную монархию. Он надеялся включить и Колумбийскую республику в эту панюжноамериканскую монархию. Свидание с Боливаром внесло горькое разочарование в его надежды. И хотя вести из Европы временами давали ему надежду на близкое осуществление его планов, но настроение в Перу и союзных государствах было так мало благоприятно для его монархических проектов, что он чувствовал глубокую тревогу. Не в его характере было

313

разыгрывать, по примеру Боливара, роль личного провидения для государства, которым он лишь случайно руководил в данный момент. Не по нем было и участие в неизбежно надвигавшейся гражданской войне. Отсюда он пришел к выводу, что ему не остается ничего другого, как вернуться к частной жизни. Он тем охотнее избрал такой выход, что, по его твердому убеждению, с его удалением самолюбие Боливара побудит последнего довершить дело освобождения и приобщить также Перу и Боливию к своей Колумбийской республике. 20 сентября 1822 года он сложил с себя перед собравшимся конгрессом все свои должности и звания. Представители все еще думали, что это не более, как один из театральных приемов, к каким приучил их Боливар, или что Сан Мартин оставит за собой, по крайней мере, звание главнокомандующего; но он внезапно и таинственно исчез из Перу и, возмущенный всем, что ему пришлось пережить в Чили и Аргентине, удалился в Европу. Здесь он провел остаток своих дней в качестве постороннего наблюдателя.

Предсказания Сан Мартина, по крайней мере, в большинстве, подтвердились ходом событий. Если Боливар и не заместил его впоследствии в Перу, то лишь благодаря сильному национальному течению, которое с явным недоверием встретило его всепоглощающее честолюбие. Обстоятельства оказались, однако, могущественнее, чем слабое правительство, которое взяло в свои руки судьбы Перу. Отвергнув помощь Боливара, перуанцы лишились значительной части опытных войск, и походы, предпринятые ими на собственный страх, окончились двумя тяжелыми поражениями при Торате и Мокегве. В конце концов им оставался только один путь к спасению: униженно просить отвергнутую вначале помощь и возвести президента соединенной республики Колумбии в звание диктатора Перу. Это, однако, повлекло за собой даже в Перу гражданскую войну. В среде самого войска вспыхнуло возмущение против передачи его в руки Боливара; Кальяо снова водрузил на своих неприступных стенах испанское трехцветное знамя, а Лима вновь должна была

314

открыть свои ворота испанцам. Таким образом, призыванием Боливара была достигнута лишь утрата Перу для дела независимости.

Несмотря на это, испанское правительство отжило и должно было рухнуть. Устранение либерального правительства на родине внесло недовольство в королевскую армию, часть которой провозгласила снова «абсолютного короля» и отказала в повиновении вице-королю. В это время Боливар преобразовал свое войско в северных горных округах и, получив подкрепления из Новой Гранады, возобновил поход в августе 1824 года. Первые его операции сопровождались успехом. Он двинулся на юг по верхним долинам, между обеими горными цепями Кордильер, прикрываемый шайками герильясов, которые всюду появлялись с приближением патриотов. К югу от Паско, у озера Кролей (Lago de Reyes), он встретил неприятеля, шедшего ему навстречу. Битва при Хунине была собственно кавалерийской стычкой, в которой королевские войска вначале одержали решительную победу. Но в пылу преследования они промчались мимо не участвовавшей в деле кавалерийской массы, которая ударила им в тыл и смяла их разрозненные ряды. Победа оказалась, таким образом, роковым поражением. Испанский полководец, который торжествовал уже победу, должен был быстро отступить и продолжать это отступление на протяжении более чем 750 километров, почти до самого Куско. Боливар не мог следовать за ним с такой же быстротой; когда он снова пришел в соприкосновение с неприятелем у Апуримака, наступало дождливое время, положившее конец военным операциям. В то же время конгресс Колумбии значительно ограничил его диктаторские полномочия. Он передал верховную команду Сукре, а сам вернулся обратно в северные провинции. Оттуда он все еще руководил военными действиями, но в конце ноября неприятель проник между отрядом самого Сукре и сообщениями в тылу его армии, так что ему не оставалось ничего другого, как попытаться решить дело на поле битвы. Испанцы были уверены в

победе. Сукре приходилось отступать с невероятной быстротой, чтобы не быть совершенно отрезанным, и в дни перед сражением он понес тяжкие потери. Ни он, ни его войско не теряли, однако, присутствия духа в этом опасном положении и знали, что от них зависит судьба не только похода. 9 декабря 1824 года испанцы вступили в битву, которую им уже не раз предлагали, на равнине Айякучо и потерпели неудачу. Сукре замечательно искусно выбрал позицию и с необычайным талантом руководил битвой, которая почти исключительно велась холодным оружием. Победа была полной. Последняя испанская армия была окончательно рассеяна, и немногочисленные остатки ее, устоявшие на поле битвы, с 14 испанскими генералами во главе сложили оружие. После Айякучо независимость Южной Америки, подготовленная на полях битв при Чакабуко и Маипу, при Карабобо и Бойяка, была обеспечена.

Капитуляция на Айякучо была принята почти всеми местами, которые находились еще во власти королевских войск. Сукре не обесславил своей победы излишними кровопролитиями, к почетная капитуляция обеспечила защитникам испанских прав беспрепятственное удаление из страны. Этим Сукре достиг большего, чем он мог ожидать: не только собственно Перу, но и Боливия сложили оружие. В одном Кальяо испанский комендант продолжал сопротивляться почти в течение целого года, но абсолютно бесцельно, так как, помимо удаления из страны испанских войск, даже флот отказался от безнадежной борьбы в американских водах. Фактически независимость была завоевана к началу 1825 года. Отрицательная сторона борьбы за освобождение была исчерпана. Оставалось лишь добиться положительного признания новых государств и дать им настоящую политическую организацию.

История независимого Юга до XX века

КАК МОЖНО было ожидать, испанские колонии уже на ранней ступени своего подъема искали поддержки Соединенных Штатов Америки, примеру которых они пытались следовать в борьбе за свободу и независимость. Но их встретил безусловный отказ: Соединенные Штаты, сами еще не вполне окрепшие, желали воздержаться от всякого вмешательства, которое могло бы вызвать недоразумения с другими державами. Такое решение выслушали различные посольства, которые во время борьбы обращались к Англии. Бесспорно, и Соединенные Штаты, и Англия были настроены доброжелательно к испанским колониям и доказали это, относясь не слишком бдительно к частной поддержке восставших, исходившей из гаваней этих государств. Англия признала, однако, борьбу колоний с их родиной внутренним делом, в котором она тем менее могла принять чью-либо сторону, что одновременно с тем находилась в тесных союзных отношениях с Фердинандом VII. Таким образом, борющимся открытую поддержку оказала только республика Гаити, и тем охотнее, что борцы за независимость почти всюду провозглашали свободу негров-невольников с целью пополнения ими своего поредевшего войска, и вообще уничтожали рабство. Они не догадывались, что этим образом действий нарушали дружбу со своими ближайшими соседями. Когда Боливар после больших побед в Новой Гранаде и Кито созвал панамериканский конгресс на Панамском перешейке, кроме ис-

317

панских колоний, он приглашал на него североамериканцев, и уже в то время в Соединенных Штатах существовала большая партия, которая лелеяла мысль о всеамериканском братстве. Одна из главных причин, почему никто не был прислан со стороны Соединенных Штатов на этот вообще неудавшийся конгресс, было соображение, что одним из статей его заявлялось об уничтожении рабства негров, и, вследствие того, там пришлось бы оказаться на равной ноге с представителями республики Гаити.

Переворот в общественном мнении произошел впервые во время испанской революции, и в особенности тогда, когда Фердинанд VII был во второй раз возведен на престол Священным Союзом в качестве неограниченного монарха. Революционное правительство было склонно ради принципа сделать большие уступки колониям, и когда его власти все более и более грозила опасность, оно охотно согласилось даже признать независимость некоторой части колоний, чтобы приобрести их поддержку против Франции.

Аргентинская республика могла в то время купить себе независимость, отстранившись от прочих колоний, но она отклонила какую бы то ни было сделку, помимо других.

Вмешательство Священного Союза отделило тогда Англию от других держав. Эта последняя заявила, конечно, ввиду, главным образом, своих торговых интересов, что каждую попытку восстановления прежних условий в колониях она сочтет за неприязненный акт против нее. Это поощрило президента Соединенных Штатов Монроэ обнародовать 2 декабря 1823 года декларацию (доктрина Монроэ), с тех пор повторявшуюся бесконечное множество раз по самым различным поводам, в силу которой Союз на каждую попытку европейских держав к заведованиям на американской территории должен смотреть как на враждебное действие против него. В первое время это не имело большого значения, так как Южная Америка юридически еще оставалась зависимой от Испании, и тамошние республики не были еще признаны

318

Соединенными Штатами. Но дальнейший шаг к этому признанию, в связи с тем, что Испания должна была отказаться от попыток восстановления своей власти, был только вопрос времени и удобства; он должен был определиться тем, какое употребление сделают молодые государства из своей свободы.

Когда победа на равнине Айякучо уничтожила последнюю опору испанской власти в Южной Америке, ни одна из прежних колониальных провинций в действительности не имела еще серьезной организации.

Буэнос-Айрес вначале, по-видимому, без всяких существенных потрясений превратился в жизнеспособную республику. Тем не менее и там произошла быстрая перемена формы и лиц высшей исполнительной власти; лишь после того как в 1816 году провозглашена была независимость республики, был созван конгресс по действительно свободному народному выбору, и в то же время установилось даже равновесие в бюджете юного государства, еще добивавшегося своего признания. Однако эти результаты были вновь совершенно утрачены, когда в 1820 году достигла власти федералистская партия, которая уничтожила единство правления, и не только признала независимость отделившихся провинций, Боливии, Парагвая и Уругвая, но и расторгла все связи настоящих аргентинских округов между собой и с Буэнос-Айресом. Последний был обязан прочным положением во главе власти только своему географическому значению, которое в большей мере приводило его в соприкосновение с иностранными державами, чем внутренние провинции. И хотя в силу исторического предания тогдашнее в Буэнос-Айресе стремилось все более и более обеспечить фактическое преобладание этой провинции, но между ней и соседними государствами долгое время существовал лишь союз на основе полной независимости всех договаривающихся сторон.

В это время нравственная сила правительства стала быстро клониться к упадку. Революция была произведена людьми, которые своим выдающимся образованием

319

предназначены были к роли вождей: Бельграно, Сан Мартин и Ривадавия, несомненно, возвышались над большинством своих сограждан знаниями и талантами. Но для менее почтенных политических деятелей потрясение всякой законной власти было наиболее удобной почвой; победа федеральной идеи была, главным образом, плодом честолюбия предводителей местных партий, которые среди общей необеспеченности хотели прежде всего создать положения для самих себя и своих приверженцев.

Централистская партия не могла противопоставить этим стремлениям никакого высшего интереса, который мог бы оказать достаточное действие на неопытную массу. Последствием того было крушение этой партии и более грубый образ действий правительств. Лишь этим объясняется диктатура Дон Хуана Мануэля де Розаса, который из управляющего фермой путем хитрости и бессовестности сделался президентом Буэнос-Айреса, вновь восстановил, более или менее сомнительными средствами, главенство над другими провинциями и при весьма трудных условиях почти в течение 20 лет занимал положение диктатора во главе государства. Так как при этом всякое проявление независимого образа мыслей уничтожалось в корне, обеспеченность жизни и собственности была ослаблена, и, тем не менее, диктатор не мог быть свергнут, то это было преимущественно результатом того, что даже лучшие представители народа не имели настоящего понятия о громко прославлявшихся благодеяниях республиканской свободы.

В конце концов Розас пал не жертвой реакции, поднявшейся для восстановления закона и порядка, а в борьбе с людьми, которые были не лучше его. Слабым пунктом Аргентинской республики было отношение к отпавшим провинциям, в особенности к Монтевидео, на которую, кроме местной партии независимости, беспрерывно обнаруживала притязания и Бразилия. После первого столкновения за обладание Уругваем Бразилия и Буэнос-Айрес пришли к соглашению признать это государство независимым и совместно гарантировать его су-

320

ществование. Однако и там различные партии боролись за место у государственного кормила; поддержание свергнутого президента дало Розасу благодидный предлог вновь распространить свое влияние на Уругвай. Война, разгоревшаяся по этому поводу, повела даже к временному вмешательству Франции и Англии. Но прежде всего она послужила к тому, чтобы выдвинуть новых властолюбивых вождей партий против Розаса; под их натиском власть его рушилась в 1852 году на поле сражения при Монте-Касерос. Розас, хотя и насильственными средствами, вел, под видом убежденного федералиста, довольно оборонительную политику; его изгнание вновь поставило вопрос о союзе Аргентинской республики, и Буэнос-Айрес на долгое время отделился от него. Однако борьба, которая не столько вращалась около государственного союза и около единственного государства, сколько около обладания властью, едва ли когда-нибудь приводила к спокойствию: революции в республике или войны между ее частями продолжались до новейшего времени.

Самым значительным из этих столкновений была война с Парагваем. В этой стране, называвшейся республикой только по имени, за диктатурой д-ра Франсиа последовала диктатура обоих Лопесов, отца и сына. Между тем, как Франсиа искал благо государства в строгой замкнутости его от соседних государств, оба Лопеса (Карлос Анто-нио, умерший в 1862 году, и Франсиско Солано) открыли его всем иностранцам и вызвали этим значительный экономический подъем. Но когда Лопес Младший вмешался в борьбу претендентов на Уругвай, он прежде всего вызвал этим враждебность названной страны, а в октябре 1864-го неприязнь Бразилии; при своих стараниях повредить этим противникам, он легкомысленно вызвал и вражду Аргентинской республики. Так образовался союз этих трех государств против Парагвая, который в течение пятилетней войны утратил почти все свое благосостояние, значительную часть своих владений и свое политическое значение. С тех пор и там, вместо пожизненных диктаторов, высту-

11 Зак. 571

321

пали республиканские президенты. Но внутренний покой с того времени часто нарушался и в Парагвае. Несмотря на это, революционное состояние не сделалось там в массе хроническим, как в Уругвае, где

партийная война коло-радосов и бланкильосов, ведущая начало со времени вмешательства Розаса, до новейшего времени почти ни разу не давала возможности ни одному президенту дожить до конца законного срока своей должности.

И последней из провинций, которая некогда принадлежала к Буэнос-Айресскому вице-королевству, выпал жребий не лучше, чем родственным ей государствам. Верхнее Перу, нынешняя Боливия, получило свободу, только благодаря победе Сукре на Айякучо. Собрание, созванное в Чукисаке, объявило в августе 1825 года независимость республики Боливии, против чего ни Перу, ни Аргентинская республика не заявили никаких возражений. Молодое государство отдало себя под покровительство Боливара, которого считало своим настоящим освободителем, и предоставило ему заботу о будущем устройстве республики. Боливар не упустил этого случая провести на деле свои идеи о государственном управлении и наделить Боливию формой правления, которое так же в Агностуре, состояло из пожизненного президента, наследственного сената и нижней палаты с ограниченными полномочиями. Согласно постановлению конгресса, ему предоставлены были диктаторские права всегда, когда он вступит на почву Боливии, но конституционным президентом был назначен главный маршал Айякучо Сукре. Гораздо лучше своего учителя он распознал опасность, какой *Codice Boliviano* (Боливийский кодекс) подвергал молодую республику. Он принял звание президента только на два года, но отказался от него еще до истечения этого срока, когда обнаружилось противодействие республиканско-патриотической партии аристократическим стремлениям колумбийского диктатора.

Вместе с тем и для Боливии настал период продолжительных военных возмущений, которые были прерваны

322

только десятилетней диктатурой генерала Сайта Крус. Этот последний был индейского происхождения, участвовал в войне за независимость и отличился при Пичинче; поэтому высшее место в государстве досталось ему отчасти по заслугам. Однако его честолюбие не было этим удовлетворено: он мечтал, подобно Боливару, о союзе американских республик под его руководством. Положение вещей в Перу доставило ему случай к осуществлению этих планов. Диктатура Боливара в Перу, правда, оттеснила национальную партию, но не устранила ее совсем, и она усилилась, как только испанцы потерпели окончательное поражение. Эта провинция лишь неохотно переносила опеку колумбийской республики, и когда ее внутренние затруднения отозвали диктатора на север, она сбросила иго и в 1827 году объявила себя независимой. Но это послужило только сигналом к взрыву междоусобной войны. Сайта Крус, обрадованный желанным поводом к вмешательству, сумел подвигнуть перуанцев к более тесному сближению с Боливией и, как глава союза, облек себя высшей властью в обеих республиках. В этом положении он оказал значительные услуги для экономического развития подчиненных ему государств; однако его внешняя политика не соответствовала трудностям положения и повела к падению его правительства и к разрыву перу-боливийского союза.

Утесом вызвавшим крушение Санта Круса, было Чили. Там первый президент О'Хиггинс в это время пал жертвой демократических стремлений, когда Сан Мартин в Перу отказался от борьбы за конституционную монархию в Южной Америке. Однако господство так называемых либералов создало трудные времена и для Чили; с 1823 до 1831 года в Чили сменилось не менее тринадцати правительств, и семь раз изменялась конституция. Лишь с избранием президента Хоакина Приетсг и с консервативной конституцией 1833 года развитие Чили получило устойчивость, которой до недавнего времени оно так выгодно отличалось от всех других испано-американских республик. В надежде присоединить и Чили к

323

своему союзу государств, Сайта Крус поддержал попытку бывшего чилийского президента Френре, который надеялся устранить вооруженной рукой либеральную партию и доставить победу консерваторам. Но Фрейре не только был побежден строго законным правительством Прието, но увлек в своем падении и Сайта Круса, так как Чили за это вмешательство в свои дела объявило войну Перуано-боливийскому союзу. Сайта Крус вел войну без всякой энергии и в 1839 году при Юнгае потерпел полное поражение, последствием которого явились независимость всех трех республик и отречение от власти боливийского диктатора.

С тех пор в Боливии президенты быстро следовали один за другим, почти всегда возвышенные и низвергаемые военными пронунсиамента. При этом естественные ресурсы страны оставались в незаслуженном пренебрежении. Уступая всем своим соседям, эта страна только еще раз сыграла историческую роль, в сущности, пассивного характера — в Перуано-чилийской войне 1879 года. Для Перу падение Сайта Круса было так же невыгодно, как и для Боливии. Правда, благодаря в особенности деятельности президента Рамона Кастильи (1844—1854гг.) было сделано многое для экономического развития страны, но внутренняя политика большинства президентов не была достаточно дальновидной и бескорыстной, чтобы положить твердую основу благосостоянию государства. Большие естественные богатства частью безызвестно расточались, частью становились предметом отчаянной спекуляции, какой не могло выдержать и давно установившееся государство. Юную республику все это вело к гибели. Истощение естественных ресурсов в эксплуатировавшихся прежде всего средних провинциях в конце семидесятых годов придавало особую ценность южным округам. Там были открыты не только неистощимые залежи селитры и соды, но и богатые серебряные рудники; в этих пустынных местах надеялись найти возмещение хищнической эксплуатации залежей гуано на островах Чинча.

До тех пор границам в этих малопривлекательных местностях не придавалось почти никакого значения. Боливия, правда, обладала здесь узким участком, доходившим до Тихого океана и отделявшим Перу от Чили, но так мало обращала на него внимания, что свои территориальные притязания и верховные права наполовину уступила Чили, прежде чем выяснилась ценность этой местности. Вследствие того не только в Атакаме, Боливийской береговой области, но и в Тарапака, самой южной части Перу, почти все хозяйственные интересы находились в руках чилийцев и подданных других государств, которые обогащались здесь, возбуждая зависть настоящих владельцев земли. Втайне давно связанные между собой противники Чили начали неприязненные действия тем, что Боливия, противно трактатам, в начале 1879-го обложила чилийскую промышленность в Атакаме высокими пошлинами и, получив отказ в их уплате, конфисковала все, что принадлежало Чили. Но Чили было подготовлено к борьбе; его войска заняли без серьезного сопротивления спорный береговой участок, и Боливия в течение всей этой войны почти не пыталась вернуть себе утраченную область. Распря происходила, в сущности, между Перу и Чили, после того как первое, на основании союзного договора, вступилось за Боливию и этим дало Чили желанный повод объявить ему войну. Пока перуанский флот усиленно боролся с чилийцами за господство на море, эти последние и на суше не пошли далее осады самых южных береговых местечек. Но после того как «Гуаскар», самый большой и быстроходный из перуанских военных кораблей, был взят в неравной битве чилийским флотом (8 октября 1879 г.), боевые силы южной республики смогли нанести общее поражение и предпринять победное движение, которое в январе 1881-го закончилось в Лиме. Поражение повело в Перу и Боливию к падению существующего правительства, и прошли долгие годы, прежде чем отношения победителя к побежденным могли получить конституционную форму. Вследствие того Чили оставалось при

дании Атакамой и Тарапака и временно заняло провинции Такна и Арика, которые до сих пор еще не вышли из-под ее власти.

Победа была блестящим оправданием чилийского образа правления, которое всегда считалось враждебным свободе. Она, несомненно, была последствием того, что правительственная власть в Чили со времени конституции 1833 года обладала большей силой и единством, чем в какой-либо другой испано-американской республике. Упрек во враждебности к свободе, во всяком случае, не основателен. Уже при Мануэле Монтт (1851—1861 гг.), настоящем основателе процветания Чили, развитие конституции в либеральном смысле получило серьезный толчок, и его преемники не останавливались на этом пути. Но сомнительно, уравнивали ли достигнутые при этом успехи вред, какой с тех пор испытывало Чили вследствие более усиленной и ожесточенной борьбы партий, чем при консервативном правительстве 1833 года. В этой борьбе, главным образом, заключался конфликт, который после десятилетнего мира в 1891-м привел к революции и к насильственному падению правительства. Указание опыта, в силу которого война для победителей, в их экономической жизни, может быть почти столько же опасной, как и для побежденных, оправдалось и на Чили. Чрезвычайное увеличение национального благосостояния, вызванное перуанской войной, повело к крайне неосмотрительной деятельности в экономической области. Б. особенности президент Хосе Мануэль Бальмасада (1886—1891 гг.) довел в этом направлении силы страны до крайнего напряжения. Финансовый кризис обратился в политический вследствие того, что хозяйственные спекуляции несомненно производились к личной выгоде президента и его креатур, обременяя государственную казну. Это придало революции, исходившей столь же из политических, сколько и личных интересов партии, непредвиденную нравственную силу и привело в 1891-м в короткое время к сравнительно легко доставшейся и благоразумно использованной победе.

Тем не менее факт, что и в Чили ряд законных правительств низвергался победоносным военным восстанием, остается в своей силе. Немногие годы, протекавшие с тех пор, могли уже показать, что государственная власть не без потрясений выходит из этой борьбы. В настоящее время Чили с трудом может иметь притязания на прежнюю свою репутацию наиболее внушающей доверия из всех южноамериканских республик.

И Колумбийской республике, этому любимому созданию Боливара, не суждено было долголетие. Когда «освободитель», пожиная плоды победы Сукре при Айя-кучо, шел триумфальным маршем через Боливию, в голове у него уже снова зрели смелые планы расширения Колумбийской республики. Он то предлагал чилийцам помощь, чтобы вытеснить последние остатки испанских гарнизонов из архипелага Чилоэ, то задумывал вместе с аргентинцами, нападение на Бразилию, последнюю страну южноамериканского материка, находившуюся под монархической властью, еще не отрешившуюся от связи со Старым Светом. Однако диктаторская власть и аристократическое правление, которое он ввел в Перу и в Боливию, делали его подозрительным для республиканцев не только в других государствах, но даже в Новой Гранаде; ни в Чили, ни в Ла-Плате не было в то время недостатка в честолюбивых генералах, которые готовы были последовать его примеру в свою собственную пользу. Наконец, возрастающее недоверие колумбийского конгресса вызвало его с юга, и безусловное повиновение было, быть может, его лучшей защитой.

В Венесуэле уже в 1826 году сильная партия, во главе которой стоял Паэс, настаивала на отложении от Колумбийской республики. Это последнее почти стало фактом, когда вмешался Боливар и всевозможными

уступками сумел склонить своих старых товарищей по оружию вновь признать его власть и власть колумбийского конгресса. В это время соответственное движение произошло в Перу. Там, как и в Боливии, Колумбийцы с самого начала не пользовались расположением. Чувствуя себя

327

свободной от угрожающей близости диктатора, национальная партия восстала, свергла в Лиме правительство, поставленное Боливаром, и пригласило Боливию примкнуть к ней. Это настолько соответствовало настроению Боливии, что она восстала против Сукре и принудила его к отречению, о котором было упомянуто выше. Но перуанцы пошли еще далее: они вызвали в Гайякиле и других местах Эквадора проконсула. Под предлогом защиты их от угнетения, перуанский диктатор Ламар объявил войну Колумбии. На этот раз опять Сукре спас славу колумбийского оружия: своей победой при Тарки он вызвал в Перу революцию против Ламара. Новое правительство, правда, отстояло независимость Перу, но заключило на льготных условиях мир с соседними государствами.

Уже в это время Боливару приходилось постоянно бороться с сильным течением, которое стремилось устранить его самого и его диктатуру. После того как он четыре раза низлагал правительство, чтобы каждый раз в ближайший момент снова завладеть неограниченными полномочиями, его враги решили сделать попытку отделаться от него незаконным путем. После различных неудачных вспышек в провинциях. 25 сентября 1828 года в Боготе разразилось военное восстание, имевшее целью умерщвление Боливара. Однако его почти чудесное спасение внесло в планы заговорщиков такое смятение, что они легко были побеждены: умный Боливар и на этот раз искал более примирения с побежденными, чем мести своим противникам. Но в конце концов он не в силах был обезоружить партию, которая в его постоянно возобновлявшихся чрезвычайных правительственных полномочиях видела серьезную угрозу свободе. Когда он перед конгрессом в 1830 году прибегнул к часто употреблявшемуся им приему, к отречению, он должен был с грустью видеть, что отречение было принято, хотя и со всевозможными почетными выражениями признательности за его услуги, оказанные свободе, и ему был назначен преемник в лице Хоакина Москеры. После долгого колебания

328

Боливар решил подчиниться приговору конгресса. Уже тяжело больной, оставил он страну, которая, по его мнению, отплатила ему неблагодарностью, и умер в Санта-Марте 17 декабря того же года. Колумбийская республика была потрясена еще раньше. В Венесуэле повторилась вскоре попытка расторгнуть связь с Колумбией; эти стремления в 1830-м приняли новое направление, обратившееся против Боливара. Однако и после его удаления движение не могло затихнуть: Паэс и его приближенные господствовали безусловно над законодательным собранием. Попытки воспротивиться этому преобразованию были подавлены без большого кровопролития; еще в конце года Венесуэла объявила себя независимой республикой в пределах прежнего Каракасского генерал-капитанства. То же самое сделала и Боливия, с тем различием, что она признательно чтит память своего освободителя и предлагала ему приют, когда он сложил с себя свое звание в Колумбии; предложение он отклонил, так же как и призыв вновь взять правление в свои руки по желанию победоносного восстания против Москеры. В следующем, 1831-м, исчезло само имя Колумбии: провинции, остававшиеся верными правительству Богота, составили из себя республику Новую Гранаду и под консервативным правлением, которое поддерживалось с полной силой целым рядом энергичных президентов, до 1857-го пользовались редко возмущавшимся, почти спокойным развитием. Но затем и здесь вспыхнула табельная междоусобная война между партиями централистов и федералистов; дело последних, которые в крайних географических различиях находили для себя оправдание, под конец взяло верх. Под именем Соединенных Штатов Колумбии в 1861 году образовался союз по образцу Соединенных Штатов Америки. С того времени страна могла вновь с большим спокойствием отдаться своему экономическому развитию.

Подобный же процесс переживала Венесуэла. В первые двадцать лет Хосе Антонио Паэс в качестве президента (1830—1883 гг., 1839—1842 гг.), диктатора (1846г.)

329

или только советника настоящего представителя власти, в сущности, направлял судьбы государства, для освобождения которого он, наряду с Боливаром, сделал очень много. Его энергичное управление обеспечило республике мирные времена. Но и здесь федеративное правление, наподобие североамериканского, все более и более приобретало приверженцев, хотя оно исходило не столько от естественных причин, сколько из стремления к подражанию, сделавшись лозунгом либеральной партии. Венесуэла принадлежит к государствам испанской Америки, которые менее всего имели возможности окрепнуть. После многолетней междоусобной войны, в которой Паэс еще раз взялся за оружие (1861—1863 гг.), в защиту единства республики, провинции в 1864 году составили союзную республику Соединенных Штатов Венесуэлы. Тем не менее междоусобная борьба там постоянно вспыхивала вновь, и только почти диктаторское управление Антонио Гусмана Бланкос (1870—1877 гг., 1879—1886 гг., 1886—1887 гг.) по временам доставляло мир республике.

Средняя Америка и Бразилия

МЕКСИКА

Во время борьбы Южной Америки за независимость Мексика одна стояла в стороне, шла собственной доро-

гой. После низложения Идальго и его приверженцев испанское владычество, по-видимому, вновь вполне утвердилось; даже введение и последующее устранение демократической конституции 1812 года совершилось здесь без всяких столкновений. События, которые разыгрывались кругом в одноплеменных государствах, не могли, конечно, вовсе не отражаться в умах населения; однако желание свободы и независимости было не настолько сильно, чтобы стремиться к ниспровержению существующих условий. Революционный толчок исходил здесь совершенно с другой стороны.

Вице-король оказывал особое доверие подполковнику Итурбиде, который, хотя и был уроженцем Мексики, отличался в борьбе с отрядами Идальго энергией и искусством, но в то же время и жестокостью. Однако Итурбиде употребил во зло это доверие. Он тайно вступил в союз с предводителями креолов и с рассеянными приверженцами партии Идальго; в то время как он, по-видимому, выступил с военной силой против одного из них, он произвел в городке Игуале военное провозглашение, направленное против испанского владычества. Составленная им программа конституции возвещала независимость Мексики и проектировала созвание конституционного собрания, но заранее объявляла страну монархией, престол которой должен быть предоставлен

331

Фердинанду VII и другим принцам его дома. Число приверженцев его возрастало с необычайной быстротой, так что вскоре вице-король и испанская партия увидели в своем распоряжении только одну столицу. Прибытие вице-короля, назначенного либеральным правительством Испании, закончило эту революцию без всякого кровопролития. Новый правитель принял план Итурбиде почти без изменения и лично отправился в Испанию, чтобы ходатайствовать за него при дворе Фердинанда VII. Если бы тогда кто-либо из братьев короля решился уехать в Мексику, то это войско осталось бы в руках Бурбонской династии. Но игуальский план был отвергнут, и это заставило его автора вступить на путь революции. Так как временное правление, при продолжительности своего существования, одинаково казалось угрожающим всем партиям, Итурбиде допустил своих приверженцев в мае 1822 года провозгласить его императором Мексики, чтобы таким способом спасти выработанную им конституцию. Однако его приверженцев было слишком мало, и его прошлое было недостаточно безукоризненно, чтобы его господство могло быть навязано стране. После того как в самых различных провинциях последовали новые провозглашения во враждебном смысле, император уже в марте 1823 года вынужден был искать убежище на борте английского судна.

Тогда в Мексике была провозглашена республика. Однако на деле она существовала только по имени, пока ряд военных президентов, пользовавшихся большей или меньшей удачей, оспаривал наследство Итурбиде. Самая выдающаяся личность в этой борьбе, генерал Антонио Лопес де Сайта Ана (Сантала), который принимал уже существенное участие в низвержении «императора», в течение некоторого времени сажал и низвергал президентов по собственному выбору, сам принял это высшее звание и потом терял и возвращал его себе несколько раз. Его неоспоримая заслуга заключается в том, что во внутренних делах он твердо отстаивал сильное централистское правительство против неосновательных в гео-

332

графическом и историческом смысле федералистских идей, исходивших из слепого подражания соединенным Штатам Америки, а извне мужественно защищал неприкосновенность и честь страны, неоднократно рискуя своей собственной безопасностью.

Более всех других испано-американских республик Мексика втягивалась в международные затруднения. Еще в 1829 году испанцы повторили попытку насильственного возвращения страны под свою власть, но были разбиты Сайта Аной и вынуждены к капитуляции. Восстание, вспыхнувшее в 1836 году в Техасе, было, прежде всего, внутренним делом Мексики, границы которой в то время охватывали весь дальний запад Северной Америки. Но так как Сайта Ана при попытке вернуть эту провинцию к повиновению был разбит 20 апреля 1836 года и взят в плен, то сепаратисты получили преобладание. Техас образовал под президентством американца Гоустона независимую республику, которая с самого начала искала поддержки в тесном союзе с Соединенными Штатами и в 1845 году, по собственному ходатайству, была принята в Союз. Мексика не сочла возможным спокойно перенести это оскорбление; она объявила Соединенным Штатам войну и поручила главное начальство над войском Сайта Ане. Однако разрываемая борьбой партий, истощенная в финансовом отношении Мексиканская республика была не в состоянии бороться с североамериканцами. Наступление войск Союза не встретило в северных провинциях серьезного сопротивления, и высадка в Вера-Крус совершилась беспрепятственно. Сайта Ана, правда, несколько раз выступал против этих войск, но он терпел одно поражение за другим и, наконец, бежал на Ямайку, когда союзные войска в сентябре 1847 года в самой столице Мексики продиктовали условия мира своим противникам. В силу их Мексика отказывалась от своих притязаний на Техас и уступала все северные тихоокеанские провинции за вознаграждение в 15 млн долларов.

Сайта Ана в 1853 году был еще раз поставлен во главе истощенного государства, чтобы с диктаторской влас-

333

тью руководить его восстановлением, и он принял эту задачу со своей обычной энергией; однако он тем менее мог восстановить внутреннее спокойствие, что с 17 декабря 1853 года открыто стремился прочно удержать власть в своих руках. В 1855 году он был низвергнут новым провозглашением. С этого времени Мексика вновь впала в революционное состояние, которое еще раз вызвало иноземное вмешательство в

жизнь несчастной страны. Продолжительное беззаконие привело государство на край банкротства, и, при своих финансовых затруднениях, лица, находившиеся у власти, естественно, не всегда стеснялись трактатами в пользовании имуществом иностранцев. Уже в 1838 году подобные обстоятельства привели к войне с Францией, которая временно завладела гаванью Сан-Хуан-де-Улуа. Когда в 1861 году президент Карло Бенито Хуарес, которые после долгой борьбы партий приобрели власть, впрочем, оспаривавшуюся многими, вновь позволил себе противозаконно воспользоваться имуществом иностранцев, Наполеон III, старавшийся заставить позабыть свое незаконное вступление на престол с помощью блеска внешних успехов, ухватился за этот случай и предложил Англии и Испании снарядить общую экспедицию для защиты своих подданных. Предложение это сперва было принято обеими сторонами. Войско, составленное из отрядов всех трех государств, осадило Веракрус и дошло до Орисабы. Однако когда союзники узнали, что Франция не предполагала ограничиться возмещения ущерба ее подданных, а стремилась к низвержению существующей власти в Мексике и к установлению монархии под своим покровительством, тогда англичане, а вскоре и испанцы отказались от участия в этой войне.

Обманутые внушениями мексиканских беглецов, французы верили, что народ массой стремился к ним и приготовил им триумфальное шествие до самой столицы. Вместо этого они встретили в Пуэбле такой жаркий прием, что были довольны, когда смогли добраться до своих прежних квартир у Орисабы и удержать их за со-

334

бой. Лишь после того как войско экспедиции было доведено до численности 30 000 человек, оно вновь могло двинуться вперед. После ожесточенной борьбы за обладание Пуэблой, закончившейся капитуляцией мексиканского гарнизона, Мехико отворил свои ворота победителю. Этим, цель казалась достигнутой. Быстро созванная хунта назначила временное правительство, которое через несколько дней представило конгрессу проект законодательства, создавший монархию с именем империи; он был принят подавляющим большинством, почти единогласно. Претендентом, которого выбрал Наполеон для императорского трона и согласием которого он заручился еще до начала военных действий, был австрийский эрцгерцог Максимилиан. Когда депутация временного правительства прибыла в Мира-маре, чтобы предложить принцу императорскую корону, он охотно принял ее. В апреле 1864 года в гавани Триеста он вступил на борт «Новары», которая должна была отвезти его в Веракрус. Переезд совершился необычайно быстро, и народ приветствовал своего нового государя с искренней радостью: когда он вступая в Мехико, противная партия, во главе которой стоял бывший президент Бенито Хуарес, казалась фактически уничтоженной.

Ее значение стало возрастать, однако, поразительно быстро вследствие внутренних затруднений, на которые наталкивалась императорская власть. С самого начала Максимилиан почувствовал, что руки его связаны.

Его договор с Наполеоном III, правда, обеспечил ему помощь французских войск, но в лице их главнокомандующего, маршала Базена, тот же договор создавал около императора другую власть, которой он мог распоряжаться только в самом ограниченном размере. Базен был почти таким же королем в Мексике, и тем более в значительной степени, чем более исчезало взаимное доверие между императором и маршалом. Далее, договоры показали, что вмешательство французов в пользу Максимилиана вовсе не было столь бескорыстным, как это

335

могло казаться. Финансовые требования, предъявляемые стране, были крайне тяжелы и достаточно неотвественны, так как под давлением французской политики велась недостойная спекуляция по эксплуатации Мексики в целях выполнения весьма сомнительных требований. Уже эти моменты были весьма невыгодны для власти Максимилиана. Он сам тем охотнее готов был снять с себя всякий отчет за положение вещей, что покровительство иностранной державы должно было привести к отчуждению от него значительной части страны. Поэтому он не только старался избавиться по возможности от французского влияния, но и стремился стать выше партий, которые разделяли страну на два враждебных лагеря. Но народ не был подготовлен к такому беспристрастному отношению к делу. Консервативная партия, которая возвела на престол Максимилиана, оказалась обманутой в своих ожиданиях, а либералы в его миролюбии видели сознание слабости и вскоре опять стали чувствовать свою силу. Они могли сделать это тем легче, что нашли поддержку, которая обещала им более верную охрану, чем та, какую Франция могла доставить их противникам. Французское вмешательство было, очевидно, направлено против Соединенных Штатов, мощное распространение и быстрый подъем которых тревожил монархов Европы. Наполеон считал этот момент особенно удобным для вмешательства, так как Соединенные Штаты, вследствие междоусобной войны, недавно были вполне поглощены своими внутренними делами. Однако быстрая и полная победа северных штатов развязала им руки и послужила тому, что они сочли нужным принять энергичное положение в мексиканском вопросе. Для них Хуарес представлял единственное правоспособное правительство Мексики, так как он по собственному полномочию продолжил срок своей президентской власти и до сих пор жил в качестве беглеца на дальних границах страны.

Перспектива дать предлог Соединенным Штатам к вторжению в Северную Мексику вследствие поддержки

336

Максимилиана Францией была крайне неприятна для Наполеона III. Однако вместо того чтобы открыто признать это положение вещей и сохранить свое создание другим путем, Наполеон воспользовался неисполнением финансовых обязательств со стороны мексиканского правительства как предлогом, чтобы предать Максимилиана, которого он долго держал между страхом и надеждой. Максимилиану эти крайне трудные обстоятельства вообще оказались не под силу. Его колебания между мексиканскими партиями и нерешительность его политики по отношению к Франции во многом содействовали потрясению его трона. К этому присоединились ослабление его здоровья и тяжелый удар, когда его супруга лишилась рассудка после тщетных попыток найти помощь в Париже и в Риме. Когда французские войска начали выступление из страны, Максимилиан, по-видимому, решился на отречение, но потом внезапно вернулся назад и стал сам во главе слабого отряда, отстаивавшего его власть. Но было уже слишком поздно. В середине мая 1867 года в Керетаро ему изменили собственные генералы, и после краткого, лишенного всякой формы процесса он был расстрелян республиканцами вместе с немногими лицами, оставшимися ему верными (19 июня 1867 года).

Теперь для Хуареса задача была уже легка. Вновь овладев властью, он оказался более ловким политиком, чем его предшественники. В республиканской форме Мексика с 1865 года жила, в сущности, под диктатурой двух лиц: Бенито Хуареса (1867—1872 гг.) и Порфирио Дия-са (1877—1881 гг. и с 1884 г. без перерыва). Пронунсиamento и революции были там довольно частым явлением, как и в остальной испанской Америке, но просвещенный деспотизм этих правителей позволял стране возмещать многое, что она утрачивала во время революции. В союзе с испанскими родственными республиками она оказывает медленные, но несомненные успехи на пути к истинно республиканской свободе.

337

МАЛЫЕ РЕСПУБЛИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

Когда Итурбиде в 1821 году подготовил внезапный конец испанскому владычеству в Мексике, движение в пользу независимости сообщилось и генерал-капитан-ству Гватемале, в которое входили государства к северу от Панамского перешейка до границы королевства Новой Испании. Революция и там произошла без кровопролития, по крайней мере насколько дело касалось отторжения от Испании; напротив, между партиями рабовладельцев и либералов тотчас же возгорелась междоусобная война. Первые начали с того, что, наперекор законодательному собранию, провели присоединение Центральной Америки к империи Итурбиде. Вследствие того они были вовлечены в последовавшее в скором времени его падение и утратили свое влияние в стране, отдельные округа которой под предводительством либералов взяли ведение дел в свои руки и образовали мелкие республики Центральной Америки. Тем не менее чувство их взаимной связи не угасало. Только Чиapas отделился от прежних союзников и присоединился к Мексиканской республике. Гватемала, Гондурас, Сан-Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рика, напротив, составили 1 апреля 1823 года союзное государство, которое в 1825 году избрало своего первого президента — генерала Арсе. Это положило, впрочем, начало непрерывной междоусобной войне, которая под предлогом подавления федералистских или централистских стремлений была, в сущности, борьбой своекорыстных вождей партий за обладание властью.

До 1829 года республика Соединенных Штатов Средней Америки вела часто потрясавшееся бурями, но все-таки законное существование, но в упомянутом году союз государств распался и не возобновлялся долгое время. Пять мелких государств, однако, не раз приходили к убеждению, что энергичное содействие их внут-

338

ренним интересам, часто совпадавшим между собой, делало настолько же желательным более их тесную связь между собой, насколько и сохранение их независимости против притязаний, угрожаемых им извне. Поэтому постоянно производились попытки, то путем дипломатических переговоров, то с помощью военной силы, вновь осуществить союз всех или, по крайней мере, некоторых из прежних государств Центральной Америки. Но так как при этих затруднениях республиканцам, которых они касались, наносился серьезный ущерб в ходе их непрерывного развития, то не достигались и выгоды, которые должно было принести с собой их соединение. Никак не удавалось выбрать такую форму правления, которая предохраняла бы от подавления более слабых более сильными членами союза. По этой причине до сих пор за каждой попыткой слияния в скором времени следовала революция в целях децентрализации. И Republica Mayor de Centre-America, созданная в 1896—1897 годах, хотя и предоставляла полную внутреннюю самостоятельность отдельным государствам, в 1898 году испытала ту же судьбу.

Бразилия

Когда рухнул трон Максимилиана, республиканская форма правления восторжествовала на всем американском материке, за исключением Бразилии. Португальская королевская фамилия в 1808 году, перед угрозой наступления французов по предводительством Жюно, перенесла резиденцию правительства в Рио-де-Жанейро, но это считалось лишь временной мерой, которая не могла внести никакой перемены в правовые отношения между метрополией и колонией. Однако в силу обстоятельств это оказалось невозможным. Революционный дух, который после изгнания Наполеона прошел по пиренейским государствам, и борьба родственных государств за свободу и независимость должны были отразиться на делах Бразилии. Уже в 1815 году Бразилия объявила себя ко-

339

ролевством, что неизбежно должно было оказать значительное содействие стремлениям, направленным к отторжению ее от Португалии. Но решение и на этот раз зависело от условий, существовавших в самой Португалии, а не в Бразилии.

Восстание в пользу парламентского образа правления, которому в 1830 году в Испании дал толчок Риго,

сообщилось португальскому королевству и оттуда проникло в Бразилию. Оно было совершенной неожиданностью для короля Иоанна VI; так как наследник престола Дон Педро стал во главе либералов, то эти последние легко достигли своей цели — обещания собственного парламентского правительства для Бразилии. Но когда здешние либералы почувствовали свою солидарность с португальскими, они вскоре должны были убедиться, что кортесы родной страны преследовали вовсе не те цели, какие были желательны: они требовали возвращения двора в Лиссабон и восстановления верховной власти Португалии над Бразилией.

Первая цель была достигнута: Иоанн VI вернулся в Лиссабон; Дон Педро, который отказался от престола в пользу младших членов своей семьи, сперва остался в Рио-де-Жанейро в качестве королевского наместника. Но чем очевиднее кортесы стремились к тому, чтобы вновь принизить Бразилию до положения простой провинции, тем слабее становилась связь, соединявшая колонию с родной страной. Наконец самому Дон Педро не оставалось ничего иного, как порвать эту связь, и 7 сентября 1822 года объявить полную независимость Бразилии, которая через месяц получила наименование империи. До того времени Дон Педро, увлекаемый национальным движением, оставался в полном согласии со значительным большинством своего народа. Но в разногласиях, которые возникли в последующие годы по вопросам внешней и внутренней политики, это соглашение все более и более нарушалось. И когда, наконец, народ пытался запугать его беспорядками, как это удалось при его содействии по отношению к Иоанну VI,

340

Дон Педро в 1831 году отказался от престола в пользу своего сына и вскоре окончил свои дни в Лиссабоне. И Педро II не было предназначено умереть в своей империи. Еще во время его несовершеннолетия в страстной борьбе партий заметно выдвигались приверженцы федералистско-республиканской государственной формы. Их влияние опять отступило на второй план, когда в 1842 году преждевременно объявленный совершеннолетним Дон Педро II с большим тактом повел дело правления в весьма свободном духе. Но полное спокойствие тогда не установилось прочно в стране, в особенности провинция Сан-Пауло оказалась неугасимым очагом постоянно возобновляющихся республиканских волнений. Победоносный поход в Парагвай поднял, правда, внешний престиж страны, но он внес тяжелые финансовые затруднения, которые еще увеличились в 1871 году от расходов по освобождению невольников. Переговоры о проведении этой меры долгие годы наполняли политическую жизнь Бразилии и оказали даже решающее действие на последнюю перемену правления этой страны. После того как Дон Педро долгое время с помощью консервативных министерств пытался разрешить вопрос о невольничестве в таком смысле, который, по возможности, удовлетворял бы интересы всех, он увидел себя вынужденным обратиться в 1888 году к либеральному министерству, и это последнее тотчас же по своему вступлении в должность высказалось за безусловное уничтожение рабства и против всякого вознаграждения рабовладельцам. Но данное предложение привлекало столь значительную часть населения на сторону противной партии, что эта партия 15 ноября 1889 года могла вызвать восстание, которому столица сдалась без сопротивления. Соединенные консерваторы и федералисты вынудили тогда Дон Педро к отречению и установили республику Соединенных Штатов Бразилии, которая, впрочем, до сих пор не могла доставить стране ни мирных времен, ни лучших видов на будущее.

Северная Америка до XX века

МЫ ПРИВЫКЛИ смотреть на новейшую историю Соединенных Штатов Америки исключительно с точки зрения борьбы из рабства. Но это справедливо далеко не в той мере, в какой может быть применено к трем последним десятилетиям истории Бразилии. Идеальный вопрос о допустимости или оправдании рабства, во всяком случае без существенных перерывов, поднимался и получал отрицательные ответы как отдельных лиц, так и обществ уже со времени прекращения английского колониального господства. Однако правительство Соединенных Штатов само по себе еще долго в течение XIX века смотрело на рабстве черных как на состояние вполне законное; борьба партий между Севером и Югом никогда не вращалась около нравственного вопроса справедливости или несправедливости рабства. Это была скорее борьба за чисто экономические интересы, которые постепенно обострились в том направлении, что сохранение рабства было столько же безусловной потребностью Юга, сколько ослабление преобладания рабовладельческих южных штатов было жизненным вопросом для должного развития интересов Севера. Для правительства, у которого на голосование относительно важнейших дел оказывало влияние число невольников, для правительства, которое неограниченно разрешало рабовладельцу преследовать своих рабов даже в таких штатах, в которых не существовало этого учреждения, для правительства, наконец, которое допускало рабство в единствен-

342

ном небольшом округе, в котором оно могло обыкновенно распоряжаться с непосредственным полномочием, не могло быть, конечно, серьезного сомнения в законности рабства.

В северных штатах, однако, по причинам климатическим и условиям хозяйственного развития рабство было мало распространено; в Массачусетсе при объявлении войны за независимость уже не было рабов. Но в Нью-Йорке они были еще до 1840 году, так же как и в других северных городах. Работоторговля, которая гораздо свободнее осуждалась, чем рабство, велась не только в течение двадцатилетнего срока, установленного правительством после провозглашения независимости, но и далее этого времени, даже крупными торговцами северных штатов, в остальном уже вполне сознававшими экономическую

противоположность между интересами Севера и Юга.

Пока это противоречие не поддавалось решению, для обеих партий являлась серьезная опасность в постановлениях правительства, согласно которым мероприятие получало законную силу при большинстве народных представителей, избранных на основании численности населения в палате депутатов, а в сенате — голосованием большинства штатов. Сначала северные штаты обладали в палате депутатов некоторым большинством вследствие своего более плотного населения. Этому не могло противодействовать предложение обитателей южных штатов считать пять невольников за три голоса, которое противозаконно было принято. Это большинство росло, однако, из года в год, так как южные штаты, несмотря на ввоз и размножение невольников, не могли сравниться с увеличением населения северных штатов. Поэтому единственная опора Юга заключалась в сенате, где голосование происходило не по населенности, а по штатам. Если Юг не хотел быть представлен в экономическом отношении власти Севера, он должен был стремиться к поддержанию равновесия в сенате. На самом деле не было никакого сомнения в том, что Север своим преобладани-

343

ем в обеих палатах воспользовался бы с величайшей беспощадностью в своих собственных интересах. Штаты Новой Англии уже в начале революционного движения резко выказали полнейшее своекорыстие. Они держались его с такой же беспощадностью и во время войны, а по заключении мира их эгоистическая политика во многом вынудила создание конституции. Затем в течение нескольких лет федерализм бессознательно заботился о своих интересах. Но образ действий после Гартфордской конвенции сознательно составленной северной группы не оставлял никакого сомнения в том, что предстояло Югу, если бы он не в силах был противостоять себялюбивой деловой политике северных штатов.

Вследствие этого плантаторские штаты должны были поддерживать против купеческих штатов свои общие, жизненные интересы. *Эта* последние не заключались исключительно в поддержании рабства, которое, впрочем, имея весьма существенное значение для их хозяйственного развития, придавало им внешний, легко заметный признак; оно было тем более существенным знаком партии, чем более Север в своем фарисейском самодовольстве учреждение, на деле вовсе не презираемое им, выставил как предлог своих нападков на Юг, совершившихся в интересах первого.

В то время, когда тринадцать североамериканских провинций вступали в государственный союз между собой, экономическая противоположность плантаторских штатов по отношению к торговым и мануфактурным штатам не была еще выражена настолько резко, чтобы можно было говорить о большинстве той или другой группы. Однако с течением времени это разделение принимало из года в год все более определенный характер. Как бы то ни было, являлось не простой случайностью, что, подобно тринадцати первоначальным штатам, и в девяти, областях, принятых до 1818 года в Союз в виде новых штатов, со свободным промышленным и земледельческим населением, и с преобладанием плантационно-невольничьего хозяйства, поддерживалось известное равновесие. Этому равнове-

344

сию, по-видимому, впервые был нанесен удар, когда Миссури хлопотал о принятии его в Союз, и комиссия, на которую было возложено расследование по этому вопросу, поставила запрещение рабства предварительным условием соглашения. Вопрос оставался настолько открытым, насколько прежнее установление определяло, что в областях к северу от Огайо рабство не должно существовать, а по ту сторону Миссисипи в этом отношении еще не было установлено определенной границы. Так как сообразно своим естественным условиям и характеру своего населения Миссури предназначено было сделаться плантаторским штатом, то в обеих палатах представители последних с большой энергией восстали против отчета комиссии. Они потребовали, согласно учению о главенстве, всегда усиленно поддерживавшемуся Югом, чтобы новому штату самому предоставлено было решить вопрос о невольничестве, чтобы за Союзом ни в коем случае не оставалось право ставить в зависимость принятие нового штата от предварительного решения этого вопроса. Между тем для Севера дело заключалось не в том, будет ли рабство в Миссури или нет, так как к этому вопросу крупные коммерсанты относились вполне равнодушно, а в том, что причисление этой территории к южной группе дало бы последней в союзном сенате решительный перевес, пользование которым в духе, враждебном Северу, могло бы причинить ему серьезный ущерб.

Сопrotивление Севера было до тех пор стойким и энергичным, пока угрожала опасность невыгодного для него большинства; но оно тотчас же исчезло, когда территория Мэна стала, в свою очередь, ходатайствовать о принятии его в союз в виде штата, и этим образовалось равновесие Севера против усиления Юга с принятием Миссури. Таким образом, в 1820 году состоялся так называемый компромисс Миссури, который, с одной стороны, допускал безусловное принятие обеих областей в союз, а с другой стороны, устанавливал, что граница между территориями с рабством и без рабства должна проходить к западу от Миссисипи по 36°30' с.ш.

345

Существенная причина резкости, с какой велся с обеих сторон спор о Миссури, заключалась в том обстоятельстве, что одновременно с тем происходила другая борьба интересов между Севером и Югом. Мы упоминали уже выше, что Нью-Йорк, еще до принятия союзной конституции, оградил себя системой покровительственных пошлин ради поддержания своей молодой промышленности. Чем более эта последняя развивалась во всех северо-восточных штатах, тем распространеннее было желание покровительства с

помощью союзных законов. К этому стремлению присоединились северо-западные штаты, в которых фермеры по преимуществу посвящали себя возделыванию хлебных растений. Напротив, безусловный интерес Юга заключался в свободной торговле. Он производил лишь немногие товары, которые в виде сырых продуктов вывозил массами из области южных штатов; вместе с тем всю свою потребность в мануфактурных товарах он покрывал извне и не мог видеть равнодушно, что таможенное покровительство затрудняло иностранную конкуренцию на его рынках и удорожало необходимые ему предметы. При этом ему вдвойне было неприятно не только усиливать покровительственным тарифом промышленность северян, служившую главным фактором быстрого возрастания их численности, но и вытеснением иноземной конкуренции становиться в прямую зависимость от северных штатов в отношении произведений их промышленности. Тем не менее в 1824 году в обеих палатах конгресса большинством немногих голосов прошел законопроект, которым умеренные покровительственные пошлины превращались в союзный закон. Борьба между сторонниками свободной торговли и сторонниками покровительственных пошлин, конечно, не утихла и тем менее могла вовсе прекратиться: с такой же энергией, с какой северяне боролись за дальнейшее повышение пошлин, южане стояли за их уничтожение.

Когда Монроэ, в 1824 году, после второго периода своего президентства (1821—1825 гг.), вернулся к частной жизни, он мог с полным удовлетворением оглянуть-

346

ся на результаты своих трудов. Престиж правительства был усилен внутри и извне, экономическое развитие направлено на многообещающие пути, и финансовое положение достаточно устойчиво. И при его преемнике, Джоне Кинси Адамсе (1825—1829 гг.), сыне второго президента, Джоне Адамсе, обстоятельства, в сущности, оставались теми же самыми, и не только по отношению к благоприятному внешнему развитию, но и к неблагоприятному продолжению внутреннего раздора.

Джон Кинси Адамс в 1825 году был возведен на место президента в качестве кандидата северян, но он далек был от того, чтобы исправлять свою должность в партийном духе. С трибуны конгресса величайшие ораторы, какими обладала Америка, направляли политическую жизнь партий — Калгун, как вождь Юга, и Уэбстер, как предводитель Севера. Диалектика их, правда, не свободна от остроумных софизмов, но эти люди все-таки были представителями политических убеждений, а не одних материальных интересов. Содержание их могучего словесного турнира заключалось главным образом в тарифной реформе.

Сторонники покровительственных пошлин в каждом новом конгрессе выступали в увеличенном числе, и мирное положение, по-видимому, тогда решительно оправдывало их стремления. Англия с ежегодным ввозом на сумму 25 млн долларов все еще была главным поставщиком Соединенных Штатов. Однако вместо благоприятного отношения к торговле такого значительного потребителя Англия еще раз вернулась к строгому применению навигационных актов, отказалась от применения торгового договора и добивалась полного вытеснения американцев из их вест-индских владений. Поэтому покровительственная пошлина против английских мануфактурных изделий была столь же политической, сколь и экономической мерой; сознание этого доставило ей большинство в обеих палатах конгресса. Тем не менее в оппозиции южного меньшинства все более и более проявлялись черты возмущения; однажды, еще при Адамсе, она прямо поставила вопрос об авторитете власти Со-

347

юза. Джорджия, желая освободиться от неудобного остатка своего индейского населения, заключила с несколькими начальниками криков договор, который оказался несомненным нарушением закона, так как договаривающиеся действовали без согласия всего племени и притом, очевидно, были подкуплены. И все-таки губернатор и законодательный корпус штата не только отстаивали договор против отмены его президентом, но и против решения союзного суда, и прибегали по отношению к союзным властям к такой вызывающей форме, что для правительства было почти позором, когда представители Джорджии в конце концов добились не только изгнания индейцев, но, при преемнике Адамса, и утверждения незаконного договора.

Учение о верховной власти отдельных штатов и в этом случае часто привлекалось к делу; оно было непосредственно применено в еще более резкой форме другим из южных штатов. Южная Каролина, уже при Джоне Кинсе Адамсе, заявила, что она не согласна подчиняться политике повышенных покровительственных пошлин, но удовлетворялась одним протестом, так как приближался выбор президента и ожидалось возведение на этот пост человека, который давал надежду: ^{на} устранение покровительственных пошлин.

Эндрю Джексон, герой семью-летней войны, победитель Нового Орлеана, уже в предыдущей избирательной борьбе собрал относительное большинство голосов и утверждал, что пальма первенства была вырвана у него из рук только недостойной сделкой между Адамсом и президентом сената, созданного для решения спора. Не подлежало никакому сомнению, что он окажется излюбленным кандидатом в новой избирательной борьбе, так как доктринерское беспристрастие Адамса отвратило от него даже его друзей.

Так как Джексон представлял собой характерное выражение Юга этот последний ожидал от избрания генерала, пользовавшегося расположением народа, не только устранения таможенных стеснений, но и вообще решительной политики в интересах юга. Избрание Джексона в 1828 году подавляющим боль-

348

шинством создало резкий переворот в истории Соединенных Штатов; тем не менее вожаки южных штатов считали свои надежды неудовлетворенными.

Джексон обладал чрезвычайно достойным и доброжелательным характером; благо государства во всей его совокупности, как, к своему вреду, мог заметить Юг, стояло для него выше, чем это можно было ожидать, судя по многим несправедливостям его прежней жизненной карьеры. Впрочем, умственное образование его не вполне соответствовало крупной задаче, какое возлагало на него управление Союзом. Даже то обстоятельство, что он вступил в Белый Дом как избранник масс в широком смысле слова, было для него невыгодно, так как он не умел смелых требований, представлявших ему вожжами демагогов, различать по их настоящим стимулам, или достойным образом держаться вдалеке от них. Оказавшись слишком доступным различным внушениям с заднего крыльца, он явился виновником гибельной системы, получившей с его президентством право гражданства, системы, в силу которой обязанностью вновь избранного президента считается награждать своих приверженцев назначением их на выгодные государственные должности, что, естественно, может происходить лишь путем удаления прежних их заместителей. Но вообще Джексон в своей правительственной политике руководствовался здравым смыслом, свойственным ему в выдающейся степени. Ненависть, с которой он преследовал Банк Соединенных Штатов и, наконец, довольно самовластно, "зарыл его своим распоряжением, с национально-экономической точки зрения была близорукостью и привела к финансовому кризису, который причинил тяжелые потери Союзу. Но идея, которой он руководствовался, была несомненно справедливо; со своей организацией банк фактически был не что иное, как точка опоры для крайне своекорыстных и отчасти недобросовестных предприятий быстро усилившихся дельцов-янки.

Относительно тарифного вопроса Джексон воздерживался от решительного вмешательства. Конгресс, в сущности, держался и в 1832 году системы покровитель-

349
ственных пошлин и несколько понизил лишь отдельные, особенно непопулярные пошлины, чтобы отнять оружие у оппозиции. Большинство южных штатов спокойно принимало эти факты, хотя без исключения стояло на стороне оппозиции и довольствовалось простыми протестами. Наоборот, в Южной Каролине движение против покровительственных пошлин все более и более приобретало революционный характер. Законодательное собрание этого штата прямо объявило тарифные постановления 1828 и 1832 годов необязательными для их области и назначило 1 февраля 1833 года сроком, после которого покровительственные пошлины теряют свою силу, если до тех пор конгресс сам не отменит их. Джексон в начале своего жизненного поприща не отнесся бы слишком щепетильно к повиновению, требуемому центральной властью; но с тех пор как он сам стоял во главе государства, для него не могло быть никакого сомнения в том, что всякое сопротивление союзным законам является преступлением, за которое он в качестве быстрой и сильной исполнительной власти всего легче может отомстить вооруженной силой. Его образ действий против Южной Каролины, несмотря на эти колебания, оставался в пределах строгой законности. Когда штат воспротивился его указаниям и остался при своем противозаконном решении, он представил конгрессу билль, но которому союзное правительство приобретало право при известных обстоятельствах следить за исполнением союзных законов с оружием в руках.

Для дальнейшего развития Соединенных Штатов было бы несомненным благодеянием, если бы этот конфликт разрешился тогда вооруженной силой. Несмотря на тайные симпатии в известных кружках южан, Южная Каролина стояла в то время одиноко, и дело ее было несомненно в дурном положении. Никогда не бывало бо-

350
лее подходящей личности для насильственного проведения идей Союза, как Джексон, который сам безусловно принадлежал к партии южан и пользовался необычайной популярностью. Если бы тогда Южная Каролина принуждена была к повиновению, то спор о главенстве Союза или Штатов закончился бы уже в 1833 году, и война между Севером и Югом стала бы невозможной. Однако центристская партия и северяне не имели мужества поднять перчатку, брошенную им Южной Каролиной. Распря разрешилась компромиссом, который настоящий спорный пункт оставил открытым и, вследствие того, несмотря на непосредственную победу, означал собой поражение союзной власти. Основу, на которой состоялось соглашение, представлял закон о постепенном понижении покровительственных пошлин в умеренном размере; он был прежде всего постановлен конгрессом, так что Южная Каролина могла взять назад свое отрицательное решение, и билль о вооруженной силе, который тем не менее был принят, оказался недействительным еще до своего вступления в законную силу.

Джексон, как и большинство его предшественников, в течение двух периодов своей власти (1829—1837 гг.) стоял во главе всех государственных дел, но уже после него в течение долгого времени это не удавалось ни одному президенту. Для государства правильно повторяющаяся смена главы не могла быть благодеянием в особенности потому, что почти все президенты подражали системе Джексона — увольнению служащих с целью доставления мест в виде награды своим приверженцам. Это должно было производить самое вредное влияние на преданность долгу и добросовестность чиновников, так как способность к исполнению должности определялось не личной опытностью и усердием, но зависела от услуг, оказанных известным лицом партии или самому президенту. Поэтому из кругов, служащих государству, исчез консервативный, устойчивый элемент. Необычайно развитой уже с самого начала американской общины деловой дух проник и в правительственные учреждения, и весь народ, начиная с его главы, привык считать определяющими

образ его действий такие основные положения, согласно которым цель оправдывает средства и успех является единственным мерилем всех поступков.

351

В глазах понимающих дело политиков эти невыгодные стороны вполне вознаграждались выгодами, какие организация партии извлекала из этой меры. В Нью-Йорке, где к государственным выборам впервые была применена эта система в большом масштабе, под ее влиянием не только произошло ясное и* определенное разделение партий: благодаря выгодам, непосредственно доставляемым победой, выработалась такая строгая партийная дисциплина, что каждое личное отклонение от известных воззрений у отдельных сочленов групп внутри партии безусловно отступало на второй план перед платформой, выставившейся в каждом отдельном случае от имени всей партии. Именно это процессы повторились в гораздо большем масштабе, когда в управление Союза проникла система наживы и повела к резко выраженной системе партий, которой население Соединенных Штатов отличается и теперь от всех других наций.

Значительной, получившей историческое значение партией этой страны была партия демократов. Она вполне воплощала в себе воззрения основателей североамериканской независимости. И эти последние конституцией 1787 года в действительности создали лишь предохранительную меру от угроз прибывавшей волны слишком далеко заходящей децентрализации и связанных с ней бедствий; в ней пытались разрешить трудную задачу соединения деятельной центральной власти с возможно неограниченной свободой всех отдельных членов. Партия федералистов возникла и приобрела временное значение лишь во время переговоров о конституции. Но так как она не обладала твердой опорой в обширных народных массах и не могла создать ее даже и в последующее время, она вскоре разрушилась и потеряла всякое значение. Напротив, возникшая из партии антифедералистов демократическая партия развивалась непрерывно, выставя своим главным требованием неограниченное главенство и право на самостоятельность отдельных штатов как первое и высшее начало. Демократическая партия вовсе не была сперва представительницей инте-

352

ресов южных штатов, хотя на первых порах в ней несомненно играли руководящую роль представители южных и средних штатов. Но и эта роль имеет историческое значение; уже в войне за независимость представители названных штатов поддерживали дальновидную национальную политику, между тем как самые значительные представители северо-востока оставались более или менее в узком кругу местных интересов. Перевес этих влияний в политике федералистов ослабил силу их партии после первых успехов, тогда как демократы в качестве носителей последовательной, национальной и консервативной политики все более и более усиливались. Тем не менее их партия, по крайней мере, после неповиновения Южной Каролины, раздробилась на два отдела, мнения которых значительно различались между собой. Впрочем, радикально-демократическая фракция, которая в упомянутой борьбе показала первое проявление своей силы, сперва была меньшинством, имевшим небольшое значение. Ее притязания не одобрялись значительно превывшавшим большинством политиков южных штатов не только из тактических причин, из желания отвратить опасность, чтобы северные приверженцы партии могли пострадать от этого: оно в них, как и в северных единомышленниках, видало отклонение от традиционного догмата партии.

В качестве поборников интересов отдельных штатов демократы были противниками высоких покровительственных пошлин¹, которые ради выгод торгового и промышленного Севера обременяли весь Союз. Но политика их членов, избравшихся в президенты, показывала, что они вовсе не безусловные фритредеры, хотя интересы южных штатов настолько же требовали свободной торговли, настолько интересы Севера — покровительственных пошлин. Они стремились только к тому, чтобы таможенная система оставалась в правильном отношении к потребностям союзного правительства. Как только избытки таможенных доходов начинали накапливать (а это случалось много раз в первой половине XIX столе-

123ак.571

353

тия), они требовали, чтобы пошлины, которые сами по себе были премией, уплачиваемой Югом в пользу Севера, были понижены до таких ставок, которые соответствовали бы истинной потребности государственной казны. Вражда демократов с государственным банком возникла по той же причине. Банк в руках их политических противников сделался опасной деморализующей силой, работающей лишь в интересах северных спекулянтов. Фактически банку было суждено лишь непродолжительное существование. При управлении преемника Джексона место государственного банка заняло независимое казначейство, после того как растрата государственных денег временно вызвала болезненную спекулятивную лихорадку в целом ряде денежных учреждений, что по необходимости повело к краху обширных размеров.¹ Эта мера, имевшая большое значение, сделала излишней в программе партии определенное отношение к банковскому вопросу.

Противники демократов сперва были лишены всякой организации. После крушения федералистской партии они долгое время не могли выставить никакой программы, которая давала бы возможность собрать воедино разрозненные элементы. Стремление к сильной правительственной власти в качестве программы партии, не имело силы даже на Севере и ослаблялось тем, что политики, выступившие вновь под именем вигов, хотели навязать ведение общепользных работ (каналов, а затем и железных дорог) союзному правительству, а не отдельным штатам. Вместе с этим покровительственные пошлины и время от времени финансовые вопросы

служили поводом к тому, чтобы партия занимала определенное положение. Но свою главную задачу она видела в безусловной оппозиции преобладанию демократов. Отсюда развилась оскорбительная грубость избирательной борьбы, которая гораздо более заключалась в вытеснении кандидатов противной партии, чем в разъяснении и обосновании принципов.

Джексон даже в конце второго периода своей должностной деятельности настолько был любим народом, 354

что наименование им преемника было почти равносильно наречению. Подавляющим большинством был избран в президенты (1837—1841 гг.) Мартин ван Бурен, северный демократ из Нью-Йорка, где организация партии и проведение политики наживы в обширных размерах считались его делом. Обещание продолжать во всех отношениях политику своего предшественника он сдержал вполне: все его правление было продолжением системы Джексона.

Наследство, принятое Буреном, не было, впрочем, приятным во всех направлениях. Финансовая политика Джексона разнуздаła спекуляцию, которая своим предметом избрала прежде всего еще нетронутые сокровища дальнего запада. В течение нескольких лет много миллионов были употреблены для покупок земли в западных территориях, и ценность земли там в короткое время удесятилась. При этом, естественно, множество ловких спекулянтов разом сделались богатыми людьми. Однако прежде чем эти воображаемые ценности могли реализоваться путем действительного развития, должны были, несмотря на баснословно быстрое расширение путей сообщения и заселения, пройти еще годы, что не было принято во внимание теми, в чьих руках оказались в конце концов земельные облигации. Когда безденежье Европы коснулось и Соединенных Штатов, фиктивные ценности стали падать; невозможность продажи их повела непосредственно к такому падению, которое увлекло за собой все другие действительные и дутые предприятия.

Если даже на правительстве не было почти никакой, а на Бурене уже совершенно никакой вины во всем происходившем, он все же не мог воспрепятствовать тому, чтобы его популярность и значение его партии не были происходившими событиями существенно подорваны. Уже в 1837 г. можно было предвидеть, что ван Бурен имеет мало шансов на то, чтобы занять во второй раз президентское кресло. Это, действительно, и не удалось ему, несмотря на все махинации соединенной правительствен-

355

ной машины и партийной организации, которыми он умел пользоваться в своих интересах лучше всякого другого. Но он потерпел поражение не потому, что программа демократов была отклонена, или потому, что противная партия могла выставить более жизнеспособную программу. Напротив, в это время опять можно было заметить, насколько основные принципы демократической партии совпадали с воззрениями почти всего населения. Еще при Джексоне небольшая, но деятельная кучка идеалистов вызвала движение, конечной целью которого было уничтожение рабства. Первые шаги ее на этом пути вовсе не были разрушительными. Но уже выступление партии, которая стремилась, хотя бы только в принципе, признать негров-невольников равноправными людьми и гражданами, вызвало общую бурю негодования, и даже не столько на Юге, где просто смеялись над подобными мечтаниями, сколько на Севере.

Аристократическое сознание превосходства белой кожи, которое в невольнических штатах даже самого жалкого нищего и бродягу заставляло смотреть с презрением на черных, почти без изъятия разделялось всеми и на Севере. У богатых торговцев и судостроителей это происходило от личных и деловых отношений с крупными землевладельцами Юга, так как на экономической зависимости от них основывались в значительной степени выгоды Севера. Средние штаты были менее связаны подобными соображениями. Правда, и там рабство поддерживалось государственными законами, но естественные условия были не совсем благоприятны невольническому хозяйству. Значительная часть тамошнего населения состояла из свободных мелких земельных собственников, и соседство свободных штатов способствовало тому, что этот элемент усиливался из года в год и оказывал все большее и большее влияние на законодательство. Но там, где невольническое хозяйство было вынуждено вступать в непосредственную конкуренцию со свободным трудом, видно было с первого взгляда, что долго оно держаться не могло. Вследствие этого лишь небольшая часть насе-

356

ления южных штатов вела рабовладельческое хозяйство в настоящем смысле. Плантаторы занимались преимущественно воспитанием негров-невольников. Тяжелая работа и жестокое обращение вело к тому, что настоящее рабочее население негров-невольников выказывало лишь незначительное естественное размножение. Общий ход экономического развития двигался, однако, в таком направлении, что невольническое хозяйство становилось относительно все менее и менее выгодным, и рабовладельцы могли поддерживать свои богатство и положение только тем, что постоянно увеличивали размеры своего предприятия. Но для этой цели им постоянно были нужны новые рабы. Так как покупка их в Африке была почти прекращена с помощью строгих мер, то сама собой напрашивалась мысль о размножении в самой стране этого рабочего материала, на который был постоянно сильный спрос. Это происходило, естественно, через посредство средних штатов, в которых невольничий труд не вознаграждался достаточно, но соседство делового Севера служило толчком к занятию этим выгодным делом. Движение, ставившее себе целью устранение рабства (движение аболиционистов), приводило только к перемене предмета деловой деятельности, но не уничтожало самого дела. Так как за этим движением зорко следили, то оно не внушало серьезного страха.

Даже и на Севере, среди почти исключительно свободного населения, это движение находило только ожесточенных врагов. Здесь выгодные и убыточные стороны невольнического хозяйства знали только по имени, но все негодование настоящей американской крови поднималось против каждого, кто намеревался сделать презиаемого, почти не признававшегося человеком негра жизненным членом государства, строй которого неустанно прославлялся со всех сторон как неприкосновенная святыня. С аболиционистами, насколько они позволяли себе выступать среди народа, легко раздражавшаяся масса справлялась без труда: неоднократно в отдельных местах происходили вспышки, угрожавшие жизни и соб-

357

ственности противников рабства, но в народе это движение рассеивалось без следа.

Иным было положение вещей в парламенте. И здесь существовало преобладающее большинство, которое ничего не хотело знать о движении. Это большинство вовсе не состояло из непосредственно заинтересованных лиц, хотя радикальное крыло его, быть может, находилось в самом разном противоречии с аболиционистами. Большинство было весьма значительно и оставалось еще долгое время сплоченной массой потому, что аболиционистское движение бесспорно стояло в противоречии с конституцией. Конституция избегала прямо произносить слово «невольник», но она в совершенно ясных обходных выражениях обещала всем гражданам союза защиту их общей собственности, и не только в тех штатах, в которых с разрешения правительства были поселены негры, но и безусловно во всех штатах Союза. Каждый закон, который позволял рабовладельцу переселяться с своими рабами из одного штата в другой, строго говоря, был нарушением конституции. Эта точка зрения находила себе выражение в неоднократно издававшихся союзным правительством и подтверждавшихся во всех штатах законах о выдаче беглых невольников, законах, непосредственно примыкавших к известным конституционным законам. Таким образом, аболиционистское движение, сколько оно ни оправдывалось с нравственной точки зрения, по букве закона было противно конституции.

Но в конгрессе существовала партия в пользу аболиционизма. Это можно сказать, главным образом, о Джоне Кинсее Адамсе, который неутомимо представлял конгрессу новые петиции, обращенные против рабства. За эту деятельность он заслужил много похвал. С другой стороны, законы, которыми конгресс старался остановить этот искусственно поддерживавшийся поток петиций, заклеили названием «цепных законов», и их виновников осыпали тяжкими нравственными оскорблениями. Оба суждения несправедливы. Дело, за

которое,

358

по-видимому, боролся Адаме, было еще далеко от своего решения, и конгресс, оставаясь на почве конституции, не мог взяться за него иначе, как прибавлением нового закона к основным законам страны. Положение, принятое Адамсом, было в значительной степени парламентской партийной тактикой, так как сам он был далек от того, чтобы желать серьезного и правильного решения вопроса. В избранной им форме борьба могла лишь обострять несомненно существовавшие крайности, вместо того чтобы примирять их и отнимать от конгресса дорогое время, которое нужно было ему для более настоятельных дел. Во всяком случае, депутаты северных штатов не заслуживают основательного упрека за то, что они противились его предложениям.

Все развитие Союза еще в первой половине XIX века не могло оставлять никакого сомнения, что и в Соединенных Штатах дни рабства сочтены. Без всякого запрещения со стороны правительства оно угасало само собой в значительной части штатов Союза, а в другой части, несмотря на законодательное покровительство, численность рабов хотя медленно, но постоянно сокращалась. Даже и в тех штатах, экономическая жизнь которых основывалась на рабстве, оно все более и более вызывало вопросов и споров, заставлявших испытывать самих ревностных защитников его все недостатки этого учреждения на самих себе; поэтому в конце концов оно должно было постепенно пережить себя и исчезнуть. Естественный процесс умирания его был, впрочем, столь медленным, что Америка еще долго стонала от тяжелых сторон рабства после того, как весь остальной мир сбросил с себя его оковы. Тем не менее движение, которое в XIX столетии вообще устранило рабство на большей части земной поверхности, не могло не отразиться в виде сознания собственной пользы и на Соединенных Штатах, если бы они даже и не нашли нравственного мужества приступить к решительному шагу. Но в том виде, в каком велась борьба против рабства, она вовсе не была величественным зрелищем победы возвышенной идеи, а

359

скорее доказательством того, что эта идея, вследствие слияния с вопросами политического и материального интереса, почти совершенно утратила свое высшее оправдание.

Южные штаты в течение всей борьбы за рабство вели оборонительную войну. Они находились в положении осажденной крепости, которая как ни хорошо была снабжена в данную минуту всем потребным для войны, почти с математической точностью могла предвидеть время, когда она вынуждена будет сдаться. Расчет побуждал и к нападениям и вылазкам, которые должны были доставлять ей средства сопротивления на более продолжительный срок. Но победа над противником была вне пределов возможного. Северные штаты могли вести борьбу в том убеждении, что само время в конце концов вручит им войска победителя. Тем временем они не только внутренне продолжали постоянно крепнуть, но и извне к ним присоединялись новые союзники в виде территорий, примыкавших к Штатам. Ни для кого не было тайной, что и в штатах и на территориях, в которых рабство было неограниченным, для этого последнего свободный труд пред-

ставлял опасную конкуренцию. Жизнь скваттеров давала слишком много случаев для развития личности, чтобы рабство могло торжествовать полную победу в молодых государственных образованиях. Даже тогда, когда направляли переселенцев из настоящих невольнических штатов в западные территории, часть их благодаря местным условиям переходила к свободному труду; с другой стороны, никакое законодательство и никакие запрещения не могли не допустить туда свободных поселенцев. И это получило тем большее значение, что вообще существовало стремление противопоставить преобладанию Севера в палате депутатов известное равновесие географических отделов страны в сенате, для чего допущение одного штата какого-либо отдела всегда зависело от одновременного образования штата другого отдела.

Эта борьба получила особенную окраску вследствие того, что она почти в течение всего времени велась под 360

руководством людей, принадлежавших к партии меньшинства, которое находилось в состоянии обороны. Демократическая партия не всегда посылала в Вашингтон президентов из южных штатов. Однако северные демократы только тогда могли надеяться занять высшее место в государстве, когда они умели провести свое демократическое учение так, что с ними не могла столкнуться крепче и плотнее организованная партия Юга. Прежде всего это не удалось ван Бурену. Так как в конце периода его президентства слишком многое оказалось лежало на ответственности правительства, то демократическая партия не имела никакой надежды провести ему в преемники кого-либо из своих. Однако виги были еще далеки от того, чтобы иметь возможность послать в Вашингтон человека, которого они по праву могли причислить к своей партии. Они выставили в качестве президента старого, почти неизвестного в политическом отношении генерала Уильяма Генри Гаррисона, а в качестве вице-президента Джона Тэйлера, личность хотя уже и не принадлежавшую в ту минуту к демократической партии, но имевшую среди нее более друзей и приверженцев, что среди вигов; только благодаря тому удалось выбрать своих кандидатов значительно преобладающим большинством. Но этот видимый успех вскоре обнаружил свои размеры. Гаррисон вступил в Белый дом лишь для того, чтобы умереть там (в апреле 1841 г.). Тэйлер, сделавшись президентом, опять примкнул к демократической партии, общение с которой не прерывал.

Под давлением экономических отношений в июле 1841 года удалось еще раз, как в сенате, так и в палате депутатов, собрать большинство в пользу восстановления Банка Соединенных Штатов, который составлял важный пункт в программе партии вигов. Однако Джон Тэйлер, как президент этого периода (1841-1845 гг.), не только наложил свое veto на это решение, но и на повторившееся решение конгресса в этом направлении. Такой образ действий был признан за открытый разрыв с партией, которая возвела его на президентское место. В об-

361

щем президентство Тэйлера прошло без выдающихся событий; дипломатические затруднения с Англией, финансовые вопросы по устранению вредных последствий краха и постепенное преобразование личного состава правительства в духе демократической партии, с помощью которой Тэйлер надеялся сохранить за собой президентство и на следующий срок, наполняли все время, между тем как события большой важности подготавливались в тишине, пока еще не требуя деятельного вмешательства.

Когда президент Монро издал знаменитую декларацию, которая еще недавно считалась руководящим началом внешней политики Соединенных Штатов, хотя в позднейшее время из нее выработалось нечто совершенно иное, тогда выдающиеся государственные люди держались воззрения, что область Соединенных Штатов достигла уже крайнего предела своего объема, который только можно было соединить с республиканской государственной формой, предусматривавшейся союзной конституцией. Но это воззрение уже через два десятилетия оказалось устаревшим. Оно могло казаться основательным, пока большой бассейн Миссисипи вмещал лишь скудное население и пути и средства сообщения находились в начале своего развития. Но быстрое и продвинувшееся особенно после изобретения парохода пользование удобными водными путями, которыми североамериканская озерная область соединена с Гудзоном, с одной стороны, и с Огайо и Миссури, с другой, а затем в середине XIX столетия железные дороги, за проведение которых Америка взялась раньше и энергичнее Старого Света, вскоре послужили к устранению затруднений, вытекавших из далеких расстояний. Уже в середине тридцатых годов обладание береговой полосой на Тихом океане казалось столь же необходимым предварительным условием свободного развития Союза, как некогда обладанием устьем Миссисипи. Необузданная спекуляция государственными землями запада, навлекшая такую финансовую опасность на дела Союза, была не только менее ги-

362

бельна для запада, но, в особенности в то время, когда приобретение малоценных земельных владений представляло известную выгодную сторону, действовала возбуждающим образом на тамошнюю колонизацию. Отдаленные земельные участки быстро оправившись от последствий краха, и их действительно существовавшие естественные богатства все более и более привлекали к границам цивилизации новых переселенцев.

Эти события естественно отражались в старых штатах в таком направлении, что дальнейшее перемещение западной границы Союза признавалось желательным, а пространственное распространение равнозначным с национальным обогащением. Западная граница союза никогда не была установлена с точностью. Во Флоридском договоре Испания отказалась от своих прав на все протяжении от океана до океана; однако это было чисто бумажное право, так как Флорида никогда не простиралась до Тихого океана. Северо-западная

граница с Англией также была спорной; в то время, когда дальнему западу не придавалось еще никакого серьезного значения, Соединенные Штаты, в силу договора, согласились на общее управление Орегона английскими и союзными чиновниками. Правда, владения Соединенных Штатов на выход в Тихий океан, вследствие того, до недавнего времени оставались сомнительными. Но уже давно не было сомнения в том, каким образом они могли быть исправлены.

Отторжение Техасской республики от Мексики было в значительной степени делом обитателей дальних лесов Северной Америки и с самого начала преследовало как конечную цель присоединение этих областей к Союзу. Северо-восточным штатам не представлялось нужным вмешиваться в это дело, так как они не могли рассчитывать извлечь какие-либо выгоды из этой страны; для Юга имело первостепенное значение приобретение этих областей для будущих невольнических штатов. Однако настоящую двигательную силу представило население молодых штатов Запада. Здесь на почве, которая была при-

363

обретена уже после образования Союза, но в короткое время представила собой необычайное развитие, образовалась партия с девизом «Великая Америка», ближайшей целью которой являлся только Техас, затем вся страна до Тихого океана, а в конце концов — поглощение всей разлагавшейся Мексиканской республики до Тегу-антепека. Из их рядов постоянно набирались бойцы, которые защищали от натисков мексиканцев техасское правительство, обессиленное постоянным безденежьем: требования их об удовлетворении неоднократных ходатайств Техаса о принятии в союз, хотя бы под угрозой войны с Мексикой, становились тем настоятельнее, чем более тяжелые обстоятельства этого мнимого государства угрожали вмешательством других держав.

Техас был недостаточно богат, чтобы в том состоянии одичания, в котором он находился, доставлять средства, потребные для правительства. В начале злоупотребляли кредитом молодого государства и легкомысленно делали долги в надежде покрыть их вступлением в Союз. Однако это вступление замедлялось, так как Мексика не хотела признавать независимость Техаса и не хотела продавать эту область. Но техасцам надоело выпрашивать помощи только у Соединенных Штатов; они обратились также к Франции и, как говорят, по крайней мере, к Англии. Тогда на политическом небе Союза по-явился призрак чужой державы, утвердившейся на юго-западе и, быть может, преграждающей доступ к океану. Уже Тэйлер старался отклонить эту опасность возобновлением переговоров с Мексикой; последние велись, однако, в таком вызывающем тоне, что со дня на день можно было ожидать взрыва настоящей вражды. Но Тэйлер не мог решиться на объявление войны.

В избирательной борьбе 1844 года техасский вопрос имел решающее значение. Ему обязан был сам по себе не имевший большого значения демократ Джеймс Нокс Полк (11-й президент, 1845—1849 гг.) тем, что он одержал победу над кандидатами вигов Генри Клеем и президентом Тэйлером. Клей высказался сперва про-

364

тив присоединения Техаса, но под конец вооружил против себя и антианнексионистов, перейдя на сторону присоединения в видах избирательной тактики. Тэйлер своей нерешительной политикой в техасском вопросе совершенно утратил уже сами по себе незначительные шансы на вторичное избрание. Тем не менее ему пришлось уже в последние дни исполнения своей обязанности совершить присоединение соседней республики. Хотя относящийся к тому билль был незадолго перед тем отвергнут сенатом, он вновь внес его в конгресс на том основании, что результат выборов президента в мае 1844 года обнаружил желание большинства народа в пользу присоединения; это действительно произвело такое впечатление на народных представителей, что билль прошел теперь в обеих палатах. В последние дни своего президентства Тэйлер заключил договор о присоединении, и уже в следующем году Техас был принят в союз как 29-й штат.

Но это было лишь внешним решением вопроса. Мексика считала названную страну юридически принадлежащей ей и отказывалась вступать с Соединенными Штатами в переговоры относительно техасского вопроса. Однако союзное правительство сумело справиться с этим затруднением; оно прежде всего отправило отряд войск против мексиканцев на западную границу нового штата и вместе с тем решило вопрос: должна ли река Сабин или река Нуэсес составлять границу, так как выдвинуло войска за обе реки до Рио-Гранде-дель-Норте. Как только мексиканцы при нападении на рассеянный взвод драгун пролили первую кровь, война оказалась объявленной. Во всей стране едва ли мог найтись хоть один голос, который решился бы воспротивиться общему призыву к мести за вызов со стороны мексиканцев.

На северном театре войны генерал Захария Тэйлор быстро одержал одну за другой целый ряд блестящих побед над мексиканцами: в начале 1847 года сопротивление их в местностях, пограничных с Техасом, было совершенно сломлено. Это не могло быть, однако, оконча-

365

тельным решением дела: союзное войско, отделенное бесконечными пустынями от настоящей Мексики, стояло на сотни миль от нее, и испытанные ею потери могли оказать лишь незначительное влияние. Тогда Полк должен был решиться нанести более чувствительный удар. Этот последний был нанесен генералом Уинфильдом Скоттом — он из Веракрус выступил против столицы. И с этой стороны мексиканцы не могли оказать серьезного сопротивления. Веракрус капитулировал в марте 1847-го после недолгой бомбардировки; как только Сайта Ана решался преградить путь неприятелям, направлявшимся к столице, он испытывал кровавые поражения. Тем не менее даже и эти победы не давали президенту возможности пожать плоды его недобросовестной политики. Под сокрушающими победами североамериканского оружия рушилась диктатура Сайта Аны, покоившаяся на слабых опорах; когда союзные войска вступили в Мехико, там уже не было никакого правительства, с которым можно было бы заключить мир. Победители должны были прежде всего содействовать восстановлению правительственной власти, прежде чем могли достигнуть настоящей

цели — возвращения правильных отношений между Соединенными Штатами и Мексикой. Тем временем отношение к полученным благоприятным результатам необычайно повысилось. Кроме техасского войска и веракруссского отряда, для вторжения в Калифорнию был снаряжен третий отряд. Это последнее предприятие сопровождалось необычайной удачей; уже при самом вступлении в Калифорнию задача оказалась наполовину исполненной. Капитан Джон Чарльз Фри-монт в 1844 году, во время своего путешествия с целью исследования посетил Калифорнийскую пограничную область, но пребыванию в ней придал так много политической окраски, что был выслан из Санта-Фе. Однако как только была объявлена война, он возвратился туда, овладел городом Сономой и водрузил на нем союзный флаг. Одновременно с этим, американский военный корабль в Монетерее вошел в бухту Сан-Франциско и встретил там

366

так мало серьезного сопротивления, что его командир с помощью живших там американцев завладел и этим важным пунктом. Тогда было постановлено присоединение Калифорнии и Новой Мексики к Союзу. Перед этим совершившимся фактом мексиканское правительство должно было преклониться. Эту горькую пилюлю подсластили для него тем, что присоединение провинций облекли в форму покупки: за уплату 15 млн долларов Мексика уступила обширные пространства земли, признала Техас членом Союза и согласилась считать Рио-Гранде его западной границей. Так как в это время дипломатическим путем была достигнута и уступка Англией в Орегонском вопросе, причем был признан границей 49° с.ш., Соединенные Штаты приобрели на дальнем западе границы, которые остались без изменения до настоящего времени. Какую это имело важность — видно из того, что через год в Калифорнии было найдено первое золото. В конгрессе мексиканские победы имели весьма знаменательный отклик. Так называемое предложение Уиль-мота заключало ходатайство о том, чтобы согласие на уплату 15 млн обусловлено было устранением рабства во вновь приобретенных областях. Это предложение повело к крайне утомительному и ожесточенному словесному состязанию. В конце концов предложение это было отклонено, но и как вся эта борьба, оно имело весьма мало практического значения. Свойства почвы Новой Мексики и Калифорнии само собой исключали способ хозяйства, в котором невольнический труд был бы выгоден. Кроме того, Калифорния быстро приобрела особый отпечаток вследствие громадного прилива золотоискателей, которые, все, почти без исключения, были свободными работниками. Даже в Техасе, где со времени присоединения рабство было узаконено, оно вело лишь жалкое существование. Происходившее в конгрессе имело значение лишь потому, что оно свидетельствовало об усилении настроения против рабства; это настроение было столько же выражением раздувавшейся противниками рабства ненависти к этому учреждению, как и при-

367

знанием его экономического вреда. Большинство и в этом случае под конец соединилось на решении, по-видимому, благоприятствующем рабству, но теперь это было следствием того, что нападение на это учреждение было, несомненно, нападением на союзную конституцию. Тем не менее из всего хода речей рабовладельческого юга не могло не обнаружиться, что опасности, угрожавшие его экономическому обособлению, усиленно возрастали. Поэтому едва ли может казаться удивительным, что мысль о выступлении из Союза, на которое южные штаты считали себя вправе в согласии с демократическими принципами, и о более тесном сближении группы штатов, благосостояние которых было непосредственно связано с сохранением невольничества, возникла вновь, хотя в ближайшее время без всяких реальных событий.

Эти обстоятельства не остались без влияния на президентские выборы. Польк принес слишком мало чести демократической партии, чтобы ему можно было надеяться на вторичное избрание. Вся эта партия в данную минуту была так слабо сплочена, что мало могла иметь надежд на победу в избирательной борьбе, и кандидат ее, Касс, северянин, не был таким лицом, которое могло бы прикрыть слабость этой партии. Между тем противники ее именно в выборе личности были особенно счастливы. Генерал Тэйлор происходил из южных штатов, был сам рабовладельцем и не играл никакой политической роли, хотя и причислял себя к правому крылу вигов. Но его поход в Техас доставил ему популярность, подобно Джексону и Гаррисону; он был народным кандидатом. Тем не менее одним вигам едва ли бы пришлось провести его избрание; как партия они были бессильнее, чем когда бы то ни было. Вся их программа состояла в том, чтобы собрать вокруг себя противников демократов, которые не хотели уступать вместе с малочисленными противниками рабства и не хотели присоединиться к так называемым Know-nothings, партии ненавистников. Обе группы были обломками старой партии вигов; самым большим искусством для их вождей было установить такую плат-

368

форму, которая давала бы возможность примкнуть к ним в данную минуту недовольным всех партий. Надо было выставить такой ticket, который обещал бы следовать собирательной политике и после успешных выборов; в качестве его Тэйлор и Фильмор были выбраны, несомненно, с большим искусством. Победа этих кандидатов означала поражение демократов, но никак не победу вигов. Политика вращалась в первое время вокруг организации вновь приобретенных областей; борьба, которую вели рабовладельцы за свои теоретические взгляды, еще более, чем за действительные интересы, была долгой и ожесточенной. Прежде чем она закончилась, умер президент Тэйлор (9 июля 1850 г.). Во второй раз выступал на место президента, избранный партией вигов, еще до истечения срока его власти, вице-президент, которому

недоставало даже той небольшой части приверженности партии, которая Гаррисону и Тэв-лору подготовила путь к президентству. Миллард Фильмор (13-й президент, 1850—1853 гг.) был, правда, не в такой степени отступником от принципов партии вигов, как некогда Тэйлер, но он шел навстречу представителям Юга до крайнего предела, в надежде этим путем создать себе успешную кандидатуру для будущих выборов. Весь период его службы был почти исключительно наполнен подготовлением к выборам, но надежды Фильмо-ра не осуществились. Виги имели, правда, ввиду его переизбрание, но избирательный конвент партии отдал предпочтение генералу Скотту, хотя последнего и не удалось "сделать народным кандидатом. С большей удачей подражали демократы вигской избирательной тактике, выставив в лице Франклина Пирса ничего не говорящую личность и вместе с тем платформу, которая ничего не обещала положительного, кроме успокоения всех несогласий, поглотивших без всякого результата так много времени в течение предшествующего президентства. Такая программа могла рассчитывать на многочисленных приверженцев и вне демократической партии. Без сомнения, своим избранием 6 декабря 1852 года Пирс в значи-

369

тельной степени был обязан общему желанию положить предел бесконечным пререканиям. Особая ирония судьбы заключалась в том, что служебные действия президента, избранного по преимуществу для умиротворения внутренней распри, начались с вопроса, от которого возгорелась междоусобная война. Принятием Калифорнии в качестве штата без невольничьего труда Север временно получил перевес. Чтобы по возможности скорее уравнивать его, Юг предложил организацию территории Небраски с целью как можно скорее превратить ее в невольничий штат, хотя эта область заходила за линию компромисса Миссури (36°60'); так как при Фильморе состоялось соглашение вполне представлять вопрос о рабстве в территориях их будущей законодательной власти, то юридически уже нельзя было держаться требований компромисса Миссури. Это предложение разом уничтожило мирное настроение. Общий крик негодования поднялся против того, что этим путем рабство выдвигалось опять далее к северу. Знаменательным явлением было то, что в пользу компромисса Миссури высказывались не только виги и аболиционисты; в собственном лагере демократов ясно замечался раскол: среди них образовалась враждебная рабству фракция, исходившая с Севера, и другая, еще большая, в которой демократы невольничьих штатов стояли за «особое учреждение» своей секции. Последовательность союзной политики была еще больше, чем движение, направленное против рабства: билль, которым устанавливалась организация территории Канзаса и Небраски, сообразовался с компромиссом 1850 года без упоминания о невольничестве. Но торжество рабовладельцев было только мнимым. Билль нанес опасный удар связи демократической партии; в северных штатах движение приняло такое направление, которое извергло слабейшую партию вигов из числа политических факторов. На ее развалинах возникла республиканская партия. На ней оставались еще многочисленные осадки из времен мутного прошлого, но вскоре с юношеской свежестью она превратилась в пред-

370

ставительницу идей, которые, благодаря происходившим в то время событиям, возбуждали усиленное внимание всех кругов народа.

В северных штатах делались многочисленные попытки к освежению политических партий, но ни аболиционисты, ни нативисты не могли вызвать глубокого и продолжительного движения в жизни партий. Противникам рабства преграждало дорогу к общему господству несовместимость их конечных целей с основными законами союза. Убеждение во вреде рабства и желание содействовать его устранению приобрели, правда, приверженцев в более и более широких слоях населения; однако они не примыкали к программе, к которой было потеряно уважение из-за отдельных, несомненно, незаконных действий. Нативисты некоторое время испытывали значительное приращение преимущественно потому, что таинственность их организации действовала заманчиво на толпу; однако их программа, существенное содержание которой заключало требование, чтобы эмигрантам ставились ограничения в приобретении гражданских прав, составляла массы совершенно равнодушными. Главы этой партии более всего восставали против ирландских переселенцев, прибывших в Америку в качестве предшественников множества угнетенных в политическом отношении, искавших убежища в свободном государстве по ту сторону океана. Ирландцы составляли, во всяком случае, незavidный прирост населения. Они стояли почти без исключения на низкой ступени образования, и господствовавшая среди них нравственная испорченность превращала их в сравнительно многочисленный контингент преступности Соединенных Штатов. Кроме того, они принадлежали, по большей части, к католическому вероисповеданию, к которому принципиально относились с терпимостью, но которое не любили именно в северных штатах и которое возбуждало опасение своей крепкой сплоченностью. Антидемократические политики мало сочувствовали положению ирландцев, и те, почти без исключения, примыкали к демократам. По этой

371

причине демократическое большинство не могло, конечно, согласиться на Закон об эмигрантах по желанию нативистов.

В этом отношении демократы находили поддержку и у вигов после того, как характер иммиграции существенно изменился вследствие революций, которые потрясли Старый Свет в середине XIX века. За ирландцами вскоре последовали венгерцы и затем особенно многочисленные отряды немцев. Эти последние, противоположно ирландцам, в среднем по общему образованию не только стояли наравне с гражданами Соединенных Штатов, но даже превосходили их. И хотя они в ближайшее время казались по

сравнению с местными жителями довольно неловкими в практическом отношении, и политическое положение не соответствовало их представлениям, но они быстро освоились с новыми условиями и приобретали все более и более самостоятельное политическое значение. Здесь они опять приходили в связь со старинными немецкими поселениями, которые уже давно играли видную роль во внутренней части Пенсильвании. Между старыми и новыми гражданами Союза германского происхождения произошло сближение, выгодное для обеих сторон и усиливавшее личное самосознание, вследствие чего германо-американцы, не переставая ни одной минуты чувствовать себя в передовой линии в качестве американцев, в то же время признавали себя особым землячеством внутри Союза.

Вступление германо-американцев в политическую жизнь обозначает поворотную точку в истории союза; это было вызвано не исключительно исходившим от них стимулом, но получило свое значение благодаря им. Германо-американцы, в особенности прибывавшие после 1848 года, не могли ни в каком случае сделаться приверженцами демократической партии. Они, которые на прежней родине высказывались, боролись и страдали за общие человеческие права и за предания французской революции, никак не могли присоединиться к партии, силой обстоятельств вынуждавшей отводить в своей полети-

372

ческой программе все больше и больше места поддержанию рабства. В теории они часто являлись аболиционистами. Но для того чтобы примкнуть массами к этой небольшой партии, они стояли слишком далеко от действительных политических условий американской жизни; сочувствие к форме правления, воодушевление республиканской конституцией были слишком живы, чтобы все их политическое мышление могло направиться на путь этого, частью нравственного, частью экономического, вопроса. Еще меньше для них могло быть места в партии Know-nothings; они, первые эмигранты, видевшие, как их соотечественники притекали все более и более широкими потоками, и призывавшие их в страну свободы, не могли действовать за одно с партией, которая хотела закрыть это искомое всеми и прославляемое убежище.

Вследствие всего этого в жизни партии вигов возникли совершенно новые явления. Если даже допустить, что немецкий элемент народонаселения сыграл роль тех дрожжей, от которых зародилось брожение, создавшее республиканскую партию, то все же ее действительное возникновение и состав не зависели от этого элемента. Те политические деятели, которые и раньше с опасением и сожалением относились к раздроблению антидемократической партии, уже неоднократно пытались выработать программу по главным животрепещущим вопросам времени, чтобы на основании этой программы могла создаться прежняя жизнеспособная политическая партия. В своих первоначальных зачатках республиканская партия была ничем иным, как возобновлением попытки некоторых, наиболее дальновидных политиков вигизма подвести под его программу такую общую идею, которая могла бы возвысить эту партию, влить в нее новую жизнь, обеспечить ей конечную победу. Подобные попытки производились одновременно в различных местах под разными наименованиями, но уже в самом начале получило преимущество название республиканцев. В основе программы, несомненно, лежал вопрос о невольничестве, но решение его не предполагалось в том радикальном

373

смысле, как того хотели аболиционисты. Новая партия принимала безусловно консервативную точку зрения; однако не ставя естественных прав человека, как они изложены в декларации независимости, выше конституции Союза, новая партия вместе с тем требовала, чтобы конституция не служила далее средством насильственно равно обязательные для всех законы в пользу односторонних и неправильно понимаемых интересов одной части граждан. Развитию этой главной основной мысли была посвящена вся остальная часть программы. Однако партия вместе с тем унаследовала от вигов все требования внутренних улучшений, которые предъявлялись союзному правительству как этими последними, так еще раньше и федералистами. Во главе этих требований стояло, между прочим, проведение железнодорожного пути через континент Америки от одного океана к другому.

Во время президентских выборов, окончившихся избранием Пирса, республиканская партия еще только зародилась и не играла сколько-нибудь заметной роли. Зато в течение четырех лет пребывания Пирса в Белом доме обстоятельства способствовали ее могучему развитию. Прежде всего тому содействовали события в Канзасе. Так как введение или недопущение невольничества в Канзасе было поставлено в зависимость от решения его жителей, то между сторонниками и противниками невольничества на этой территории возгорелась горячая борьба, начавшаяся на почве законности, но скоро принявшая такие формы, которые представляли явное нарушение закона. По постановлению конгресса, в различных штатах Севера образовались общества, имевшие целью заселение Канзаса свободными фермерами. Результаты деятельности этих обществ были в высшей степени благоприятны: сильная эмиграция из Европы доставляла обширный контингент людей, которые, пользуясь сильной поддержкой правительства, охотно шли на далекий запад для борьбы с пустыней и со многим другим. А там, где плуг свободного труженика поднимал девственную почву, рабовладельцы, конечно, не выдержали бы конкуренции с фер-

374

мерским сословием. Но его расселение могло происходить лишь постепенно, и вся территория Канзаса не могла быть занята ими сразу. Для этого расстояние от атлантических гаваней до Канзаса было слишком велико, передвижение слишком дорого и средства, которыми располагали колонизационные общества, слишком ограничены.

Положение рабовладельцев в этом отношении было более благоприятно. Насколько Канзас примыкал к ци-

визированным областям, он граничил почти исключительно с невольничьими штатами, и переселенцы из Миссури, которые были в особенности многочисленны в Канзасе, могли всегда рассчитывать на помощь своих друзей по ту сторону границы. Так, например, случилось, когда его губернатор назначил выборы в первое законодательное собрание: немедленно толпами устремились жители южных приграничных штатов, и они, частью прямым участием в выборах, частью с помощью подлогов и насилия над противной партией, достигли таких результатов, которые, очевидно для всякого, совершенно не соответствовали действительным условиям. Однако правительство союза не только утвердило эти выборы, но и допустило, чтобы избранное таким образом собрание выработало для территории конституцию исключительно в интересах рабовладельцев и видах угнетения их противников. Правительство Союза поставило в распоряжение рабовладельцев даже союзные войска, несмотря на то что, параллельно с утверждением выборов, владельцы свободных участков Народным голосованием доказывали наличность, по меньшей мере, равного числа свободного населения, не согласного на введение невольничества, и с своей стороны также избрали законодательное собрание и выработали конституцию. При таких обстоятельствах сколько-нибудь продолжительный мир был невозможен. Первая кровь пролилась, быть может, по вине сторонников невольничества, но противники его почти немедленно и без зазрения совести также прибегли к насилию. Таким образом, в самом центре Союза, еще задолго до избрания президентом Линкольна, свирепствовала междоусобная война на почве невольнического вопроса.

Правительство Союза открыто держало сторону рабовладельцев. Это обуславливалось и основными принципами, и всем прошлым демократической партии. Даже ее северное крыло, предводимое Дугласом, стояло если не за само рабство, то, во всяком случае, за полнейшее право самостоятельности отдельных штатов и территорий, и было вынуждено, чтобы быть последовательным, допустив утверждение первых канзасских выборов, поддерживать политику президента и дальше. Однако в демократическом лагере никто не заблуждался относительно того, что в конгрессе все труднее и труднее было поддерживать партийную дисциплину, что влияние партии ~в народе значительно уменьшилось, а своим образом действий в канзасском вопросе она дала опасное оружие в руки противников. Все это наглядно обнаружилось при следующих президентских выборах. Правда, на них еще раз одержал победу демократический кандидат Джеймс Бьюкенен (1856—1861 гг.), семидесятилетний старик, долго бывший послом Союза в Англии и потому стоявший совершенно в стороне от борьбы политических партий. Впрочем, из числа четырех миллионов избирателей за него было подано лишь 1 800 000 голосов, и он прошёл только потому, что оказалось невозможным сосредоточить на одном лице голоса антидемократов. Старые виги и know-nothings^{bi} выставили вновь кандидатуру Фильмора. Если уже само это имя достаточно указывало на слабость и беспринципность программы партии, то кандидатура его имела своим результатом еще и то, что она отвлекла от третьей партии несколько сотен голосов и оставила ее в меньшинстве.

Тем не менее вся эта выборная борьба имела для республиканцев большое значение, была крупным шагом на пути к победе. Уже при первых переговорах относительно указания кандидатов состоялось соглашение между старой группой сторонников свободного землевладения,

376

примыкавшими к аболиционистам know-nothings^aМН и собственно республиканцами; счастливым результатом этого соглашения оказалась избрание Фримонта, исследователя дальнего Запада и завоевателя Калифорнии, в кандидаты президента. Фримонт был олицетворением юной Америки, ничего не хотевшей знать о старом споре защитников прав отдельных штатов и федералистов, и написавшей на своем знамени исключительно величие общего отечества и его свободное развитие в республиканском смысле. Республиканцы и на этот раз остались верны консервативному духу, но не в смысле застоя, оглядывавшегося назад, а в виде непрерывного развития, стремящегося к высшим целям определенными, законными путями. Фримонт, получивший 1 300 000 голосов, был, в сущности, так близок к победе, что не только его сторонники, но и противники предусматривали победу республиканцев на следующих выборах как неизбежную. Такая перспектива грозным призраком стояла перед южными демократами. До тех пор их противники могли надеяться на какой-либо успех, выставив кандидата, за которого в конце концов могли бы подать голос и демократические избиратели. Кандидатурой Фримонта им в первый раз был противопоставлен человек, программа которого не заключала в себе ни одной черты демократического характера, который без всяких оговорок ставил Союз выше отдельных штатов, декларацию независимости выше конституции, и только случай воспрепятствовал победе этой программы. Это было началом конца, что хорошо сознавали в рабовладельческих штатах еще до исхода избирательной борьбы. В связи с этим, как уже неоднократно случалось и раньше, попробовали собрать и теперь отдельный конгресс южных штатов, но он сошелся в недостаточном[^] числе и остался без результатов. Впрочем, в невольничьих штатах вполне сознавали серьезность положения. На Юге гораздо раньше и отчетливее, нежели на Севере, поняли все экономическое противоречие между свободными и невольничьими штатами, делавшее невозможным никакую общность интере-

377

сов. Если в прежние времена еще можно было не замечать, на сколько положение Юга в борьбе было менее благоприятным, то события последних лет и их основательная и компетентная оценка вполне раскрыли в этом отношении глаза большинству рабовладельцев. Они не могли не заметить, на сколько различно

увеличивалось народонаселение в обеих половинах Союза, и должны были видеть, насколько на Севере богатства умножались в совершенно иных условиях, чем на Юге. Они должны были, наконец, прийти к пониманию, почему земля по эту и по ту сторону границ рабовладельческих штатов обладала существенно различной ценностью. В Канзасе и во многих других пограничных округах они могли чувствовать на самих себе, насколько свободный труд был продуктивнее «особого учреждения» Юга; колонисты, которых они на общий счет посылали туда для конкуренции со свободным трудом, в большом числе переходили в противоположный лагерь. Конечно, хорошо было бы одним ударом уничтожить рабство и стать в уровень с экономическими условиями Севера! Но при существовавших условиях освобождение незольников повлекло бы за собой разорение землевладельцев, банкротство всех имущественных классов Юга. Южане часто внутри и вне конгресса доходили до поступков, мало достойных культурного народа, но побуждались они к этому не одним рабовладельческим высокомерием; в них сказывалось чувство сознания собственного бессилия, опасение разориться, как только правительство Союза наложит в той или иной степени руку на рабовладельческую систему. Вот что побуждало передовых застрельщиков Юга предъявлять все новые и новые требования и все более обостряло борьбу. Правительственная политика, которой часто ставили в упрек, что она оказывала недостойное потворство рабовладельческим вождям, фактически исходила лишь из стремления облегчить в известной мере с помощью законодательных льгот экономические затруднения, от которых страдала вся южная половина Союза. Отсюда же истекало и желание

378

большинства северных политических деятелей быть угодными Югу.

Но если бы большая часть нации совершенно отказалась от подобных воззрений (а что это могло быть, показало голосование последних президентских выборов), если бы этому большинству удалось поставить своих людей во главе исполнительной власти, то Югу предстояло бы банкротство. Таким образом, ему, в сущности, оставался только один путь — или разорвать с прошлым, или же выйти из состава Союза и составить новый союз из числа штатов, все интересы которых основывались на существовании труда невольников. Весьма вероятно, что и такой союз очень скоро и безнадежно обанкротился бы, не выдержав конкуренции соседей, или же какая-либо внутренняя революция повела бы за собой перемену всей его экономической системы. Но в данную минуту рабовладельцы еще могли надеяться спасти свою собственность и задержать ее неминуемое обесценивание.

Деятели Юга такой образ действий не казался революционным. Учение о суверенитете отдельных штатов повело к тому, что весьма значительная часть политических людей не только на Юге, но и на Севере считали Союз лишь государственным договором, который стороны, заключившие его, имели право расторгнуть без нарушения закона. Это уже однажды открыто высказала Южная Каролина в своем конфликте с Джексоном, и ее заявление было принято вовсе не как что-либо незаконное или несправедливое; наоборот, только путем соглашения союзное правительство добилося удовлетворения своих требований. Конечно, с тех пор сознание неразрывности союза значительно окрепло и распространилось среди населения; стремления к отпадению отдельных южных штатов даже в их среде возбуждали движение, дружественное союзу. С другой стороны, на северо-востоке, где экономическая противоположность с Югом выражена была более резко, существовала большая партия, которой отделение экономически различных групп казалось столь же выгодным, как и самим южанам, и которая с

379

правовой точки зрения считала мирное расторжение Союза наиболее желательным исходом.

Президент Бьюкэнэн больше «сего заботился о том, чтобы предоставить решение вопроса будущему. От своего предшественника он унаследовал несколько других задач, решение которых было в значительной степени связано с общими интересами союза, и президент надеялся, что, поставив эти задачи на очередь, он придаст другой оборот внутренней политике. Так, Соединенные Штаты уже давно добивались обладания островом Кубой. Его географическое положение влекло за собой многочисленные осложнения, а слабость испанского владычества делала возможным продажу этого острова. Для Соединенных Штатов становилось жизненным вопросом, чтобы Куба не перешла к таким владельцам, которые сумели бы создать эксплуатацией ее естественных богатств могучую конкуренцию произведениям Северной Америки. А поэтому с их стороны неоднократно делались попытки вступить с Испанией в переговоры, но они оставались до сих пор без результата. Мы не будем вдаваться в рассмотрение того, основательно ли Бьюкэнэн рассчитывал на будущее, но он во всяком случае воспользовался кубинским вопросом, чтобы отвлечь общественное мнение от внутреннего положения; он добился того, что конгресс долго занимался предложением правительства открыть ему на это дело кредит в 30 млн долларов, и дебаты и прения направились в сторону от внутренней политики. В том же направлении воспользовались и вопросом о мормонстве. Против мормонов уже Пирс посылал союзные войска, чтобы вынудить подчинение союзным законам теократической общины, основанной Брай-гемом Юнгом, и Бьюкэнэну предстояло провести через конгресс заключенный тогда договор, которым, хотя бы внешне, все это дело являлось улаженным в желательном для правительства смысле. Тем не менее президенту все-таки удалось заглушить внутренний раздор, стукавшийся в двери конгресса, который не мог и не хотел закрыть их перед ним.

380

В Канзасе между тем партии стояли по-прежнему друг против друга, готовые к борьбе. Рабовладельческая партия с помощью самых беззастенчивых подлогов на выборах вновь доставила себе видимость того, будто

ей одной принадлежит право голоса за всю территорию, и выработала в Лекомптоне проект конституции, на основании которого Канзас добивался своего принятия в Союз. Освободительная партия, со своей стороны, указывала на допущенный при выборах обман, выступила с так называемой конституцией Топека, воспрещавшей рабство, и обратилась в конгресс с тем же требованием; но президент Бьюкэнэн даровал свою санкцию проекту, составленному в Лекомптоне, и провел его через сенат. В палате представителей, однако, не удалось достигнуть прямым путем принятия этого проекта, и когда, наконец, с помощью различных парламентских сделок и передержек составилось в его пользу известное большинство, то лишь под условием, чтобы Лекомптонская конституция была вновь подвергнута народному голосованию. При этом вторичном голосовании рабовладельческий проект потерпел полнейшее поражение. В связи с этим вступление Канзаса в число штатов союза отсрочилось еще на несколько лет, но делу освобождения была оказана большая услуга.

Северные демократы, во главе которых стоял в то время Стефан Арнольд Дуглас, уже давно лишь с крайним трудом мирились с политикой большинства. Но вопрос о конституции Канзаса повел к их полному отпадению. Демократическая партия принципиально стояла за право самостоятельности штатов. Поэтому Дуглас поступил лишь последовательно, внося требование народного голосования для Лекомптонской конституции. Но так как в конгрессе хорошо и заранее было известно, что требование Дугласа выдвинет вопрос о признании рабства в Канзасе, то демократы юга отнеслись к образу действий Дугласа как к измене партии и постарались безвозвратно порвать связь с ним и его единомышленниками. Конечно, поступая так, южане могли смело рассчитывать на изъяс-

381

ние из своей партии всех ненадежных элементов и этим усилить ее внутреннее единство. Но, к несчастью, с распадением демократической партии порвалось еще одно звено, связывающее Север с Югом, и обозначился еще один лишний пункт, указывающий на неизбежность конфликта между ними. Страна, таким образом, вступила в следующий период избирательной борьбы за президентство в состоянии противоположения двух вполне отдельных друг от друга групп штатов.

Демократы на этот раз действовали уже не единодушно. Первый их избирательный съезд в Чарльстоне разошелся, не придя ни к какому соглашению. Северное крыло выставило кандидатом Дугласа, южное — Брекинриджа. Виги все-таки имели смелость выставить своего собственного кандидата; но это не имело значения распада анти-демократов: виги, при существовании республиканцев, уже как бы не принимались в расчет. Последние, верные месту возникновения своей партии, собрались в мае 1860 года на свой избирательный конгресс в один из городов Запада — в Чикаго, и там был намечен для президентской кандидатуры представитель Запада — Авраам Линкольн. Он был то, что называется «а self-made men», человек, личным трудом проложивший себе дорогу. Он приобрел известность лишь весьма незадолго перед тем, в борьбе с Дугласом за сенаторское кресло от Иллинойса. Спокойная, бесстрастная вдумчивость и полная юмора находчивость делали его одним из наиболее выдающихся политических людей молодой партии. А то, что он был, сверх того, в сильной степени «человеком из народа», заставило предпочесть его в качестве кандидата на президентство всем уже несколько износившимся парламентским деятелям из республиканцев.

Голосование дало результаты еще менее определенные, чем при избрании Бьюкэнена. 6 ноября 1860 года Линкольн получил относительное большинство голосов, обеспечивавшее ему, на основании закона, президентство, но до абсолютного большинства ему недоставало двойного числа голосов сравнительно с предшественником. Сверх

382
того — что было всего хуже — избрание Линкольна было результатом единственно подавляющего большинства голосов Севера. В южных штатах кандидатура Линкольна даже не выставлялась, а в пограничных штатах он получил едва несколько тысяч голосов. Таким образом, Линкольн был, в сущности, избранником лишь одной секции. Противная партия не замедлила воспользоваться этим обстоятельством. Немедленно за провозглашением результатов голосования Южная Каролина, как всегда стоящая во главе крайней партии, заявила о своем выходе из состава Союза. Сначала это заявление оставалось единичным, но вскоре затем была намечена в Монтгомери особая конвенция всех южных штатов с целью соглашения относительно общего плана действий для защиты интересов Юга против избранного Севером президента. Попытка Виргинии созвать конвенцию для посредничества оказалась безуспешной: эта комиссия считала своей задачей лишь выработку дальнейшего образа действий одних средних штатов с целью приостановить по возможности распадение Союза. Удержать южные штаты в составе союза было невозможно: это категорически заявляли не только они сами, но в том же были убеждены и на Севере, и старались освоиться с этой мыслью.

Бьюкэнэн в последние месяцы своего управления счел уместным занять вполне пассивное положение. Для него как демократа, по внутреннему убеждению отстаивавшего права отдельных штатов, было вполне естественным признать южными -штатами право выхода из Союза. Однако ему пришлось еще до оставления им президентского поста совершенно изменить свою политику. Февральское собрание южных штатов в Монтгомери окончилось немедленным образованием особой конфедерации, избравшей своим президентом Джефферсона Дэвиса и провозгласившей себя вполне независимым государством со всеми принадлежавшими ему правами. Бьюкэнэн лично был склонен признать Юг таким государством. Мысль о том, чтобы предоставить южным штатам мирным путем выйти из Союза, была настолько распространена в се-

383

ровосточных штатах и в среде их демократов, что на Юге вполне рассчитывали на подобный исход. Но отпадение Юга повлекло за собой выход из состава кабинета Бьюкенена некоторых из его министров, а

люди, заступившие на их места в кабинете, не только сами имели твердую решимость сохранить единство Союза, но сумели и президенту внушить убеждение в необходимости такой политики. Отсюда произошло то, что он внезапно прервал всякие переговоры с конфедерацией, во всяком случае, советникам президента удалось удержать его от каких-либо дальнейших уступок.

При таких обстоятельствах Линкольн 4 марта 1861 года принял президентство. Ему пришлось въехать в Вашингтон переодетым, вступление его в должность произошло под охраной войск, и лишь благодаря этому дело обошлось без печальных инцидентов. Вступительная речь Линкольна была составлена в совершенно консервативном духе, который республиканской партией был возведен в свою программу; тем не менее сохранение единства Союза и всех его законов стояло в ней на первом плане. Президент категорически отказался от всяких аболиционистских стремлений как несогласных ни с законом, ни с его личными взглядами; а потому тем сильнее возлагалась вся ответственность на южан в случае, если бы их образ действий имел последствием междоусобную войну. Это были не пустые слова. Статс-секретарь кабинета Линкольна по иностранным делам в самой резкой форме отказал в приеме посольству конфедерации Юга, желавшему вступить в переговоры с союзным правительством, так как оно не признавало конфедерацию Юга независимой республикой. В остальном Линкольн держался выжидательной политики, пока события не принудили его к другому образу действий.

Сецессионисты еще в правление Биркенена выступили с требованием передачи в их руки всего союзного имущества в пределах южных штатов, и в особенности фортов Чарльстона. С формальной стороны это требование было отвергнуто, но на деле его цель была достигнута.

384

Гарнизон фортов был так слаб, что их комендант майор Андерсон признавал невозможным защитить их даже от простого нападения. Так как союзное правительство не решалось послать ему подкрепления, то он отступил с гарнизоном в наиболее удобный для обороны, лежавший на острове форт Сумтер, а остальные заняли конфедераты. Первые выстрелы последовали здесь еще у января 1861 года, когда союзный фрегат попробовал подвезти Андерсону провиант, но вынужден был под огнем береговых батарей конфедератов возвратиться, не исполнив своего назначения, и предоставить Андерсону его участи. Но только 12 апреля 1861 года южиокаролинцы решились направить свои орудия против самого форта Сум-тера, который был вынужден сдаться после двухдневного обстреливания.

Южане торжествовали как крупную победу, что звездное знамя союза было наконец снято с последнего форта в их области. Но они жестоко ошиблись в расчете. Союзное правительство, пока вопрос об отпадении Юга шел лишь дипломатическим путем, вынуждено было считаться с тем фактом, что на всем пространстве Севера существовало могущественное течение, благоприятствовавшее разделению Союза, и которое, во всяком случае, не допустило бы до вооруженного противодействия этому. Но когда первая кровь было пролита Югом, на Севере поднялся такой врыв негодования, что само собой возникло требование не вкладывать меча в ножны, пока Юг не будет приведен¹ к повиновению законам Союза. Весь этот воинственный жар угас впоследствии как преходящая вспышка, но в данную минуту он открыл союзному правительству выход из ложного положения, в которое из-за решительного образа действий Юга его поставила выжидательная политика Линкольна.

До этого момента только 11 штатов примкнули к отпадению. Средние, лежавшие между Югом и Севером, штаты еще колебались, и выбор положения их, по всей вероятности, оказался бы в зависимости от исхода первых военных действий. К колеблющимся прежде всего

385

принадлежала Виргиния; ее значение для Юга было так велико, что южный конгресс сделал все возможное, чтобы привлечь ее на свою сторону. Этим преимущественно объясняется то, что Ричмонд на реке Джеймс был объявлен столицей конфедерации, хотя и лежал близко к границе Севера и был открыт для нападений неприятеля, но если во время избрания еще никому не верилось, что спор может быть решен только силой оружия, то теперь в этом уже не было никакого сомнения.

Положение Союза было в момент открытия военных действий довольно критическим. Союзная военная сила, и сама по себе незначительная, находилась в полном разложении. Статс-секретарь по военным делам, только что удалившийся от дел, намеренно частью передал в руки южан боевой материал, частью рассеял его по различным местам. Большинство офицеров оставило службу Союза и поступило в войско южан. Даже огромное численное превосходство населения Севера вначале не играло никакой роли в борьбе. Относительно характера предстоящей борьбы в свободных штатах заблуждались настолько, что ее сперва предполагали вести с помощью милиции и вербованных отрядов, и большая часть граждан, верных национальному отращиванию от всего военного, спокойно предавалась своим обыкновенным занятиям. Непосредственная опасность угрожала как столице Союза, так и самому союзному правительству. Близжайшие штаты Мэриленд и Делавэр были невольничьими и открыто симпатизировали Югу. Если бы потеря Вашингтона не имела серьезного стратегического значения, то морально было бы тем более тяжелым ударом, что в северных штатах военная партия вообще имела лишь временное преобладание. К счастью, потери Вашингтона удалось избежать; быстро созданные полки милиции Коннектикута и Нью-Йорка своевременно вступили в столицу. Когда Мэриленд начал угрожать вооруженным сопротивлением пропуску под-

386

тимору, разогнали правительство, составленное в духе отпадения, и водворили на его место преданное Союзу управление. Это был первый удар, нанесенный распадению: он предупредил присоединение обоих штатов, Мэриленда и Делавэра, к конфедерации и повел за собой отпадение от Юга западной, унионистической части Виргинии, которая уже в 1863 году была принята отдельным штатом в состав Союза.

Приблизительно так же шло дело на Западе, и конфедерация рассчитывала привлечь на свою сторону невольничьи средние штаты, Кентукки, Миссури, Канзас, и еще некоторые из штатов Запада. Расчет этот был тем более вероятен, что почти повсюду правительство находилось в руках демократически настроенного большинства. Однако расчет этот нигде не оправдался. В Кентукки твердость должностных лиц Союза воспрепятствовала какому-либо ложному шагу правительства; а Миссури, хотя его сначала и не удалось удержать на всем протяжении за Союзом, тем не менее лишен был возможности формально примкнуть к конфедерации. На дальнем Западе сами демократы были убежденными унионистами, и весь Запад, за исключением лежащих при Мексиканском заливе штатов, Луизианы, Арканзаса и Техаса, оставался верен Союзу. Здесь, наоборот, и коренилась идея государственного единства Союза. Жители Запада, большей частью поселившиеся в нем под покровительством общего союзного законодательства и сложившиеся в общины, территории и штаты! были всегда представителями великоа-мериканской политики, и вовсе не были расположены ставить в зависимость от доброй воли известного количества недовольных своим положением граждан вопрос о том, останется ли Северная Америка целостным государством с огромным будущим или же распадется на две враждебные друг другу и вытесняющие одна другую части. Уроженцы Запада, к которым принадлежал и Линкольн, являлись преимущественно носителями сознания государственного единства: с Запада началось последнее победоносное движение Союза, окончившееся совершен-

387

ным подавлением восстания, да *0*. само восстание могло быть только в том случае окончательно побеждено, когда на Востоке получила преобладающее влияние политика Запада.

Первые наступательные действия северян кончились печальной неудачей, 60-тысячная армия под начальством Мак-Доуэля выступила по направлению к неприятельской столице и сошлась с южанами 21 июля 1861 года под Булл-Реном, но потерпела позорное поражение и в паническом ужасе была отброшена к Вашингтону. Не численное, но исключительно качественное превосходство обеспечило победу Юга. Это было совершенно в порядке вещей. Наемные солдаты и милиция Севера, предводимые офицерами, которые в большинстве своем были недавно оторваны от мирных гражданских занятий, представляли плоходисциплинированную массу, предводительствование которой оказалось бы в высшей степени затруднительным даже для первоклассного военного таланта. "В войске южан социальные условия были совершенно иными: народные массы уже издавна привыкли повиноваться своей плантаторской аристократии, и эта последняя, искусная во всех родах спорта, заключавшая большое количество вполне опытных и в военном отношении образованных офицеров, сумела, в свою очередь, внушить военный дух и массам. Эти условия борьбы сохраняли свое значение в течение всего хода войны. Только ими объясняется, что сравнительно ничтожное население отделившихся штатов (число его не доходило до 5 000 000 белых против 20 000 000 белого населения Севера и Запада) могло держаться так долго и упорно. Правда, что на весы надо положить еще 4 млн невольников. Они не только не произвели никаких восстаний, но, наоборот, по крайней мере, почти без исключений, последовали призыву своих господ к оружию. Если они не участвовали в боях в качестве воинов, то совершенно освобождали сражающихся белых от тяжелой саперной и обозной службы. Отсюда исходило то, что отношение настоящей боевой силы к общей численности армии

388

было у южан всегда гораздо благоприятнее, нежели на Севере. На Востоке, на так называемом Виргинском театре войны, борьба годами имела характер прилива и отлива крупных войсковых масс на пространстве между обеими столицами, Вашингтоном и Ричмондом, отстоявшими друг от друга лишь на 25 немецких миль. Происходили многочисленные сражения, длившиеся иногда по несколько дней, в которых потери сражающихся достигали огромных размеров. Однако ни та, ни другая сторона не могли добиться какого-либо успеха. Почти всегда операции оканчивались неудачей наступающего, не доставляя защищаемому случая прийти к решительным результатам. Превосходство военного таланта было несомненно на стороне Юга: действия Джозефа Экклесто-на Джонстона и Роберта Эдуарда Ли, изумительные кавалерийские набеги Томаса Джонатана Джексона по прозвищу Каменная стрела и его конной пехоты оставляли далеко за собой все военные операции северян. Но и зги вожди не возвысились до целостного, широко задуманного и энергично выполненного плана кампании. Правда, им приходилось бороться с особенными затруднениями. Так как Юг уже в самом первом фазисе войны потерял обладание приморской полосой, то его полководцы вынуждены были ограничиваться операциями на суше. Пока эти операции происходили между Ричмондом и Вашингтоном, южане имели то преимущество, что на их стороне было население той местности. Тем не менее продовольствование крупных войсковых масс, а часто и передвижение их производились исключительно с помощью немногочисленных железнодорожных линий, так как других путей сообщения, в европейском смысле слова, почти совсем не было. Такое положение, естественно, затрудняло наступательное движение на далекое расстояние, да такое было бы почти бесцельно и с военной точки

зрения. Сам Вашингтон — как показали события первого года войны — был неприступен для южан, пока силы Союза не были потрясены в корне, а кроме этого пункта, для ричмондской армии почти не существовало

389

другого серьезного объекта наступления. Поход на торговые и промышленные города северо-востока, завоевание которых, конечно, представлялось для Юга богатой добычей, был для южан на сухом пути невозможен, так как неприятельские силы в этом случае оказались бы у них в тылу. Даже если бы удалось привести во временное подчинение Юга известную часть средних штатов или же терроризировать и разорить военными набегами ближайшие северные штаты, Пенсильванию или Западную Виргинию, то это осталось бы без особого влияния на результат борьбы. Генерал Ли повторял подобные попытки дважды, и оба раза без всякого успеха. Решительный момент наступил бы здесь лишь в том случае, если бы он сопровождался соответствующими успехами и на других театрах военных действий.

Успеху северян более всего препятствовало отсутствие хороших вождей. Правда, первые два года войны ополчение Севера в своем общем составе было в качественном отношении так незначительно, что даже хорошие генералы не могли бы с ним одержать победы. Но когда, наконец, решились ввести обязательный набор, а из полков волонтеров выработались кадры испытанных боевых дружин и офицеров, дело изменилось в этом отношении. С течением войны удалось даже создать из ополчения западных фермеров достойных соперников превосходной южной кавалерии, сначала значительно превосходившей северную. Но медлительная тактика Джоржа Бринтона Мак-Клеллана, неспособность его непосредственных преемников, даже стойкое упорство и непоколебимость Улисса Симпсона Гранта все-таки оставались далеко ниже способностей их противников. Север имел преимущество в обладании морскими сообщениями, и Мак-Клеллан однажды попытался основать на этом свой план кампании, но попытка не удалась и на Виргинском театре войны более уже не повторялась.

Кроме того, существовали, в особенности в начале войны, политические соображения, подрывавшие силы Севера. Линкольн смотрел на восставших как на заблуж-

390

давшихся соотечественников. Он не допускал борьбы с ними, как с конфедерацией, существования которой он не признавал, и целью борьбы ставил лишь подчинение тех, которые вооруженной рукой восставали против законов Союза. Однако, несмотря на такое ограничение, Линкольну не удавалось сплотить вокруг себя весь Север так прочно и крепко, как это сделала на Юге простая сила вещей. Когда итогом двух первых лет войны, в особенности на востоке и в меньших размерах на остальных военных театрах, оказались лишь поражения и жертвы без заметных результатов, партия на Севере, которая благоприятствовала мирному отпадению Юга, угрожающе подняла голову, побуждаемая к тому, конечно, эмиссарами южан. Были моменты, когда демократическая партия в восточных штатах оказалась вновь в большинстве и во многих местах взяла в свои руки управление, когда чернь Нью-Йорка восстала против позорной войны, а в конгресс было внесено предложение президенту вступить в переговоры с конфедератами относительно прекращения военных действий. Если б в это время Запад не держался твердо союзной программы республиканской партии, а существовавшие там некоторые демократически настроенные правительства не были своевременно распущены союзной центральной властью, то Линкольн по меньшей мере очутился бы в крайне затруднительном положении.

Опасность на востоке была бы еще гораздо больше, если бы война с течением времени не создала там особый класс сторонников. То обстоятельство, что при вступлении Линкольна в президентство почти все запасы снаряжения и оружия Союза оказались преданными в руки Юга, доставило последнему временный перевес. Так как Юг, в виду сравнительной малочисленности своего населения, не был, конечно, в состоянии, в особенности во время войны, быстро создать свою собственную промышленность, то положение должно было с течением времени сильно измениться к его невыгоде. Для Севера это обстоятельство создавало чрезвычайно сильную побудитель-

391

ную причину к крайнему напряжению сил: для всей промышленности северо-восточных штатов открылась возможность могущественного подъема и крайне прибыльной деятельности. Фабрики, вырабатывавшие всевозможные предметы продовольствия, военного снаряжения, оружия и одежды, оказались заваленными заказами на самых выгодных условиях. В особенности это имело значение для кораблестроения, которое и раньше занимало в северных приатлантических портах Союза тысячи рук. Те немногие фрегаты и таможенные суда, которые составляли флот Соединенных Штатов, были еще до объявления войны разосланы по гаваням Юга или в далекие чужестранные плавания, так что и в этом отношении силы Союза были до последней возможности ослаблены. Унионисты же не могли не признавать, что Юг мог быть только тогда фактически лишен подвоза новых боевых материалов, когда он был бы отрезан от моря.

В Вашингтоне хорошо понимали, какое важное значение имело для Юга свободное сообщение с морем. Юг твердо уповал на то, что европейские государства, и во главе их Англия, в случае поражения в борьбе с Севером непременно оказали бы ему помощь, так как Европа не могла обойтись без его хлопка. Фактически королем Юга был хлопок. Он составлял главное богатство крупных землевладельцев; ради него решались, даже ценой тяжелой войны, удержать невольнический труд, им рассчитывали оплатить издержки войны, и поэтому надеялись на признание, если не на помощь Европы. Последний расчет был далеко не ошибочен.

Если Наполеона III побуждала держать сторону южан лишь одна завистливая ревность к Соединенным Штатам Америки, то склонность Англии к Югу основывалась почти исключительно на промышленных расчетах. И не только временное прекращение подвоза сырья: и связанная с ним приостановка работ на фабриках, и, еще более, страх захвата североамериканской промышленностью этой отрасли производства настолько, что английская конкуренция навсегда будет устранена, внушили великобританскому

392

правительству такое отношение к конфедерация, что североамериканский посланник в Лондоне вынужден был, наконец, пригрозить Англии дипломатическим разрывом. Какой серьезной поддержкой с английской стороны пользовались морские каперные суда южан, выяснилось лишь впоследствии, во время длительных и тяжелых переговоров по так называемому вопросу об Алабаме, который лишь в 1872 году был закончен международным приговором, присудившим Англию к уплате Северной Америке значительной денежной суммы.

С достойной удивления энергией принялись североамериканцы за трудное дело создания такого флота, который удовлетворял бы их задачам: не только сотни, но тысячи судов были спущены ими с верфей за короткое время Гражданской войны. Уже в конце 1862 года чувствительно сказалась блокада южных портов. Несомненно, что во все продолжение борьбы неоднократно удавалось отдельным смелым морякам неожиданно и безнаказанно прорывать эту блокаду. Они наживали при этом большие деньги, но сравнительно незначительные грузы, доставлявшиеся этим путем, были, конечно, не в состоянии удовлетворить требованиям европейского хлопкового рынка, а с другой стороны, этих случайных под-возок было недостаточно для возобновления постепенно истощавшихся боевых средств Юга. Таким образом, действия на море косвенно в значительной степени повлияли на исход тяжелой борьбы. Решающего же значения они, несомненно, не имели.

Решение пришло с Запада. Образование конфедерации Южных Штатов привело бы вновь весь Запад Союза к тому же положению, которое существовало до уступки Луизианы. Если уже тогда возможность свободного судоходства по Миссисипи до самого его устья составляла необходимое условие благосостояния внутренних штатов континента, то тем более так было теперь, когда на месте немногих фортов и торговых фактории, между которыми бродили индейцы, — в этих штатах целое население трудолюбивых фермеров подняло тысячи квад-

393

ратных миль девственной почвы и превратило их в плодоносные поля, — создались цветущие города и деревни. Лишь немногие рельсовые пути соединяли «отца рек» с восточными провинциями, а проект железной дороги к Тихому океану не выходил еще из стадии подготовительных работ. Миссисипи, таким образом, для всего огромного района, орошаемого им с его большими притоками, представлял главную артерию внутреннего сообщения; большой паровой флот уже тогда работал в нем, производя обмен товаров между внутренними и восточными штатами. Отпадение Юга угрожало закрыть этот путь: начиная от впадения Огайо в Миссисипи до самого Мексиканского залива оба берега реки были бы во власти южан, и целый ряд укреплений предназначался ими для того, чтобы закрыть реку для всякого чужого судна. Так как Кентукки при открытии военных действий остался верен Союзу, то Огайо почти до своего впадения в Миссисипи находился в руках северян; но конфедераты зато своими¹ фортами Генри и Донельсон совершенно заперли как Кумберленд, так и Теннесси в том месте, где эти реки сходятся на расстоянии нескольких английских миль, и создали здесь укрепленный лагерь огромного стратегического значения. Первый удар унионистов должен был направиться на этот пункт.

Война вскоре приняла здесь, еще более, нежели на востоке, тот отпечаток, который отличает ее от всех войн Старого Света. Вследствие огромного практического смысла американцев и свойственной им деловитости технические искусства и науки уже в то время получили во всех частях Союза такое развитие, которое далеко оставило за собой Старый Свет. Уже в то время железные дороги и пароходы играли в сообщениях и в торговле Северной Америки такую роль, которую они лишь значительно позже получили в Европе. Между тем здесь массовое вооружение народов в случае войны оставляет промышленность без рабочих рук и сокращает ее до пределов самой безусловной необходимости, а в Америке именно за время Гражданской войны промышленность

394

овладела всеми представлявшимися ей производствами с такой энергией, которая обратила на себя внимание всего света. Гражданская война в Америке более, нежели какая-либо другая, велась при помощи технических изобретений, которые или впервые применялись в очень большом масштабе, или же прямо возникали под влиянием потребностей минуты. Железные дороги получили огромное стратегическое значение в лишенной дорог стране. Задачей борющихся сторон являлось не столько их разрушение, сколько восстановление, а также постройка вновь рельсовых путей, мостов и т. п. Впрочем, этим не ограничивались: рельсовые пути применили еще ближе к военным целям; а именно, впервые пустили в ход блиндированные поезда, перевозившие артиллерию и пехоту. Еще сильнее отразились потребности военного времени на кораблестроении. Когда Мак-Клеллан попробовал перевезти на судах северную армию к устьям реки Джемс, навстречу северным судам вышло судно совершенно неизвестного типа. Южане срезали доставшийся им фрегат союзного флота почти до самой ватерлинии, затем покрыли его непроницаемой для

тогдашних снарядов броней и снабдили это морское чудовище спереди сильным тараном как главным орудием нападения. Это был «Мерримак» — боевое судно Юга, жертвой которого сделалось не одно из судов северян, пока они не выставили ему равносильного соперника. Таковым оказался построенный по проекту шведа Дальгрена «Монитор», представлявший собой также невысокое панцирное судно, вооруженное в середине вращающейся башней с двумя орудиями самого большого калибра. С этого времени началось в морском военном деле соперничество между броней и артиллерией, которое с тех пор росло все более и более, и лишь в последние годы, благодаря новым взрывчатым веществам, по-видимому, окончательно разрешилось в пользу последней.

Техника нашла себе применение и в войне на Западе. Унионисты построили речную флотилию панцирных канонерок с тяжелой артиллерией, представлявшую не

395

только достаточный опорный пункт для сухопутных войск, но вместе с тем и плавучий осадный парк для неприятельских фортов. Действия этой речной флотилии много способствовали успеху западной армии на Миссисипи. Одна из армий Севера, вытеснив южан из Теннесси, спустилась на Миссисипи, тогда как, с другой стороны, отряд, посланный с востока морем, явился к устьям великой реки. Следствием этого маневра было взятие северянами Нового Орлеана еще в начале 1862 года. Вторая половина этого года и начало 1863 года были наиболее тяжелым временем для Союза. На Востоке конфедераты перешли в наступление, на среднем театре войны они прорвались через завоеванную в кампанию предыдущего года линию Теннесси далеко на север и угрожали оставшимся верными Союзу городам до Чикаго и Цинциннати, наконец, на самом Миссисипи южане в течение нескольких месяцев задерживали союзную армию под стенами твердыни Вicksburg на левом берегу реки. Победа и здесь досталась только при _помощи техники. Придумывались самые сложные и остроумные приспособления, чтобы провести в целомтРечную флотилию под огнем неприятельских батарей, и в конце концов обошли непобедимую крепость вновь прорытым каналом.

По счастливому совпадению, Вicksburg пал в тот самый день (4 июля 1863 г.), когда армия Ли вынуждена была отступить от Геттисбурга к Ричмонду. Но решительное значение имела победа Запада: она освободила Миссисипи до самого устья и отделила этим Юго-Запад от конфедерации. Блокада вдоль реки была столь же недостаточна, как и на море; но и она оказала свое действие, понизив до крайне малых размеров значительный до тех пор подвоз хлеба с Запада. На северо-востоке оценили значение этой победы и поставили Гранта, победителя при Вicksburg, во главе союзного войска.

К счастью для Севера, у Гранта оказался достойный преемник в лице Уильяма Текумса Шермана, также уроженца Запада. Он вел кампанию на среднем театре войны и в сентябре 1864 года победоносно вступил в город Ат-

396

ланту в северо-западном углу штата Джорджии, Здесь его осенила гениальная мысль — пройти неприятельскую страну насквозь в направлении к Атлантическому побережью. Таким образом, если бы это удалось, область владычества Юга вновь сокращалась бы в значительной степени. Если здесь и не представлялось, как на Миссисипи, стратегической линии, которую можно было удержать на продолжительное время, то все-таки поход большой неприятельской армии поперек всей Джорджии, от западной границы до самого моря, по крайней мере, надолго прервал бы связь между восточными и южными частями конфедерации. Вместе с тем борьба переносилась бы в самое сердце восставшей страны, в Южную Каролину, до сих пор не затронутую бедствиями войны. Когда Шерман в декабре 1864 года вступил в Саванну и установил морское сообщение с Вашингтонской армией, борьба вступила в свой последний фазис. Грант с севера и Шерман с юга одновременно начали наступать на местопребывание правительства конфедерации и все более и более ставили его в положение осажденного. 9 апреля 1865 года в Ричмонде пальмовое знамя конфедерации было спущено перед Грантом, и несколько дней спустя (26 апреля) стоявшая против Шермана южная армия конфедерации под начальством Джонстона прекратила бесполезное сопротивление.

Север спас, таким образом, единство Союза, но что же случилось с остальными частями его программы? Линкольн вначале твердо держался воззрения, что Союз не вел войну с конфедерацией, но лишь подавлял возмущение в своей собственной области, что нисколько не затрагивало права южных штатов и лиц. Он настойчиво повторял это заявление представителям средних штатов, оставшихся верными Союзу, когда с их стороны высказывались опасения относительно сохранения невольничества. Однако сам ход войны вынудил его совершенно изменить свое отношение к вопросу о невольничестве. Это прежде всего сказалось тем, что на самом театре войны военачальники Союза гарантировали свободу тем не-

397

грам, которые пожелали бы вступить в ряды союзных войск. Линкольн сначала решительно не одобрял такой образ действий. Но когда южане объявили конфискацию всякой собственности, принадлежавшей в пределах конфедерации гражданам Союза, Линкольн не мог не прибегнуть к соответственно репрессивной мере: так как невольники составляли наиболее ценное имущество конфедератов, то они, конечно, всего охотнее подвергались конфискации и этим путем получали свободу. Все это были предвестники первых решительных шагов в рабовладельческом вопросе. Чем дольше длилась война, тем более выступали наружу огромные выгоды, которые южане извлекали из своего рабовладения для ведения войны. До тех пор не было

слышно, чтобы рабы возмущались против своих господ или противились вступле-¹ нию в военную службу. И действительно, у невольников не было к тому никакой побудительной причины, пока союзное правительство само провозглашало сохранение всех, касавшихся невольничества, законов как всего Союза, так и отдельных штатов. Перемена в этом отношении могла наступить лишь в том случае, если бы Союз обещал известную награду за отпадение от своих господ. Такой наградой должна была быть свобода. Поэтому Линкольн в качестве верховного распорядителя военными действиями Союза 22 сентября 1862 года издал декларацию, в которой говорилось, что с 1 января 1863 года все рабы в области возмущения должны считаться свободными перед законами Союза.

С этого времени исчезновение негров из рядов южан приняло большие размеры, и число их быстро возросло в северных армиях. При таких обстоятельствах требование уничтожения рабства было неизбежным. В конгрессе Линкольн все еще искал компромисса, предлагал заинтересованным штатам денежное вознаграждение, хлопотал о содействии к выселению освобожденных рабов в Либерию в обширном размере. Однако эти предложения не были приняты, а между тем наступил новый период президентских выборов. Хотя как рабовладельцы, так и

398

демократы из различных побуждений противились вторичному избранию Линкольна, оно тем не менее состоялось в конце 1864 года подавляющим большинством голосов. А так как за это время в округе Колумбии невольничество было отменено законом, а в Мэриленде уничтожено добровольно, то правительство, наконец, внесло в конгресс так называемое 13-е дополнение к сот южной конституции, которое, в силу основного закона, не знающего слова «рабство», отменило его во всей области Союза. Через несколько месяцев после принятия конгрессом этого дополнения (31 января 1865 г.) последовало полное подчинение Юга. Победа республиканцев превзошла самые смелые ожидания и омрачилась лишь тем, что одновременно с ней пал жертвой подлого убийства тот человек, который все время служил им разумным, бесстрастным, но безусловно надежным вождем: Линкольн был убит 14 апреля 1865 года, в конце торжества своего дела.

Смерть Линкольна была крупным несчастьем для всего Союза. Республиканская партия находилась в несомненном кризисе. Та программа, с которой в 1860 году Линкольн принял бразды правления, была в течение нескольких лет войны не только дополнена в самом существенном, но ход событий обогнал ее во многом. В решительный момент, когда в объятия партии после беспрецедентной победы устремились все не совсем чистые элементы, которые всегда примыкают к победителю, когда дело доходит до дележа добычи, партия оказалась не имеющей ни определенной программы, которая ставила бы ей высшие цели, ни вождя, обладающего достаточным авторитетом, чтобы не дать уклониться от прямого пути.

От высшей справедливости и тонкого чувства меры, которыми обладал Линкольн, можно было с уверенностью ожидать, что он проведет восстановление Союза, которое преимущественно должно было заключаться в новом устройстве южных штатов, до конца в том же духе, каким отличалась его политика во время всей войны. Но человек, который после смерти Линкольна стал у корми-

ла правления, прежний вице-президент Эндрю Джонсон, далеко не стоял так высоко над воззрениями своей партии, как его предшественник, и не пользовался над ней властью, необходимой, чтобы держать в узде ее бурные радикальные элементы. В республиканской партии получила господство та ее часть, которая, оставляя в стороне все идеальные воззрения, стремилась лишь к тому, чтобы примерным образом отомстить Югу за пять лет междоусобной войны и лишить его всякой возможности играть вновь какую-либо роль во внутренней политической жизни. Джонсон лично вовсе не принадлежал к крайним представителям этих стремлений, но он совершенно не отдавал себе отчета в угрожавшей Союзу с этой стороны опасности и упустил благоприятную минуту избавиться от нее. Впоследствии он мужественно выступил против нее и до конца своего президентства вел тяжелую борьбу, из которой, однако, не мог выйти победителем.

Джонсон, как и республиканцы-радикалы, не считал возможным немедленно возвратит мятежным штатам место в Союзе, и дарованная им амнистия исключала из нее столь многих, что на радикалов она подействовала возбуждающим образом. Но Джонсон этот закон об амнистии применял на деле так разумно и так настойчиво старался восстановить на Юге правильный порядок, что, немедленно вслед за открытием конгресса, между президентом и радикальным большинством завязалась борьба. Джонсон ставил допущение южных штатов в состав Союза на прежних правах лишь в зависимость от принятия ими закона об уничтожении невольничества, соответствующего участия в долгах Союза и признания недействительными займов, сделанных конфедерацией. На этих основаниях некоторые из южных штатов были реорганизованы и даже выслали своих представителей в Вашингтон. Но конгресс кассировал полномочие этих представителей и открыл против умеренной политики президента ожесточенную борьбу, окончившуюся тем, что возвращение южных штатов в состав Союза было обусловлено требованием предоставить неграм совер-

400

шейную равноправность с белыми. Джонсон напрасно наложил свое veto на это неразумное постановление. Он добился лишь того, что сам был предан суду сената как верховного судилища, которое, впрочем, в конце концов оправдало его. Что касается указанного выше условия, то оно было навязано последовательно всем южным штатам, чем была закреплена полная победа радикальной партии. Конгресс в своем образе действий вовсе не руководствовался идеальным одушевлением за равенство всех

людей. Произведенные на основании организационного плана Джонсона выборы в южных штатах ясно показали, что, несмотря на все военные и экономические поражения, политическое значение Юга и демократической партии не только не угасли, но быстро получили с водворением спокойствия и правильного порядка свою прежнюю, нормальную силу в государственной жизни Союза. Это угрожало в будущем полным поражением развратившимся в политическом отношении республиканцам, и было именно поводом, побуждавшим последних отнять политические права у Юга и поставить его под опеку. Голодные и жадные политики по призыву толпами устремились на Юг. С помощью всяких демагогических ухищрений им удалось завладеть голосами невежественных негров, и в короткое время политическая и правительственная власть на Юге оказалась в руках подонков республиканской партии, хозяйничавших во всех отраслях управления и общественной жизни и с такой удивительной бессовестностью распоряжавшихся общественными и союзными имуществами, что банкротство всех южных штатов вскоре стало совершившимся фактом.

Джонсон уже не был президентом, когда одержало победу это движение, получившее кличку *Carpet beggar**ОВ, но радикалы ухитрились на его место поставить человека совершенно по своему вкусу. В истории Союза было замечено, что партии, выставившие кандидатуру победоносных генералов, ни разу не терпели по-

401

ражения, а заслуги Гранта при окончании междоусобной войны были, несомненно, очевиднее, чем заслуги всех предшествовавших военных кандидатов. Но как человек государственный, в особенности как администратор, Грант, был, конечно, не менее неспособен, чем Джонсон и другие его предшественники. В 1869 году Улисс Симпсон Грант вступил в должность президента в качестве открытого ставленника той партии, которая желала прежде всего пожать плоды победы над Югом, и допустил не только в южных штатах, но и в управлении всего Союза такое бесстыдное хищничество, что скандальные процессы касались даже лиц, непосредственно окружавших президента. Республиканская партия теперь руководствовалась принципом, что государство существует только для обогащения господствующей партии. Была введена покровительственная система высоких таможенных пошлин, имевшая, по-видимому, целью лишь удовлетворение значительно усилившихся за время войны финансовых потребностей государства, но на деле служившая тому, чтобы открыть различным коммерческим синдикатам и обществам возможность самых необузданных спекуляций, в которых депутаты и государственные чиновники открыто и бесстыдно обогащались.

Все эти злоупотребления уже в первое президентство Гранта достигли таких размеров, что вызвали во многих местах живое неудовольствие; однако внутренняя связь республиканской партии была еще настолько сильна, что при помощи совершенно беспринципных единомышленников, управлявших южными штатами, в 1872 году вторичное избрание Гранта состоялось без всяких усилий. Но в течение этого второго президентства Гранта (1873— 1877 гг.) республиканская партия распалась. В ней составилась, преимущественно из числа американских немцев, которые и раньше играли большую роль при самом образовании партии, особая фракция так называемых либеральных республиканцев, требовавшая прежде всего честного управления. Влияние ее не было достаточно сильно, чтобы предложить собственного кандидата с ка-

402

Республиканская партия окончательно утратила свое влияние и власть над умами. Демократы выступили с программой чисто финансовой таможенной политики» честного и бескорыстного управления финансами и полного устранения партийности при назначении административных лиц и впервые после Гражданской войны добились в 1884 году большинства в пользу своего кандидата в президенты Гррвера Кливленда. Таким образом, между партиями восстановилось прежнее устойчивое равновесие.

С 1884 года демократические и республиканские президенты довольно правильно сменяли друг друга. Такое восстановившееся равновесие партий много способствовало тому, чтобы сделать невозможным повторение явлений, происходивших в течение президентства Гранта, Союз вступил в новую фазу своего развития. Усиление центральной власти, последовавшее за поражением во время Гражданской войны приверженцев прав отдельных штатов, не осталось без влияния на весь дух американской политики. Внимание правительства все еще устремляется главным образом на внутренние дела Союза, и они являются настолько крупными и своеобразными, что вполне оправдывают такое внимание. Во многих отношениях преувеличенное покровительство республиканской таможенной политике повлекло за собой такое развитие североамериканской промышленности, которое ставит Соединенные Штаты в этом отношении едва ли не во главе всех наций в мире. Ни в одной стране так быстро и в таком обширном масштабе не применяются все новейшие технические изобретения и усовершенствования, как в Америке. Пар и электричество господствуют не только в собственно фабрично-заводской промышленности, но применяются и к земледелию. Почти неистошимые естественные богатства страны разрабатываются с железной энергией, и нигде борьба за существование не обострилась так сильно, как в Соединенных Штатах. Духовные стороны человеческой природы при этом, разумеется, сильно страдают.

Несмотря на страсть к роскоши и блеску, порожденную почти сказочными богат-

404

ствами американской «денежной аристократии», изящные искусства не нашли для себя истинной почвы в Союзе, развитие науки, ради которой делаются с какой-то не совсем симпатичной хвастливостью огромные затраты, не достигло того же уровня, как в Старом Свете, за исключением тех ее отраслей, которые служат преимущественно практическим целям. Воспитание мужской половины юношества, направленное в сторону, способствующую

приобретению заработка, понижает общее его развитие. Это отразилось в значительной степени в социальных отношениях.

Североамериканцы унаследовали от своих предков англичан особое положение, предоставляемое женскому полу, но социальные условия Америки придали этому положению своеобразное развитие. Американская женщина в материальном отношении более независима, чем где-либо, но именно поэтому ей более, нежели женщинам других стран, недоставало поля деятельности. Оставаясь в стороне от борьбы за существование и добывание средств, американская женщина могла сделать для своего образования более, чем мужская молодежь страны: отсюда возникло замечательное явление, что вообще женщина в Америке стоит умственно выше мужчин. При таком положении женщина не могла долго и прочно ограничиться в своей деятельности теми предметами, которые оставались мужчинами в пренебрежении, т. е. литературой, искусством и наукой. Естественно, женщина, сознавая себя равносильной мужчине, если не стоящей выше его, стала стремиться получить участие в трудах и правах мужчин. Таким образом, в американском обществе и в жизни эмансипированное женское движение обнаружилось раньше, нежели где-либо.

Но американская женщина не остановилась на этом. Чем более она фактически выступала равноправной сотрудницей мужчины, тем более она стремилась к равному с ним положению в новых и новых областях. Социальные условия, все сильнее и сильнее выдвигавшие на первый план материальную сторону жизни, повели к ог-

раничению браков или, скорее, к установлению такой формы брака, в которой женщина не столько становилась хранительницей домашнего очага, сколько сотрудницей мужа: таким образом, ей открывалось само собой множество профессий. Вследствие ее большого образования она получала возможность занимать те или иные должности, сначала общинные, а затем и государственные. Так возник особый класс живущих своим заработком женщин, которые, не без основания, заявляли требование, чтобы их голос принимался во внимание в общественных делах, как и голос мужчин. Своеобразие американской конституции, предоставляющей право избрания вполне на волю отдельных штатов, значительно облегчила женщинам достижение успеха в этом отношении. Уже в 1886 году в штате Вермонте они получили активные избирательные права, и пример этот с тех пор встретил самое широкое подражание. В настоящее время женщины пользуются почти во всех штатах Союза политической равноправностью с мужчинами по всем вопросам жизни штатов. Однако ожидание, что это будет иметь последствием изменение политической жизни, подтвердилось в Америке так же мало, как и в Австралии, и вряд ли можно сомневаться, что и в Америке эмансипированное движение постепенно пойдет на убыль. Оно будет иметь то благотворное действие, что сделает более полным уравнивание прав полов между собой, более подготовленное образованием в Америке, чем в большинстве других стран; но американские общественные условия вряд ли изменят тот факт, что женщина вступлением во все области экономического заработка скорее может проиграть, чем выиграть.

Достигнут ли когда-нибудь Соединенные Штаты полного оздоровления своих экономических отношений — трудно предвидеть. Опасность социализма, доставляющая так много работы правительствам Старого Света, не оказывалась такой же в Америке. Ей противодействовали сглаживание всех основных сословных границ, республиканское равенство всех граждан и не уничтоженная до

последнего времени возможность путем умености и энергии подняться в самое короткое время из самых скромных условий в ряды всемогущих денежных тузов. Но возможность эта естественно уменьшается с увеличением плотности населения. Хотя по отношению к пространственному расширению в Соединенных Штатах еще не может быть и речи о перенаселении, но они давно уже вышли из того состояния, когда в каждой паре сильных рук видели желанный прирост национального богатства. В Союзе есть теперь свой безработный пролетариат, как во всяком другом государстве.

Отражение этих условий на вопросе об иммиграции обнаружилось уже давно. За периодом от 1830 до 1880 года, когда Америка всеми силами способствовала приливу иноземных переселенцев и особенно благоприятно относилась ко многим миллионам переселившихся в нее немцев, наступил другой период, когда эта страна начала замыкаться от посторонних элементов. Прежде всего это движение совершенно справедливо обратилось против китайцев. Негры и индейцы в соединенных Штатах составляют уже два чуждых элемента населения, переработка и поглощение которых ставили государству трудные и дорого стоившие задачи. Поэтому оно обоснованно не хотело обременять себя другим, совершенно чуждым по своей своеобразности и не поддающимся ассимиляции посторонним гелом. Но Союз начинает замыкаться, от европейской иммиграции. Понятным образом; он не прибегает для этого к способу know nothings, затруднявшему приобретение гражданских прав. В настоящее время, когда социальные условия уже не таковы, что одной физической силы может быть достаточно для обеспечений существования, он прежде всего ограждает себя от таких людей, которые по их физическому и умственному складу позволяют предположить, что они могут служить не на пользу стране, а скорее будут ей в тягость.

В Соединенных Штатах еще более, чем в других республиках, республиканское равенство всех граждан пред-

ставляет несбывшуюся мечту. Сипа денег и роковое влияние их на государственную власть, несмотря на все стремления к реформам, все еще представляют одну из самых серьезных опасностей для республики. Ни в одной стране капитал не обладает таким могуществом, как в Соединенных Штатах. Его трестам и домогательствам не

один раз удавалось создавать монополию не только для Нового Света, но угрожать ею и Старому Свету. Ни таможенная, ни финансовая политика Союза не свободны от упрека в злоупотреблениях ради деловых целей больших торговых синдикатов. Как симптом, наводящий на размышление, можно указать способ, каким Америка в интересах небольшого числа богатых владельцев серебряных рудников давно уже противится признанию изменившихся ценностей благородных металлов и вытекающей отсюда необходимости золотой валюты. Однако этой стране нельзя отказать в могучей способности развития громадных естественных богатств. Усиливающееся сознание ее повело к тому, что соединенные Штаты в конце XIX века начали придерживаться совершенно иной иностранной политики. Может показаться, что политика, какой следовал Монроэ в 1825 году, и теперь еще руководит американскими государственными людьми. Но дух, придаваемый декларациям Монроэ, совершенно иной, чем тот, какой был во время их появления. Монроэ высказал тогда, что Соединенные Штаты должны были принять для себя основным положением невмешательство в дела других наций. Поэтому он отклонил поддержку провинций Южной Америки, когда они восстали против Испании; по той же причине он воспротивился посылке депутатов на панамериканский конгресс, созданный Боливаром в Панаме. Заявление, что вмешательство европейской державы с целью восстановления испанского владычества в Средней и Южной Америке будет принято за враждебное действие против Соединенных Штатов, было обращено в связи с английской политикой преимущественно против Священного союза, который, при поддержке России, хотел вступить за

408
Фердинанда VН. Союз не один раз относился к попыткам испанцев вновь завоевать свои колонии только как к внутренним делам провинций, которых это касалось.

Проявление доктрины Монроэ в дипломатической сфере обнаружилось, когда предпринято было прорытие Панамского канала. Североамериканцы давно уже старались подчинить своему контролю экономические условия перешейка и были возмущены тем, что это предприятие готовилось осуществиться без их содействия. Впрочем, они, вероятно, были лучше осведомлены о его шансах, чем Европа, обманутая биржевыми отчетами. Во всяком случае, они занимались без перерыва планом канала через Никарагуа; но обе линии не могли развиваться, конкурируя между собой. В настоящее время только последний проект имеет шансы на осуществление, в особенности потому, что союзное правительство готово ассигновать на него значительные средства. Соединенные Штаты пытались и другим путем утвердиться в южных соседних провинциях. Когда Юкатан в 1848 году был еще раз отторгнут от Мексиканской республики, но сам не мог справиться с постоянно возмущавшимися индейцами, он обратился за помощью к Соединенным Штатам и предложил за это признать их верховную власть. Но предложение его было отвергнуто. В середине пятидесятых годов обсуждался план присоединения Никарагуа. Интересы североамериканских торговых обществ неоднократно вызвали там оживленные дипломатические переговоры; в конце концов искатель приключений из Теннесси Уильям Уокер попал в тамошние президенты. На него косо смотрели все местные уроженцы, и ему приходилось искать поддержки в своем отечестве; действительно, соотечественники его с запада неоднократно поддерживали в нем надежду, что его приключения окончатся принятием Никарагуа в Союз. Но и тогда цель не была достигнута. Расширение союзной области было в третий раз заявлено Грантом в 1870 году. В республике Санто-Доминго, в восточной части острова, большая партия, в руках которой находилась прези-

409
дентская власть, добивалась присоединения к Соединенным Штатам. Уже в 1866 году депутации направлялись в ту и другую сторону, но договор о присоединении состоялся лишь тогда, когда Грант принял живой интерес в этом деле. Но между тем как народное голосование в Санто-Доминго дало обеспеченное большинство в пользу его, в Соединенных Штатах народное представительство держалось уклончивого положения; три раза Грант представлял план конгрессу и три раза должен был брать его назад в связи обнаруживавшимся сопротивлением.

Все эти неудачи имели одну общую причину. В Соединенных Штатах весьма распространено было воззрение, что область Союза достигла того расширения, какое нужно государству для его развития, что приобретение областей, лежащих уже вне его замкнутых границ, мог-ло быть только опасно для Союза. Дальше этих взглядов первоначальной доктрины Монроэ Соединенные Штаты пошли в последнем десятилетии XIX века лишь благодаря своему экономическому развитию. Необычайный подъем промышленности привел к тому, что Союз не только вполне удовлетворял своим собственным потребностям, но производил гораздо более того и должен был искать чужеземных рынков. Взоры его при этом обращались прежде всего на другие государства Америки, которые при своем меньшем экономическом развитии все еще зависели в промышленном отношении от Европы. При этой комбинации было выработано новое, существенно дополненное издание доктрины Монроэ. Как некогда на политическом, так теперь на экономическом поприще желательно было вытеснить европейские державы с Американского материка и сохранить «Америку для американцев».

С этой целью Соединенные Штаты стремились создать более тесное сближение всех американских республик. Столетний юбилей независимости (4 июля 1876 г.) впервые возродил идею панамериканского союза, а 400-летний юбилей открытия (12 октября 1892 г.) способствовал ее дальнейшему развитию. На всемирной выставке в

410

Чикаго (1893 г.) многочисленные нити были скреплены между собой, и в виде Bureau of American Republics было создано панамериканское учреждение.

Однако плодами его нельзя было воспользоваться непосредственно сообразно требованиям рабочего рынка. Для Соединенных Штатов так же, как и для стран Старого Света, оказывалась настоятельно необходимой

политика покровительства национального труда. Охранительные пошлины существовали в Союзе уже давно. Но до тех пор они служили отчасти средством держать в порядке финансовое хозяйство всего государства, отчасти располагать постоянно возрастающей промышленностью. Только тарифы 1890 года, связанные с именем Мак-Кинлея, обозначают поворот в таможенной политике Союза; они должны были устранить иноместную конкуренцию и придать собственной промышленности возможность конкурировать на иностранных рынках. Это было оценено большинством граждан Союза: на выборах 1896 года Уильям Мак-Кинлей избран в президенты на 1897—1901 годы.

Но уже первый год этого президентства показал, что поворот в политике Союза не ограничивается экономической областью. Повторявшиеся восстания против испанского владычества на Кубе постоянно поддерживали в американцах стремление приобрести этот остров, ценный по своему географическому положению. Их отношение к восставшим всегда держалось у границ допускаяемых международным правом. Испания в остатках своих некогда богатых колониальных владений терпела бесстыдно дурное управление. Самые справедливые требования колоний частью оставались без внимания, частью успокаивались пустыми обещаниями; испанское правительство позволяло губернаторам обогащаться с помощью вымогательств, и государство извлекало лишь незначительные выгоды от своих колоний. Восстание на Кубе произошло уже в 1868 году, и испанцам стоило много крови и денег, прежде чем им, после десятилетней борьбы, удалось привести остров к повиновению обещанием реформ.

411

Когда эти последние остались невыполненными, произошло новое возмущение в 1896 году. В то время в дело вмешались Соединенные Штаты. Ни для кого уже не было тайной, что восставшие постоянно получали отсюда деньги и оружие. Испания, сознавая свою слабость, ограничилась одними дипломатическими протестами. Это придавало больше смелости американскому правительству. Прежде всего, оно потребовало в «интересах человечности» прекращения военного положения на Кубе. Под этим давлением Испания должна была решиться предоставить острову самоуправление. Но это не удовлетворило ни возмущившихся, ни американцев. Последние ставили в самой резкой форме все новые и новые требования и, наконец, воспользовались замедлением в ответе на них, чтобы 28 апреля 1898 года объявить войну Испании. Если Соединенные Штаты не имели ни сухопутного войска, ни военного флота, которые могли бы равняться тому и другому в Испании, то они превосходили эту страну в сто раз средствами создать себе армию и флот. Кроме того, естественный театр войны лежал у их дверей. Дурное управление испанцев простиралось столь же на их родину, сколь на их колонии; оно оказывалось совершенно не в силах доставлять своевременно нужные подкрепления на театр войны. Когда испанские корабли приняли, наконец, участие в войне, они, вследствие несовершенства своего снаряжения, потерпели поражение от американских кораблей, которые лишь несколько недель тому назад были превращены в военные суда, но зато были снабжены всеми новыми средствами борьбы. После уничтожения испанского флота перед Сантьяго островное население не только Кубы, но и Пуэрто-Рико перешло на сторону американцев. Испания вынуждена была купить мир на тяжелых условиях: она должна была признать независимость Кубы, которая могла быть лишь переходом к полному присоединению к Соединенным Штатам, и непосредственно уступить им Пуэрто-Рико.

Но и этим внезапно пробудившаяся в Союзе жажда новых земель не была удовлетворена. Уже многие годы

412
обращал он свое внимание на самый дальний запад, в развитии которого, вследствие взаимного положения берегов по обеим сторонам Тихого океана, он обнаруживал более интереса, чем страны Старого Света. В 1877 году Союз должен был отказаться от Самоа в связи с почти общей коалиции европейских колониальных держав. Но форма, в какой в 1897 году он сумел осуществить присоединение Гавайев, доказывает, что он упорно преследует цель прочно укрепиться в Тихом океане. И здесь испанская война оказала пользу стремлениям союзной политики. При заключении мира 10 декабря 1898 года Америка выторговала у испанцев и Филиппинские острова.

Как отразятся эти поразительные перемены на будущем Соединенных Штатов, теперь предвидеть еще нельзя. Приобретения служат ярким выражением потребности к расширению их экономической территории. В переворотах, к каким привела Китайско-японская война в 1894 году в Восточной Азии, Америка впервые должна вступить в открытую конкуренцию с европейскими странами, ведущими вывозную торговлю. Благодаря событиям испанской войны, это происходит для нее при крайне благоприятных условиях. Но колонии подготавливают Союзу еще многие затруднения; в пределах нынешней конституции, которая почти не дает возможности принять меры к созданию учреждений для охраны колоний извне и для их внутреннего спокойствия, для них вовсе не оказывается места. Могут ли быть созданы все эти изменения без потрясения старого здания — покажет будущее. Во всяком случае, Соединенные Штаты в 1898 году совершенно порвали с принципами своего прошлого. Они не только выступают в качестве нового члена мировой политики, но и сами для себя представляют нечто новое.

Оглавление

Открытие и завоевание Америки.....	3
Христофор Колумб.....	3
Морской путь в Индию.....	3
Юность Колумба.....	5

Паоло Тосканелли.....	8
План путешествия.....	13
Открытие Америки.....	16
Дальнейшая судьба Колумба.....	20
Путешествия с целью открытий в первые два десятилетия XVI века.....	28
Завоевание Мексики.....	37
Завоевание Перу.....	56
Последствия эпохи открытий.....	74
Испанские колониальные владения.....	79
Casa de contratacion.....	79
Вопрос о туземцах.....	86
Миссия.....	97
Испанская торговая политика.....	114
Рабство негров.....	125
Историческое развитие испанских колониальных владений.....	130
Английские колониальные владения	144
Исследование северного материка.....	144
Французские попытки Колонизации.....	154
Англичане в Северной Америке.....	167
Первые шаги английского колониального владычества.....	167
Общество «Виргиния».....	168
Общество «Плимут».....	181
Голландцы.....	185
Уильям Пени.....	187
Мэриленд.....	190
Возникновение чувства солидарности.....	191
Борьба с французскими колонистами.....	192
Войны Севера за независимость.....	205
Очерк событий, предшествовавших освобождению.....	205
Борьба за отделение от метрополии.....	221
Переговоры и заключение мира с Англией.....	242
Конституция.....	247
Эпоха великих виргинцев.....	258
Войны Юга за независимость.....	272
История независимого Юга до XX века.....	317
Средняя Америка и Бразилия.....	331
Мексика.....	331
Малые республики Центральной Америки.....	338
Бразилия.....	339
Северная Америка до XX века.....	342

Научно-популярное издание

Геблер Конрад

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА Америка после открытия Колумба

, Главный редактор *Н.Л. Водковская*

Редактор *А.А. Саюшкова* Технический редактор/лф. *Буздаева*

Корректор *М.В. Чебыкина*

Компьютерная верстка; *Н.С. Сыдеьяникова, Ю.А. Федорова* Компьютерная графика: *А.В. Аракчеев*

ЛР ИД № 03073 от 23.10.2000 г.

- ООО «Издательство «Полигон»,

194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 38/40.

Тел.: 320-74-24; тел./факс: 320-74-23. E-mail: polygOD@rol.ru

Издание осуществлено при техническом содействии ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздт».

109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

Книга представляет собой обзор истории Америки с открытия ее Колумбом до начала XX века. Методология автора строится на базисе антропогеографии и этнографии, что представляет особенный интерес.

Издание предназначено студентам гуманитарных факультетов и всем интересующимся историей Америки.

СГ "Новый Книжный"

История человечества Америка по
тккрытия Колумба (МКМ)

9 785891 732278

код 1894497
ном 145764
ТБК 711

ЦЕНА 51.00